

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

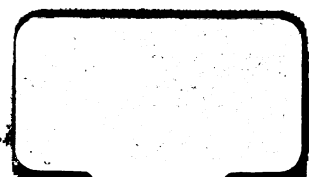
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07854612 8

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Man kann, was man will —
Man will, was man kann. . . .

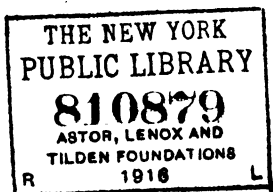
Оксенштернъ.

ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

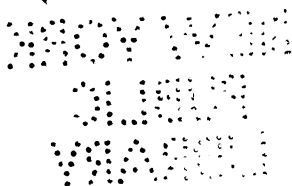
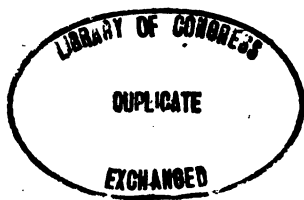
МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1 8 2 7.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по опечатаніи, до выпуска въ продажу, предшавлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министертва Просвщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Марта 7 го дня, 1827 года. *Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.*

МОСКОВСКІЙ
ТЕЛЕГРАФЪ.

ЧАСТЬ XIV.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

- I. НАУКИ И ИСКУСТВА.
II. КРИТИКА.
III. БИБЛИОГРАФІЯ.
IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.
-

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Прогулка за Днѣпромъ.

(Окончаніе.)

Разспавшись съ Кременцомъ, въ такихъ чувстввахъ, какъ будто покидалъ кругъ людей давно мнѣ знакомыхъ, я направилъ путь свой къ Почаеву.

Въ двухъ миляхъ ошъ Кременца и въ такомъ-же разспояніи ошъ пограничной таможни Радзивиловской, лежишъ сей монастырь знаменитый. Начало онаго скрывается въ опдаленностяхъ Русскаго христіанства; думаютъ однако-же, что находившаяся здѣсь церковь Успенія Богородицы и монастырь при оной, сооружены въ XIII вѣкѣ. Мнѣніе сіе основываютъ на томъ, что писанная въ 1662 году рукопись о монастырѣ Почаевскомъ относитъ явленіе чудотворной споны Богородицы за 400 лѣтъ до своего времени; но еще прежде того, прибавляютъ, были на семь мѣстѣ зашворники. Подробности сего яв-

ленія и цѣлую исторію сего мѣста, исполненнаго свѣтлости, можно найдти въ Польской книгѣ : *Przeslawna Góra Poczajowska, w Poczajowie*, 1807. in 4, въ книгѣ, которую святое першвіе побудило насъ прочесть отъ начала до самаго конца. Имя Почаева че имѣеть-ли какого сродства съ рѣчкою Почайною, подъ Кіевомъ? Какъ-бы то ни было, а тамъ, гдѣ нынѣ мѣстечко Почаевъ, была некогда деревня того-же имени; отъ самаго мѣстечка идетъ гора, едва-ли не повелѣвающая всею окрестностію; а на вершинѣ ея стоить монастырь. О явленіи Пречистой Богородицы, когда, въ видѣ свѣтла огненнаго, предстала она на горѣ предъ молящимся чернецомъ (чему и крестьянинъ Янъ Босый, пасшій овецъ недалеко отъ деревни, былъ свидѣлемъ); ссылаются на Русскую книгу подъ названіемъ: *Новое Небо*, изданную въ 1665 году во Львовѣ, Архимандритомъ Галуповскимъ (*). Съ тѣхъ поръ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ остановилась Матерь Божія, бѣлѣтъ чистый ключъ, вошедшій нынѣ во внутренность церкви. Другая рѣдкость сего монастыря есть чудотворный образъ Божіей Матери, подаренный Греческимъ Митрополитомъ Неофитомъ, который въ 1559 году провзжалъ по Волини. Подписи на сей иконѣ Русскія. Въ 1597

(*) Оп. Росс. Библиограф. Т. I, No 698, въ книгѣ : *Небо Новое*, ссылаются на стр. 99, подъ чудомъ 20-мъ.

году владѣлица здѣшняя Анна Гойская записала маешности Почаеву. Въ послѣдствіи времени наследники ея, принявшіе Лютеранскую вѣру, хотѣли-было отнять сіе даваніе, но стараніемъ Іова Желѣзы, Игумена, оно оспалось за монастыремъ. Гробъ сего Игумена, скончавшагося въ 1651 году, показываюупъ и нынѣ въ подземельной часовнѣ. Въ 1649 году, помѣщики Домашевскіе выстроили здѣсь обширную церковь, ибо прежняя не могла вмѣщать богомольцовъ. Наконецъ, въ 1771 году, знаменитый шалостями всякаго рода, Николай Попоцкій, сынъ Воеводы Бѣльзскаго, желая примириться съ совѣстію и Провидѣніемъ, заложилъ нынѣшнюю великолѣпную церковь Почаевскую, а двадцать лѣтъ спустя, въ 1791 году, перенесенъ туда и чудотворный образъ изъ прежней церкви. Между многочисленныхъ чудесъ, записанныхъ въ монастырскія книги, любопытнѣйшее есть по, какимъ образомъ въ 1675 году, при осадѣ Турками Почаева, онъ былъ спасенъ чудомъ, многіе страждущіе были исцѣляемы здѣсь отъ болѣзней, и засвидѣтельствовали сіе на засѣданіи, которое по сему предмету имѣлъ Епископъ Луцкій въ 1770 году.

Мѣстоположеніе монастыря Почаевскаго живописно: съ вершины омаго можно видѣть на нѣсколько миль окрестности. Къ сторонѣ Кременца видны при горы, на подобіе сахарныхъ головъ возвышаю-

щіяся на плодородной равнинѣ. Съ противной стороны открывається утѣшительный видъ Австрійской Галлиціи и монастырь Подкамень. Вообще мѣстоположеніе гористо, ибо отсель тянутся Карпатскія горы въ Венгрію. Въ самомъ монастырѣ примѣчательности заключаются въ слѣдующемъ: гробъ Іова Желѣзы, о коемъ сказали мы выше; гробъ послѣдняго основателя, Николая Попоцкаго: его непомятый ростъ и одежда, грубая, но богатырская, переносятъ васъ во времена помѣстной системы, которая въ Польшѣ испустила послѣдній вздохъ свой; образъ Божіей Матери, великолѣпно украшенный: ежедневно, во время обѣдни, поднимается и опускается съ музыкою закрывающей его занавѣсъ, и наконецъ, такъ называемая стопка Божіей Матери, по чуду, для котораго сходятся сюда отдаленные богомольцы. Она вдѣлана въ полъ церкви и обнесена оградой: опшуда почерпаетъ монахъ свящую воду для желающихъ. Самый источникъ можно видѣть только со свѣчкою: вода спруится тамъ каплями и всегда находится въ маломъ количествѣ. Монахи Почаевскіе суть Уніаты Базиліанскаго ордена: не знаю, въ которомъ году перешли они къ Уніи. Внутренность церкви усроена съ большимъ удобствомъ; живопись изрядная, но особеннаго великолѣпія не видно. Говорятъ, что Базиліане прятуютъ свои богатства.

Въ Почаевѣ учреждена была одна изъ первыхъ типографій Славянскихъ въ нынѣшней Россіи; первопечатныя книги ея были: *Зерцало Богословіи*, изданное въ 1618 году, и *Максима Герка слово на Латиновѣ*, въ томъ же году (*). Я имѣлъ несшорожность спросить о сихъ книгахъ, и, вѣроятно, заглавіе послѣдней было виною, что мнѣ не удалось видѣть монашеской библіотеки. Нынѣшняя типографія Почаевская занимается большею частію печатаніемъ книгъ старообрядческихъ. Вообще, причины церковно-политическія не позволяютъ путешественнику углубиться здѣсь въ изысканія Славянскихъ древностей. Каждый изъ Польскихъ помѣщиковъ здѣшняго края по крайней мѣрѣ разъ въ годъ считаетъ обязанностію навѣстить Почаевъ; но главные оппусты (**), бывающіе въ праздникъ Рождества Пресвятой Богородицы (Сентября 8го). Тогда спускаются простолюдины и дворянство; ибо Католическая вѣра и Греко-Россійская имѣютъ здѣсь одинаковый доступъ. Знаменитый Теофанъ, Прокоповичъ, сей Боссюэръ Великаго Петра, въ молодости своей, какъ извѣстно, монашествовалъ въ Почаевѣ.

(*) Оп. Росс. Библиогр. Т. I, No 387 и б.ю.

(**) Оппустъ (odпуст), церковный праздникъ у Католиковъ, во время коего выдають опущенія грѣховъ (indulgence).

Изъ Почаева отправился я въ Вишневецъ, мѣстечко Кременевскаго повѣта, въ прехъ миляхъ отъ сего города; оно лежитъ вверхъ по печенію Горыни, которая, въ $1\frac{1}{2}$ миль отсюда, у С. Горынки беретъ свое начало. Мѣстечко сіе было столицею славныхъ Князей Вишневецкихъ, отъ коихъ перешло во владѣніе Мнишковъ. Сей домъ, изъ котораго Димитрій Самозванецъ имѣлъ жену свою, не должно смѣшивашъ съ Графами Мнишками, кои щеперь обитаютъ въ Галлиціи. Вишневецъ былъ сильною крѣпостью, о которую не разъ разбивались орды Таттарскія: здѣсь въ 1507 году разбиты они Николаемъ Каменецкимъ, Польскимъ Генераломъ (*). Князя Вишневецкіе извѣстны Россіянамъ по царствованію Лжедимитрія; отъ нихъ произошелъ и Михаилъ Корибушъ, Король Польскій, слабый наследникъ могущаго Собіескаго. Нынѣшній замокъ Вишневецкій сохранилъ въ себѣ всѣ памятники древности; на дворѣ его 42 желѣзныя пушки и 24 мортиры, выкопанныя изъ рововъ и служащія щеперь вмѣсто столбиковъ. Замокъ, хотя древній, отъ нѣкошорыхъ поправокъ получилъ всю красоту новѣйшихъ и удержалъ прежнее свое величіе. Внутреннее убранство покоевъ соединяетъ также видъ новѣйшій съ древнимъ и не лзя было лучше соединить

(*) Góra Poczajowska, смр. 5.

оныхъ. Но первымъ достоянствомъ сего великолѣпнаго жилища должно почитать, безъ сомнѣнiя, множество картинъ разнаго рода, коими украшены всѣ стѣны замка. Въ одномъ покоѣ находите живопись, до Исторiи Лжедимитрія относящуюся: сердце ваше бьется знакомымъ препетомъ, видя здѣсь, въ сосѣдствѣ Карпатскихъ горъ, изображеніе Кремля и Русскіе капитаны; далѣе висятъ портреты всѣхъ Королей Польскихъ, съ надписями; послѣ того миниатюры лицъ, до новѣйшей Исторiи относящихся; многіе изъ сихъ портретовъ плывають вась краскою, а ландшафты утѣшаютъ разнообразіемъ. Императоръ Павелъ, будучи еще Великимъ Княземъ, проѣзжалъ здѣсь во время путешествiя своего за границу, подъ именемъ Графа Сѣвернаго: доска, прибитая внизу, при входѣ, сообщаетъ о томъ любопытному. Въ одномъ изъ покоевъ Государь, не заставъ хозяина готовымъ къ пріему, написалъ на зеркалѣ бриліантовымъ перспнемъ: *Le Comte du Nord*. Замокъ Вишневецкій показался мнѣ любопытнѣйшимъ изъ всѣхъ замковъ, мною видѣнныхъ въ этомъ краю, изобильномъ богатыми жилищами Польскихъ магнатовъ, кои, при Европейской образованности XIX столѣтія, любятъ сохранять нѣкошорую особенностъ времени рыцарскихъ.

Въ шрехъ верстахъ отъ Вишнѣвца находився прелесный садъ, называемый

Лозы; здѣсь, по свидѣтельству Нарушевича (*), Король Спаниславъ Августъ, въ 1787 году, провѣдомъ въ Канѣвъ и обратно, былъ оплочно угощаемъ хозяевами. Окрестности Вишнѣвца столь милы и живописны, что путешественнику трудно расстаться съ ними: какое спокойствіе царствуетъ въ замкѣ! Какая прохлада въ густыхъ аллеяхъ! Гористые берега Горыни съ какою любовію открываютъ свой излучистый токъ! Все совокупилось, чтобы надолго присоединить Вишнѣвецъ къ моимъ воспоминаніямъ!

Отъ Вишнѣвца до самаго почти Кіева ѣхалъ я на почтовыхъ и не имѣлъ удобства обозрѣвать все примѣчательное по сей дорогѣ. Черезъ Яшномъ и Бѣлогородку, спустился я въ обширныя помѣстья Князей Сангушекъ. Нынѣ раздѣлены они на двѣ части, изъ коихъ средоточіе первой находится въ Заславѣ, уѣздномъ городѣ, а другой въ Славупѣ, богатомъ мѣстечкѣ, знаменитомъ суконными фабриками, заводомъ Арабскихъ лошадей и Еврейскою типографіею. Заславѣ не должно полагать, какъ думаетъ Г. Руссовъ, шѣмъ самымъ Изяславемъ, который построенъ Владимиромъ для Рогнѣды. Сей послѣдній находится въ губерніи Вишебской (**). Недалеко

(*) Dyaryusz Podróży Stanisława Augusta na Ukrainę, w roku 1787, въ изд. Моетовскаго, стр. 183, 313.

(**) Волинск. Зап. стр. 6. Ист. Гос. Росс. I, стр. 207 и прим. 440.

опъ Заславля спойтъ Зеленецкая корчма, при коей дано Поляками первое сраженіе прошиву Рускихъ, послѣ обнаруженія Торговицкой Конфедераціи (7 Іюня 1792 года) (*).

Мѣстечко Любаръ, на Бердичевской дорогѣ, заслуживаетъ вниманіе, какъ пріятнымъ положеніемъ своимъ, на рѣкѣ Случи, такъ въ особенноти небольшимъ, но прекраснымъ домомъ Гг. Карвицкихъ, здѣшнихъ помѣщиковъ: новѣйшій вкусъ руководствовалъ хозяевъ въ убранствѣ комнатъ и расположеніи сада. Осмотрѣвъ съ любопытствомъ это жилище волшебницъ и пожалѣвъ объ ихъ отсутствіи, отправился я далѣе къ м. Краснополюю.

Верстахъ въ пяти опъ онаго появляется прекрасный домъ, новѣйшей архитектуры, принадлежащій Г. Гижицкому. Смерть почтеннаго владѣтеля, тогда скончавшагося (1826), наложила печать унынія на мѣста сіи; но честность и рѣдкое безкорыстіе сего мужа, въ печеніе голыль бывшаго Губернапоромъ Волынскимъ, живущъ въ сердцахъ его согражданъ.

Опъ Молочекъ, черезъ Краснополе, Пяшки и Трояново, поѣхалъ я весьма плохою дорогою, къ Жигомиру. Въ этомъ губернскомъ городѣ пробывъ менѣе 24 часовъ, не могу сказать о немъ ничего

(*) Баншке, Dzieje Królestwa Polskiego, 1820 г. Т. II, стр. 531.

замѣчательнаго. Рѣка Тешеревъ извивается живописнымъ образомъ недалеко отъ него, и о ней, какъ о Горыни и Случи, упоминается въ походѣ Издлава 1151 года. Взглядъ на сей городъ пріятенъ: чистая площадь, немногое число прямыхъ улицъ и хорошая мостовая оплечаютъ Житомиръ отъ городовъ обыкновенныхъ, кои встрѣчаются въ Польшѣ. Въ шопъ же день передъ вечеромъ я приѣхалъ въ Бердичевъ.

Кто не знаетъ, по опыту или по рассказамъ, знаменитой ярмарки Бердичевской? Здѣсь соединяющася богатства сѣверныя съ Макарѣвской ярмарки, восточная роскошь изъ Одессы и западная удобности жизни, привозимыя черезъ Радзивиловъ. Я жалѣлъ, что обстоятельство не позволили мнѣ бытъ въ Бердичевъ во время главнѣйшей изъ пяти ярмарокъ, 12 Іюня, въ день Св. Онуфрія. Не смотря на то и въ обыкновенные дни представляеть Бердичевъ картину торговли и промышленности. Главнѣйшій торгъ находится шухъ, какъ и въ цѣлой Польшѣ, у Евреевъ; но нѣкоторые магазины содержатся и Нѣмецкими купцами. Примѣчательностей въ городѣ нѣтъ, кромѣ монастыря босыхъ Кармелиновъ, съ великолѣпною церковью.

Дорога къ Махновкѣ пріятна и разнообразна: гористое положеніе показываетъ вамъ приближеніе къ Подолу; шухъ же начинается губернія Кіевская. Вступивъ въ

оную черезъ Махновку, выѣхали мы на равнины, кои сославляютъ отличительность Украйны, такъ почно, какъ Подоль образуется холмами, а сѣверная Вольтыня лѣсистыми низинами. Необыкновенное плодородіе и красота Украйны заставляють невольно привѣтствовать ее съ Трембецкимъ:

Miła oku, a licznym ożywiona płodem
Witaj kraino, mlekiem pitańca i miodem (*).

Здѣсь-то начинаются сіи степи, т. е. мѣста открытыя, кои съ Исторіи XVII столѣтія равномѣрно принадлежатъ Польшѣ и Россіи, набѣгами казаковъ и славными ихъ битвами. Здѣсь начинается классическая земля Малой Россіи и ея величія!

Отъ Махновки почтовая дорога къ Кіеву идетъ черезъ Сквиру, Бѣлую Церковь и Васильковъ. Первый изъ сихъ городовъ не заслуживаетъ большаго вниманія; но Бѣлую Церковь, хотя неуздный городъ, можно, кажется, почестъ многочисленнѣйшимъ въ здѣшней окрестности. Въ немъ находится около 1900 домовъ, а между ними 450 Еврейскихъ. Полагая среднимъ числомъ по 4 человека на каждый домъ, можно считать около 8 тысячъ жителей въ этомъ мѣстечкѣ. Положеніе Бѣлой Церкви не весьма пріятно: степь около 100 верстъ въ просяженіи окружаетъ ее

(*) Первые стихи въ Поэмѣ Трембецкаго: Zóbiówka.

со всѣхъ споронъ ; но въ замѣнъ того вы вознаграждены совершенно , верстъ за пять до Бѣлой Церкви, зрѣлищемъ слободы Александріи : тамъ обыкновенное жилище Графини Браницкой , которая только на зимніе мѣсяцы переезжаетъ въ Бѣлую Церковь , средоточіе ея необъятныхъ помѣстьевъ. Александрія поставлена въ самомъ неблагоустроенномъ мѣстоположеніи ; но богатство строителей исправило недостатки красоты природныхъ , и прекраснѣйшій Англійскій садъ поднимается среди необозримой равнины. Пространство его заславляетъ васъ думашъ , что вы гуляете въ расчищенномъ паркѣ ; но статуи Діаны , Аполлона Бельведерскаго и Гладіатора напоминаютъ вамъ объ искусствѣ.

Въ Александріи , кромѣ главнаго строения , находится нѣсколько павильоновъ , изъ коихъ каждый назначенъ для котораго нибудь изъ членовъ семейства Графини Браницкой. Одинъ изъ нихъ , между прочимъ , носитъ названіе Императора Александра. Монархъ , во время своихъ путешествій , посѣщалъ многократно племянницу великодушнаго Князя Тавриды , которая Ему сопутствовала даже на приступъ Очаковскій.

Подъ Бѣлой Церковью одержалъ знаменитую побѣду надъ Польскимъ Гепманомъ Жолнѣвскимъ Малороссійскій Гепманъ Наливайко , но вскорѣ , разбишій подъ Лубнами , заплашилъ за свое герой-

ство ужасною смертию въ Варшавѣ (1597). Вообще нѣтъ мѣста на Украинѣ, которое не было-бы орошено кровію Поляковъ и Казаковъ, въ ужасной войнѣ, которой Уніа была причиною.

Отъ Бѣлой Церкви къ Василькову, на рѣкѣ Спугнѣ и дажѣ дорога превосходна, но когда подъѣзжаешь къ Кіеву, становится пещаною. Неровности оной показываютъ, что вы приближаешься къ корыту Славянскаго Днѣпра, Скифскаго Борисеена. За пять верстъ не доѣзжая Василькова, находится корчма, называемая Карантинною; тамъ, со времени присоединенія Кіева къ Россіи до втораго раздѣла Польши, находилась граница между Россією и Польшею, граница, слишкомъ спо лѣтъ существовавшая. Вотъ почему небольшой клочокъ праваго берега Днѣпра, между рѣками Спугною и Ирпенью заключающійся, носитъ на себѣ отпечатокъ Русскихъ обычаевъ въ то время, какъ остальная часть Украйны сохраняетъ Польскіе нравы. Однако Жидаы, коихъ нѣтъ въ Россіи, впущены и сюда по присоединеніи Польскихъ губерній.

Васильковъ, нынѣ уздный городъ; въспрѣнъ Владиміромъ Великимъ и назывался въ то время Василѣвымъ, по Христіанскому имени крестителя Россіи. Тамъ-то, около 995 года, окруженъ онъ былъ Печенъгами и принужденъ будучи скрыться подъ мостъ, далъ обѣтъ, буде Небо спасетъ его отъ погибели, соорудитъ храмъ празд-

нику. того дня, Святому Преображенію. Небо услышало мольбу его, а Владиміръ сдержалъ свое слово и соорудилъ храмъ въ семь городъ; народъ-же и бояръ своихъ угоспиль паромъ, какихъ теперь вѣроятно не бываетъ въ Васильковъ (*).

Съ приближеніемъ къ Кіеву непрерывное болѣе и болѣе овладѣвало душею. Духъ Испоріи, подобный тому Камозансову Духу-бурь, который въ открытомъ морѣ предсказалъ дерзкому мореплавателю, сей исполнѣнъ-разрушитель, казалось мнѣ, ожидалъ меня на горахъ Кіевскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, можешь ли Рускій безъ волненія сердца воспоминать эпохи Ольги, Владиміра, Ярослава? Можешь ли безъ чувства переходить къ бытописаніямъ позднѣйшимъ, къ варварскому нашествію Баттыя, къ дѣяніямъ Запорожцевъ, дякихъ, но воинственныхъ, и наконецъ, къ великолѣпному путешествію Екашеринны по Днѣпру, когда два Государя и одинъ Пошекинъ сопровождали ея порожество? Можно ли вспомнить объ этомъ и не предашься мечтаніямъ? Вообще, подѣзжая къ городамъ, къ коимъ давно спремилось ваше сердце или воображеніе, нельзя не оцупить шѣхъ чувствъ, кои пѣвецъ Освобожденнаго Іерусалима приписываетъ своимъ крестоносцамъ, когда впервые увидѣли они башни столицы

(*) Ист. Гос. Росс. I, стр. 224 и прим. 475.

христіанской. Я помню, что во дни славы Русской, въ 1814 году, тошъ же радостный прѣпешъ овладѣлъ войнами, когда Парижъ предсталъ взорамъ побѣдителей, обѣщая награды ихъ трудамъ и шerpвнiю. Съ такимъ-же волненiемъ сердца приближался я къ Кіеву. Первымъ прiяшнимъ зрѣлищемъ для меня была колокольня Печерской Лавры; она вершъ за 25 уже поднимается за лѣсомъ; по мѣрѣ-же приближенiя къ городу подвигается она вправо, какъ предметъ фаншасмагорiи; но возвращаясь отъ Кіева къ Василькову, это явленiе еще занимательнѣе: тогда колокольня, убѣгая въ лѣсъ, какъ будто спѣшитъ скрыться отъ неблагодарнаго, который рѣшился покинуть прекрасную столицу Владимiра. Вершины Золотоверхомихайловскiя и куполь Святой Софiи отъ кривающагося также мало помалу, а за ними и другiе кресты церквей благочестиваго города; но разбросанныя на большомъ пространствѣ, онѣ не производятъ большаго дѣйствiя. Если хотѣте видѣть Кіевъ съ лучшей точки зрѣнiя, надобно быть за Днѣпромъ на Московской дорогѣ: отсюда предспавляется онъ чудною великолѣпiемъ громадою. Наконецъ, по песчаной горѣ, достигнувъ я Васильковской заставы и — нахожусь въ Кіевѣ.

Петръ Габбе.

Завоеваніе Азова въ 1637 году.

(О к о н ч а н і е .)

VI. Казаки не считали взятіа Азова дѣломъ невозможнымъ, но вѣроятно не думали и о томъ, какія важныя слѣдствія могутъ произойти отъ ихъ рѣшительности. Они пускались на Азовъ изъ одного удализма; по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ взятіе Азова, оно останется великимъ, незабвеннымъ подвигомъ въ ихъ Исторіи. Произведенное слишкомъ рано, когда политическія дѣйствія Россіи не могли еще достигнуть высокой степени, какой достигали рыцарская отвага и мужество Казаковъ, взятіе Азова сдѣлалось бесполезно для Россіи; но объясняя намъ тогдашнія обстоятельства и умоначертаніе тогдашнихъ политиковъ, оно становится чрезвычайно любопытнымъ для Исторіи; Исторія не можетъ отказать въ удивленіи геройству, хотябы слѣдствія подвиговъ его заперались въ робкихъ разсчетахъ политики.

Совершенная тайна скрывала намѣреніе Казаковъ. Съ Азовцами были у нихъ непрерывныя сношенія; но Азовцы не могли знать, куда собираются на весну Казацкія шагаги и лодки. Раздвѣляясь только 50-ю верстами т.е. населеннаго пространства, Азовцы менѣе всего опасались за се-

бл, и скорѣе обиташа на берегахъ Анапольскихъ могли бояться Донцовъ. Гордясь своими спѣхами, Азовцы вспоминали, что еще не было примѣра нападенія Казаковъ на крѣпость, правильно устроенную и защищенную войскомъ. Къ Азову могла придти скорая помощь изъ Крыма, Тамани, и принужденные сражаться съ освободившими Азова и въ то же время осаждавшими его, не имѣя артиллеріи, всегда дѣйствуютъ только набѣгами, поражая единственно быстротою и стремительнымъ напикомъ, Казаки не могли, казалось, выдержать борьбы неравной и для нихъ необыкновенной. Впрочемъ Казацкіе набѣги на окрестности Азова никогда не прекращались. Казаки нѣсколько разъ въ годъ мирились и ссорились съ Азовцами. Съ обѣихъ сторонъ вызвали въ поле гарцованье и молодежесествованье; съ обѣихъ сторонъ ненависть и мщеніе оказывались въ непрерывныхъ схваткахъ, поимкѣ языковъ и грабежѣ. Казаки нападали на Азовцовъ, когда дѣлились или не могли пуститься далѣе. Бросивъ Азовцамъ разныя грамоты, Казаки подстергали купцовъ, пословъ изъ Крыма, суда, плывшія въ Азовъ или изъ Азова; все это было такъ обыкновенно, что въ 1630 году, когда Царь Россійскій велѣлъ Казакамъ непременно оставить Азовъ въ покоѣ, Казаки жаловались, что Царь опинимаетъ у нихъ *лучшій зипунъ ихъ*

и что они будутъ наги и босы, когда ос-
тавлять поиски подъ Азовъ и въ море.

Отношенія ихъ къ Россіи время отъ
времени становились тише и укрѣпля-
лись. Казаки признавая власнѣ Царскую,
привыкли уже называть себя подданны-
ми Царя Московскаго, хотя вольное жившье
ихъ еще долго не першвало слѣсна-
тельной власнѣ намѣстниковъ Царскихъ.
Разъ пять въ годъ посылали Казаки свою
станицу (Ашамана съ выборными) въ
Москву, совѣщались тамъ о своихъ дѣ-
лахъ и предпріятіяхъ, получали подарки,
доставляли вѣсти и били челомъ Царю.
Ихъ участіе въ волненіяхъ междуцарствія
было имъ прощено: помощь ихъ дѣлалась
необходимую для Россіи. Города, построен-
ные на границахъ Россіи, не столько за-
щищали Россію отъ Крымцовъ, сколько
опвага и мужество Казаковъ. Ташары,
почти каждый разъ встрѣчались съ ними
на возвращномъ пути изъ своихъ набѣговъ
и платили дорого за встрѣчи.

Зимою 1656 г. дана была повѣстка
на весь Донъ: готовиться на весну въ
поискъ. Никто изъ Казаковъ не зналъ, ку-
да Ашаманы хотѣли идти. Повѣстка
была грозная: неявившійся оспавался
въ безсудьѣ и въ опалѣ. Ранней весной
множество Казаковъ, конныхъ и въ лод-
кахъ, собралось въ Монастырскій Донской
городокъ. Тутъ открыто было имъ пред-
пріятіе. Раздумывать не спали, когда

уже Старшины и Ашаманы положили быть дѣлу такъ. Кинули жеребій на вѣ-
боръ Ашамана въ войско подъ Азовъ и жре-
бій палъ на Михайла Иванова Тапарина, вѣ-
роятно, наѣздника, *незваншаго поплем-
ной*. Отслуживъ молебень и усердно по-
молившись святымъ иконамъ, Тапариновъ
вошелъ въ кругъ Казацкій, говорилъ съ
Казаками о цѣли похода, о древнемъ Азо-
вѣ, о приписаніи Турками Христіанства,
славъ бытъ защитниками гонимой вѣры,
и предоставилъ себѣ назначить день от-
правки войска.

Вдругъ изъ Москвы получена вѣснѣ
отъ Ашамана Ивана Капаржнаго, что онъ
скоро придетъ на Донъ съ Царскимъ по-
сланникомъ, для встрѣчи Турецкаго посла,
вдущаго изъ Царяграда въ Москву и что
они привезуть строгое Царское повелѣніе
не начинать съ Турками никакой ссоры,
принять посла и проводить его до Москвы
съ честью.

Извѣстіе затруднило Казаковъ. Не
послушаться Царскаго повелѣнія было
невозможно, не принять посла также; все
могло разстроиться. Но гдѣ же будешь
Казацкое слово: *взять Азовъ*? Снова со-
бралися кругъ; положено извѣстить Мо-
сковскаго Царя о походѣ на Азовъ, какъ
будто Казаки не знали его повелѣнія.
Ашаманъ Попапъ Пешровъ, съ четырьмя
молодыми Казаками, немедленно поскакалъ
въ Москву. Встрѣшилось новое затрудненіе:

посолъ Турецкій со свитою своею уже прибылъ въ Азовъ и прислалъ на Донъ вѣсть о своемъ прибытіи. Толмачъ Асанъ, присланный отъ посла, изумился видя Казаковъ въ грозномъ военномъ сборѣ.

Посолъ былъ уже знакомъ Казакамъ. Грекъ Ома Канпакузинъ, посланный отъ Султана въ Москву, въ первый разъ былъ въ Россіи въ 1627 году. Провзжая впередъ и назадъ, онъ ласкалъ Казаковъ, уговаривалъ ихъ жить мирно, въ самой Москвѣ угощалъ ихъ великолѣпно и шеперь относился къ нимъ, какъ къ старымъ пріятелямъ. Казаки удержали Асана, отправили къ послу своихъ людей съ привѣтливымъ призывомъ и Канпакузинъ попалъ въ сѣпи. Онъ явился на Донъ, привезъ Казакамъ милостивое слово своего повелителя и четыре золотые кафтана, въ подарокъ Атаманамъ. Прошло нѣсколько дней. Канпакузинъ жаловался на задержку, просилъ Казаковъ о проводахъ его до Москвы; но измѣна уже дѣйствовала.

Видя многочисленное сборище Казаковъ, Канпакузинъ умѣлъ развѣдать о шайномъ предпріятіи ихъ, замѣтилъ скрытное презрѣніе, съ какимъ приняты были подарки и не смотря на бдительность Донцовъ, далъ вѣсть въ Азовъ. Спашное смятеніе сдѣлалось въ городѣ: спѣшили ввести войско, укрѣпиться; купцы спасались. Казаки узнали измѣну: мѣшкавъ было нѣкогда. Объявили послу, что онъ и

вся свита его, какъ излюбники, остаются въ полону. Снова Татариновъ собралъ войсковою кругъ, и 23 Апрѣля, въ день Св. великомученика и побѣдоносца Георгія, назначенъ походъ. *Скрываться не станемъ*, сказалъ Татариновъ, *днемъ поидемъ мы къ Азову и не украдемъ славы своей!*

Но тогда-же получено было извѣстіе, порадовавшее всѣхъ Донцовъ. Запорожскіе казаки издавна прошивались приписанію Поляковъ, хотѣвшихъ вольную Свчу ихъ сдѣлать такими-же подданными Польшы, какъ Малороссійскихъ казаковъ. Еще въ 1587 г. бунтовали Запорожцы, терпѣли за свой бунтъ и въ 1596 г. начали открытую войну съ Польшею. При Бѣлої Церкви сошлись они съ Поляками; отчаянная храбрость торжествовала надъ сильнымъ, устроенымъ войскомъ; но Толкизускій, Гешманъ Польскій, умѣлъ воспользоваться беспорядкомъ побѣды. Запорожцы были усмирены, принуждены выдать своего ашамана и увидѣли его на плахѣ. Это сильнѣе прежняго возбудило ихъ негодованіе. Началась новая, жестокая война: убивали съ обѣихъ сторонъ кого успѣвали захватить и вражда продолжалась нѣсколько лѣтъ. Поляки хотѣли наконецъ построить крѣпости въ Запорожьѣ, а Запорожцы подозрѣвая гешмана своего Сяволпоновича, убили его и зарѣзали Французскаго инженера Маріона, спровившаго крѣпость Куклакъ. Изъ среды Казаковъ

Павлукъ избранъ былъ гетманомъ, устроилъ большое войско; но храбрый Полюцкій, полководецъ Поляковъ, разбилъ Запорожцовъ при Боровичъ, спѣсиль ихъ и за усмирёніе и покорность обѣщаль отъ имени Короля миръ и свободу. Еще разъ повѣрди Запорожцы. Павлукъ и чешыре куренныхъ ашамана взяты были аманашами: ихъ казнили въ Варшавѣ. Такая неблагоприятная мѣра строгости неумѣстной довела Запорожцовъ до отчаянія. Одни изъ нихъ рѣшились драться съ Поляками до послѣдней головы; другіе отдались въ покровительство Крымскаго Хана; третьи просили защиты у Рускихъ. Но самая буйная молодежь Запорожцовъ не хотѣла и слышать о покореніи Казачества Хану, Царю или Королю. До нихъ доходили слухи о непрерывной войнѣ Персовъ съ Турками, о побѣдахъ Турковъ; Казаки рѣшились на странное предпріятіе. Четыре тысячи Запорожцовъ собрались толпою, распростились съ своею опчиною и *отправились въ Персію*, тихо крались они черезъ Крымскіе и Нагайскіе улусы, разсѣянные на Сѣверъ отъ Крыма, сражались, гдѣ не могли укрыться и пришли къ Азовскому морю, когда Донцы готовились въ поискъ на Азовъ. Здѣсь встрѣтили ихъ Казаки, высланные съ Дона. «Куда вы идете, вольные молодцы?» спрашивали они у Запорожцовъ. — Въ Персію! Намъ все равно умирать, что въ Варшавѣ на плахѣ, что въ

Персія на бою, но здѣсь смерть честная, а памѣть безчестна. — «Зачемъ въ Персію, брагья! Пойдемъ жить къ намъ: у насъ привольное житіе и вотъ Азовъ, который хопимъ мы взять! Вы брагья наши и идете къ бусурманамъ; Азовъ будетъ нашимъ и вашимъ кормильцомъ. Тупъ море у насъ подъ руками и къ Царюграду путь виднѣнъ.» Предложеніе принято.

VII. 23. Апрѣля, 1637 года, Казаки выступили къ Азову Дономъ и берегами его. Запорожцы соединились съ ними и Азовъ обсыпали толпы ихъ со всѣхъ сторонъ. Немедленно заперли входъ съ моря, отрядили спорожевые отряды къ споронѣ Тамани и Крыма; но путь увидѣли Казаки всю важность извѣстія, поданнаго неприятелю Каншакузинымъ. Азовъ не въ расплохъ заспали они, но въ грозномъ видѣ, наполненный людьми, гошовыми защищавшся. 29 Апрѣля, 100 бударъ Казацкихъ еще приплыло къ Азову; на нихъ приѣхалъ Царскій посланный, дворянинъ Степанъ Чириковъ, для препровожденія Каншакузина въ Москву. Казаки не хотѣли слушать Чирикова, ссылались на посылку извѣщенія своего къ Царю, не хотѣли выдать Каншакузина, называя его не посломъ, а измѣнникомъ. Чириковъ спорилъ, Каншакузинъ хиприлъ. Между тѣмъ Казаки рыли рвы, насыпали валы, закрывались штурами, дѣлали приступы, но не могли заманить Азовцовъ на вылазки. Азов-

цы не шли въ поле, ждали помощи и крич-ко сидѣли въ стѣнахъ. Вся аршиллерія Казаковъ состояла изъ четырехъ неболь-шихъ пушекъ. Между Запорожцами сыска-ся какой-то бродяга инженеръ, *Ивмецъ Юганнъ*; онъ взялся подвесить подкопъ и вырвать часть стѣны. Начали рыть; время проходило. Между тѣмъ появлялась помощь Азову изъ Керчи и Тамани; Тата-ры набѣгали; надобно было сражаться и Запорожцы, народъ гулявый и безденеж-ный, ропшали, жаловались. Наконецъ под-копъ былъ готовъ, но Юганнъ только тогда замѣнилъ, что сдѣлалъ его непра-вильно. Это распространило уныніе въ войскѣ. Насмѣшки Азовцовъ, кричавшихъ Казакамъ со стѣнъ: *«сколько самъ подѣ Азовомъ ни стоять, а Азова не видать! сколько камней въ стѣнахъ Азовскихъ, столько ляжетъ подѣ нимъ вашихъ головъ»*, раздражали ихъ. Сдѣланъ еще неудачный приступъ: *стрѣльба восходила надѣ Азо-вомъ, какъ грозная туча*, но Азовцы оп-стояли за стѣнами свой городъ. Сильные отряды Татаръ и Турковъ безпрестанно стали нападать на передовые отряды Ка-заковъ. Ропотъ, неудовольствіе распро-странились; Запорожцы явно негодовали; Чариковъ грозилъ Царскимъ гнѣвомъ; на-добно было ждать съ часу на часъ силь-нѣйшей помощи Туркамъ изъ Царяграда. Увѣряють, что тогда еще *поймали гра-мошы, кошорыми Каншакузинъ просилъ*

помощи Азову изъ Крыма и Царяграда. Ярость Казаковъ сдѣлалась неописанною. Грѣха, захваченнаго съ грамошами, пышались, вынудили у него признаніе, что Асанъ толмачъ предвѣщалъ Казакамъ неудачу и гибель, говорилъ, что *живые Казаки привѣхали подѣ Азовѣ въ каюкахъ, а мертвыхъ отсюда повезутъ въ бударахъ*. Напрасно защищали Каншакузина права посольскія: его казнили съ Асаномъ, толмачемъ его, приписали всѣ свои неудачи волшебству Асана, поржественно ошпѣли молебень, окропили шаторъ святою водою и Нѣмецъ Юганнъ началъ другою подкопъ.

Въ половинѣ Іюня подкопъ былъ конченъ; въ него сложили сколько могли пороху. Дѣло было рѣшительное; 19 ч. положено было зажечь подкопъ. Наканунѣ въ войскѣ осаждающихъ сдѣлалась глубокая тишина. Только слышалось пѣніе священниковъ; Донскіе удалцы обрекали себя на смерть, исповѣдывались; Тапариновъ на колѣняхъ, со слезами молился Богу, просилъ помощи у защитника Азова Св. Іоанна Крестителя, давалъ обѣты. Азовцы думали, что Казаки хопяшь оцснупашь и безопасно радовались.

19 ч. съ восхожденіемъ солнца зашевелилось войско; съ прехъ споронъ напали Казаки на Азовъ; защитники Азова бросились на мѣсша нападений; сраженіе завязалось жаркое. Въ 4-мъ часу дня поданъ знакъ, подкопъ запалили: *какѣ молнія се-*

лика сверкнулъ огонь, и въ дымѣ, въ обломкахъ взлепѣла часть городской стѣны. Радостный крикъ осаждающихъ изумилъ Азовцовъ; погибель города была рѣшена. Ташариновъ съ избранной дружиной бросился въ проломъ, началась битва въ улицахъ; отчаяніе одушевляло Азовцовъ, но многочисленность одолевала: пощады не было никому; схватясь руками, Азовцы и Казаки рѣзали ножами другъ друга. Вскорѣ покрылось поле бѣгущими Азовцами; на десясть верстъ улеглись трупы ихъ; цѣлый день продолжалось убійство. Въ башняхъ по три, по чепыре дня отсиживались Азовцы; ихъ доспали огнемъ и мечемъ. Городъ взятъ *порожій*. Едва въ недѣлю могли сволочь всѣ тѣла непріятелей въ Дѣнь.

VIII. Похоронивъ честно убиенныхъ братьевъ своихъ, разославъ богатые дары по монастырямъ, подвѣсивъ добычу, Казаки начали радоваться своей добычѣ. На *майданахъ* открыты веселья. Гуляя и празднуя, Казаки хвалились, что доспали Азовъ удальствомъ своимъ, что раззорили гнѣздо невѣрныхъ, освободили древнюю христіанскую землю отъ ига бусурманскаго. Побѣда увеличилась разбитіемъ Ташаръ, возвращавшихся изъ Россіи и опряда войскъ Турецкихъ на Кагальникъ. Между тѣмъ снаряжались на будущій годъ въ развѣзды и съ безпокойствомъ ждали, какъ примуть вѣсть о взятіи Азова въ Москвѣ и Царѣградѣ.

Кажется, въ обихъ столицахъ почти-
 стали завоеваніе Азова *удалымъ набѣгомъ*,
 думали, что Казаки, разграбивъ городъ, бро-
 сятъ его. По крайней мѣрѣ, въ грамотѣ
 Царской, кошорую, опть 20 Сентября, при-
 везъ изъ Москвы Ашаманъ Попапъ Петровъ,
 въ опвѣстѣ на увѣдомленіе ихъ, опть 3 Сен-
 тября, о взятіи Азова, ни хваали, ни
 бранили Казаковъ. Ни слова не сказа-
 но было объ удержаніи Азова, о сношені-
 яхъ по сему случаю съ Россією; но что
 удача Казаковъ была не-непріятна Царю,
 замѣтно изъ подарковъ, какіе получилъ Пе-
 тровъ съ поварищами, и изъ того, что о
 насильственномъ поступкѣ съ Каншаку-
 зинымъ сказано было весьма легко. «Вы не
 дѣльно учинили это,» писалъ къ нимъ Царь,
 «этого нигдѣ не водится. Бываетъ война
 между государями, а послы дѣлаютъ свое
 дѣло, для чего присланы и ихъ не бьютъ.
 Вамъ было дѣлать, что угодно, а посла было
 опдать нашему посланному дворянину Чи-
 рикову. Пришлише къ намъ подробныя вѣ-
 сти. Грамоты Каншакузина, хопля и распеча-
 танныя, пришлише; наблюдайше за Крым-
 цами; скажише Нагайцамъ, чпобы они,
 помня прежнюю присягу свою, шли-бы
 подъ нашу власть, а мы пожалуемъ васъ
 нашимъ Царскимъ жалованьемъ, смошря
 по вашей службѣ и радѣнью.»

Амуратъ получилъ извѣстіе объ Азовѣ
 въ Персіи, гдѣ уже за два года возобновилъ

онъ жестокою войну. Чѣмъ ничтожнѣе, презрѣннѣе казалась ему отважная полна Казаковъ, тѣмъ сильнѣе былъ онъ раздраженъ дерзкимъ ея предпріятіемъ и успѣхомъ. Думаемъ, что Амурапу спарались представить дѣло Казаковъ разбойничьимъ набѣгомъ. Послано было повелѣніе Тапшарамъ прогнать Казаковъ изъ Азова. Самъ Амурапъ собирался съ многочисленнымъ войскомъ на Багдадъ, два раза вытерпѣвшій его нападенія, за которыя слабо наградило Амурапа взятіе Еривани. Дальнѣйшее, примѣрное наказаніе Казаковъ оставлялъ онъ до будущаго времени, ослѣпленный предпріятіемъ своимъ завоевать Персію.

Но такъ легко доставъ оружіемъ городъ, храбро защищаемый и правильно укрѣпленный, видя удобство, съ какимъ Азовъ можеть выдерживать нападенія, Казаки не думали уже опдать его Туркамъ. Еще болѣе укрѣпились они въ своемъ намѣреніи, когда удача возбудила въ нихъ общій духъ храбрости, когда увидѣли они всѣ выгоды, какія положеніе Азова могло имъ доставить и когда множество народа, Черкесовъ, Персіанъ, Рускихъ, Калмыковъ, Грековъ, Нагайцовъ, Тапшаръ, Турковъ явилось къ нимъ съ шоварами, вѣря обѣщанію ихъ: не прогашь чужаго добра купческаго; когда началась торговля и въ Азовѣ быстро ожила дѣятельность гражданская. «Почему не основашь намъ въ Азовѣ своего жишья бышья?» говорили Казаки. «Мы за-

щипимъ его опъ Тапаръ, а Турки когда еще соберутся; мы видѣли, какова была опъ нихъ помощь Азову! Положили не оснавяяпъ Азова, объявили его христіанскимъ вольнымъ торговымъ городомъ, освятили шарую церковь Св. Іоанна Крестителя и успроили вновь другую церковь Св. Николая чудотворца. Казаки съ женами и съ дѣтьми переселялись въ Азовъ, ошдѣлывали раззоренные дома и начали спокойно жить въ нихъ. Между пѣмъ удалцы собирались тысячами на морской поискъ. Съ Тапарами, кажется, были у нихъ тайныя сношенія; по крайней мѣрѣ, торговля свободно производилась въ Азовъ изъ Кафы, Керчи и Тамани; Россія не вмѣшивалась въ дѣла Казаковъ, и весною 1658 года, тысячи лодокъ Казацкихъ разсѣялись по Черному морю. Ужасъ распространился опъ нихъ по берегамъ Анатоли: Трапезонпъ, Синопъ, Риза, самый Царьградъ, были угрожаемы опустошеніемъ и пожарами. Гарнизоны Турецкіе, заспаваемые въ расплохъ, перехитренные Казаками, не могли защищать жипелей. *»Азовъ становится намъ тошнѣ Багдада!»* говорили Турки.

Амурапъ съ негодованіемъ слышалъ о Казацкихъ набѣгахъ. Онъ заняпъ уже былъ осадю Багдада, самъ бросался на приспупъ и возвращаясь безъ побѣды, клялся не оставить Багдада цѣлымъ и Казаковъ ненаказанными. Крымскій Ханъ сдѣлался

ему подозрительнѣ. Амурашъ подозрѣвалъ и Россію, велѣлъ послашь въ Москву съ укоризною, что въ то время, когда Турція спарается наблюдать миръ, Россія не стыдился вмѣшиваться въ дѣла Казаковъ и подкрѣплять ихъ, сносятся съ Персією и явно нарушаютъ! спокойствіе между двумя государствами. Царь о вѣнствовалъ своими жалобами на Ташарскаго Хаана, безпрерывно разбойникомъ вбѣгающаго въ Россію, на несоблюденіе пишула Царскаго въ грамотахъ и совершенно опречся опъ Казаковъ, предославля Султану полное право воевать съ ними и усмирять ихъ. Сношенія дѣлались весьма сомнительными и Амурашъ велѣлъ выступить своему флоту на Казаковъ. Піали - Паша отправился съ сильнымъ флотомъ. Казаки такъ были горды своими успѣхами, что 1700 человекъ изъ нихъ, на лодкахъ, отправились не допустить Піали до Азова и дасть ему открытую битву на морѣ. Они встрѣтили его за Керченскимъ проливомъ и напали на него съ яростію. Сраженіе было жестокое, но неравное: до 700 Казаковъ погибло и остатокъ ихъ бѣжалъ опъ неприятеля. Но флотъ Піали шакъ былъ разспроенъ, побѣда такъ обрадовала Турковъ, что они свѣшили съ шоржествомъ возвратиться въ Царьградъ. Здѣсь вскорѣ было получено извѣстіе и о побѣдѣ Амураша: пятьдесятъ дней отражалъ Багдадъ жестокіе его приступы, наконецъ

паль и шридцать тысячъ безоружныхъ Персіянъ, зарѣзанныхъ на развалинахъ Багдада, доказали смертію свирѣпою мщеніе и ярость Султана. Торжествуя кровавую побѣду, онъ видѣлъ наконецъ Персіянъ униженныхъ, просящихъ мира; наградила Піали-Пашу за его побѣду, и видя, что пораженіе не останавливаетъ Казаковъ, а напротивъ усиливаетъ ихъ мщеніе, грозилъ опплатить за всѣ обиды Москвѣ, испребишь Казаковъ и наказашъ Хана. Между тѣмъ радовался, пилъ, въ праздникъ Байрана дошелъ до такого буйства, что впалъ въ жестокою болѣзнь и 8 Февраля, 1640 года, умеръ на 31 году, унося въ могилу великія надежды своего государства.

У него не было дѣтей; братья всѣ были имъ умерщвлены, кромѣ безобразнаго, слабоумнаго Ибрагима, котораго пощадилъ онъ, бросивъ на всю жизнь въ шюрьму. Изъ мрачной темницы Ибрагимъ возведенъ на пронь. Мать его и Великій Визирь Мугаммедъ - Паша правили дѣлами. Амуратъ оставилъ послѣ себя Турцію въ положеніи довольно затруднительномъ. Австрія, Польша, Россія объявляли разныя требованія; Венеція готовилась къ войнѣ; Персія, ободренная смертію Амураша, грозила мщеніемъ за кровь жипелей Багдада; Крымъ былъ въ состояніи неспокойномъ. Казалось, все соединяется теперь въ рѣшеніи войны

съ Казаками; Визирь увидѣлъ, что губительный ударъ буйной толпы ихъ, всего скорѣе сдѣлаетъ сильное впечатлѣніе; но почти годъ прошелъ, пока собрался идти на Азовъ. Австрія, Персія, Польша и Россія ждали слѣдствій похода, упрочивавшаго Туркамъ и военную честь ихъ и спокойное обладаніе Крымомъ и Чернымъ моремъ. Пригошовленія были чрезвычайныя, какъ будто дѣло шло о завоеваніи сильной страны. Самъ Великій Визирь принималъ начальство надъ войскомъ. Піали-Пашу, величавшагося своею побѣдою, возвели въ достоинство Капудана - Паши (Великаго Адмирала) и оправили съ флотомъ. Но несчастныя предзнаменованія означили начало похода и грозили, по мнѣнію Турковъ, бѣдствіями Царюграду и всему государству. Сдѣлался страшный пожаръ въ Царьградѣ. Великій Визирь самъ пушилъ пожаръ, бросался въ огонь, обжегъ руки и опалилъ бороду; тогда же получено извѣстіе о землетрясеніи въ Таврисѣ; безпушнаго, немънаго Сулмана разбилъ параличъ и Визирь увидѣлъ, что присутствіе его въ Царьградѣ было необходимо. Сивестрійскій Паша Гуссейнъ - Дели находился тогда въ Царьградѣ. Извѣстныиъ своею храбростію, онъ увѣрялъ Визиря, что знаетъ Казаковъ и презираетъ ихъ, просилъ вручить ему начальство надъ войсками и обѣщаль безъ труда взять Азовъ и рѣшить всѣ сомнѣнія.

Визирь долго колебался, но убѣдился наконецъ совѣтами Гуссейна, и когда пронырливый Господарь Молдавскій, Машвѣй Луцуль, умѣлъ склонить Поляковъ не согласиться на свободный пропускъ Турецкаго сильнаго войска къ Азову, боясь что оно раззоритъ его Молдавію, Визирь успѣлся своей боязней. Гуссейнъ-Дели получилъ главное начальство надъ сухопутными войсками и отправился въ походъ, вслѣдъ за Піали, уже бывшимъ тогда въ Азовскомъ морѣ.

IX. Такъ собралась надъ Азовомъ грозная шуча брани. Не знаемъ утвердительно числа войскъ Турецкихъ. Казацкія извѣстїи говорятъ намъ, что 250,000 войска, 100 большихъ каноргъ, 80 кораблей, 90 лодокъ и 20 судовъ съ военными припасами осаждали Азовъ. Другія извѣстїя говорятъ напрошивъ, что войско составляли 20,000 янычаръ, 20,000 спаговъ, 10,000 Черкесовъ, 50,000 Татаръ (не считая Молдаванъ, Волоховъ, Европейцовъ, Буджаковъ и проч.), а 45 галеръ и великое число гальбшовъ, чаекъ и другихъ судовъ составляли флотъ. Положивъ первый счетъ увеличеннымъ, можемъ однакожь согласиться, что болѣе 100 судовъ и болѣе 100 тысячъ войска выслано было прошивъ Азова. Адмиралъ Гуссейнъ-Паша и Ханъ Татарскій ручались за ключи Азова; всѣ считали Казаковъ погибшими. Можно ли

было, при всей опчальной храбрости ихъ, проливосташъ шакому страшному неприятелю?

Казаки видѣли, что въ самомъ дѣлѣ имъ предстоить подвигъ необыкновенный. Помощниковъ у нихъ не было; но они слышашъ не хотѣли, чтобъ измѣнишь славу своего имени и оставишь Азовъ безъ бою. Издавна вѣдая о приговореніяхъ Султана, они запасали Азовъ порохомъ, укрѣпляли валы, исправляли пушки. Пяшь тысячъ присна шестьдесятъ семь человекъ зашворилось въ Азовъ, укрѣпленномъ тремя валами, множествомъ подкоповъ, припасовъ и снарядовъ. Жены не хотѣли оставишь мужей своихъ. Множество орудьевъ Казацкихъ расположилось въ ошдаленіи отъ Азова, къ споронѣ Крыма и къ Донскимъ селеніямъ. Іюня 3 д. явился Турецкій флотъ; Іюля 24 д. пришло сухопутное войско.

Исторія не Поэзія: она говоритъ что было, что *передаютъ* ей современники. Жалѣемъ, что не можемъ изобразишь въ живой картинѣ Донцовъ, когда взоры нѣсколькихъ государствъ обращены были на то мѣсто, гдѣ смѣлый, немногочисленный народъ готовился выдержашъ бой съ сильнымъ, могущественнымъ государствомъ. Наши лѣтописи скудный испоч-

никъ для историка ; передадимъ , что сохранили они для памяти.

Войско осаждающихъ расположилось по обоимъ берегамъ Дона. Видя небольшой городокъ, Казаками защищаемый, Турецкіе полководцы думали сначала , что просто задавшъ его сильнымъ приступомъ. Ташары опряжены были не допускать по Дону помощи въ городъ. Начался приступъ; защищеніе было опчаянное и осаждающіе опбины. На другой день приступили снова ; Казаки снова явились на спѣвахъ и опбили враговъ. Третій приступъ не даль имъ опомнисья. Желая доказать свою бодрость, Казаки сдѣлали вылазку. Съ большею яростію приступили къ Азову Турки : шесть дней сряду продолжались ихъ приступы ; въ седьмой, Казаки не могли болѣе проливисья : янычары съ бою заняли баспїонъ крѣпости, но побѣда бусурмановъ оживила защитниковъ. Послѣ упорной битвы они прогнали янычаровъ. Жены, дѣти сражались : лили на непрїятеля смолу, масло, кипятокъ. Наконецъ успѣли заманись янычаровъ на подкопы и взорвали ихъ. Ночью опять сдѣлана вылазка ; подкопъ, подлѣ самаго лагеря Турецкаго, взорванъ ; Казаки врѣзались въ лагерь, опбили большое Султанское знамя и янычары шрепеща, что подъ ихъ ногами земля подниметься въ тайномъ подкопѣ , опказались идиши на крѣпость.

Въ Турецкомъ лагерѣ оказывался недостатокъ хлѣба, припасовъ, даже пороха. Надвѣясь запасаться въ землѣ Русской и Донской, Турки мало имѣли запасовъ, но посланные за хлѣбомъ и припасами были въ совершенной обладѣ. Казаки являлись изъ лѣсовъ и засадъ, били отряды и ничего не давали захватить. Паша ободрилъ войско идти на приступъ. Турецкіе спаги сошли съ лошадей, пѣшіе бросились вмѣстѣ съ янычарами и были отбиты.

Тогда рѣшились ждать полученія пороха и начать продолжительную осаду. Прошло нѣсколько дней въ бездѣйствіи; недостатокъ въ лагерѣ усилился, появились болѣзни. Начальники не думали уже храбровать, желали взять Азовъ какъ-бы то ни было и рѣшились вступить въ переговоры. Осажденные не являлись съ покорною головою, никто не шелъ просить Турковъ о помилованіи. Принужденны были перебросить въ Азовъ нѣсколько стрѣлъ съ записками о переговорахъ. Это доказывало Казакамъ ихъ успѣхи и ободряло ихъ. Они не отказались отъ переговоровъ, впустили къ себѣ Мугаммеда-Агу, посланнаго отъ Піали-Паши и Куртъ-Агу и Чехомъ-Агу, посланныхъ отъ Тапарскаго Хана. Посланники предложили 42,000 червонныхъ за сдачу Азова, обѣщая немедленную уплату 12,000, свободный выпускъ осажденныхъ и остатокъ плащы по оставленіи Азова. Казаки ласково говорили съ

послами, но отказались отъ предложенія, и когда Турки, видя ласковый пріемъ, надвѣялись еще, что Казаки, можетъ спастись, *пойдутъ на мировую*, смяшеніе въ лагерьъ было вѣстію о вылазкѣ Казаковъ. Пришворно бросились они бѣжать отъ Турковъ, заманили преслѣдовавшихъ на при подкопа и взорвали ихъ. Увѣряющъ, что въ семь случаевъ погибло болѣе 1500 неприятелей и янычары не смѣли уже гоняться за Казаками, когда они послѣ того безпрестанно нападали на лагерь Турецкій.

Между тѣмъ Турки порадованы были полученіемъ съѣстныхъ припасовъ и пороху. Калашъ-Ага, Мугаммедъ-Ага и другіе, на судахъ привезли порохъ и ядра; Асанъ-Паша изъ Очакова привезъ съѣстные припасы. Турки насыпали высокій валъ, устроили баатарей. Вскорѣ, 120 пушекъ начали разрушительно гремѣть въ городъ. Огромныя и каленыя ядра жгли, разрушали строенія. Церковь Св. Іоанна Крестителя вся разрушилась; церковь Св. Николая чудотворца, стоявшая въ низкомъ мѣстѣ, была разбита до половины. Осажденные скрывались только въ землянкахъ, гибли и не сдавались. Открылся новый родъ войны. Венеціанскіе и Нѣмецкіе *городоупцы* повели подкопы. Казаки мѣшали ихъ работѣ, выходили изъ города, дрались съ ними даже въ подкопахъ, подрываясь съ своей стороны, взорвали

въ двухъ мѣсяцѣхъ валъ осаждающихъ. Казалось, что въ Азовѣ люди раступѣ изъ земли. Турки не могли узнать числа защитниковъ. Ни одинъ Казакъ не передавался имъ; плѣнныхъ пытали, мучили, вывѣдывая у нихъ шайну состоянія города. Казаки шептали смертную испому и не говорили ни слова. И брашья Казаковъ не дремали. Замѣтивъ оплошность Тапарскихъ карауловъ, они подавали по Дону помощь къ Азовцамъ. Шестнадцать дней продолжалась бесполезная пальба. Голодь въ Турецкомъ лагерѣ усилился снова; надежды получить припасы не было. Быка продавали въ лагерѣ вмѣсто одного писполя по 20, за барана давали по три писполя, накормить ячменемъ лошадь стоило шалеръ. Между тѣмъ наступило осеннее дождливое время, холодная погода. Тапары конные не могли, пѣшіе не хотѣли дѣйствовать. Думали, что полуразбитый городъ уже не защититъ Казаковъ, сдѣлали еще приступъ, и въ жаркой битвѣ въ самомъ дѣлѣ взяли одинъ изъ бастіоновъ, Забракольскій; но усиленнымъ напискомъ Казаки быстро вырвали его изъ рукъ непріятельскихъ.

Турки увидѣли необходимость превратить осаду Азова въ простую блокаду; надобно было думать объ отступленіи и Гуссейнъ-Дели со спыдомъ послалъ въ Царьградъ просить позволенія — отступить отъ Азова и оплошить взятіе его до будущей весны. Визирь изумился, не

хотѣвъ слышать, не хотѣвъ знать никакихъ условій. Весь опивъ его соспоая въ чепырехъ словахъ: *»Паша! клюги Азова или голову твою!«* Опивъ ужаснулъ Гуссейна. Движеніе въ войскъ Турецкомъ показало Казакамъ нѣчто необыкновенное. Изнуренные, ослабѣвшіе въ числѣ, они не видѣли возможности выдержать еще разъ приступъ, безъ особеннаго чуда. Во все время осады они держали спрोगій постъ, молились и готовились на каждую битву, какъ на явную смерть. Теперь еще горяче молили о помощи Бога. Радость распространилась въ Азовъ, когда нѣкоторые изъ почетныхъ Казаковъ возвѣсшили, что молитвы ихъ услышаны и рассказали о чудесномъ видѣніи своемъ. Многіе изъ спарцовъ видѣли во снѣ прекрасную жену, одѣтую въ багряную ризу и древяго мужа, власатаго и босаго, обѣщавшихъ защиту и помощь за ихъ христіанское терпѣніе. Всѣ удивились и страшному чуду, когда на образъ Св. Іоанна Крестителя, спасенномъ изъ разрушенной церкви, писанномъ, по преданію, въ 1527 году и издревле находившемся въ Азовской церкви, появились слезы и потекли, какъ роса небесная; всѣ снова ожили и почували силу сражаться. Мужество было попребно защитникамъ Азова: приступъ въ концъ Сентября былъ послѣдній, но ужасный. Онъ отбитъ — и ни указъ Султана, ни повелѣнія вождей, ничто не могло

удержать войска. Ханъ Ташарскій опусту-
пиль и 26 ч. Сентября, сдѣлалось замѣшно
общее опстугленіе Турковъ. Въ праздникъ
Покрова Пресв. Богомашери, всѣ Турецкіе
лагери были брошены; Турки выступили
въ походъ, суда ихъ опцдыли; радость,
смѣлость Казаковъ были шакъ велики, что
забывъ труды свои, защитники Азова
преслѣдовали непріятеля. Но тогда мно-
жество Донскихъ воиновъ явилось оп-
всюду и погналось за бѣгущими.

Гуссейнъ-Дели не зналъ, куда дѣвашь-
ся. Онъ боялся явиться въ Царьградъ, при
дня госпиль у Крымскаго Хана въ Козло-
въ и съ небольшимъ опрядомъ войскъ пере-
брался въ Кинбурнъ. Здѣсь получилъ онъ
извѣстіе о смерти Крымскаго Хана. Подо-
зрѣвали, что Ханъ оправленъ былъ по его
повелѣнію и подозрѣніе оправдывалось
тѣмъ, что всю вину передъ Визиремъ сла-
галь онъ потомъ на бездѣйствіе и вражду
умершаго Хана. Піали-Паша оправдывался
бурею, которая въ самомъ дѣлѣ разнесла
флотъ на возвратномъ пуши его и прину-
дила Піали зайдши въ Кафу. Но не смотря
ни на какія опговорки, смерть ожидала
Гуссейна и Капудана-Пашу въ Царьградѣ.
Только застугленіе Султанской матери
спасло ихъ опъ веревки; они лишены бы-
ли чиновъ и сосланы въ ссылку. Гнѣвъ, изу-
мленіе Турковъ шрудно было вообразить.
Дѣло, на которое полагали надежду, неуда-
лось. Говорили, что никогда луна Турец-

кая не была попомнѣна такимъ позоромъ. Визирь кипѣлъ мщеніемъ. Всѣ другія предпріятія были оставлены. Велѣно снова собирать войско многочисленнѣе прежняго, готовить великій флотъ. Сдѣлано неслыханное распоряженіе: самъ Визирь принялъ чинъ Капудана-Паши и первѣйшій изъ областныхъ правителей, Мустафа, Паша Египетскій, объявленъ Силиспрійскимъ Пашею и начальникомъ надъ сухопутнымъ войскомъ. Но неудача военная открыла свободное поприще политикъ и она начала рабшашать дѣятельно.

Х. Защищеніе Азова стоило Казакамъ трехъ тысячъ человекъ; остальные защитники Азова были *всѣ переранены*. Потерю неприятеля полагали въ 90 тысячъ человекъ (по другимъ, вѣроятнѣйшимъ, извѣстіямъ она проспіралась до 30 тысячъ). Слухи, какъ о числѣ бывшихъ подъ Азовомъ, такъ и о числѣ погибшихъ, разумѣется, увеличенные, извѣстія о подвигѣ Казаковъ, неслыханное дѣло защиты маленькаго, разстрѣланнаго города быстро пролетѣли повсюду. Въ Москвѣ и Варшавѣ едва могли повѣрнть слышанному. Отъ 29 Октября, отправилась въ Москву *станица* Казацкая. Атаманъ Наумъ Васильевъ, Есауль Ѳедоръ Порошинъ и 24 казака, предстали предъ Царя. Люди, опразившіе сотни тысячъ войскъ, смиренно били челомъ, разсказывая о спрашнхъ пушкахъ Турецкихъ, у копто-

рыхъ ядра бѣли въ полшора нуда и въ 30 гривенокъ, о сраженіи подѣ землею; въ самыхъ подкопахъ, о земляныхъ валахъ, чѣмъ бусурманы хопѣли, засыпавъ, подавить ихъ, о рвахъ, копанныхъ непріателемъ на пять верстѣ, о посулахъ по 1000 шаперовъ на Казака и возбуждали невольное удивленіе. Народъ считалъ за щипу Азова чудомъ, явнымъ знакомъ особенной Божіей милоспи, рассказывалъ о видѣніяхъ въ Азовѣ. При всеобщей радости, Казаки свободно осмѣлились объявить свое шребованіе чиновникамъ Царскимъ.

Дѣло шло о будущей судьбѣ Азова. Ссылаясь на подвигъ свой, Казаки утверждали, что если Царю будетъ угодно взять Азовъ за себя, они ручаются, что Азовъ удержашъ будетъ можно. Исчисляли выгоды отъ приобрѣшенія, важность Азова для шорговли, для удержанія Крымской орды; вѣроятно, говорили и о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ. Слова Казаковъ воспламеняли Царя, вельможъ и народъ. Дѣло считали общимъ для всей Россіи. Предлагая Царю свои услуги, свою готовность стоять вѣрою и правдою, Казаки объявили, что безъ Царской помощи имъ не сдержашъ Азова, говорили о новыхъ пригошвленіяхъ Турціи, признались, что вольный народъ ихъ не будетъ имѣть удобства идши будущей весною въ морскіе поиски; отъ нужды и сидѣнья обни-

щаль, оголодавъ и не въ состояніи одинъ прошившись силъ Турецкой и Тапарской.

Но лаская Казаковъ въ Москвѣ, радуясь ихъ славному подвигу, вельможи Московскіе не умѣли понимать ихъ. Уже 24 года продолжалось царствованіе Михаила. Россія не была уже государствомъ разспроеннымъ внупри и пѣснымымъ извнѣ, но время побѣдъ для нее еще не наспавало. Царь кропкій, миролюбивый, незабвенный для насъ примиреніемъ, успокоеніемъ Россіи, не имѣлъ швердоспи рѣшившись на смѣлое предпріятіе, могъ опасаться гибельныхъ неудачъ. Привыкнувъ съ самага начала царствовать подъ руководствомъ мащери, потомъ въ печеніе четырнадцати лѣтъ быль подъ властію своего благочестиваго, кропкаго родителя, Пашріарха Филарета, Михаилъ и по смерти его (въ 1633 г.) не могъ привыкнутьъ управлять безъ совѣтниковъ. Бояре имѣли сильное вліяніе на образъ мыслей Царя; Бояринъ Борисъ Морозовъ, мужъ корысполюбивый, гордый, управлялъ мнѣніемъ Бояръ. Неспособный къ великимъ, ошважнымъ предпріятіямъ, Морозовъ также мало думаль о славѣ и пользахъ опечеспа. Состояніе народа, правосудіе, финансовая система были разспроены. Къ недоспащкамъ общей політической системы государственнаго управления, бывшей шогда въ Европѣ, въ управление Россіи присоединялись недоспащкшчасшныя. Толь-

ко крѣпкая рука, здравый, свободный умъ Алексія и чудный геній Петра могли взвѣснть силы Россіи, на нихъ положишь основаніе грознаго ея величія и вѣками подвинушь медленный ходъ ея славы и могущества. Михайлъ не имѣлъ ни сильнаго воинскаго духа сына своего, ни всеобъемлющаго генія Петра.

Болѣе мѣсяца разбирали дѣло въ Думѣ Боярской и кончили самымъ неудачнымъ рѣшеніемъ въ дѣлахъ политическихъ и во всякихъ: нерѣшительностію. Богато наградили присланныхъ Казаковъ, послали ихъ, 2 Декабря, изъ Москвы въ Азовъ съ царскою милоспивою грамотою, но ни одинъ государственный сановникъ не оставилъ своихъ Московскихъ перемовъ. Дворянинъ Желябужскій и какой-то подъячій Арфа Башмаковъ оправились въ Азовъ съ Атаманомъ Васильевымъ и Есауломъ Порошинымъ. Они привезли 5000 рублей, въ награду Казакамъ, но не привезли ни пороху, ни снарядовъ. Войско Московское бездѣйствовало. Разсматривая грамоту Царя, видимъ всѣ признаки споровъ и нерѣшительности боярской. Вѣроятно, Боярамъ казалось уже много, что въ грамотѣ не боясь Турковъ, явно признали Казаковъ подданными Россіи; сказали, что Казаки опспивали Азовъ *служя Царю и его Наслѣднику*. Слѣдовательно: Россія не отрекалась отъ Азова; но что могли разрѣшить слова грамоты: »А о

«Ипомъ, чю писали, вы къ намъ объ Азовъ
 мы приказывали сказать намъ Апаману
 Васильеву, по по сему мы велели послан-
 нымъ нашимъ, Желябужскому и Башмако-
 ву, Азовъ осмошрѣшь, переписашъ и на-
 чертишь на планъ, а цощомъ далимъ
 вамъ указъ и повелѣнїе наше, скорѣ. Оп-
 пусните скорѣ посланныхъ, стойте за
 насъ крѣпко, а чю вы шеперь наги и
 босы, какъ вы къ намъ писали, чю у васъ
 нѣтъ запасовъ и пороху, чю многіе изъ
 васъ переранены, многіе отъ нужды хо-
 шятъ идти врознь, по мы посылаемъ къ
 вамъ 5000 рублей, и не оскорбительсь, чю
 не посылаемъ запасовъ и пороху; рассу-
 дите сами, чю ни шеперь, звинимъ пу-
 штемъ, ни весной, по полой водъ, по-
 шлемъ ихъ къ вамъ не можемъ, а дѣломъ,
 и еще жалованья и хлѣбныхъ, сѣвскихъ
 запасовъ, пороху, свинцу и сукна при-
 шлемъ непременно. Будьте *однолично* на
 нашу государственную милость и жало-
 ванье надежны.»

Такое рѣшеніе не могло удовлетво-
 рить Казаковъ, когда въ рѣшиительности
 и быстротѣ заключалось все спасеніе ихъ
 предпрїятїя. Разумѣется, чю Башмаковъ
 долженъ былъ найдти Азовъ разореннымъ,
 разбитымъ. Не знаемъ, чю говорили съ
 ними Казаки, сказали-ль ему, чю не въ
 стѣнахъ Азовскихъ заключалась та крѣп-
 кая ограда, за которою опсидѣлись они;
 не знаемъ, могъ-ли даже Башмаковъ разу-

вѣсть ихъ и смѣль-ли сказать въ Москвѣ, что говорилъ ему на Дону. По крайней мѣрѣ, Башмаковъ, возвращаясь въ Москву, доносилъ только, что «городъ Азовъ опъ Турецкихъ и опъ Крымскихъ людей разбилъ и разоренъ весь до основанія, а скорѣ того города подблати ни которыми лбрами нельзя и опъ приходу воинскихъ людей сидѣти не въ чемъ.» Вслѣдъ за нимъ прискакала въ Москву новая спаница Казаковъ, опяшь Ашаманъ Наумъ Васильевъ и съ нимъ Ашаманъ Аввакумъ Сафоновъ, Ясауль Романъ Родіоновъ. «Возмите Азовъ,» говорили они, «пошлите войско и воеводъ: мы опспоимъ Азовъ и съ государевымъ воеводою и съ его рашными людьми рады за государя головами и всею душою померешъ вмѣспъ, одинъ за одинъ. Крымъ будешъ подъ нашею рукою; замѣшше, что пока Азовъ былъ за нами, Крымцы не приходили воевашъ Россію. Самимъ намъ въ Азовъ мало нужды; мы уѣдемъ въ свои Донскія юрты.» Бояре думали, разноголосили и медлили.

Но Турція знала все и не дремала. Молдавскій Государь Лупуль сдѣлался посредникомъ сношеній между Россією и Турцією. Умный Визирь зналъ *сб кмб* и зналъ *какб* должно поступать. Спращая всѣхъ грозными приговореніями, онъ умѣлъ всѣхъ обмануть. Слабоумный Ибрагимъ давалъ ему полную волю. Визирь объявилъ походъ на Кандію и шѣмъ занялъ Венеці-

нѣ. Съ Австріей немедленно открылись переговоры. Австрійцы преобладали только порядочнаго разграниченія земель, и Баронъ Квестенбергъ, посланникъ ихъ, дивился ласковости, вѣжливости Турковъ; никогда не были Турки такъ уклончивы, уступчивы. Лупуль занялъ Польшу своими рассказами и припомъ Владиславу нѣкогда было думать о завоеваніяхъ: въ нѣдрахъ его государства горѣла непримиримая вражда Казаковъ Малороссійскихъ: Кожухъ и Бѣлякъ, Малороссійскіе гетманы, уже открыто сражались пропавъ своего владетеля. Но Турки всего болѣе опасались Россіи. Здѣсь Визирь испощилъ все свое искусство. Какъ будто не зная новыхъ отношеній Россіи къ Казакамъ, послы отъ Султана явились въ Россію, извѣстили о рожденіи первороднаго сына Султанскаго Мугаммеда, увѣряли въ дружбѣ, жаловались на недружеское расположеніе Рускихъ, представляли Казаковъ разбойниками, которые не уважаютъ самыхъ священныя правъ человечества, рѣжутъ пословъ и за пять лѣтъ убивъ Канпакузина, недавно убили вѣхавшаго въ Москву Турецкаго посла Чауша Мугаммеда - Келеби (въ самомъ дѣлѣ убишаго Запорожцами). Тайна Турецкаго посольства открывается въ распоряженіяхъ, сдѣланныхъ тогда въ Москвѣ. Немедленно отправленъ былъ въ Царьградъ Илья Даниловичъ Милославскій, человекъ хитрый, преданный Боярину Морозову,

длиннѣйшій съ нимъ всѣ ширны обогащенія (въ дочеряхъ его въ послѣдствіи женились юный Царь Алексій и самъ Морозовъ). Милославскаго принимали въ Царьградѣ величаво и ласково, но предложили ему огромную роспись жалобъ. Вспоминишь, что Милославскій видѣлся уже съ Лупуломъ, будто митрополитомъ, имѣлъ, какъ увѣряютъ современники, денежныя доказательствва, для себя и Морозова, въ доброхотствѣ Турковъ и рѣшился всѣми *небѣрными* выгодами пожертвовать поддержанію мира между обоими государствами. Онъ даже не имѣлъ духа сказать Визирю о признаніи Казаковъ подданными Россіи, отрекался опъ нихъ именемъ Царя и подтверждая всѣ рассказы о свирѣпости, буйствѣ, *клятвопреступленіяхъ* Казаковъ, самъ рассказывалъ о нихъ *небылицы*, что Царь не одобрялъ похода на Азовъ, посылалъ Казакамъ съ Михайломъ Зайковымъ повелѣніе не воевать съ Азовомъ, но Казаки не только не послушались Царя, но и посланника Зайкова убили. Въ Москву Милославскій писалъ, что Турки соглашаются на всѣ *шребованія*. Впрочемъ *сѣ* *шребованія* Милославскаго составляли весьма немногое: унять Крымцовъ и дать въ грамотахъ Русскому Царю *надлежащій шипуль*. Турки общали первое и согласились назвать Русскаго Царя *Государемъ надъ Государями*. Въ случаѣ помощи Рускихъ Казакамъ, они грозили *неслыханнымъ впаденіемъ* Ташаръ и смер-

тію вѣхъ христіанъ, живущихъ въ Турціи. Лыковъ и Буколовъ, кажешся, оставшіеся послѣ Милославскаго въ Царьградѣ, писали въ Москву ужасныя вѣсти, увѣряли, что Султанъ подѣ смертною казнію объявилъ всемъ Туркамъ поголовное вооруженіе, Татарамъ велѣлъ кормить лошадей и бытъ *свѣмб* на весну гоповымъ къ походу; что часть войска Турецкаго назначается подѣ Азовъ, но большее число прямо въ Россію, если Царь окажетъ Казакамъ какую нибудь помощь и благоволеніе. Братъ убилаго Запорожцами Чауша Мугаммеда-Челеби присланъ былъ опѣ Султана въ Москву. Его приняли со всеми почестями и дѣло было кончено; оставалось совершить однѣ формы. Можеть бытъ, нѣкоторые изъ Бояръ еще спорили и не соглашались, съ Морозовымъ и его приверженцами; можеть бытъ и Царь еще колебался. Положено созвать *Великій Соборъ* въ Москвѣ, пригласить къ совѣщанію всѣ званія государства, духовенство, дворянство, купцовъ, разночинцовъ, стариковъ и молодыхъ, позволилъ имъ сказать свое мнѣніе о дѣлѣ столь важномъ и рѣшить конечно: «братъ-ли Азовъ за Россію» и помогать Казакамъ, или оставитъ имъ на произволь: бытъ подѣ рукою Царя, «бросивъ Азовъ или бытъ по волѣ и сражаться съ Турками, какъ они могутъ и умѣютъ, безъ Царской помощи?»

XI. Соборъ собранъ 3 Января, 1642 года, въ Царской Столовой избѣ. Царь присушествовалъ на собраніи, гдѣ находились: Сераціонъ Митрополитъ Крушицкій, Духовенство, Бояре, Окольничіе, Думные люди, Спольники, Спряпчіе, Дворяне, Дьяки, Головы, Сопники, Дѣти Боярскіе, Гости, торговые люди, служивые и жильцы, кромѣ Москвы, изъ Владиміра, Новагорода, Смоленска, Нижняго, Рязани и другихъ, всего сорока двухъ обласпей. Не знаемъ: обрядъ-ли былъ такой или ухищреніе Бояръ произвело, что Царь не присушествовалъ уже на другомъ засѣданіи, гдѣ при Боярахъ читали Собору изложеніе дѣла. Въ первомъ засѣданіи, Думный Дьякъ и Печатникъ Ѡ. Лихачевъ объявилъ только волю Царскую, по которой шребуются оцъ собранія его мнѣнія (*).

Изложеніе дѣла написано было искусно. Крашко упомянувъ о подвигѣ Казаковъ, собранію подробно говорили о донесеніяхъ Башмакова и Лыкова съ Буколовымъ. Пользъ оцъ взяціа Азова не выспалили никакихъ, а затрудненія всѣ. »Разныхъ людей надобно будетъ много, денегъ и припасовъ также много. Извѣстно, что Турки ведутъ войну не по одинъ годъ, а великіе запасы и многія деньги гдѣ вы думаете взять?»

(*) Описаніе Собора слово въ слово взято изъ помѣщенныхъ подробныхъ актовъ въ *Собр. Госуд. Грамотъ*, Т. III, стр. 378 и слѣд.

Но писавшіе предложеніе Собору ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Правда, Митрополитъ и его совѣтники сказали, что они должны молитъ Бога о устроеніи всего міра и благосостояніи святыхъ церквей, а разное разсмотрѣніе или не за обычай, а дѣло то есть дѣло Царя и Боярѣ его, а если рѣшатся на брань, они помогутъ еяжевы; правда, что Спольники совѣщивали поручить удержаніе Азова однимъ Казакамъ, въ помощь имъ придашь польско охочихъ людей, а гдѣ взять припасы, объявили свое незнаніе; Спирьвльцы предославили рѣшеніе совершенно на волю Государя и Боярѣ, не говоря ошъ себя ни слова; Дворяне Московскіе, Владимірскіе, Нижегородскіе и Муромскіе сказали: *»Будетъ Государю угодно и онъ велитъ Азовъ принять; будетъ не угодно, онъ не велитъ принять; а едѣ люди взять, и едѣ денеги взять, Государева воля; Бояре за насъ вѣтные промышленники, а мы служить рады,«* къ чему Владимірцы прибавили польско: *»бѣдность наша Государю и Боярамъ вѣдома.»* Но сильный духъ Рускихъ раскрылся въ голосахъ, поданныхъ другими сословіями и иногородными Дворянами.

Изъ среды Дворянъ Московскихъ Никиша Ивановичъ Беклемишевъ и Тимоѣей Сидоровичъ Желябужскій объявили особо, что на увѣренія Тапаръ полагаться не должно, и шу казну, какую посылають въ подарокъ Крымцамъ, лучше обращать

на жалованье войску, которое пошлютъ оразишься съ ними. Азовъ взять малыми людьми, но съ тѣхъ поръ не было уже на Русь набѣговъ Татарскихъ: доказательство важности его. Въ защитѣ Азова явно чудо Божіе. Если у Государя нѣтъ казны, пусть опредѣлишь изъ всѣхъ званій людей присяжныхъ добрыхъ и велишь имъ собирать со всѣхъ насъ; пусть разсмотритъ приписанія бѣдныхъ отъ людей *сильныхъ и корыстовныхъ*. При отдачѣ Азова всѣ Нагаи и Горцы будутъ у Турковъ; съ удержаніемъ его всѣ наши, и Россія оградишься безопасностію. — Грѣхъ будетъ на насъ, говорили Новгородцы, Коспромитаи, Смоленцы и другіе, если мы отдадимъ опять христіанскій городъ бусурманамъ и церковь и чудотворную икону Св. Іоанна Крестителя въ руки ихъ. Не чудо-ли, что Государю нашему дошелъ такой дальній городъ? Казны у Государя много, а не достанетъ, вели онъ брать со всѣхъ насъ. Еще успѣемъ снарядить и устроить Азовъ. »Вели только, »Государь, не различать бѣднаго съ богатымъ; посмотри какъ дѣяки и подьячіе пожалованы тѣбою, отяжелѣли, »обогатѣли мздоимствомъ, выстроили дома и каменные палаты, какихъ не бывало и у вельможъ при прежнихъ Государяхъ; вели разсмотрѣть поборы и дачныхъ людей съ монастырскихъ имѣній: пусть кроются ухищренія; да и за-

чѣмъ лежащая князѣ у Патриарха, Митрополитовъ, Епископовъ и въ монастыряхъ? Возмите ее на государственную нужду. Мы всѣ идши гоповы и работаемъ головами и душою.» — Намъ говорятъ, прибавили Каширцы, Ярославцы, Рязанцы и другіе, намъ говорятъ, что Турки ведутъ войну не по одинъ годъ, но на это воля Божія: вольно Богу и въ малъ времени укропимъ. У Государя все естъ; вели онъ кличь кликнущь, такъ явишя народъ, а раззорены мы пуще Турскихъ и Крымскихъ бусурмановъ Московскою волокитею и отъ неправедныхъ судей. — Мы не знаемъ, быль ли раша, говорили купцы, но гоповы давать что нѣмемъ, гоповы идши сами, но худы стали торжишки наши отъ неправды управителей, да отъ иноземцовъ, Нѣмцовъ и Персіянъ: приближаютъ они къ намъ въ Москву съ товарами, да всѣ наши торжишки отбили и воеводы потакаютъ имъ и ласкаютъ ихъ, а мы оскудали до конца. — Пожары, да подати, подводы, да кормежныя денъей раззорили насъ, говорили разночинцы, разсуди насъ Государь, съ нашими воеводами, да съ дьяками: они сбѣдаютъ что мы даемъ тебѣ, Государю, а не смотря на то, мы готовы идти сами и платить гоповы.

Все было записано и подано отъ Собора. Въ голосовъ одвлана выборка, весьма краткая. Все непріятное Боярамъ и Дьякамъ выпущено; остались попреки на

богатство Духовенства и общее содержаніе воѣхъ голосовъ: какъ угодно Царю и боярамъ, такъ и будетъ. Сильныя причины удержанія Азова забышы, выспавлена разноголосица. Удивляемся дерзосши Дьяка Лихачева и пловарицей его, осмѣлившихся при своей выпискѣ приложити подлинныя голоса, поданныя ошъ бывшихъ на Соборѣ (*).

ХІІ. Казаки ждали и не могли дождаться рѣшенія. Уже четыре мѣсяца прошло послѣ Собора Московскаго, уже слышно было, что флотъ Турецкій ошправился, войско двинулось въ походъ. Наконецъ 30 Апрѣля, поспѣшно ошправленъ былъ къ нимъ изъ Москвы Ясауль Родіоновъ (Апамановъ Васильева и Сафонова оспавили въ Москвѣ) и съ ними дворянинъ Михайла Засѣцкій. Велѣно ѣхать не по обыкновенной Воронежской, но по ближайшей, опасной дорогѣ черезъ Валуйки; на каждаго человекъ выдано было по 30 рублей, чшобы имѣти имъ по двѣ лошади добрыхъ и скакать скорѣе. На Донцѣ встрѣтились съ посланными Татарскіе отряды и напали на нихъ. Едва ускакалъ Засѣцкій съ немногими провожаемыми и привезъ грамоту Казакамъ, въ которой оспавляли имъ на волю: оспавити Азовъ, быти подданными Царя и надѣяться на его милость и щедрость, или держати Азовъ, не

(*) См. Соб. Гос. Грам. Т. III, 397 и слѣд.

ожидашь изъ Москвы помощи и ждаль ополченій Турецкихъ , кошорыя предоставлены были имъ въ ужасномъ видѣ , идущіе не только опнять Азовъ , но и воевать Россію , если Царь спустится за Казаковъ.

Можешь бышь , когда-бы Казаки прежде знали , что откажутъ помогашь имъ въ такомъ важномъ для Россіи дѣлѣ , можешь бышь , они рѣшились-бы одни проливисья силамъ Турціи ; но обнадеженные грамотами , не получивъ ничего изъ Москвы , кромѣ прежде посланныхъ 5000 рублей , они пропустили время , не успѣли и не могли усстроить войскъ своихъ и Азовской крѣпости . Флотъ Турецкій уже приближался . Они рѣшились оставить Азовъ и не дожидаться битвы пляжкой , необѣщавшей имъ ничего , кромѣ безплодной побѣды или гибельнаго пораженія .

Взявъ икону Св. Іоанна Крестителя , Казаки проспились съ Азовомъ , выбрали свое имѣніе , подорвали стѣны , изломали , сожгли всѣ дома , разрушили все что могли и отправились на лихій Донъ . Турецкій флотъ едва не погибъ въ Керченскомъ проливѣ ; наконецъ , и часъ войска Мустафы-Паши и 38 галеръ Турецкихъ пришли къ Азову ; на мѣстѣ бывшаго города дымилась одиъ развалины . Казаки не нападали на Турковъ и отправили въ Москву Апамана Спешана Иванова и Ясаула Герасима Иванова съ донесеніемъ объ оставленіи Азова . Засѣдкій , свидѣтель покорности Каза-

ковъ , повѣхалъ съ ними. Юля 27 , всѣ Апаманы , жившіе въ Москвѣ , отправлены на Донъ . Съ ними были Дворянинъ Тургеневъ и посланы были Царскія награды Казакамъ , похвала за послушаніе и строгій приказъ : « Опяньи служить и принять и добра хотѣшь вправду безъ всякой хитрости ; словъ нашихъ и Турецкихъ провожать , пропускашь безъ задержанія и съ Турками никакой ссоры не чинишь , упомиришься , жить смирно и безъ задору ; на море не ходишь , судовъ не громить и городовъ и селъ Турецкихъ не воевать . Награду , посланную Казакамъ , соспавляли 200 пеставовъ сукна *настрафилю* и Англійскаго , 2000 рублей денегъ , 2500 четверней хлѣба и крупъ , 200 ведеръ вина , 300 пудъ пороху и 300 пудъ свинцу . Апаманъ Осипъ Петровъ , управлявшій всѣмъ Дономъ и бывшій въ Азовской осадѣ , получилъ особо сукно *лундышъ* и камку *добрую* .

Турки возобновили Азовъ и онъ оспался во власти ихъ до тѣхъ поръ , когда побѣдоносная рука Петра , отвергнувъ опасенія робкой полишники , испугла его изъ подъ державы музульманскаго полумѣсяца . Преданія о завоеваніи Азова , о славной осадѣ его , оспались въ воспоминаніяхъ , разказахъ , пѣсняхъ Казаковъ . Еще доньнѣ гордятся они славнымъ дѣломъ своихъ отцовъ . На Дону хранятъ въ семейныхъ сокровищахъ описаніе взятія Азова : оно писано было *на память родамъ ерядущимъ* ,

но недостоинно исполнено въ сказочномъ, напыщенномъ разсказѣ.

Повторимъ замѣчаніе одного изъ нашихъ либераторовъ, рожденнаго на берегахъ Дона и хорошо знающаго бытъ и преданія своихъ соотчичей: «Примѣшная перемѣна въ общежитіи Донскомъ произошла послѣ покоренія Азова. Въ семь торговыхъ городѣ были порядочныя строенія; Казаки подѣлили ихъ между собою и проживъ тушь болѣе пяти лѣтъ, безъ сомнѣнія, узнали преимущество домовъ, выстроенныхъ по правиламъ архитектуры, предъ своими землянками; они весьма рачительно заботились объ исправленіи ихъ, а еще болѣе объ изобиліи всѣхъ жизненныхъ потребностей въ новомъ своемъ приобрѣтеніи, и даже объ учрежденіи запасовъ на будущее время. Въ это время всего болѣе развилась у Казаковъ гражданская жизнь.» Можемъ замѣтить, что никакое необыкновенное усиленіе духа человеческого не осмѣется безъ слѣдствій благотворныхъ, если-бы наспоющая цѣна его и не могла бытъ заплачена современниками.

Н. П.

II. КРИТИКА.

Второе дополнение къ книгѣ о заемныхъ актахъ — Конспектъ занятій Уѣзднаго Суда — Обзоръ правъ и обязанностей Россійскаго купечества — Россійское Уголовное Право — Новое руководство къ познанію Россійскихъ законовъ — Собраніе законовъ о наградахъ — Историческое обзоръ Россійскаго законодательства — Новый памятникъ законовъ — Полный всеобщій справкѣй.

(О к о н ч а н і е .)

Упомянувъ выше сего (No IV, 315), что по Исторіи отечественныхъ законовъ ни одна книга доникъ не была издана у насъ юридически не только хорошо, но даже сколько нибудь сносно, сказавъ (стр. 316), что должно по сему предмету критически заняться работою и что мы имѣемъ уже довольно матеріаловъ историческихъ, изъ коихъ слѣдуетъ, съ утѣнымъ только разборомъ, извлекъ матеріалы для Исторіи Россійскихъ законовъ, объяснимъ и докажемъ слова наши.

Если Критика Исторіи потребна для исторіи происшествій, то еще болѣе потребна и совершенно необходима она для исторіи обстоятельствъ и причинъ, коихъ происшества бывають слѣдствиемъ. Законы и установленія государства принадлежатъ къ важнѣйшимъ предметамъ исторіи сихъ отношеній, сихъ таинственныхъ двигателей царствъ и народовъ. Какъ Физіологія и Психологія объясня-

юсть намъ дѣйствія и поступки чловѣка, ошдѣльнаго индивидуа, такъ законы и установленія каждаго государства объясняютъ дѣйствія и поступки государствъ, какъ индивидуевъ въ вѣкахъ и народахъ. Въ Исторію законовъ входятъ вспомогательныхъ знаній множество. Критика и Философія суть шѣло и душа Исторіи Законодательства: первая, обращаясь къ фактамъ; вторая къ умоуришельнымъ изслѣдованіямъ.

При разборѣ фактовъ, послѣ *изслѣдованія тожности описанія событій*, Критика, вспомоществуемая Археографіею и Палеографіею, обращается къ *фактамъ законовъ*. Она разсматриваетъ въ нихъ:

1-е. Законы и государств. постановленія, коиъ шекстъ сохранился.

2-е. Законы упомянутые шекстualmente въ Исторіи, или ясно приводимые Исторіею.

3-е. Законы, существованіе коиъ сохранилось въ намекахъ Исторіи, въ обычаяхъ, преданіяхъ и можетъ бышь выведено изъ происхожденія, умоначертанія народовъ.

4-е. Законы, извлекаемые изъ *однообразія событій и правилъ*, коими руководствовались люди при разныхъ (критически - сличенныхъ) происшествіяхъ.

За тѣмъ начинается трудъ историка-философа, который *повѣряетъ фактами событія и обратно*. Пусть вообразитъ послѣ сего, сколько потребно

шруда приготоуишься въ Исторіи Законодательства, сколько мѣлочныхъ заняшій кришки словъ и фактовъ должно соединить съ кришкою событій, съ философіею Исторіи, съ познаніями Юриспруденціи народовъ, имѣвшихъ вліяніе на Законодательство народа, Исторію коего мы занимаемся, съ познаніями въ наукахъ политическихъ вообще! Исторія законовъ тогда только можетъ быть совершенна, когда Палеографія и Археографія сдѣлали уже многое, когда законодательства, имѣвшія вліяніе на законодательство разсматриваемаго нами народа, уже приведены въ ясность, когда исторія происшествій у сихъ народовъ уже получила авторитетъ, когда исторія прагматическо-философическая для нашего народа уже сдѣлала свое дѣло. Не обинуясь скажемъ, что исторіи законодательства Россійскаго, какой требовала-бы высокая степень, на которой находится нынѣ теорія Исторіи, еще и теперь сослзавить не возможно. Конченъ-ли трудъ нашей Археографіи, Палеографіи, Дипломатики? Гдѣ объясненные законы Скандинавскіе, или хотя порядочное собраніе ихъ? Совершенно-ли прагматическое и философическое обозрѣніе нашей Исторіи? А безъ всего этого, достигнуть совершенства не лзя.

Но не лзя-же сказать, чтобы до сихъ поръ, пока можно будешь приступить къ чему-либо совершеннѣйшему, мы должны сидѣть, поджавъ руки. *Хорошее по возможности, по мѣрѣ средствъ и способностей* никогда не будешь лишнимъ и всегда сдѣлаетъ честь тому, кто рѣшится на проиоведеніе его, кто посвятитъ ему шрудъ и время.

Работа, оямо по себѣ разумѣется, дѣлится на нѣсколько частей. Такъ, ученому чловѣку, кошорый займется нынѣ Исторіею Россійскаго Законодательства, важные матеріалы представлятъ изданнныя уже Архе - Палеографическія сочиненія Шлецера, Миллера, Малиновскаго, Калайдовича и другихъ ученыхъ мужей, занимавшихся Русскою Исторіею въ семь отношеніи. Для критики происшествій найдешь оны богатыи запасы въ незабвенномъ швореніи Карамзина (сокровищницѣ Исторіи и языка нашего), въ трудахъ нѣкоторыхъ предшественниковъ и послѣдователей его и въ соображеніи всего писаннаго и изданнаго другими объ Исторіи Русской.

Но шолько послѣ Миллера, Шлецера, Карамзина, послѣ драгоцѣнныхъ памятниконъ, какими подарило насъ ревностное усердіе Графа Румянцева и способствовашелей его, мы видимъ возможность заниматься *Исторіею Россійскаго Законодательства*. До сихъ мужей незабвенныхъ, шешинно-ученое швореніе могло касаться нѣкоторыхъ частей, поверхностно, легко и шолько людямъ невѣдающимъ значенія Исторіи, незнакомымъ съ Критикою и Философіею Исторіи, оширышь былъ пупъ краснословить и писать историческо-юридическія шворенія, возбуждающія въ знатоки дѣла смѣхъ и горе.

До сихъ поръ, настоящимъ образомъ полною Исторіею Законодательства Россійскаго никто еще не занимался, а что ученымъ образомъ отдѣлаю ошдѣльнымъ частямъ оной, шо составляетъ еще весьма немногое. Указавъ на книгу Миллера: *О дворянахъ Россійскихъ* (*), мы находимся въ затрудне-

(*) Изд. въ С.Пб. 1790 г. Она шенерь сдѣлалась весьма рѣдкою.

ни, на что указать еще. Другія важныя книги, какъ-то : *Собраніе Государственныхъ Грамотъ* ; изданія: *Правды Русской*, сдѣланныя Шлецеромъ, Калайдовичемъ и Строевымъ; *Судебника Царя І. В.*, сдѣланныя Башиловымъ, Калайдовичемъ и Строевымъ, не суть книги *юридическія*, но археографически изданныя, а въ Исторіи Гос. Россійскаго, матеріалы юридическія разсыпаны между фактами. Исторіи, древней Географіи и прочаго, не сославляя ничего цѣлаго и требуя еще труда собрать и сообразить ихъ.

Но между тѣмъ могли-ль удержаться донныя нормы историковъ нашихъ, издавна заваливающихъ насъ горами книгъ, гдѣ худо понятая любовь къ опечесствѣ, между громкими восклицаніями, пощипала историческія факты? Могли-ль, говоримъ, они, повѣствуя о Холмоградѣ, Буривѣ, Гостомыслѣ, Баянахъ и Славянахъ, молчать о законахъ Русскихъ? Нѣтъ! они выводили огромныя системы, писали разсужденія, изложенія и проч. и проч.

Узнавъ о *Правдѣ Русской*, о *Судебникѣ*, объ Уложеніи, выбирая кое-какъ факты, безъ всякой кришки, предлагали они читателямъ книги историческія о законахъ, постановленіяхъ и устройствѣ Россіи, списывали другъ у друга, и страшныя угрозы падали на того, кто осмѣливался усомниться въ повѣствуемомъ.

Давно замѣчено, что наши предшественники были прудолобыѣ насъ. Ни слова не говоря о томъ: была-ли ихъ *ревность по разуму*, не опровергая мнѣнія, что многіе не пускаются нынѣ въ исполненіе того, надъ чѣмъ прежде и не запнулись-бы, можешь быть, потому, что нынѣ лучше

понимають цѣль сочиненій и переводовъ ; согласи- ся , что переводчики прежніе переводили болѣе , а писатели прежніе писали болѣе нынѣшнихъ . Такъ въ Исторіи Россійской , еще въ 1767 г. Эмиль , въ 1781 г. Щербашовъ , явились съ полными Исторіями , а Хилковъ , въ 1784 г. съ Ядромъ Исторіи , Барковъ въ 1767 г. съ Историческою Библіотекою Россіи ; въ Юриспруденціи , Чулковъ , Правиковъ и Максимовичъ , съ 1790-хъ гг. , съ системою законовъ . Для Исторіи Россійскаго Законодательства , Князь Щербашовъ въ 1784 г. издалъ систему государственнаго устройства древней Россіи (*); Татищевъ , Болшннъ , Вивлюевика , прежде и послѣ являлись съ Русскою Правдою , Судебникомъ Царя І. В. , Уложеніемъ Царя А. М.

Ошрывки Историческихъ предпріятій Щербашовыхъ и Эмильныхъ являлись и въ новѣйшее время въ сочиненіяхъ Г-дъ Некачина , С. Галки , Львова , Мальгина , Геракова , Талызина , Похорскаго , Плишкина , Ильинскаго , Березайскаго . Точно такъ продолжаютъ труды послѣдователей Чулкова , Максимовича и Правикова въ большей части юридическихъ Русскихъ книгъ и точно такъ цѣпь послѣдователей Щербашова и подобныхъ ему историковъ Россійскаго Законодательства тянется непрерывно до нашего времени . Предложимъ библиографическій обзоръ этой Историческо-Юридической цѣпи .

Во главу историковъ Щербашовскаго разбора должно поставяять Сочинителя *Степенной книги* ; во главу историковъ *Россійскаго Законо-*

(*) О старинныхъ степеняхъ чиновъ въ Россіи . М. 1784 г.

дательства, того-же сорша, мы должны назначить самого Щербашова. Издавъ вышеупомянутую нами книжку, онъ далъ шолчокъ системамъ. Въ 1790 г. Миллеръ издалъ книгу *О дворянахъ*; въ 1791 г. Голиковъ, въ III Т. *Дополненій къ Дѣян. Петра Великаго* изложилъ систему правленія и законовъ древней Россіи. Мы уже сказали о книгѣ Миллера: это трудъ ученаго, знающаго свое дѣло, кошорый говоритъ сомнительно о сомнительномъ, увѣришельно объ извѣстномъ, молчишь о томъ, на что нѣтъ у него положительныхъ фактовъ и предлагаетъ свои догадки, какъ догадки. Отдадимъ справедливость Голикову: онъ пишеть не шакъ, какъ писалъ-бы ученый историкъ, но добросовѣстно и какъ желающій сдѣлать сколько можно лучше. Онъ пользовался воишь, что до него сдѣлано, пользовался, къ сожалѣнію, безъ кришки, но искренно признавался въ недостаткѣ ученія и способовъ и говорилъ, *откуда это взялъ*.

Изъ сихъ-то прехъ источниковъ, ш. е. книгъ Щербашова, Миллера и Голикова, развилось все множество сочиненій объ Исторіи Россійскаго Законодательства, но въ послѣдователяхъ ша разница, чѣмъ нѣтъ смѣлость Щербашова, они не обладали ни ученостью Миллера, ни добросовѣстностью и трудолюбіемъ Голикова. Если-бы каждый изъ нихъ занимался какъ Голиковъ, каждый необходимо увидѣлъ-бы невѣрности, несообразности, недостатки своего сочиненія; но этого не было.

20-й Томъ Визлюенки, Ноликова (М. 1791 г.), вполонину былъ занятъ двумя статьями: *О старинныхъ гинахъ въ Россіи* и *Московскіе старинные Приказы*. Сочинишель Историческаго

Словаря Россійскихъ Писателей (*) называетъ сіи списаннныя сочиненіемъ Князя Щербатова. Напротивъ, это былъ выборъ изъ Миллера, Голикова и Щербатова, писанный самымъ неученымъ образомъ, гдѣ невѣстный Сочинитель (не объявляя источниковъ) выписываетъ слово въ слово, и, странное дѣло! мѣшаетъ, пушаетъ и прибавляетъ. Въ 1803 г. такую-же выписку издалъ при своемъ *Указателѣ* Г. Максимовичъ; въ томъ-же году, Г. Мальгинъ выдалъ въ С.Пб. такую-же выписку, подъ названіемъ: *Опытъ историческаго изслѣдованія о старинныхъ судебныхъ мѣстахъ*; въ 1807 и 1818 г. выписку такую-же помѣстилъ въ своемъ *Опытѣ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ*, Г-нъ Успенскій. Всѣ сіи переписчики не сказывали откуда берутъ, или хотя иногда и подписывали по мѣстамъ названія книгъ, но не признавались, что безъ всякой критики списываютъ одинъ другаго. Чистая ихъ, подумаешь, что они предлагаютъ собственныя свои изслѣдованія. Правда, прибавлялъ каждый изъ нихъ восклицанія и номенклатуру нѣкоторыхъ узаконеній, послѣ его предшественника выданныхъ, и иногда, списывая цитаты изъ Голикова и Вивлюэки, распространялъ ихъ. Наконецъ, послѣ столь многократнаго переписыванья состави-

(*) Митрополитъ Кіевскій Евгений. Словарь сей отрывками помѣщаемъ былъ въ Другѣ просвѣщенія и потомъ въ Сынѣ Отечества (1821 г.); а въ 1817 г. началъ былъ печатаніемъ отъ Моск. Общ. Исторіи и Древностей, но по неяснымъ причинамъ остановился на первомъ листѣ; въ 1818 г. изъ него отдѣльно издали сочинителемъ живое описаніе писателей духовнаго званія, подъ названіемъ: *Словаре Историческій Писателей духовнаго сана.*

тисъ какая-то особенная система писать историческія извѣстія о Россійскомъ законодательствѣ. Въ то время, какъ всякій знашокъ дѣла сознается, что Исторія нашего Законодательства еще едва начала, мы видѣли и видимъ непрерывно выходящіе историческіе опыты и диссертаціи объ исторіи нашихъ законовъ.

Каждый начиналъ и начинаешь возгласомъ о законахъ. Впрочемъ,

Начало никогда пѣвцовъ не устращаетъ ;

Что хочешь, то мэмъ . . .

можете говорить что угодно. Потомъ слѣдуютъ слова Нестора, а не худо сказать и о Славянскихъ законахъ (изъ Прокопія). Далѣе говорится о подложномъ Уставѣ Владиміра, о мудромъ Ярославѣ, сочинителѣ Руской Правды. За тѣмъ упомянуешь о Княжескихъ Грамотахъ до Великаго Князя І. В., далѣе о Судебникѣ и объ Уложеніи. Въ окончаніи исчислишь нѣсколько указовъ и постановленій Петра Великаго и его Преемниковъ. Первое все берется изъ Вивліюеики, Голикова, Успенскаго или Максимовича; остальное изъ какого-нибудь книжнаго реэстра или изъ Памятника, Правикова — и поздравляемъ Автора Историкомъ Россійскаго Законодательства, а публику съ новымъ историческо-юридическимъ сочиненіемъ.

Въ послѣдніе годы мало уже выходило книгъ, въ которыхъ излагалась-бы по сей системѣ Исторія Росс. Законовъ; но разливалось все это въ мѣлкія журнальныя спашейки и кое-когда въ началахъ

книгу являлось въ историческихъ взглядахъ и обзорѣхъ.

Здѣсь иногда встрѣчаете ссылки на Исторію, Гос. Росс., на Собр. Гос. Грамотъ, но разсмотрѣвъ получше можете удостовѣриться, что сочинители взглядовъ, косо взглядывали на сіи драгоценные источники, что они не знаютъ ничего вновь изданнаго и просто списываютъ Вивліюеику, Голикова, Максимовича и Успенскаго. Забавное можно-бы вывести наружу, разобравши десяпка два новыхъ журнальныхъ статейекъ, подъ которыми подписаны имена новѣйшихъ авторовъ; но оставимъ ихъ въ покоѣ и поговоримъ о томъ, какова историческая часть въ книгахъ, которыя мы предположили разсмаширать (*).

Историческія обзорѣнія находимъ въ книгахъ г-дъ Иванова, Гуляева и Васильева. Это выписки на старый ладъ; къ нимъ сочинители прибавляютъ восклицанія и повѣствують, будто отъ себя. Г-нъ Ивановъ выписывая факты изъ книги Успенскаго (хотя и говоришь: «я излагаю»), прибавляетъ

(*) Кто не знакомъ хорошо съ сущностью Россійской Литтературы, тошъ не можешь себя предсказать, до какой не литтературной смѣлости доходятъ многіе наши писатели. Наприм. въ 1808 г., выдана была въ Москвѣ книга: *Уставы Великаго Князя Владимира, Правда Русская, Судебникъ Царя Иоанна Васильевича со сводомъ, Уложеніе Царя Алексія Мих.* Что-жъ это такое? I-й Томъ *Указателя*, Максимовича, у котораго напечатаны новое названіе и двѣ первыя и двѣ послѣднія страницы и ошорванъ ошорое заглавіе и вспуленіе. Заглавныя и послѣднія страницы печатаемы были въ книж. Кражева и Мел.

разсужденія о торговлѣ вообще (*). Угодно-ли повѣришь самую выписку его? Сличите Успенскаго, Ч. I, стр. 189—193 и Г-на Иванова, Ч. I, стр. 14—18. — Примѣръ :

Г-нъ Ивановъ, стр. 15. | Г. Успенскій, стр. 191.

»Въ госпи жалованы были за отличныя заслуги государству оказанныя, или за знашное распространение шорговли. Они производили ее какъ внутри Государства, такъ и за границую, особливо же въ Персїи, и были *примѣры*, чѣмъ прикащики ихъ *вздыли даже* въ Индію.»

»Въ госпи жалованы были *или* за отличныя заслуги государству оказанныя, или за знашное распространение шорговли. Они производили ее какъ внутри Государства, такъ и за границую, особливо же въ Персїи, а были *образцы*, что прикащики ихъ *взжали* и въ Индію.»

Угодно-ли знать, гдѣ взялъ Г-нъ Успенскій? Развершываемъ Вивлюенку, Т. XX, стр. 238 и слѣд. — Примѣръ (Вивл. стр. 240):

»Въ госпи жаловались или за отличныя *какія* заслуги государству, или за знашное распространение шорговли; они производили торговлю какъ внутри государства, такъ и за границую, особливо же въ Персїи; а были образцы, что и въ Индію прикащики ихъ *прѣвзжали*.» — Не угодно-ли знать, гдѣ взяла Вивлюенка? Посмотрите *Дополн.* Г-на Голицова, Т. III, стр. 434 и слѣд. — Примѣръ (Доп. Т. III, стр. 436) :

(*) Чѣмъ торговля одѣлала Голландію богашою, чѣмъ Финикійцы были первые мореплаватели, чѣмъ Новгородъ при Владимѣрѣ былъ въ Ганзейскомъ союзѣ, чѣмъ флоты *Кипиталей* плавали до Мыса Доброй Надежды и проч.

«Въ госпн жаловались или за ошлчныя какія заслуги государству, или за знатное распространіе шорговли ; они производили шорговлю какъ внутри государства , такъ и за границую , особливо-же въ Персіи ; а были образцы, что и въ Индію прикащяки ихъ проѣзжали.» Если захощите знатъ источникъ Голикова , читайте Миллера и Щербатова.

Ясно, что историческая часть книги Г-на Иванова не распространитъ исторіи нашихъ законовъ. Тоже окажемъ объ историческихъ спашьяхъ Г-на Васильева и Г-на Гуляева : онъ выборки изъ извѣстнаго стараго. Что при нихъ не руководствовала надлежащая идея объ исторіи своего предмета, замѣчаемъ изъ словъ Г-на Васильева (вспомните, что выписывая, каждый показываешь видъ, какъ будто самъ все дѣлаешь). Онъ дѣлитъ Исторію Россійскаго Законодательства на три эпохи : 1-я, отъ основанія государства до Іоанна Грознаго. Но можно-ли эти боо лѣтъ почестъ эпохой, когда наществіе Татаръ дѣлитъ ихъ на двѣ совершенно различныя части? 2-я, отъ Іоанна до Петра. Опять страшная ошибка, когда сличимъ Судебникъ съ Уложеніемъ !

Исторія Законодательства у Г-дъ Иванова, Гуляева и Васильева мимоходомъ. Въ книгѣ, изданной книгопродавцомъ Глазуновымъ (упоминаемъ имя *Издателя*, ибо не знаемъ имени *Автора*), подъ названіемъ : *Историческое обозрѣніе Россійскаго законоположенія* (?), Исторія составляетъ всю сущность. Разсмотримъ эшо знаменитое швореніе.

Знаменитое, повшоряемъ, ибо имъ открываешь большое предпріятіе того-же книгопродавца : *Новый памятникъ законовъ Россійской Имперіи.*

Не уже-ли Г-нъ Глазуновъ думаешь, что *Памятникъ изъ законовъ*, нѣкогда составленный Г-ми Правиковыми, имѣеть столь важный авторитетъ, что и самое названіе его должно было сохранить благоговѣйно? Ссылаемся на всѣхъ знапкоковъ языка Русскаго, что слово: *Памятникъ*, имѣеть у насъ только два значенія: надгробіе на могилѣ, или что нибудь поставленное на память какого нибудь событія или челоуѣка, на прим. памятникъ Миѣину и Пожарскому, памятникъ Шекспира въ Веспминстерскомъ Аббатствѣ; въ переносномъ смыслѣ говорится о швореніяхъ писателя, произведеніяхъ народа и развалинахъ: *памятникъ таланта, памятникъ славы, величія, трудолюбія*. Спрашиваемъ: въ силу какой Грамматики Гг. Правиковы и Глазуновъ воздвигаютъ *Памятникъ Россійскихъ законовъ*?

Но что говоришь о малыхъ погрѣшностяхъ, когда все погрѣшность. Надобно знать, что Г-нъ Правиковъ, служа въ Сенатѣ, лишь за 30 тому, вздумалъ издать книжку о канцелярскомъ порядкѣ. Назвавъ ее *Памятникомъ изъ законовъ, руководствующимъ къ познанію приказнаго обряда*, онъ издалъ ее въ 1798 г. Имѣвъ случай и составилъ нѣчто систематическое, Авторъ успѣшно продалъ все изданіе, составилъ въ одной книжкѣ *Памятникъ о присутственныхъ мѣстахъ*, потомъ прибавилъ еще двѣ книжки о законахъ, расположивъ матерію по алфавиту. Законы доведены имъ были до 1801 г. Сынъ Автора перепечатывалъ книги, прибавилъ еще *шесть книгъ*, но составляя такъ небрежно, такъ неумѣючи, что не хотѣлъ даже прибавить по алфавитному порядку новыхъ узаконеній, и въ своемъ продолженіи ставилъ законы *хроно-*

логически; при другихъ изданіяхъ (не переправлялъ книгъ, включалъ только новые законы, сокращалъ ихъ и въ такомъ-то видѣ поступили 10 частей Памятника во владѣніе Г-на Глазунова. Опзвѣвъ каждому хорошему юристу можеть убѣдись чиста-желей, какъ безпорядочно, сбивчиво и неудобно было швореніе Г-дѣ Правниковыхъ. Но и *Письмовника* Курганова было съ дюжину изданій. Привычка дѣлать къ Памятнику подвигала изданіе за изданіемъ. Г-нъ Глазуновъ перепечатывалъ безъ всякой поправки старое по старому, а въ 1823 г. издалъ XI-й Томъ, гдѣ собралъ законы, изданные въ 1819 году; XII-й, законы 1820 г.; XIII-й, законы 1821 года; въ 1824 г. XIV-й, законы 1822 г.; XV-й, законы 1823 года; въ 1825 г. XVI-й, законы 1824 года. Трудъ Издателя при семъ издаваньи былъ не великъ: онъ цѣликомъ перепечатывалъ Сенатскія Вѣдомости. Но каково-же было читателямъ Памятника? Памятникъ представлялъ хаосъ нестройный. Понять не возможно, какъ находили въ немъ законы. Между тѣмъ умножалось число другихъ юридическихъ книгъ, всѣ начали оцѣнять Памятникъ по достоинству и шесть книгъ *дополненій* не пошли съ рукъ Издателя, но первыя десять выпродались и надобно было дать имъ новый ходъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и послѣднимъ отккрыть дорогу.

Г. Глазуновъ присупилъ къ новому изданію. Трудъ его, если онъ точно хотѣлъ сдѣлать что нибудь порядочное, былъ не легкій. Ему надобно было въ основаніи передѣлать все, что печаталось и перепечатывалось въ прежнихъ изданіяхъ Памятника, дополнить, привести въ порядокъ, расположить по лучшей системѣ. Не знаемъ, когда началъ

ся сей трудъ его; по крайней мѣрѣ, въ началѣ прошлаго года, *Сѣверная Пчела* (№ 14) извѣстила Публику о выкодѣ первой части *Новаго памятникка законовъ*. Рекомендацію Пчелы многіе считали за шушку и какъ иначе, если не шушкою, надобно было почесить слова Пчелы: »Рекомендуемъ сіе изданіе Памятника изъ законовъ *всѣмъ, занимающимъ ся тяжбыми дѣлами*». Но дѣло не походило уже на шушку, когда въ № 4, 5, 6 и 7 Сѣвернаго Архива (1826 года), Журнала *Исторіи, Статистики, Путешествій и Правовѣднія*, помѣщено было *Историческое обозрѣніе Россійскаго Законоположенія*, взятое ими изъ введенія къ *Новому памятникку*. Слѣдовательно, издатели ученаго журнала находили эшо обозрѣніе шоль важнымъ, что рѣшились изъ напечатанной уже книги помѣстить его въ своемъ изданіи: можно было ожидать ошъ Памятника чего-нибудь систематическаго, хорошаго. Прошелъ еще годъ. Наконецъ, въ № 11 Сѣв. Пчелы, сего 1827 года, явилось извѣстіе о 19-ти томахъ; составляющихъ *Новый памятникъ*, и о выкодѣ изъ числа ихъ I, II, III, IV, XI, XII, XIII, XIV, XV и XVI томовъ. Безпорядочное появленіе томовъ изумляло всякаго, кто не видалъ ихъ. Подписка принималась особо на *тринадцать* (т. е. первые *десять* и послѣдніе *три* тома) и на всѣ 19 томовъ. Цѣна объявлена огромная (*). Издатели Сѣверной Пчелы оняшь загово-

(*) А не самая дешовая, какъ говоритъ Издатель. Тринадцать томовъ на подписку стоили 150 рублей (не считая пересылки). Издатель ручается, что въ сихъ тринадцати томахъ будетъ около 1000 лѣстовъ. Книга печатается на

ршии, что они «увтрены въ одобреніи и вознагражденіи опечественною публикою *неусыпныхъ трудовъ* и немаловажныхъ издержекъ, съ коими сопряжены были составленіе и напечатаніе сей *важной въ юридическомъ отношеніи* и, можно сказать, *единственной у насъ въ семь родѣ книги!*»

Что *могутъ* Издашеля Свѣ. Пчелы говорить, тому, разумеется, *могутъ* чашашеля и не повѣришь, безъ собственнаго разсмотрѣнія. Но, по крайней мѣрѣ, не могла-ли публика ожидать, что книга, шагъ расхваленная журналистомъ, есть *нѣчто порядочное?* Не говоримъ о множествѣ длинныхъ объявленій Издашеля, донимъ безпрестанно печатаемыхъ въ Вѣдомостяхъ обихъ сполницъ и ошдѣльными листочками рассылаемыхъ по всей Россіи: они не дѣлають большой рекомендаціи книгъ (*).

Разсмотримъ безпристрастно *Новый памятникъ законовъ* и предоспадимъ рѣшеніе о достоинствѣ его чашашелямъ.

Памятникъ ошкрывается ошдѣльно изданною (и ошдѣльно продаваемою) книгою: *Историч. обзоръіе Россійскаго Законоположенія*. Это преддверіе, входъ въ Памятникъ. По его достоинству можемъ судить уже о достоинствѣ самаго Памятника.

дешевой, сѣрой бумагѣ и листѣ (полагая изданіе не болѣе 1200 экземпляровъ: чѣмъ болѣе тѣмъ дешевле) съ печатаніемъ, и бумагой спашелью не дороже 40 рублей; слѣдовашельно, за всѣ шысачу листовъ 40 ш.; положите еще расходовъ 20 ш. р. — Экземпляръ книги обойдется не дороже 50 рубл., продажа — 150 рублей! Издашель говоритъ, что послѣ подписки цѣна еще *гораздо возвысится*.

(*) Въ нихъ, напримѣръ, находимъ, что *Правда Русская*, издана Великимъ Княземъ Владиміромъ въ 996 году (?!).

Не знаемъ имени Автора, составлявшаго это *Историческое обозрѣніе*, но обозрѣніе это есть ли что иное какъ выписки изъ *Голкова*, *Вивліюэки* и *Успенскаго*. Прибавки Автора не показываютъ строгой критики, на примѣръ: Авторъ вѣрится подложному ушау Владиміра о Церковныхъ судахъ; въ доказательство перевода Коричей книги при Владиміръ, ссылается на свидѣтельство монаха Зиновія, писавшаго въ *Послѣдней половинѣ XVI вѣка*; почиваетъ изданіе *Русской Правды*, 1792 г. и изданіе *Судебника*, Ташицевымъ, исправнѣйшими; ссылается на Указашеля, Максимовича, на Голкова, какъ будто на авторовъ, самобытно писавшихъ, слѣд. не хочетъ или не можетъ оцѣнить достоинства источниковъ. Системы, собственныхъ изслѣдованій у него не находимъ: онъ, или безъ разбора списываетъ другихъ, или представляетъ номенклатуру законовъ. О происхожденіи, направленіи, духѣ законовъ, у него нѣтъ ни слова. Но видя цитаты Автора на *Собраніе Госуд. Грамотъ*, на книги издан. въ новѣйшее время, подумаете, что Авторъ и ими руководствовался въ трудѣ своемъ. Вотъ доказательство противнаго.

(Стр. VIII) «Съ половины XIV столѣтія до 1375 г. (?) дошло до насъ нѣсколько Новгородскихъ Договорныхъ грамотъ, съ Тверскими Великими Князьями.»

Такъ выходитъ по Вивліюэикѣ; но послѣ изданія Госуд. Грамотъ, мы знаемъ, что у насъ есть Договорныя грамоты Ярослава Ярославича 1295 г. и проч., слѣдовательно, съ половины XIII вѣка.

Далѣ о Договорныхъ Грамотахъ между Князьями : »Изъ такихъ договорныхъ грамотъ (почему *грамотъ*?) самая древнѣйшая до насъ дошедшая есть Великаго Князя Симеона Гордаго, съ братьями 1341 г. Какъ въ ней, такъ и въ *другихъ договорныхъ грамотахъ* почти обыкновенное и общее содержаніе состояло въ томъ, чтобы, 1-е . . . слѣдуетъ въ семи пунктахъ это, по мнѣнію Автора, *обыкновенное и общее* содержаніе грамотъ.

Но Договорныхъ Грамотъ мы имѣемъ *болѣе старыя* содержаніе весьма разнообразно и должно быть такое, ибо оно объемлетъ, если взять и съ 1341 года, лѣтъ полтораста. Авторъ нашъ вѣроятно не прилежно читалъ ихъ самъ, по крайней мѣрѣ *содержаніе, изложенное имъ въ семи пунктахъ, слово въ слово* выписано изъ Указателя, Максимовича : см. Указателя, стр. V. и Истор. обзорніе, Автора, стр. VIII и IX. — Если-бы Авторъ справился съ *Собр. Гос. Грам.*, онъ увидѣлъ-бы, что древнѣйшая изъ сохранившихся у насъ Договорныхъ Грамотъ старѣе Симеоновой 23 годами и заключена была между Георгіемъ Московскимъ и Михаиломъ Тверскимъ (см. С. Г. Г. Т. I, стр. 17).

Еще сильнѣйшее доказательство, что Авторъ, не желая знать новѣйшихъ изслѣдованій, пользовался только старыми, невѣрными разысканіями, находимъ на стр. XI, гдѣ онъ беретъ изъ Указателя, Максимовича, извѣстіе о Договорныхъ Грамотахъ В. К. Іоанна Васильевича съ другими Князьями и говоритъ: *»Въ нихъ замѣчательно наипаче спашья о пограничной торговлѣ и*

„переходъ подданныхъ.“ Можно-ли такъ говорить въ наше время! Договоры В. К. Іоанна (съ 1462 по 1505 г.), представляя важную эпоху увеличенія власти Москвы, суть одни изъ самыхъ любопытнѣйшихъ памятниковъ нашей древней дипломашики. И что значить: *въ нихъ замѣчательна спашья?* Развѣ эта спашья находится *во всѣхъ договорныхъ грамотахъ В. К. Іоанна*, конхъ мы имѣемъ болѣе 40? Сличите VI стр. Указацеля, Максимовича, съ XI-ю нашего Авшора, и вы найдете, что онъ списалъ свое мнѣніе у Максимовича и выписывая *наипаче замѣтательную* (по мнѣнію его) *статью* договоръ у того-же Максимовича, не позабылся даже сличить сію выписку съ Государ. Грамошани и онъ того понали въ его книгу всѣ грубѣйшія ошибки Максимовича (*).

Но небрежность, съ какою составлено *Обозрѣніе* нашего Авшора, не менѣе оказывается въ спашья, слѣдующей за *Историческимъ Обозрѣніемъ*, собственно такъ названнымъ. Это спашья:

(*) На примѣръ, вмѣсто: „судъ и исправа на обѣ стороны“ — „судъ и расправа на обѣ стороны;“ вмѣсто: „а на старыхъ мѣстѣхъ“ — „на старыхъ мѣстахъ;“ вмѣсто: „а поѣдетъ кто на вередъ съ торговлею“ — „а поѣдетъ кто на вередъ съ торговлею;“ вмѣсто: „и онъ знаетъ свой мышь да кошкы“ — „и онъ знаетъ свой мышь до кошкы.“ Дабы судить о незнаніи Максимовича, скажемъ, что въ Виліоенкѣ, грамота, изъ которой выписывалъ онъ, помѣщена правильно (Т. II, стр. 1 и слѣд. изд. 1788 г.). Максимовичъ съ гошоваго не умѣлъ списать порядочно. Всего любопытнѣе, что онъ не понимаетъ своихъ ошибокъ. Взгляните, какъ объясняетъ онъ слово: *вередъ* (Указ. Макс. Т. I, 322), не замѣчалъ, что вмѣсто: *на вередъ*, должно было читаться: *на вередъ*, и стало бышь изъясненіе его нигуда не годившя.

О старинных Московских Приказах, существовавших до времени Государя Петра Великаго. Авторъ при сей статьѣ признается, что она *заимствована* изъ Вивліюэики. Не уже-ли ему не извѣстно, какъ соспавлена была въ Вивліюэикѣ эта статья, какихъ грубыхъ исполнена ошибокъ, и что *черезъ 35 лѣтъ* послѣ изданія (въ 1791 г.) требовала она совершенной передѣлки? И что значить *заимствована*? Она *переписана слово въ слово, безъ всякихъ поправокъ* и переписана не изъ Вивліюэики, а изъ Указателя, Максимовича (Т. 1, стр. XV—XXIX), который списалъ ее изъ Вивліюэики, откуда также списалъ ее Успенскій.

По крайней мѣрѣ, здѣсь еще говорятъ намъ: *заимствована*; но находя за сею статью, еще статью: *О старинныхъ гинахъ въ Россіи*, гдѣ Авторъ не говоритъ уже намъ: *заимствована*, не можемъ-ли думать, что эта статья есть собственное сочиненіе Автора? И что сказать, когда видимъ, что, безъ означенія источника, она *списана опять слово въ слово* изъ Вивліюэики (см. Т. XX, стр. 131-277)! Этого мало. Намъ предлагаютъ потомъ еще статью: *О бывшихъ прежде въ Малороссіи присутственныхъ мѣстахъ и гинахъ*. И здѣсь нѣтъ словца: *заимствована*. Кому-же придетъ мысль, что и это не новое произведеніе, но опять *слово въ слово списокъ*, только уже не изъ Вивліюэики, а изъ книги Г. Успенскаго! Сличите нашего Автора, отъ стр. 101 до конца книги и Успенскаго отъ стр. 708, также до конца книги. Вотъ начало у того и другаго:

Ч. XIV. No 5.

Е

Истор. обзор, стр. 101.

Извѣстно, что Кіевъ и
всѣ Малороссія издревле со-
ставляли Россійское владѣ-
ніе и что послѣ раззоренія
Кіева отъ Татаръ, сія часть
Россіи Липовскимъ В. К.
Гедиминомъ въ 1320 году
отъ нея отшоргнута и
присоединена была сперва
къ В. Княжеству Липов-
скому, а до соединенія
Литвы съ Польшею къ сему
Королевству. Во время за-
висимости нынѣшней Мало-
россіи отъ Польши Поля-
ки дѣлали жипеламъ ея
разныя приписанія.

Успенскій, стр. 708.

Извѣстно, что Кіевъ
и всѣ Малороссія издрѣв-
ле составляли Россійское
владѣніе и что послѣ раз-
зоренія Кіева отъ Татаръ,
сія часть Россіи Липов-
скимъ В. К. Гедиминомъ
въ 1320 году отъ нея
отшоргнута и присоеди-
нена была сперва къ В.
Княженію Липовскому, а
по соединеніи Литвы съ
Польшею къ сему Королев-
ству. Во время зависи-
мости нынѣшней Мало-
россіи отъ Польши Поля-
ки дѣлали жипеламъ ея
несносныя приписанія.

Издатель Памятника въ объявленіяхъ своихъ
извѣщаетъ, что Историческое обозрѣніе *«сообщено
ему однимъ изъ почтеннѣйшихъ нашихъ Археоло-
говъ!»* Не знаемъ, кѣмъ изъ археологовъ нашихъ
сознается въ сочиненіи этой книги. И для чего было
Г-ну Глазунову не объявить имени почтеннѣйшаго
Археолога? Точно такъ при изданіи своего Французско-
Россійскаго Словаря онъ говорилъ, что Словарь сей
дополняли *известные своею ученостію люди* (см.
Тел. 1826 г. Т. IX, 27), и не раздѣлил съ публи-
кою тайны объ именахъ сихъ Буастовъ Русскихъ.

По историческому преддверію *Новаго Памят-
ника* да судяшь читатели, каково должно быть
это зданіе, вновь воздвигнутое Г-мъ Глазуновымъ,

единственное у насъ съ семь родовъ, какъ говоритъ Св. Пчела. Въ самомъ дѣлѣ единственное!

Изъ всѣхъ системъ изложенія какого-либо знанія, самая неудобная есть расположеніе матерій по азбучному порядку: это доказываютъ всѣ Философическіе, Химическіе и даже Историческіе Словари. Для Юриспруденціи Словарь по азбучному порядку всего хуже; ибо въ немъ нельзя предложить стройнымъ порядкомъ всѣхъ частей Юриспруденціи, подраздѣливъ ихъ и развитъ въ частныя матеріи, а въ сей наукѣ это весьма важно. Возможно-ли изучить и познать законы, перебирая разорванные клочки, въ какіе необходимо разбиты въ Словарѣ всѣ матеріи? Положить, что я хочу сыскать законы о *тюрьмахъ*. Прочитай статью: *Тюрьма*, почему я знаю, гдѣ мнѣ искать дальтѣйшихъ свѣдѣній? Мнѣ представляются слова: *Заключеніе*, *Арестъ*, *Штрафъ*, *Арестантъ* и множество другихъ. Но важнѣйшее можетъ быть отнесено къ словамъ: *Конвой*, *Жалоба*, *Доходъ* и проч. и проч.

Вотъ общія невыгоды Юридическихъ Словарей! Въ *Новомъ Памятникѣ*, котораго первые 10 томовъ расположены по алфавиту, представляются еще невыгоды частныя. Мы уже сказали, что старый Памятникъ, Правикова, былъ доведенъ только до 1819 года, а съ сего и по 1825 году, законы предложены были хронологически въ 6-мъ томахъ, 1-мъ Глазуновымъ изданнымъ. Въ *Новомъ Памятникѣ*, сіи шесть томовъ, такъ не распроданные еще, такъ и остались, а переданы только первые *Десять*, отъ того и продаются всѣ они двойко. Издателю удобнѣе, не пересчитывая сбытъ свою старинку, ибо чинпашель, непременно долженъ имѣть

всѣ 19 томовъ, а послѣ того, можетъ онъ рыться въ алфавитѣ, досадовать, что одни томы расположены по алфавиту, другіе по годамъ, не находить что нужно и дѣлать, что ему угодно.

Разсматривая Памятникъ въ отношеніи полноты и точности законовъ, мы во многихъ мѣстахъ изумлялись неполнотѣ, неточности и странности размѣщенія въ немъ законовъ. Но теперь судить объ этомъ еще не возможно, ибо не получа всѣхъ томовъ, въ изданныхъ находимъ безпреставно: *смотри то-то, смотри то-то*, и не знаемъ, увидимъ-ли мы что нибудь въ ссылкахъ Памятника. По выходѣ всѣхъ томовъ, представимъ, особенный разборъ касательно полноты, исправности, точности его, и кажется, онъ не выдержитъ и малѣйшей критики.

Посвятивъ нѣсколько страницъ огромному изданію Г-на Глазунова, мы въ нѣсколькихъ словахъ отдадимъ отчетъ о *Полномъ всеобщемъ стряпчемъ* Г-на Ушакова: онъ тоже, что *новѣйшія колмы и подробныя стряпухи, поварихи, вымокури, пивовары* и проч. и проч. и проч., т. е. компиляція, въ которой небольшая книжка называется томомъ и гдѣ кое-какъ сшиты выписки изъ законовъ, невѣрно, безъ порядка и безъ плана. Не помнишь-ли кто нибудь изъ злопамятныхъ чинателей, брошуръ, коими перекидывались Г-нъ Ушаковъ и Г-нъ Марковъ, оба Сочинители *Новѣйшихъ всеобщихъ стряпчихъ*? Достоинство ихъ книгъ тогда открылось во взаимныхъ спорахъ и доказательствахъ.

Н. П.

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

1826 года.

171. *Жизнь Святаго Апостола Павла*, составленная на основаніи достовѣрнѣйшихъ свидѣтельствъ, съ присовокупленіемъ по мѣстамъ археологическихъ и нравопвенныхъ замѣчаній, въ С. Пбургской Духовной Академіи. Спб. 1826 г. in 8, 243 стр.

Книга превосходная, важная для обстоятельнаго познанія Исторіи христіанской вѣры, какихъ мы имѣемъ на Русскомъ языкѣ весьма немного. Описавъ подробно и краснорѣчиво жизнь Св. Апостола, Сочинитель говоритъ о его твореніяхъ; подложныхъ книгахъ, кои были почишаемы за сочиненіе Св. Апостола и проч. Изданіе красиво; въ концѣ книги находится карта путешествій Св. Апостола, а въ началѣ изображеніе его, прекрасно гравированное Г-мъ Галактіоновымъ.

172. *Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Унверситета, 30 Августа, 1826 года.* Харьковъ, 1826 г. in 4, 47 стр.

Въ сей книгѣ помѣщены: *Рѣчь объ успѣхахъ ума въ Астрономіи*, произнесенная Г-мъ Адъюнктомъ Зашеплинскимъ и рѣчь *De inflammationis causa proxiima*, произнесенная Орд. Профессоромъ, Г-мъ Елливскимъ.

173. *Персидская Христоматія*, изданная Алексѣемъ Болдыревымъ, Профессоромъ Восточныхъ языковъ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Уни-

верситетъ. 2 Часпи. М. 1826 г. VIII, 192, II и 172 стр.

Сличая это сочиненіе съ Вилькеновою Персидскою Хрестоматією (почему Г-нъ Болдыревъ пишетъ: *Хрестоматія*?), мы подумали сначала, что Г-нъ Болдыревъ перепечаталъ книгу Вилькена; во увидѣвъ потомъ, что онъ прибавилъ многое изъ другихъ извѣстныхъ книгъ, изданныхъ С. де Саси, Генциемъ, Руссо и другими Европейскими оріенталистами. Въ 1-й Ч. помѣщенъ Персидскій текстъ 31 небольшихъ прозаическихъ пьесъ и 38 стихотвореній; перевода ихъ не присовокуплено. Во 2 й Ч. небольшой Словарь и *Краткое нагертаніе Персидской Грамматикки*; послѣднее состоитъ изъ весьма немногихъ замѣчаній и вѣроятно, назначенъ только для лекцій Г-на Болдырева, гдѣ могутъ быть преподаваемы ученикамъ дальнѣйшія подробности.

174. *Описаніе муміи*, найденной въ 1820 году близъ Мемфиса Княземъ Г. И. Аваловымъ и нынѣ находящейся въ Москвѣ, съ рисунками. М. 1826 г. id 4, 9 стр.

По препорученію Общества Испытателей Природы, покойный Г-нъ Генераль-Маіоръ Н. З. Хитрово составилъ сіе описаніе, со словъ Князя Авалова, коему принадлежитъ мумія.

Князь Аваловъ, путешествовавшій въ Египтъ, самъ вырылъ ее, въ 36 верстахъ отъ Каира. Онъ полагаесть, что мумія сія весьма драгоценна. При книгѣ приложены четыре гравированныя и раскрашенныя изображенія муміи, гроба и проч. Разсматривая ихъ, мы весьма усомнились, чтобы мумія Князя Авалова, въ самомъ дѣлѣ была *Египетская*

Царевна. Князь Аваловъ говоритъ, что жптель Каира, Коптъ Шихъ-Ахмадъ, *прочитавъ гіероглифы* на гробѣ, объявилъ, будшо мумія эта была погребена въ 3459 г.; слѣд. она *внутка Псамметиха* ? Вѣримъ, что Коптъ Шиха - Ахмадъ говорилъ ашо Князю Авалову; но при нынѣшнемъ познаніи Египетскихъ древностей, такіе разсказы не могутъ быть почтены достовѣрными: они, какъ равно и описаніе приготоовленія мумій (стр. 5) и *летуція зми Ливійскія*, отъ которыхъ будшо-бы Ибисъ избавлялъ Египтянъ (стр. 7), должны быть отнесены къ сказкамъ, уже сто разъ пересказаннымъ. Желательно-бы знать, почему Князь Аваловъ имѣя Султанскій фирманъ, для *безпрепятственнаго осмотра и прибрѣтенія древнихъ вещей*, досталъ въ Каирѣ мумію, гдѣ запросто торгуютъ ими Арабы, и новаго и примѣчательнаго сыскать почти не возможно, а не отправился въ Верхній Египетъ, на примѣръ, въ Оивы, привлекающія нынѣ всѣхъ новѣйшихъ ученыхъ путешественниковъ и богатыхъ древностями?

175. *Кротоловъ* или самый легкій и вѣрный способъ ловить кротовъ. Сочиненіе *всѣми* принятое и одобренное во Франціи. Переводъ съ 14-го изданія. М. 1826 г. in 8, 40 стр.

Всѣми или не всѣми принятая, но полезная книжка для сельскихъ хозяевъ, у которыхъ часто кроты причиняютъ полямъ величайшій вредъ. Она переведена и издана по препорученію Его Прев Н. М. Сипягина. Способы описанные въ ней просты и изложены такъ подробно и ясно, что самый простой работникъ пойметъ и исполнитъ ихъ. Въ концѣ книги находится гравированный

рисунокъ, на которомъ изображены виды и расположенія бугорковъ, дѣлаемыхъ на поляхъ кротами.

176. Dictionnaire complet Russe - Franґois-Allemand. *Полный Россійско-Французско-Нѣмецкій Словарь*, сочиненный по новѣйшему изданію Словаря Академіи Россійской и другихъ. Изданіе второе, противу перваго изданія Словаря Россійско - Французско - Нѣмецкаго Г-на Профессора Ивана Гейма исправленное и во многомъ дополненное Карломъ Мессомъ. 4 Тома. М. и СПб. 1826 г. in 8, Т. I, IV и 478 стр., Т. II 545, Т. III, 478, Т. IV, 482 стр., печатано въ два столбца.

Сей Словарь, изданный книгопродавцомъ Глазуновымъ, равняется достоинствомъ Французско-Россійскому Словарю, изданному тѣмъ-же книгопродавцомъ: читатели вспомнятъ подробный разборъ того Словаря, помѣщенный въ Телеграфѣ (1826 г. Т. IX, стр. 25 и слѣд.). Въ Московскомъ Вѣстникѣ (Т. I, кн. 3. стр. 335 и слѣд.) помѣщено сужденіе о новомъ Словарѣ Г-на Глазунова. Критикъ справедливо замѣчаетъ, что должно *не столько радоваться, сколько жалѣть о его появленіи*: такъ недостаточенъ и плохо составленъ ей новый Росс. Франц. Нѣмецкій Словарь! Въ слѣдующей книжкѣ Телеграфа помѣщенъ будетъ подробный разборъ его, въ которомъ мы представимъ доказательствъ нашего мнѣнія.

1 8 2 7.

19. *О шерсти и овцахъ*, сочиненіе Гг. Перольта-Жошамы, Фабри и Жирода, съ примѣчанія-

ни Таера, издамное отъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, издвнннмъ покойнаго Государственнаго Канцлера, Его Снательства Графа Н. П. Румянцова. Перевелъ съ Франц. и Нѣм. языковъ Дѣйств. Членъ Общества, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ С. Масловъ. М. въ пип. С. Селмвановскаго, 1827 г. in 8, IV, XXIV и 342 стр.

Обративъ особенное вниманіе на собственныя богатства и увѣрясь, что собственный только трудъ шворитъ богатства народныя, нынѣ повсюду въ Европѣ занимаютса всѣми отраслями народной промышленности. Овцеводство (столь важный предметъ въ Сельскомъ Хозяйствѣ) у насъ, во Франціи и Германіи сдѣмалось предметомъ стараній, изслѣдованій и наблюденій особенныхъ, почесу и явилось шребованіе на изданіе ученыхъ, хорошихъ руководствъ.

Изъ великаго числа книгъ касательно овцеводства, весьма важно и замѣчательно сочиненіе, издамное во Франціи Г-ми Пер. Жошамомъ, Фабри и Жиродомъ, въ Нѣмецкомъ переводѣ обогащенное примѣчаніями знаменитаго Таера. На сіе классическое твореніе указалъ Графъ Н. П. Румянцовъ, прося Московское Общество Сельскаго Хозяйства постараться о переводѣ и изданіи сей книги, и принимая на себя всѣ издержки изданія.

Секретарь Общества, С. А. Масловъ, желая споспѣшествовать лучшему исполненію патріотическаго желанія Графа Румянцова, принялъ на себя трудъ перевода. Онъ исполнилъ его съ отличнымъ

пщаніемъ и теперь сельскіе хозяева имѣють на Русскомъ языкѣ превосходное сочиненіе объ овечьемъ руно или шерсти, которое по достоинствамъ своимъ превосходитъ и самый Французскій подлинникъ, ибо Переводчикъ соединилъ текстъ Французскій съ примѣчаніями Траера. Они найдуть въ сей книгѣ плоды ученыхъ изслѣдованій соединенными съ долговременною практикою. Г - нь Жошамъ, Директоръ Овцеводнаго заведенія во Франціи, находящагося въ Энскомъ департаментѣ, въ городѣ Назѣ, заведеннаго лѣтъ за 20 и нынѣ доведеннаго до такою совершенства, что оно признается первымъ во Франціи. Онъ получилъ золотую медаль, назначенную ошъ Г. Терно за лучшее сочиненіе о мериносахъ.

Главное содержаніе книги касается собственно шерсти овецъ. Она раздѣляется на четыре главы: *Общая наблюденія о шерсти — О различныхъ родахъ шерсти и объ основательномъ познаніи оныхъ — О мериновомъ руно въ время его пребыванія на тѣлѣ животнаго — О шерстяхъ тонкихъ и тонгайшихъ, разсматриваемыхъ послѣ стрижки.* Въ окончаніи помѣщено: *О сравнительной цѣнности различныхъ частей одного руна и различныхъ родовъ руно между собою, относительно ихъ качества.*

Переводчикъ старательно передалъ техническіе терминны овцеводства. Для сего совѣщовался онъ съ знатоками и наблюдалъ точность въ переводѣ Нѣмецкихъ и Французскихъ терминовъ. Извѣстно, какъ важна терминологія во всякомъ знаніи и искусствѣ, и въ этомъ отношеніи читатели конечно

и дадутъ особенную благодарность Г-ну Маслову за его стараніе.

20. *Балзетъ*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе Расина. Перевелъ съ Французскаго В. Н. Олинъ. Спб. въ тип. Мед. Деп. Министр. Внутренн. дѣлъ. 1827 г. in 8, 84 стр.

«Оканчивая,» говоритъ въ предисловіи Г-нъ Олинъ, «почти уже четвертое дѣйствіе сей Трагедіи, узналъ я случайно, что и Г-нъ Катенинъ, известный публикъ Переводчикъ Расиновой Эсэри и Корнелева Сидя, занимается также переводомъ Балзета. Если-бы я узналъ объ этомъ ранѣе, признаюсь, я рѣшительно ограничился-бы тѣмъ только, что уже было мною переведено, уклоняясь отъ состязанія; ибо взаимное сравненіе двухъ однородныхъ вещей должно необходимо убить одну изъ оныхъ; но приближаясь уже къ концу труда моего я рѣшился кончить. Переводъ Г-на Катенина принять на сцену, безъ сомнѣнія, какъ признанный лучшимъ: иначе я не смѣю думать. И такъ, вотъ другъ, для публики, два перевода одной Трагедіи Расиновой.» Мы слышали, что переводъ Г-на Катенина печатается и скоро выйдетъ, почему и рѣшились сказать свое мнѣніе вдругъ о переводѣ и Г-на Олина и Г-на Катенина, когда прочтася оба и сравнимъ ихъ.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Біографіи знаменитыхъ современниковъ.

II. Иоганъ Вольфгангъ Гёте.

Онъ одинъ могъ-бы представить собою всю Нѣмецкую Литтературу; не потому, что въ ней не найдемъ другихъ писателей, въ которыхъ оплошностяхъ выше Гёте; но только онъ одинъ соединяетъ въ себя все, что отличаетъ умъ Германца и нишо такъ не замечается особеннымъ изображеніемъ, въ которомъ не имѣютъ участія ни Англичане, ни Французы, ни Италіянцы. . . Дѣйствіе Гёте на своихъ соотечественниковъ необыкновенно. Съ пренебреженіемъ отвергають Германцы удивленіе иностранца, если въ немъ видятъ какую-нибудь уклончивость, предполагающую кришнику извореній Гёте, всегда выигрывающихъ при подробнѣйшемъ разборѣ ихъ. Такъ говорила Г-жа Спаль-Человѣкъ, котораго Байронъ почиталъ величайшимъ гениемъ нашего времени, который имѣлъ сильное впечатлѣніе на талантъ В. Скотта, конечно долженъ почестся чуднымъ явленіемъ XVIII вѣка. Многіе писатели посвящали труды свои на разгадываніе этого необыкновеннаго человека.

Гёте родился во Франкфуртѣ на Майнѣ, 28 Августа, 1749 года. Отець его, Докторъ Правъ и почетный чиновникъ города, воспитывалъ его дома. Одаренный талантами огромными, Гёте продолжалъ свое ученіе въ Лейпцигскомъ Университетѣ, слу-

шалъ въ Дрезденѣ лекціи Винкельмана, въ 1768 г. оставилъ Лейпцигъ и учился въ Стразбургѣ. Двадцати двухъ лѣтъ возвратился онъ въ домъ родительскій. Познанія его были чрезвычайно многообразны. Медицина и гравированіе, Философія и Алхимія, изученіе языковъ и Теорія Изящныхъ Искусствъ, все обращало на себя проницательный взоръ Гёте. Напечатавъ нѣсколько небольшихъ пьесъ, въ 1773 г. онъ выдалъ *Гёца-фонъ-Берлихингенъ*, первую свою трагедію и первое большое сочиненіе; въ 1774 г. романъ: *Страданія Вертера*. Два явленія сіи удивили Германію. Всѣ просвѣщенные люди искали знакомства съ юнымъ писателемъ, показавшимъ въ первыхъ опытахъ примѣры дарованія необыкновеннаго. Въ этомъ случаѣ смѣшивались всѣ званія. Карлъ Августъ, наслѣдный Принцъ Саксенъ-Веймарскій, былъ въ числѣ людей, почтившихъ Гёте доказательствомъ особеннаго уваженія. Вступивъ на престолъ, онъ спѣшилъ призвать Гёте въ Веймаръ. Въ 1776 г. Гёте получалъ званіе Совѣтника Посольства при Веймарскомъ дворѣ и мѣсто и голосъ въ Государственномъ Совѣтѣ; въ 1779 г. чинъ Дѣйсств. Сшатиискаго Совѣтника и сопровождалъ своего Государя въ путешествіи по Швейцаріи; въ 1782 г. званіе Президента Государственнаго Совѣта. Въ 1786 г. испросилъ онъ позволеніе путешествовать по Италіи: три года путешествовалъ и жилъ въ Римѣ. Тогда Веймаръ заключалъ уже въ себѣ блестящее собраніе отличныхъ мужей Германіи, привлеченныхъ покровительствомъ и дружбою Герцога и супруги его, незабвенныхъ въ лѣтописяхъ просвѣщенія. Гердеръ (другъ юности Гёте и наставникъ его), Виландъ, Шиллеръ жили въ Веймарѣ. Гёте по-

споянно донынѣ живъ здѣсь; возмнѣнчивала года своей жизни великими твореніями и занимался государственными дѣлами; онъ получилъ въ послѣдствіи степень Министра; въ 1807 г. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ возложилъ на него орденъ Св. Александра Невскаго. Наполеонъ, бывши въ Эрфуртѣ въ 1808 году, говорилъ съ Гёте долго и съ жаромъ, назвалъ его un homme comme il faut и снявъ съ себя орденъ Почетнаго Легіона, надѣлъ на грудь его. Вотъ краткое обзоріе жизни Гёте. Онъ все еще занимается литературою: пишетъ, переводитъ, издаетъ Журналы, и спокойно видитъ вечернюю зарю своей жизни, блестящей, славной. «Обремененный почестями и лѣтами,» говоритъ одинъ Французскій писатель, «сей патриархъ Нѣмецкой Литературы наслаждался всеми благами міра. Его можно воспоставить въ число: прѣль немногихъ писателей, которые при жизни своей получили полный удѣлъ славы и благоговѣнія отъ современниковъ за свои великіе подвиги. Гёте при жизни воздвигаютъ статуи; при жизни о немъ говорятъ, какъ будетъ говорить потомство; по всей Германіи день его рожденія есть праздникъ народный; все званія и состоянія знаютъ его творенія и приходятъ взглянуть на него, чтобы сказать потомъ: я видѣлъ великаго челоука моего времени: я видѣлъ Гёте.»

Въ прошломъ году Гёте объявилъ, что пригбъ позволяетъ помно и послѣднее изданіе своихъ твореній. Оно будетъ состоять изъ 40 томовъ. Разнообразіе твореній его, какія видѣла Германія въ теченіи пятидесяти слѣдующихъ лѣтъ, невольно изумляетъ наблюдателя. Тригедія, Комедія, Эпопея,

Баллада, Пѣсня, Романъ : всѣ роды Словесности озарены въ Германской Литтературѣ именемъ великаго Гёте. Трудно рѣшить, гдѣ блистательнѣе является геній сего всеобъемлющаго челоука. Сказавъ о несправедливомъ, возбуждающемъ негодованіе, судѣ нѣкоторыхъ современниковъ (Тел.), осмыслившихся говорить въ то время, когда Гёте уже кончилъ труды свои, сказалъ все что заронила въ душу его природа, мы позволяемъ себѣ надѣяться, что обстоятельства не воспрепятствуютъ намъ отдѣльными изображеніями показать соотечественникамъ нашимъ, хотя нѣкоторыя черты генія Гёте. Творенія его неизвѣстны на Русскомъ языкѣ. Кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ стихотвореній, переведенныхъ Жуковскимъ, дурнаго перевода *Вертера*, синаринаго перевода *Клавико* (Драмы Гётевой) и нѣсколькихъ отрывковъ въ журналахъ, мы ничего болѣе не имѣемъ. Дѣньшѣ, даже мало говорено было у насъ о Гёте; но время это прошло. Переставъ быть опголосками только Французскихъ литтераторовъ, знакомясь ближе съ великими твореніями всѣхъ народовъ, всѣхъ временъ, не будемъ впадать въ другую крайность: не будемъ слѣпыми повтѣрителями мнѣнія *не* - Французовъ, какъ прежде повтѣряли Французскія мнѣнія; постараемся создать свое собственное сужденіе. И здѣсь - то Гёте явится во всей огромности своихъ дарованій. Мы поймемъ слова Байрона, который готовъ былъ отдать все на свѣтъ за возможность читать творенія Гёте въ подлинникѣ.

При сей книжкѣ Телеграфа приложенъ портретъ Гёте. Воиъ нѣсколько чертъ изъ характеристикъ его, написанной Лафатеромъ (переводъ

Жуковского): »Гёте . . . вотъ человекъ , ко-
 раго смѣло называю великимъ! Какъ пріятно его
 разсматривать , когда , оживленный огнемъ своего
 гения , онъ устремляется въ высоту полетомъ бы-
 стрымъ ; или когда , спокойный въ душѣ , разли-
 ваетъ вокругъ себя ясную тишину и безмяшежное
 веселіе ! Все открыто *прозрающему* его глазу . Въ
 мигу постигаетъ онъ дальнѣйшія слѣдствія . Онъ
 Ванъ - Дикъ въ великомъ и Клодовикъ въ часномъ .
 Говоря , онъ повелѣваетъ : однимъ словомъ возвели-
 чиваетъ себя , или обращаетъ въ ничто . При немъ
 суетное самолюбіе унижено , а скромное достоинство
 блистаетъ . Кто можетъ пропиться воля его ? Кто
 можетъ положить ему препятствіе ? Для прямодушія ,
 Гёте открытъ и непришворенъ ; для хитроси
 остороженъ и непроницаемъ . Онъ слушаетъ съ по-
 корностию молодыхъ людей , вопрошаетъ съ опытно-
 стию мудреца , рѣшитъ какъ мужъ , дѣйствуетъ какъ
 герой . Онъ одинаковъ во всѣхъ измѣненіяхъ ! Въ немъ
 образованный вкусъ и тонкое чувство представляются
 вамъ чудесно соединенными съ силою , твердо-
 стию и простодушіемъ . . . Гёте однимъ разитель-
 нымъ словомъ объясняетъ тысячи темныхъ понятій ;
 вы видите глазами тѣ предметы , которые онъ
 описываетъ ; они оспаютъ въ вашемъ воображеніи
 неизгладимы на вѣки . Не приближайтесь къ нему ,
 если не искренно желаете сдѣлаться лучшими , если
 совершенство моральное не есть любимый предметъ
 вашего исканія ; бойтесь доставить ему случай къ
 сравненію , для васъ унижительному . Въ важныхъ
 дѣлахъ онъ дѣйствуетъ благоразумно , искусенъ ,
 простъ , нешощимъ въ средствахъ . Въ разговорѣ
 забавенъ , свободно предается натуральной своей

веселости: его остроуміе и язвительность; ни чьи эпитграммы не могут имѣть такой остроты, колкой и вѣселої пріятной; онъ никогда не льститъ, но похвалы его нравятся: они удовлетворительны для самолюбія. Человѣкъ, постоянный въ правилахъ, твердый и неизмѣняемый, хотя несходный съ нимъ въ характерѣ, будетъ конечно имъ уваженъ. О, какое почтеніе заслуживаетъ въ глазахъ моихъ Гёте! Умѣя такъ быстро замѣчать странное и такъ искусно его осмѣивать, онъ никогда не позволяеть себѣ сказать колкость на счетъ человѣка почтеннаго, хотя съ другой стороны смѣшнаго. Я видѣлъ самъ, съ какою воздержностію слушалъ онъ разсужденія одного мечтателя, впрочемъ достойнаго уваженія по характеру. Никогда глубокое знаніе человѣческаго сердца не обнаруживалось въ такой силѣ: ожидали отъ него насмѣшекъ, острыхъ словъ, и напротивъ, ничто не могло сравниться съ его умѣренностію, съ его добродушіемъ . . . Такой характеръ; Гёте! Мое начертаніе не совершенно, чувствую; но человѣку, котораго я осмѣлился изобразить, не найдете въ миллионѣ людей равнаго ума, силою духа, дѣятельностію, добродѣтели сердца. . . .»

Иностранная извѣстія. Наконецъ получено важное для географовъ извѣстіе изъ Африки: путешественникъ Лейнгъ достигъ благополучно до Томбуку и пишетъ, что возвратится оттуда черезъ Триполь. Вскорѣ обѣщаютъ намъ описаніе Томбуку, сдѣланное Лейнгомъ. Известно, что до сихъ

Ч. XIV. Но 5. Ж

царь еще не одинъ Европеецъ не были въ Томбуку и сія часть Африки оставалась совершенно неизвѣстною.

Въ газетахъ находимъ извѣстіе, что ученая экспедиція весною отправится въ Египеть. Шамполіонъ младшій и съ нимъ 30 Нѣмецкихъ, Французскихъ и Италіянскихъ ученыхъ людей и художниковъ будутъ составлять ее.

12 Февраля, Король Шведскій открылъ засѣданіе Норвежскаго Сейма (Стортинга) рѣчью, произнесенною съ прона. «Мы не ищемъ другой славы», сказалъ Король, «кроме славы занимать въ Исторіи имя народа счастливаго.» Говоря о сношеніяхъ съ разными державами, Король прибавилъ: «Уваженіе взаимныхъ польвъ и выгодъ должно быть во всѣхъ сношеніяхъ народовъ. Слѣдуя сему правилу, я полагаю его всегда въ основаніе; мы должны уважать постановленія народовъ не по силѣ ихъ, но по правамъ, народамъ принадлежащимъ. Война предсказываетъ намъ времена, напоминающія объ уничтоженіи самыхъ древнихъ и законныхъ народныхъ преимуществъ, гдѣ жребій постигаетъ и слабого и сильнаго.» За тѣмъ чинаръ былъ отчетъ за состояніе Норвегіи съ 1824 года. Для увеличенія торговли и промышленности, упадавшихъ въ послѣднее время, сложены были въ Норвегіи многія пошлины. Правительство ревностно занимается устройствомъ дорогъ, маяковъ, пароходовъ, раздачею наградъ промышленникамъ, ревизіею народонаселенія, умноженіемъ учебныхъ заведеній вообще и учрежденіемъ училищъ Филологіи, Военныхъ Знаній, земледѣлія и

увеличила глухонемыхъ. Система взаимнаго обученія введена въ Норвегiю во все низшія учебныя мѣста. Народонаселеніе Норвегiи съ 1815 года увеличилось пятою долею и составляетъ нынѣ 1,050,000.

Въ прехъ Баварскихъ Университетахъ считается до 2,400 студентовъ, а число учащихся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Баварскаго Королевства простирается до 13,300. Все народонаселеніе Баваріи не болѣе 3,700,000. Дабы Россіи сравниться въ дѣятельности просвѣщенія народнаго съ Баваріею, число учащихся въ нашемъ отечествѣ (положивъ все народонаселеніе въ 50 милліоновъ) должно проспираться до 170 тысячъ. По отчетамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (см. Зап. Деп. Нар. просв. Ч. I, стр. 387), въ 1824 г. оно не превосходило еще 70 тысячъ (69,452). Но чего не можемъ мы надѣяться отъ благодѣтельнаго старанія, съ какимъ Правительство Россіи заботится о благѣ и счастіи своихъ подданныхъ!

Жаркіе споры о законѣ цензуры и книгопечатанія, во Франціи, не удивительны, когда знаемъ, какое важное дѣло, даже для промышленности народной, составляетъ тамъ книгопечатаніе. По исчисленію, представленному Палатѣ Депутатовъ, Г-мъ Мешеномъ, видимъ, что въ 15 лѣтъ и два мѣсяца употреблено во Франціи бумаги, только для книгъ, 1,152,294,234 листа. Любопытно, что изъ сихъ 1,152 милліоновъ листовъ, Исторія заняла около 362 $\frac{1}{2}$ милліоновъ, Словесность 290 милліоновъ, Богословіе 160 милліоновъ, Юриспруденція

97, Знанія (Sciences) 92½, Політик. Экономія 34½; Філософія 25½, Искусства 20½, Военныя знанія 14½.

Изъ ошчета, напечатаннаго въ Парижѣ, видно, что сборъ на помощь Грекамъ, въ 1825 и 1826 гг., состоялъ изъ 1½ милліона франковъ. Изъ Гамбурга получено было 33 ш., изъ Баваріи 85 ш., Голландіи 25 и Швеціи 58 ш.

Герцогу Іоркскому хотіять воздвигнуть въ Лондонѣ памятникъ, частными пожертвованіями. Герцогъ Веллингтонъ предсѣдательствуетъ въ Комитетѣ, составленномъ изъ 30 Епископовъ, Герцоговъ, Графовъ, Адмираловъ и проч. Самъ Веллингтонъ пожертвовалъ 100 ф. с. Послѣ Герцога осталось много долговъ, для уплаты коихъ опредѣлено продать собственно ему принадлежащее имѣніе. Уже лошади, собаки и экипажи проданы; за нихъ выручено около 9000 ф. с. (225,000 р.).

Въ Неаполѣ явился живописный-импровизаторъ, какой-то синьоръ Чиappa. Въ два часа, по заданной темѣ, онъ написалъ ландшафтъ и заслужилъ общее одобреніе. Не дивимся скорости, съ какою рука Г-на Чиappa владѣетъ кистью, ибо мы видали картины, написанныя нашимъ Орловскимъ съ непонятною скоростью и удивляющія своимъ изяществомъ; но затрудненіе въ томъ, что Чиappa пишетъ не карандашами, а *масляными красками*.

Кажется, что ужасныя замѣшательства въ коммерческихъ производствахъ Англіи прекратились

По послѣднему исчисленію, число безпрощенъ въ Англіи, въ 1826 г. простиралось до 7,416.

И въ Америкѣ жалуются на жестокость нынѣшней зимы. Въ Филадельфіи давно не запомнятъ такихъ холодовъ, какіе тамъ были нынѣ. Дрова сдѣлались втрое дороже и нѣсколько человекъ замерзло. Въ Испаніи, гдѣ никогда не думали брать предосторожностей отъ холода и гдѣ бѣдность народа чрезмѣрна, слѣдствія жестокой зимы были гораздо ужаснѣе: въ одномъ Мадридѣ погибло въ Январѣ и Февралѣ до 5000 человекъ. Въ Спешгардѣ, 18 Февраля, морозъ доходилъ до 24°, а въ Тибингенѣ слишкомъ до 25°. — Во время жестокой бури въ Голландіи (14 Янв.) погибло много кораблей, между прочимъ 74-пушечный, линейный корабль Вассенаеръ. Только 100 человекъ спаслось изъ 1050 на немъ бывшихъ. Въ Барцелонѣ (въ Испаніи) ночью на 10 Февраля свирѣпствовала страшная буря, при чемъ разбилося 38 кораблей и пошонуло множество народа. — Въ концѣ Января въ Аликантѣ и Гренадѣ было землетрясеніе. Въ Ліонѣ, 4 Марша, разорвало кошель на пароходѣ; нѣсколько человекъ были жертвою сего несчастія, вѣроятно, происшедшаго отъ неосторожности.

11 Декабря, прошлаго 1826 года, скончалась, въ Рио - Жанейро, Леопольдина Каролина Иозефина, Императрица Бразильская, дочь Императора Австрійскаго, на 30 году отъ рожденія; Императоръ Бразильскій былъ въ это время въ походѣ противъ Буэносъ-Айреса. — Изъ Франціи пишутъ о смерти Графа Жирардена, члена Палаты Депутатовъ

бывшаго иногда воспитателемъ и другомъ Ж. Ж. Руссо. — Швейцарія опечалена въ прошедшемъ мѣсяцѣ смертію двухъ согражданъ: Педагога Песталоцци и, извѣстнаго своими экономическими заведеніями, Фелленберга. Ученый свѣтъ потерпѣлъ также важную потерю въ особѣ славнаго Лапласа. О заслугахъ сихъ прехъ знаменитыхъ мужей мы сообщимъ подробнѣйшія извѣстія. — Въ Лондонѣ скончался великій богачъ, ювелиръ Рундель. Онъ оставилъ послѣ себя движимаго имѣнія на 1,200,000 ф. с. (30 милліоновъ рублей). Наслѣдники заплатили 15,000 ф. с. (375 т. р.) однѣхъ пошлинъ за духовную. Но Рундель еще не покажется богачомъ, когда вспомнимъ о Ротшильдѣ.

НЕКРОЛОГІЯ. *Армандъ, Августинъ, Людовикъ Коленкуръ, Герцогъ Витгенцкій, Генераль - Дейшенантъ, Кавалеръ Почетнаго Легіона, Россійскаго Ордена Св. Апостола Андрея, Австрійскаго Леопольда, Баварскаго Св. Губерта, Баденскаго Вѣрности и мн. д., скончался $\frac{7}{9}$ Февраля сего года, въ Парижѣ. Онъ родился въ Коленкурѣ, въ 1773 году, происходилъ отъ знаменитой фамиліи и 15-ти лѣтъ началъ службу опчизнѣ. Въ исторіи бурнаго времени, пропекшаго отъ 1789 до 1815 года, жизнь Коленкура соединяется съ воспоминаніями о великихъ и важныхъ событіяхъ. Она представляетъ картину любопытнѣйшихъ подробностей. Намъ обѣщали сообщить жизнеописаніе Коленкура, почему мы и не предлагаемъ здѣсь извѣстій о его жизни и*

дѣяніяхъ. Коленкуръ былъ храбрый воинъ и искусный дипломатъ. Четырехлѣтнее пребываніе его посломъ при С. Пбургскомъ Дворѣ, участіе во всѣхъ бѣдствіяхъ Наполеонова похода въ Россію, въ происшествіяхъ 1813 и 1814 гг. и непоколебимая вѣрность Государю и благодѣтелю своему, дають Герцогу Виченцскому права на почтительное воспоминаніе каждаго чловѣка, чуждаго духа паршій и нещепямости патріотизма.

**МОСКОВСКІЙ
ТЕЛЕГРАФЪ.**

ЧАСТЬ XIV.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

II. СМѢСЬ.

STATIONER

J. B. E. L. A. D. E. T.

NO. 111

STATIONER

STATIONER

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Далла - Рукъ.

Милый сонъ , души плънншель ,
Гость прекрасный съ вышины ,
Благодушный постьпншель
Поднебесной споронъ !

Я побою насладился
На минушу , но вполнъ :
Добрый вѣстникомъ явился
Здѣсь небеснаго ты мнѣ !

Милъ я бытъ въ обѣшованной
Той землѣ , гдѣ вѣчный миръ ;
Милъ я зрѣтъ благоуханный ,
Безмятежный Кашемиръ ;

Видѣлъ я : торжествовали
Праздникъ розы и весны ,
И пришлицу встрѣчали
Изъ далекой споронъ .

И блистая и плъняя ,
Словно Ангелъ неземной ,

Непорочность молодая
Появилась предо мной :

Свѣтлый завѣсъ покрывала
Оштѣняла ея чертамъ .

И застѣнчиво склоняла
Взоръ умильный съ высоты .

Ч. XIV. No 5.

Все, и робкая стыдливость
Подъ сѣніемъ вѣнца,
И младенческая живость,
И величіе лица,
И въ чертахъ глубокость чувства
Съ безмятежной тишиной,
Все въ ней было безъ искусства
Неописанной красой!

Я смотрѣлъ, а призракъ мимо,
Увлекая душу вслѣдъ,
Пролетѣлъ невозвратно!
Я за нимъ . . . его ужъ нѣтъ!
Послѣдилъ, какъ упованье,
Жизнь минушно озарилъ
И оставилъ лишь преданье,
Что когда-то въ жизни былъ!

Ахъ! не съ нами общаешь
Геній чистей красоты:
Лишь порой онъ навѣщаетъ
Насъ съ небесной высоты;
Онъ посѣщенъ, какъ мечтанье,
Какъ воздушный утра сонъ;
Но въ святомъ воспоминаньи
Неразлученъ съ 'сердцемъ онъ!

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бышя слѣдствуетъ къ намъ;
И приноситъ откровенья
Благодушныя сердцама;

Чтобъ о небѣ сердце знало
 Въ темной области земной,
 Лучшей жизни покрывало
 Пригодѣется онъ порой.

И во всемъ, что здѣсь прекрасно,
 Что нашъ мiръ живоизворишь,
 Убѣдительно и ясно
 Онъ съ душою говоришь;
 А когда мнѣ покидаешь,
 Въ даръ любви у насъ въ виду
 Въ нашемъ небѣ зажигаешь
 Онъ прощальную звезду.

Кшо-жѣ ты, очаровашель
 Бѣдъ и радостей земныхъ? . . .
 О небесный жизнедашель!
 Мнѣ знакомъ ты; для другихъ
 Нѣтъ тебѣ именованья:
 Ты безъ имени имъ другъ!
 Для меня-жь тебѣ названье
 Сердце дало: Лалла - Рукъ!

1821.

Теперь мнѣ недосугъ.

Дѣлецъ пришелъ къ начальнику съ докладомъ ,
 Графиня ждетъ отъ Графа денегъ на домъ ,
 На балъ Графъ жену до избуховъ ,
 Вѣдникъ давно обещаннаго мѣста ,
 Купецъ долговъ , невѣста жениховъ ,
 Пиладь услугъ отъ вѣрнаго Оресна ;
 Имъ всѣмъ ошвѣтъ : »Теперь мнѣ недосугъ ,
 »А послѣ имъ зайди ко мнѣ , мой другъ.»

Но звать приди вельможу на пирушку ,
 Явись въ приказъ со вкладчиною въ кружку ,
 Хвалишь въ глаза писателя начни ,
 Иль подвергашъ боферниковъ разбору ,
 Будь иль въ ходу , иль ходакамъ съ родни :
 Гость дорогой , всегда , какъ деньги , въ пору !
 Не слышишь имъ : »Теперь мнѣ недосугъ ,
 »А послѣ имъ зайди ко мнѣ , мой другъ.»

Чтобъ улеснить взыскательную совѣсть
 И многихъ лѣтъ замаранную повѣсть
 Хошь обложись въ красивый переплеть ,
 Ханжа швердишь : »Раскаяться не поздно !«
 Когда-жъ къ нему раскаянне придешь
 И въ злыхъ дѣлахъ отчета просишь грозно ,
 Онъ ей въ ошвѣтъ : »Теперь мнѣ недосугъ ,
 »А послѣ имъ зайди ко мнѣ , мой другъ.»

Бракъ былъ для нихъ вѣнцомъ земнаго блага ;
 Ихъ сопрягла взаимная присяга ,

Ихъ запрягла судьба за шопъ-же гужа;
 Нѣтъ года : бракъ не роза , ужъ шерній жашва ;
 Жены-ль вопросъ , жену-ли спросишь мужъ :
 »А гдѣ-жь любовь , а гдѣ-жь на счастье клятва ?
 Ошвѣшь какъ шупъ : »Теперь мнѣ недосугъ ,
 »А послѣ ты зайди ко мнѣ , мой другъ.«

Когда возьмешь меня запой Парнасской
 И явишь схоласлика съ указкой ,
 Сказавъ мнѣ : »Спишь пивой вольничать привыкъ ;
 »Будь онъ хоть пошлъ , но у меня въ границахъ ,
 »Смирись , пока поспрѣла не настигъ
 »Журнальный рундъ , дѣспричастій въ лицахъ !
 Я ей въ ошвѣшь : »Теперь мнѣ недосугъ ,
 »А послѣ ты зайди ко мнѣ , мой другъ.«

Есть гостыя : ей всегда всѣ насшежь двери ,
 Враждебный духъ , иль счастливая Пери ,
 Възжаешь въ домъ на радость , иль на страхъ .
 Какъ заскряпишь ея новозки полозь
 У молодой безпечности въ дверяхъ ,
 Когда подашъ она счастливицу голось ,
 Не скажешь ей : »Теперь мнѣ недосугъ ,
 »А послѣ ты зайди ко мнѣ , мой другъ !«

Кн. Ваземскій.

На кончину ***.

Я вѣрю, скажутъ всѣ объ ней:
 Она скончалась въ цвѣтъ дней,
 Она плыла красоюю
 И позабудутъ всѣ. Весеннею-жь порою,
 Долина, гдѣ она лежатъ,
 Душистыми покроется цвѣтами;
 Тогда ея подругъ съ звѣнками прибѣжишь
 И рывоси слезы замѣнишь.
 Когда-же солнце за горами
 Сокроется, охотникъ молодой
 Тамъ сядетъ отдохнуть, не зная
 Что попираетъ онъ ногой
 Твой прахъ, прелестная Аглая.

Всл. Пушки.

О т к и (*).

Спарушку Европу обвиняють въ глупости; не хочу входить въ посредничество между Европою и обвинителемъ (**). Ему надобно быть, либо слишкомъ увѣреннымъ въ своемъ дѣлѣ, либо очень смѣлымъ; если Европа въ самомъ дѣлѣ не въ полномъ умѣ, лечить ее не легко. Больная сильна и могуча; голова ее касается свѣр-ныхъ льдовъ, ноги горячихъ песковъ Африки, а руки распянушы ошъ. Моемвы до шолповъ Геркулесовыхъ. Такую дуру неловко вязать и кто захочетъ запереть ее въ домъ сумасшедшихъ, вѣрно покажетъ себя глупѣе Европы.

Впрочемъ подобныя увеличиванія; подобныя выводы безъ причинъ, дочери страстей и болѣзни ума, также спары, какъ спара Европа.

Нѣкогда Эразмъ Роттердамскій обвинялъ также въ глупости Европу своего времени, и что всего страннѣе: обвинялъ смѣлымъ языкомъ, и доброе спарее время не соблазнилось пѣмъ, что при другомъ времени почли-бы безуміемъ, возмущеніемъ, безвѣріемъ. »Служители служителей Божі-

(*) Сочиненіе Графа Сегюра. Шутка и весьма милая. *Изд.*

(**) Сегюръ вѣроятно говоритъ о книгѣ какого нибудь изъ новѣйшихъ Французскихъ писателей. *Пер.*

нихъ (*), « говорилъ Эразмъ, «сдѣлались повелителями міра, проповѣдники милосердія жгутъ своихъ собратьевъ, смиренныя пастыри думаютъ о суешѣ мірской. Скажешь, смотри на нихъ, что они показались отъ свѣта, чтобы лучше звать его прелести, и смотришь въ рай, оглядываясь въ міръ суешы.»

Не продолжу выписокъ, конин Авшоръ Похвалы глупости старался увѣрить, что въ его время глупость сдѣлалась всемірною. Приведеннаго мною, можетъ быть, довольно для доказательства, какъ въ старое хваленое время, множество людей слывшихъ мудрецами и славными, доводилъ то, что нынѣ называютъ *либерализмомъ*, до такой степени, которая испугала и остановила-бы нынѣ самыхъ беспрашныхъ *либераловъ*.

Вѣрный выводъ изъ этого, что во всякое время существовали и будутъ существовать въ Европѣ и во всемъ свѣтѣ, пока будутъ въ немъ люди, не глупость, но столько *глупостей*, сколько есть разныхъ отношеній, воспитаній, наклоностей, спрасей различныхъ и выгодъ, противныхъ одна другой. Каждый почиталъ и будетъ почитать мудростью заблужденіе, льстящее ему, а безуміемъ истину, его оскорбляющую.

Мыъ сказывали, что молодой Князь, изъ числа Князей, принадлежащихъ къ

(*) Титулъ Ривскій Папъ. Пер.

больной Европѣ (не скажу имени его изъ уваженія къ нему, ибо онъ, по словамъ его придворныхъ, былъ такъ простъ, чпо добродушно вездѣ искалъ истины, ума и справедливости), говорилъ когда-то съ однимъ изъ старыхъ своихъ министровъ; точно такъ, какъ хочу я рассказать вамъ.

«Послушайте, Графъ,» сказалъ Князь, мнѣ грустно; я недоволенъ вами и есть причины. Я слѣдовалъ всѣмъ вашимъ совѣщаніямъ и все худо идетъ въ моихъ владѣніяхъ: благодѣянія мои падаютъ на неблагодарныхъ; моя доброша, кажется, увеличивается число злыхъ; правосудіе возбуждаетъ жалобы; снисходительность ободряетъ пороки, вездѣ безъ стыда и нагло бродящія. Дворъ мой наполненъ сплетнями. Вижу вокругъ себя только несогласныхъ министровъ, знашныхъ гордецовъ, людей честолюбивыхъ, незнакомыхъ съ терпимостью; жадныхъ придворныхъ, женщинъ кокетокъ и сплетницъ, шариковъ, проклинающихъ настоящее время, молодежь безъ уваженія къ отцамъ оскорбляющую презрѣніемъ и насмѣшками прошедшее время; писателей, изъ которыхъ одни хотѣли-бы видѣть въ своемъ государствѣ деспота, другіе довели его до безначалія; педантовъ, сердитыхъ, когда надобно рассуждать; мнимыхъ философовъ, которые хотѣли-бы сдѣлать этотъ міръ гладкою доскою и пошломъ свроншь на ней съ основанія по своимъ

мечтамъ, а во всѣхъ обязанностяхъ видятъ одинъ цѣпи. Вездѣ въ государствѣ моеи добродѣтель жертва эгоизма, разумъ жертва спрасней; истина духа партій и пользы общія приносятъ въ жертву своею корыстною частному: вопль свѣдѣствія вашихъ совѣповъ. Вы хотѣли, чтобы бремя законовъ было легко: и народъ его сбрасываетъ; вы думали, что можно людямъ оставить свободу: дѣйствию и мыслей: посмотрите, какъ во зло употребляютъ эту свободу: люди свѣицы, падающіе безъ проводника и палки. Должно, чувствую что должно переменить систему и чего бы это ни стоило, я откажусь отъ доброты, которая въ самомъ дѣлѣ слабость; должно оковать жезлъ правленія желѣзомъ и воспитывать имъ людей бытъ: умными, благочестивыми, добродѣтельными и счастливыми противъ воли.

— Князь! отвѣчалъ министръ: не говоря нѣхъ словъ, которыя могутъ вамъ не понравиться, я могу и долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ, которыя составляютъ хвалу вашу; вы достойны повелѣвать другими, ибо вы хотите только добра и ищете только истины. Но добродѣтель подвержена заблужденіямъ и излишествамъ. Чѣмъ она чище, тѣмъ менѣе пойметъ спрасни, съ которыми должна сражаться. Одна опыиность дѣдаетъ ее снисходительною и даетъ ей уразумѣть, что здѣсь на землѣ, своеко-

рыснѣе естѣ призма, въ которой каждая сторона видна въ различныя стороны. У всего на свѣтѣ естѣ несколько сторонъ; поному всѣ судящѣ различно, что всякой изъ насъ судящѣ по мѣстоположенію, въ какое спавишь насъ жребій въ отношеніи вещи, на которую мы глядимъ. Позвольте мнѣ, испанци, разсказать вамъ сказочку, не совсѣмъ не приличную предмету, насъ занимающему.

— Жилъ, были юный Султанъ, раздраженный, какъ вы, непорочноствію своего времени, и же смотря на крошечныя нрава, казалось, болѣе расположенный употребить орудія тиранства, для убѣжденія подданныхъ следовать законамъ здраваго смысла и разсудка. Старый Визирь, желая заспавишь его лучше узнать людей и ввести его въ кругъ человѣческихъ глупостей, чтобы съ большимъ свисхожденіемъ онъ судилъ о нихъ, сказалъ Султану, что какой-то угодникъ Мугаммеда, справедливо почиаемый за его мудрость, сдѣлалъ ему драгоцѣнный подарокъ, а этотъ подарокъ можетъ быть весьма полезнымъ для предпріяній его Султанскаго Величества, ибо, продолжалъ Визирь, вы беретесь за дѣло не весьма легкое: хощите лечить больныхъ; надобно сперва узнать ихъ болѣзни. Вы легче воспоржешауете надъ вашими врагами, если, еще не сражаясь съ ними, вы поспѣшите себя, шая сказать, на ихъ мѣсто

и милостиво прослушайте ихъ сужденія и предпріянія. Мудрецъ, о которомъ говорилъ я, далъ мнѣ большое количество очковъ, истинно волшебныхъ. Онъ сдѣлалъ ихъ почь въ почь похожими на нѣзримыя очки, которыхъ, величайшій изъ всѣхъ колдуновъ въ мѣрѣ, своекорыстїе, надѣваетъ пиконью на носъ каждаго правовѣрнаго, такъ что онъ и не примѣчаетъ этого. Только благоволивше вы помѣстятъ какія нибудь изъ сихъ очковъ на вашъ благословенный носъ, вы невольнo увидите всѣ вещи мѣра здѣшняго почно такими, какими видншь ихъ человекъ, одаренный подобными очками опъ мантери природы.

Султанъ. Посмотримъ. Клянусь кобылицей, на которой Мугаммедъ совершалъ свои путешествія, мнѣ любопытно знать, возможно-ли заспавншь меня сморщншь на вещи иначе, нежели разумъ ихъ мнѣ представляеть. Что это за очки?

Визирь. Государь! это очки ума юнаго Халеба, котораго вы такъ любили, а теперь изгнали изъ столицы.

Султанъ. Какъ! очки этого юноши, обладаемаго страстями, который печалншь все семейство свое, забываетъ обязанности, не чувствуешь монкъ милостей и увлекается безумною любовью къ молодой иностранкѣ, жертвуя ей и своимъ богатствомъ и своею честью?

Визирь. Того самого. Благородише надѣнь на носъ вашъ его очки и опивчатъ на мои вопросы; я запишу опивчаты ваши и вы можете обсудить, когда освободитесь отъ призмъ, расцвѣчивавшей предметы въ глазахъ вашихъ, какъ она расцвѣчиваетъ въ глазахъ Халеба.

Султанъ (надѣвши очки). Хорошо; я госпожь. О Мугаммедъ! какое превращеніе: все измѣняется предо мною; глаза мои наполнились горячими слезами; вижу предметъ мною любимый, слышу его, внимаю ему: взоры его вливаютъ шрепешъ въ грудь мою, но поупивъ глаза, она возвращаетъ мнѣ надежду. Небесная улыбка украшаетъ уста ея: ея нѣтъ, но она всегда со мною. Кажется, вижу какъ прелестныя ручки ея пропятиваются ко мнѣ, обвиваютъ меня и соспавляютъ около меня цѣни, самыя прелестныя, райскія. Какой пламенный поцѣлуй! Отъ вѣянья покрывала ея вѣетъ на меня жаръ и холодъ. О наслажденіе! продли мечты мои: онѣ слишкомъ скоро исчезнутъ и опкроютъ мнѣ печальную существенность.

Визирь. Халебъ! Халебъ! оставъ свои восторги, откажись отъ мечтаній своихъ: Султанъ призываетъ тебя, труба гремитъ. Забудь любовь, осуждаемую разумомъ; прислушайся къ голосу славы и счастья!

Султанъ. Оставъ меня, Визирь! То востанавленная мечта, чью тебя предъцаетъ:

эту непостоянное счастье, эта горделивая слава, о которой ты говоришь мнѣ; онѣ заставляютъ жить для другихъ, не для себя; вмѣсто дѣйствительнаго благополучія сужаютъ насъ блескомъ ложнымъ и поспѣднымъ. Что называешь ты разумомъ, есть суцая глупость. Ты говоришь моему щеславию, но любовь говоришь моему сердцу.

Визирь. Но, Халебъ, если тебя не трогаютъ ни слава, ни счастье, гдѣ-жъ благодарность? Развѣ ты ничѣмъ не долженъ своему отцу, своему Султану, своему опечеству? Разумъ не говоритъ тебѣ развѣ, что прежде всего должно исполнить свои обязанности?

Султанъ. Обожаю отца моего, гирнущъ милостями Султана и преданъ отчизнѣ моей: умру за нихъ, но жить пусть оставятъ они меня для моей Зюлейки. Хотѣшь разлучить меня съ нею, хотѣшь безъ нее располагать мною, значишь сдѣлать обязанности мои плясками цвѣтными; заставишь шло дѣйствовать безъ души: Зюлейка моя душа, жизнь, все мое существованіе!

Визирь. Но она бѣдная, и сколько счастья прекраснѣе! Чѣмъ она превращаетъ тебя?

Султанъ. Что буду отвѣчать савиру, который не видитъ Божьяго дѣла? Что сравнишь съ прелестною взоромъ, улыбкою, умомъ, добродѣтелями, крошечкою, скром-

носпью Зюлейки. На что богатство
 тому, кто обладает таким сокрови-
 щемъ? Жизнья съ нею лучше Султанскаго
 дворца.

Визирь. Ты говоришь о Султанѣ, но
 разсуди, какъ онъ выше тебя. И у него
 были спраетни: любовь и охота. Не пре-
 даваясь имъ слѣпо, онъ умѣлъ сдѣлать себя
 изъ нихъ преспыя заботы; онъ умѣлъ
 побѣдять себя и пожертвовалъ склон-
 носпями обязанностямъ.

Султанб. Вѣрю, но не дивлюсь ему и
 жалѣю о немъ: онъ замѣнилъ еспешвен-
 ныя чувствования искусственными. Это
 значишь перемѣнилъ зло, а не отказалъ-
 ся онъ него. Онъ губилъ себя а не лечилъ.
 Помни, что сказала мудрецъ: «Ничто не
 отвращаетъ, ничто не заставляетъ такъ
 разлюбить, какъ излишнее обиліе; всего
 вѣрнѣе исцѣлился онъ любви и охоты,
 если будешь имѣть преспя женъ, подоб-
 но великому Султану и семь тысячъ со-
 коловъ, подобно Кышайскому Императору.»
 Султанъ груститъ въ своемъ гаремѣ; я
 горю воепоргомъ, взглянувъ на хижину,
 гдѣ живетъ моя Зюлейка; она вос-
 хищаетъ, очаровываетъ меня, когда
 множество и разнообразіе женъ напоминъ
 Султана. Я помню, что спрансивуя по
 Европѣ, я видѣлъ молодыхъ поселянъ, съ
 восхищеніемъ слушавшихъ сельскіе звуки
 преспой дудочки, въ то время, когда
 преспыщеніе дѣлало скучнымъ для сыновъ

роскоши величественную гармонию огромнаго хора.

Визирь. Государь! я замѣчаю, что очки уже не находясь на великомъ носѣ вашемъ: вы начинаете разсуждать и приводить доказательства.

Султанъ (смѣясь). Правда, но посмотришь, что я говорилъ (*читаетъ*). О Мугаммедъ! какія глупости! Но онъ вразумляетъ меня. Визирь! я призову опять Халеба, и чтобы вылечить его, женю на Зюлейкѣ.

Визирь. Вы поступите благоразумно. Полиціа, какъ правосудіе, пребудетънисходительности. Сильныя, оскорбительныя исправленія какогонибудь челоука, или какойнибудь паршія, похожи на удары молотка и только сильнее углубляютъ ихъ въ заблужденіе, ошъ копорого хотѣли ихъ избавить; они похожи на рогащину, копорою колютъ челоука и заставляють съ неистовствомъ бѣжать по той дорогѣ, гдѣ прежде шель онъ робко и тихоуко.

Теперь, вопъ очки, сквозь копорыя глядишь вашъ Эмиръ Солиманъ и большая часть его военныхъ товарищей, на предметы міра.

Султанъ. Эши стекла немного горячи, но кажеться, я узнаю ихъ: они изображаютъ мнѣ предметы почти шакъ, какъ я видѣлъ ихъ въ первой юности моей.

(*Минута молчанія.*)

Визирь. Благородный Эмиръ! къ чему сіи дикіе взоры, мрачный видъ, неровные шаги? Среди мирнаго двора у тебя спрашный взглядъ война, окруженнаго врагами, гошоваго ринуться на испребленіе ихъ. Или никогда не хочешь ты наслаждашься своею славою и вкушаешь, какъ мы, ушѣхи мира, какими одолжены мы мудрости Султана?

Султанъ. Вопъ слова: дряхлаго спарика: *ушѣхи мира; мудрость Султана!* Ахъ, Визирь! или не видишь ты, что миръ шоль хвалимый малодушными, ешь медленнѣй ядъ, изнѣженными нравами убивающій государство. Онъ губишь храбросшь, ободряешь безпорядки, покровительствуешь роскошь, гонишь мужественныя добродѣтели, опкрываетъ поприще низкимъ сплешнямъ, способствуетъ ползающимъ, вредишь заслугъ, выпѣсняешь дѣяшельность. Благодаря ему, люди не лешають за славою и пресмыкаются въ переднихъ; придворные заставляють забыть воиновъ; привычка къ забавамъ опвращаетъ опъ шрудовъ; народонаселеніе прибавляется безъ мѣры и идешь обруку съ бѣдноспью; народъ слабѣешь, и когда иноземцы спануть грозить, имъ нѣкого прошивопоставишь, кромѣ вялыхъ вырошковъ и нѣчего, кромѣ обезсилѣвшихъ рукъ. Только воинспвенные народы уважены и славны; Государи, оставившіе блестящіе савды въ Испоріи, всѣ были воины: имя

война уважается внѣ и почитается вну-
три государства. Мечъ есть истинный
скиншрь: онъ одинъ ручательство за не-
зависимость государства, укрѣпляетъ на-
родъ, ссужаетъ силою правосудіе и заспа-
вляетъ шолпу повиноваться.

Вошъ какимъ языкомъ мужества дол-
женъ ты, Визирь, говорить Султану,
вмѣсто усыпленія его проповѣдями своихъ
имановъ, бреднями философовъ и чадомъ
лески. Но вамъ лучше нравился Султанъ
миролюбивый, преданный лѣни и сладос-
спрасшію. Заковывая его въ цѣпь усил-
пелныхъ цѣшовъ, вы надѣветесь лучше
управлять имъ. Уже съ шрудомъ узнаю
моего повелишеля: онъ уже не воинъ вмѣ-
стѣ пламенный и скромный, вѣрившій,
что ничего не имѣешь, когда есть еще
что завоевать. Бездѣйствующій, предан-
ный удовольствіямъ, онъ ищетъ не опас-
ностей, но похвалъ; лѣнивая суешность
замѣнила въ немъ шрудолобивую гордость.
Онъ не дошелъ еще до самохвальства, до
хвасшовства шѣмъ, что дѣлаетъ для лож-
наго блеска, ничтожныхъ искусствъ, коры-
сполубивой промышленности; онъ осуж-
даетъ еще глупости, хваляція самихъ
себя, но плашитъ уже льстивымъ хвали-
шелямъ и болшлвымъ пошамъ: «они
улаждаютъ его,» какъ сказалъ одинъ
Европейскій Саширикъ, «сладкимъ дымомъ
лживой похвалы, дѣлающей изъ малаго

многое и изъ мухи слона. Вотъ прекрасныя плоды мудрыхъ совѣтовъ вашихъ!

Визирь. Эмиръ! грубость своего языка и несправедливость своихъ упрековъ хорошо изображаютъ суровость своего права. Несчастливъ былъ-бы народъ и ты самъ, если-бы Султанъ слѣдовалъ своимъ нагубнымъ совѣтамъ!

Миръ есть здоровье народа; война болѣзненное состояніе, а если повѣришь себѣ и подобнымъ, надобно-бы въ государственномъ дѣлѣ продолжать непрерывную лихорадку, скоро приводящую государства къ разрушенію.

Войско, я согласенъ, составляетъ важную опору государства. Не лѣзя довольно починишь его, когда оно употреблено на защиту государства; но спраши-песь, когда оно вмѣшивается во внутреннее управленіе. Два основанія упрочиваютъ твердость Султанскаго престола: правосудіе внутри, сила внѣ государства: когда мечъ замѣняетъ скиптръ, страхъ замѣняетъ уваженіе, приходи замѣняютъ законъ; любовь подданныхъ не приноситъ плода, торговля чахнетъ, искусство изгоняючися, самое земледѣліе уничтожается: государство легко впадаетъ въ руки перваго смѣлаго воина. Уже не медленныхъ шалостей ума, кошорья легко можешь отврапшишь мудрое и правосудное правительство, нѣшь, должно ожидашь

мгновенныхъ, быстро низпровергающихъ оболъщенийъ. Такъ, Греція и Римъ, государства, державшіяся на ломкой, опасной подпорѣ меча, неизбѣжно должны были падать отъ просвѣщенія къ варварству и — упали.

Но я теряю слова напрасно. Вижу гнѣвъ въ глазахъ твоихъ: твое своекорыстіе ослѣпляетъ тебя. Познай-же, что голова должна управлять, а рука только дѣйствовать; ты воинъ: ты рука власти. Оставь глупую гордость славить себя на мѣсто головы, кошорую составляютъ государь, законодатель и судія. Думай о битвахъ, когда велятъ тебѣ и не возноси презорливыхъ взоровъ (своихъ на подвиги людей, занятыхъ тяжкою работою, развязываньемъ перепутанныхъ узловъ полишики).

Султанъ. Жалкія разсужденія! такіе-же ничтожные узлы, какими хопите вы опущать и задавить нашу славу, были, говоряшь, представлены нѣкогда великому Скандербегу и вотъ какъ онъ развязалъ ихъ (*хочетъ вынуть саблю и сбиваетъ отки*). Что за безумный гнѣвъ обладалъ мною! Визирь! ты правъ; многіе изъ нашихъ воиновъ презираютъ все, что не составляетъ силы и славы воинской; отъ того нравится имъ деспотизмъ Марокскаго Дея, что они опоры его. Будемъ беречь ревность ихъ, но удержимъ ее: ихъ спрасить полезна, когда ею упра-

вляють, и особенно будемъ тщательно покровительствоватьъ законы пропивъ силы: она такое оружіе, которое можетъ ранишь жестоко, если неосторожно на него опираешься.

Но вотъ самыя спранныя очки: я никогда не видалъ подобныхъ. Что за чудная форма! Ихъ граненныя стекла должны представлять предметы въ тысячь смѣшныхъ отраженій. Какому носу они предназначены?

Визирь. Государь! они принадлежатъ весьма большому количеству носовъ и въ великомъ употребленіи, особенно при дворахъ, гдѣ, вы сами хорошо знаете, люди привыкли приниматьъ всѣ формы, какія могутъ нравиться и избѣгатьъ всѣхъ шѣхъ, которыя могутъ показаться скучными и не понравиться кому нибудь. Разумъ и истина рѣдко осмѣливающася тамъ являться: они всегда бывають задумчивы, а при дворѣ эпо могутъ почестъ неловкостью; всякій, кто хочеть успѣшь, долженъ казаться довольнымъ собой и другими, а вы согласитесь, что только величайшее заблужденіе или безмѣрное самолюбіе, близкое къ глупости, могутъ сдѣлать насъ совершенно довольными собою.

Султанъ. Понимаю, и думаю, что не случился мнѣ никогда видѣшь такихъ очковъ на носу мудреца.

Визирь. Не ручайтесь, Государь. Вспомните, что изъ семи Греческихъ мудрецовъ,

пятеро избраны были за умъ , а двое по заговору. Это были, помнишь, Клёвуль и Періандръ.

Султанъ. Визирь! эпитаграмма твоя смѣла. Но испытываемъ эти глупыя очки. Кому принадлежатъ они?

Визирь. Зеангиру.

Султанъ. Зеангиру , этому безмозглому придворному , который слышетъ дуракомъ между дураками двора моего! Правда, ты заставляешь меня терять время на испытаніе очковъ его , когда я могъ бы употребить его лучше , приказывая прогнать изъ дворца моего Зеангира и подобныхъ ему ; но что за дѣло : посмотримъ , какое-то безуміе мы увидимъ (*надѣваетъ очки*).

Визирь. Не стыдно-ли тебѣ Зеангиръ , съ своимъ именемъ и въ своемъ званіи , играть роль , какую взялъ ты на себя въ свѣтъ и соблазнялъ всѣхъ порядочныхъ людей своими глупостями?

Султанъ. Имя дурака не спрашивай меня , Визирь ; напрошивъ , съ нимъ я совершенно безопасенъ и часто говорю такимъ языкомъ , какимъ ты самъ не посмѣлъ-бы говорить. Вспомни , что скавалъ одинъ старый и почтенный хвалитель глупости: «Встарину при дворахъ позволяли только Королевскимъ дуракамъ говорить правду. Если человекъ почитаетъ мула лошадейю , шывку женщиной , говорятъ : онъ дуракъ ; а если онъ

принимаетъ лестъ за истину, ложный блескъ за истинное счастье, придворнаго за вѣрнаго друга, вѣпреницу за Пенелопу, повѣрьте, что его не запрутъ въ домъ сумасшедшихъ; иначе, дома сумасшедшихъ надобно-бы поспроить обширнѣе городовъ.»

Визирь. Согласенъ; но признайся съ своей стороны, что глупость не извиняетъ глупости и что изъ твоихъ глупостей никогда не дождемся мы ни урока мудрости, ни полезнаго слѣдствія.

Султанъ. Для чего-жь нѣтъ? Римляне одолжены были славою глупой баснѣ о лошадиной головѣ, найденной въ Капитолинѣ; законодательствомъ сказкъ объ Эгеріи и Нумѣ; возвращеніемъ къ здравому смыслу баснѣ о желудкѣ и членахъ. Спартапцы, глухіе къ поученіямъ Ликурга, выкололи ему глазъ въ ошпашу за его мудрыя правила и приняли его системѣ воспитанія, похохотавши надъ сказкою о двухъ гончихъ собакахъ, кошоую онъ разсказалъ народу.

«Ахъ! вѣрьте мнѣ: мудрѣйшій изъ языческихъ боговъ былъ Момъ, смѣявшійся надъ всѣми другими и конечно онъ далъ людямъ лучшіе уроки изобразивъ Зевеса, забывшаго о перунахъ и бѣгущаго за хорошенькою дѣвушкою, Цереру, отдавшую дочь свою адскому божеству, Марса, нападавшаго на вѣпрчнаго и поперечнаго, Алкида, забавлявшаго небожителей опытами силы, какъ Эрміи забав-

»мьяль ихъ разказами о почешныхъ пре-
»порученіяхъ боговъ и Фиглярспвомъ.«

(*Султанъ снимае тѣ очки.*)

Я смѣюсь и обезоружень. Не выгоню
Зеангира и подобныхъ ему; напрошивъ,
спану снисходительно слушать ихъ глу-
лости и искапъ въ басняхъ, нѣпъ-ли на
днѣ ихъ какой нибудь капельки нраво-
ученія.

(*Онѣ надѣваетъ и снимае тѣ, одни
за другими, нѣсколько очковъ.*)

Какъ самолюбіе гордо; какъ ласкапель-
ство угодливо; какъ лѣнность сладостна и
забывчива; какъ нѣга чувствъ привлека-
тельна и заманчива; какъ легко пьян-
ство заспавляетъ забытъ горести! Ахъ!
Визирь! возми скорѣ эти очки: я сдѣ-
лался уже снисходительнымъ и боюсь,
что-бы наконецъ не думатъ, какъ всѣ
эти сумасброды, что мудрость губитъ
жизнь, дыша только успупками наслажде-
ній, въ по время, какъ глупость дышетъ
только наслаженіями. Однакожь, про-
спимъ тѣхъ, кто заблуждается искавши
развлеченія опъ несчастій жизни. «Если-
бы,» сказалъ извѣстннй Французскій
мудрецъ, «если-бы не было въ жизни
»столькихъ бѣдспвій, разумъ и память
»были-бы дары небесные. Но дни наши
»исполнены столькихъ заблужденій и горе-
»стей, что забвеніе или обольщеніе чае-
»по кажущся намъ небесными дарами.»

Но что это? Какая разнища! Ты по-
дѣшь мнѣ очки тускляя, закопченныя;
вѣроятно, это очки какой нибудь ночной
пишцы?

Визирь. Тихе; будемъ говорить! съ
большимъ почтеніемъ, и не безъ причины:
это очки нашего великаго Муфтія и вели-
каго числа изъ почтенныхъ нашихъ има-
новъ.

Султанъ. Испытаю, хотя они, кажеш-
ся, болѣе могутъ препяшспвовашъ ясному
зрѣнію, нежели дѣлашъ для насъ предметы
болѣе видными.

(*Минута молчанія.*)

Визирь. Свѣпильникъ Воспока! Какое
облако зашмѣваешъ мудрую ясность ва-
шего лица? Кажется, вы недовольны и
готовы возрѣспашъ какое- нибудь зло-
вѣщее повелѣніе Мугаммеда?

Султанъ. Ахъ! развѣ я не имѣю спра-
ведливой причины бышъ раздраженнымъ,
когда вижу ядъ Европы и заразу философіи
разливаемые между нами? Вошще Мугам-
медъ оградилъ насъ отъ чувственной опь-
явѣлости, запрешивъ намъ вредное упо-
ребленіе вина: мы впадаемъ въ опьянѣ-
лость нравспвенную, спо разъ опаснѣй-
шую упоенія гордости, ничшожными, су-
стными наслажденіями лишашоющей насъ
наслажденій вѣчныхъ, обшцанныхъ Мугам-
медомъ. Человѣкъ, опредѣленный повино-
вашся, хочешъ разсмашривашъ, осмѣли-

вается разсуждать и думать, вмѣсто того, чтобы не знать и покоряться. Суепытныя занятія міра колеблютъ корни нашей вѣры. Мы скоро перестанемъ быть единственными изъяснителями мудрости. Съ Запада приносятъ намъ пагубныя знанія, перенимаютъ, шельмуютъ равенствъ всѣхъ подданныхъ предъ законами, о свободѣ каждому поступать какъ ему угодно, если поступки его законны и наконецъ, пагубное изобрѣтеніе, выдумку злыхъ духовъ, эту методу взаимнаго обученія, ужаснѣйшую пушку и низпровергающую все зданіе Мугаммедовой религіи и правленія Восточнаго.

Визирь. Можете-ли вы имѣть такіе опасенія? Я понялъ-бы ихъ, если-бы вы проповѣдывали заблужденіе, а не истину, если-бы вы защищали свои собственныя, частныя выгоды, а не благо общее, и если-бы, сражаясь за ваше собственное дѣло, а не за дѣло Мугаммеда, вы, вмѣсто изрѣченій оракула, разсказывали намъ грубыя сказки, неспособныя выдержатъ ни свѣта дневнаго, ни свѣта разума. Разумъ есть свѣточъ, данныйъ человеку для освѣщенія пути его, направленія трудовъ, достиженія совершенства; для чего хотите вы погасить сей свѣточъ? Забыли вы, что посланники Алла съуть духи свѣта, а не духи тьмы. Топшъ ищешъ тѣни, кто имѣетъ сильныя причины бояться свѣта. Какое зло, по мнѣнію вашему, можете

послѣдовать оныя системы взаимнаго обученія, возбуждающей благородное соревнованіе въ юношества и быстро обучающее всему, что необходимо для раскрытія его способностей, познанія обязанностей и упражненія счастливыхъ дарованій?

Султанъ. Воистъ уже какое волненіе въ умахъ и въ душахъ! Ахъ, Визирь! не смотря на сѣдую вашу бороду, вы заразились уже испорченностью свѣта и не чувствуете, что когда люди просвѣщаются и разсуждаютъ, все будетъ помѣрано! Вы не видите власпи Мугаммеданскихъ имановъ пошашнувшейся и испочника ихъ богатствъ изсякнувшаго, предразсудковъ уничтоженныхъ, низшихъ состояній, призывающихъ предъ судъ высшихъ себя, какъ будто тѣ и другіе равны? Все погибнетъ! останется одно неравенство богатствъ, одно преимущество добродѣтелей и дарованій. Титлы отцовъ не будутъ доставлять почетныхъ званій дѣтямъ, если дѣти не подкрѣпятъ ихъ личными достоинствами. Неумолимый законъ покоритъ всѣ званія своему спрашному уровню. Слово: *обытай*, этошь неприкосновенный щипъ нашъ, перестанетъ закрывать древнія опличія, знаменитыя преимущества общественныя. Его употребятъ для выраженія понятій простонародныхъ и однообразныхъ: общественнаго блага, государственнаго хозяйства,

всеобщей нравственности, терпимости и справедливаго равновѣсія властей, подъ скиптромъ Султана. И тогда (да сохранилъ насъ Мугаммедъ!) Султанъ и вельможи его будущъ также заботишься о хорошемъ живъѣ проспаго поселянина, какъ имана и Муфтія! Вы сами, Визирь, вы перестанете поступать какъ вамъ угодно, будете принуждены совѣтоваться съ мнѣніемъ публики, вмѣсто собственной своей воли, и Султанъ нашъ будетъ окруженъ не придворными, ревностными къ исполненію каждаго мановенія, но людьми, которые осмѣляясь иногда — даже совѣпювали ему!

Визирь. Почтенный Иманъ! Что называете вы несчастіемъ, лучше можно почестъ величайшимъ благомъ для музульманскихъ народовъ и ихъ повелителя.

Наши первые Султаны, исполненные истиннаго духа Корана и покорившіе власпи его при четверти свѣща, различали своихъ подданныхъ только по ихъ умѣренности, справедливости, мужеству. Они думали о законной власпи своей совсѣмъ иначе, нежели какъ вамъ угодно внушать народу. Ихъ мнѣніе въ семь случаевъ весьма походило на мнѣніе одного славнаго Французскаго имана, Боссюэта. *«Кто не знаетъ (говорилъ онъ), что законный государь долженъ царствовать привязанностью къ нему подданныхъ? Она инаде покоряетъ сердца, нежели страхъ и даже*

надежда. Рабскій страхъ отдаетъ душу подданнаго во власть тирана; продажная надежда во власть господина; но повиновеніе, происходящее отъ долга и привязанности, отдаетъ душу во власть государя законнаго.»

Когда люди, какъ вы опасаетесь, будутъ покорны изъ почтенія, управляемы закономъ, просвѣщаемы разумомъ, пресполь государя опть сего укрѣпится; измѣнится только дворъ его. *«И что есть жизнь двора (сказалъ попъ-же Французскій иманъ Боссюэпъ)? Жертва всѣми страстями желанію увеличить свое богатство; скрытіе всего, что не правится, перенесеніе всего, тѣмъ оскорбляетъ насъ тотъ, кому льстимъ, желая подслужиться; непрерывное изученіе воли другаго и отрѣшеніе, если это необходимо, отъ драгоценнѣйшихъ помышлений нашихъ: кто не знаетъ этого, не знаетъ двора.»* Вопшь чшо говорилъ великій мудрецъ, великій иманъ, и вопшь языкъ, какимъ должны говоришь служители вѣры со всѣми великими земли, со всѣми государями.

Султанъ. Сохрани меня Алла! Это ученіе гибельное; пропавъ него должны воспастъ всѣ благомыслящіе люди, соединишь свои усилія, остановишь его успѣхи.

Визирь. И когда ваше предпріятіе было-бы споль-же благоразумно, какъ оно кажешся мнѣ несправедно, какимъ образомъ

возмечесь вы за исполненіе? Ума руками сдавишь невозможно.

Султанъ. На демона должно употребить оружіе демона. Возставимъ хитрость на смѣлоспъ и покрываломъ пользы заслонимъ свѣпъ опасный.

Мнѣ пришла въ голову мысль, кажется, превосходная: предложу ее въ Диванѣ! Насъ подкапываютъ училищами взаимнаго обученія для распространенія горделивыхъ знаній: хорошо; мы устроимъ со своей стороны училища, гдѣ будутъ по методѣ взаимнаго обученія изучаться всѣмъ наслажденіямъ, всѣмъ выгодамъ блаженнаго, мирнаго невѣжеспва. Обыкновенная склонность всякаго человѣка лѣниться, ссудишь насъ пособіями и подарить надеждой на полный успѣхъ. Въ нашихъ училищахъ будутъ научать, какъ сладостно не думать объ усовершенствованіи, слѣдовать по дорожкѣ, пропощанной до насъ, дѣлашь сегодня, что дѣлали вчера, а завтра, что сегодня и позволимъ спокойно вести насъ въ Мугаммедовъ рай его Имманамъ.

Визирь. И пакъ вамъ угодно учить людей по взаимной методѣ бышь мащинами? Но съ какою-жъ довѣренностью, во дни опасностей и бѣдспвій, успокоитесь вы на опорахъ, не имѣющихъ уваженія къ вамъ, привязанности къ отечеспву и швердоспци противъ враговъ?

Въ училищахъ вашихъ, не зная, не убѣждаясь умомъ, чему должно слѣдовать, чего должно избѣгать, не научился-ли человекъ жертвовать небомъ землѣ, вѣрой щеславію, благочестіемъ жадности и не уважають бѣдствіями другихъ для достиженія къ счастію?

Султанъ (сѣвно). Охъ! если-бъ вы не Визирь были, какъ спрашно наказаль-бы я вашу нескромную отвагу! Но вы обмануты моими врагами; я человекъ не злой, не придворный: ищу богачествъ — помогаю бѣднымъ, посѣщаю дворъ — просвѣщаю его, кажусь грознымъ, защищая только престоль Султана и величіе нашихъ мечей, и распочаю хвалы государю, чтобы обязать его заслужить ихъ. Если онъ послушаетъ меня, его правосудіе въ прахъ низвергнетъ всякаго, кто не оказываетъ слѣпаго повиновенія правилу, основному правилу Муггамеданства: »Да будетъ во всемъ свѣтѣ одинъ законъ — Мугаммедовъ, одинъ повелитель — повелитель правотверныхъ.« *(Снимаетъ очки.)*

Проклятыя стекла сдѣлались такъ черны и красны, что я ничего не вижу.

(Читаетъ и говоритъ потопъ.)

Какъ своекорыстіе ослѣпляетъ насъ! Вся сумасбродства здѣсь мною прочитанныя, напоминающъ мнѣ слова одного христіанскаго проповѣдника, читанныя мною когда-то: »Придворный, сожигаемый често-

»любимъ и каждый день жертвующій се-
 »му идолу своею совѣстію и честностію,
 »согласенъ, что спроситъ сія подлѣсть въ
 »подобныхъ ему, въ тоже время, когда онъ
 »для самого себя видитъ въ ней добродѣ-
 »пель или великую науку дворской жизни.
 »Каждый человекъ смотритъ на самого
 »себя съ нѣкоторыхъ благовидныхъ сто-
 »ронъ, препяиспвующихъ познать самого
 »себя такимъ, каковъ онъ есть въ самомъ
 »дѣлѣ. Указывайте ему, такъ сказать,
 »пальцомъ, онъ всегда опыщеть въ себѣ
 »какіе нибудь оппѣнки, уменьшающіе
 »тѣнь и измѣняющіе сходство, и всегда
 »попихоньку будетъ шептать про себя
 »это не я!»

Иманъ Массильонъ! ты сказалъ правду; однакожь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и мушій мой невиновать. Правда, что излишекъ доброты переходитъ въ слабость; правда, что правительство должно заставить бояться противника, если хочешь быть уважаемо, и правда, что оставая сличкомъ много мыслямъ и обширное поле мнѣніамъ. . . .

Визирь. Позвольте, Государы! Вы смотрите въ собственные ваши очки, сами этого не замѣчая, а я совѣмъ не ихъ имѣлъ смѣлое намѣреніе представить вамъ.

Султанъ. Хорошо; понимаю, лукавый Визирь. Ты хочешь увидѣть въ мои очки, что иману должно заниматься только нравственностію, вѣрою, проповѣды-

вать только миръ , терпимость и никогда не вмѣшиваться въ полицику.

Это какія еще очки, маленькія и шакъ разнообразно разцвѣченныя ?

Визирь. Это очки женщинъ вашего гарема.

Султанъ. Вотъ будетъ забавно, когда я хоть минуточку погляжу въ нихъ.

Визирь. Чтожь, Государь: вы будете не первый Султанъ, смотрѣвшій на всѣ предметы, даже на самые важныя, въ такія очки.

Султанъ (приближая разныя очки къ глазамъ). Ахъ, сколько ревности, суетности, ссоръ, непостоянства, лести, мщенія, злости! Испытаемъ вотъ эти заржавѣлыя очки; они вѣрно принадлежатъ пожилой женщинѣ: можетъ быть, они предшавятъ мнѣ предметы поважнѣе другихъ.

Визирь. Зорайма! ты кажешься сердитою. Чему-бы разсердить тебя?

Султанъ. Вашей несправедливости, вашей неблагодарности. Я слышу дряхлаго правоучителя, надутаго гордостью, жестоко осуждающаго всѣ мнимыя недостатки нашего пола, потому, что въ молодости онъ былъ довольно простъ, за что съ нимъ были снисходительнѣе другихъ, и потому, что въ старости онъ не чувствуетъ прелести женщинъ. Вы слишкомъ часто забываете, что женщины покровительствуютъ васъ въ колы-

бели, заботятся о вашемъ младенчествѣ, украшаютъ вашу юность, дѣлаютъ васъ счастливыми въ мужественномъ возрастѣ и доставляютъ послѣднее утѣшеніе въ дни старости. Онѣ видятъ себя осужденными отъ васъ на непрерывное исполненіе добродѣтелей, обязанностей, которыми сами вы подчинились почитаеме за невозможное,

У насъ есть недоспашки; но ими бѣдаемъ мы одолжены вамъ: вамъ нравиться хочешь и кажешься въпренницей и кокеткой, ваше непосоудство дѣлаетъ насъ ревнивыми; горести, какія мы отъ васъ переносимъ, производятъ всѣ ссоры, доводятъ насъ до мщенія, и не спараніе ли не быть рабами и жертвами мушкетировъ, заставляющъ насъ подчинять ихъ своей власти? Словомъ: добродѣтели наши принадлежатъ вамъ и пороки наши происходятъ отъ васъ.

Визирь. Что это! Я ждалъ глупостей, а увидѣлъ мудрость.

Султанъ (снимая очки). Признайся, Визирь: спаруха говоритъ правду. Я спрото хотѣлъ преобразовать нравы женщинъ, но вижу, что преобразование надобно начать съ нашихъ нравовъ.

Но къ чему эта куча очковъ, копорую едва могу я сдержатъ руками?

Визирь. Это очки, сквозь копорыя глядится гордость каждаго народа и судитъ сама себя. Каждый изъ нихъ смо-

принять на свою хорошую сторону и думать, что превосходитъ всѣ народы.

Султанъ. Покажи. И въ самомъ дѣлѣ! Испанецъ думаетъ превзойти всѣхъ своею героическою твердостью, Римлянинъ величіемъ воспоминаній, Италіянецъ вкусомъ въ изящныхъ искусствахъ, Рускій храбростью, Китаецъ постоянствомъ въ обычаяхъ и законахъ, Турокъ Мугаммедовымъ Кораномъ, Англичанинъ разумомъ, Французъ умомъ, Нѣмецъ умничаньемъ.

Визирь. Вы не взглянули еще вотъ эти очки. Это очки шакже народа, вездѣ разбросаннаго и вездѣ одинаковаго: народа придворныхъ.

Султанъ. Ахъ! я слишкомъ знаю этого народъ и не рѣшусь смотрѣть въ очки его; да впрочемъ, очки его всѣ въ пятнахъ: одно самолюбіе можетъ безъ отвращенія смотрѣть въ нихъ.

Но для чего оплохилъ ты въ сторону всѣ вотъ эти очки?

Визирь. По сильнымъ причинамъ. Вамъ поиребенъ опдыхъ, а глядѣнье въ нихъ могло-бы сильно обезпокоить васъ и на нѣкоторое время навесити на васъ безсонницу. Это очки двухъ различныхъ парцій: одна видить все въ отношеніяхъ общихъ, другая частныхъ

Султанъ. Довольно. Здѣсь надобно хладнокровное разсмотрѣніе. Впрочемъ, на этотъ счетъ я уже рѣшился, и мое правосудіе будетъ умѣть разбишь всѣ очки

духа партій: они должны исчезнуть предъ очками блага народнаго, единственными, въ которыхъ добрый Государь смохреть долженъ. —

Таковъ былъ разговоръ, сказалъ Министръ своему Князю, между Султаномъ и Визиремъ.

«Любезный Графъ! благодарю васъ,» отвѣчалъ Князь, «ваши очки прояснили для меня многое и сдѣлали меня снисходительнымъ. Я вижу, что люди болѣе бывають обмануты, нежели злы. Всякій судить о предметѣ, смотря съ той точки, гдѣ стоитъ. Надобно лучше объяснять имъ, чѣмъ сжимать ихъ и я постараюсь: не лѣзя-ли пихонько помирить всѣ ихъ частныя пользы, заставляя лучше смхреть на пользы общія; а впрочемъ, вкусы, наклонности, страсти вѣчно будутъ различны: они, какъ свирѣпый вѣтръ, волнуютъ океанъ человеческой жизни; искусный кормщикъ умѣетъ пользоваться ими и счастливо доплываетъ до пристани, но гибель ждетъ неопытнаго, неумѣющаго схватить ихъ въ свой парусъ: корабль его разбивается о скалы и мѣли, куда они влекутъ его.»

II. С М Ъ С Ь.

Журналистика.

Въ отвѣтъ и возраженіе на письмо Шатобріана, въ *Журналъ Преній* напечатанное, противъ закона объ управѣ печатанія (police de la presse), представленнаго нынѣ въ Палатѣ Депутатовъ и взволновавшаго всю Францію, Минисшерство пустило въ Монитёръ сшашью, полу-оффиціальную, въ кофрой защищаютъ оный законъ и слѣдовательно нападаютъ на его противниковъ, а между прочимъ и на Шатобріана, а въ лицѣ его и на журналистовъ, или, по крайней мѣрѣ, участвующихъ въ журналахъ. «Одинъ писатель имѣетъ два званія,» сказано тамъ: «онъ журналистъ и сверхъ того членъ Парламента. Какъ журналистъ, онъ пишетъ статьи въ пользу своего ремесла (profession); это въ порядкѣ. Какъ ораторъ, онъ будетъ произносить рѣчи въ оправданіе своихъ статей; это также естественно. Но я вижу участіе, которое онъ имѣетъ въ этомъ дѣлѣ и доводы его уже для меня не убѣдительны: онъ ходатайствуетъ за себя.» Сія выходка устремлена на Шатобріана. Въ нѣсколькихъ изъ слѣдующихъ Но *Журнала Преній* напечатаны сильныя возраженія противъ помянутой статьи, худо оправдывающей проэктъ закона. Въ одномъ мѣстѣ сказано: «Менте презрѣнія къ журналистамъ! Не забудемъ-те, что революція измѣнила въ многихъ отношеніяхъ наши понятія и породила потребности нападеній и опраженій, дополъ намъ неизвѣстныя. Отъ 1789 года до 1827 г., вы, можешь быть, не найдете ни

одного замѣчательнаго чловѣка, въ различныхъ раздѣленіяхъ общества, который не воспользовался-бы печатаніемъ періодическимъ. Оба Мирабо, злополучный Графъ де Клермонъ - Тоннеръ, большая часть членовъ Собранія Образовательнаго и Собранія Законодательнаго; во дни первой Монархіи, Республики, Имперіи, Монархіи возстановленной, Шамфоры, Лагарпы, Сюары, Фонтаны и проч., въ Англіи Болинброки, Бурки, Шериданы, Канпингъ, тысяча другихъ, которыхъ имена не представляются шеперь памяти нашей, наконецъ, самые Монархи, не гнушались поприщемъ, на коемъ мнѣніе одержало столько побѣдъ. Аристократическая грамота *журналиста* основана здѣсь на блестящихъ именахъ, въ особенности-же для насъ, Рускихъ, журнальная геральдика освящена великимъ именемъ. Перо, писавшее *Наказъ*, начертало нѣсколько страницъ въ изданіи *Собесѣдника*. Съ любопытствомъ и уваженіемъ находимъ мы въ семъ періодическомъ сочиненіи изумительныя доказательства политической терпимости Императрицы Екатерины II въ отвѣтахъ, данныхъ Ею на нѣкоторые, немного *отважные* запросы Фонъ-Визина. Аристократія талантовъ также не чуждалась у насъ журналовъ. Мы встрѣчаемъ въ разрядѣ журналистовъ нашихъ именъ: Сумарокова, Новикова, Крылова, Жуковскаго, Карамзина. Жаль, что сія въшь лиштературной дѣятельности не осталась у насъ въ подобныхъ рукахъ. Подъ сѣнью такого покровительства процвѣли-бы болѣе и болѣе успѣхи періодическіе. Увлеченные ободрительнымъ примѣромъ, замѣчательные сограждане, государственные люди, хотя и не совершенно принадлежащіе авторскому званію, стали-бы, можешь быть, въ ча-

сы досуга, повѣрять періодическимъ листамъ плоды своей опытности, своихъ наблюдений, патриотическіе свои замыслы, поучительныя указанія. Журналы тогда были-бы отголоскомъ мнѣній и понятій людей, имѣющихъ мнѣнія и понятія, свидѣтельствами насущаго и указателями въ будущемъ къ цѣли усовершенствованія, къ коей стремится умъ человѣческій на всѣхъ поприщахъ, открытыхъ предъ нимъ. Таково должно быть предназначеніе журналовъ политическихъ, литературныхъ, нравственныхъ и относящихся до какой-бы то ни было отрасли Наукъ и Художествъ. Къ сожалѣнію, наши журналы по большей части не заглядываютъ вдалеку, а продовольствуютъ себя и читателей своихъ поборою домашней мелюзги: мѣлочной прозы и мѣлочныхъ стиховъ рукодѣля своего, родственнаго или пріятельскаго. Это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что публика наша охотница до періодическаго чтенія, будь оно сказано ей не въ похвалу, а въ засвидѣтельствованіе истины. Большая часть читателей нашихъ слишкомъ лѣнива, развлечена тѣмъ и другимъ и не довольно запасена основными свѣдѣніями, чтобы выдерживать чтеніе важнѣйшее, пребывающее времени, постояннаго напряженія и предварительныхъ приготовленій. Ей именно было-бы весело въ разнообразномъ и неотягчительномъ занятіи *хватать вершки*; но уже за то, старайтесь чтобы эти *вершки* были точно ярки и чтобы съ нихъ можно было окидывать взоромъ обширныя и занимательныя окрестности. У насъ многіе писатели жалуются на равнодушіе публики, на недостатокъ Русскихъ читателей, а между тѣмъ журналы не убавляются, а напротивъ; слѣдовательно есть

подписчики, и въ двадцать, въ пятьдесятъ, во сто разъ болѣе того читашелей. Спросите по совѣсти у журналистовъ: въ нихъ-ли заключается *неодолимая прелесть*, или въ охотѣ, въ потребности подписчиковъ и читашелей читать ихъ журналы? Войдите въ кабинетъ чтенія, находящійся въ какомъ нибудь общественномъ заведеніи: иной морщится, другой зѣваетъ, а весь столъ, покрытый періодическими издѣліями отечественной работы, обсаженъ добровольными спруженниками, которые, въ смиреніи духа, переходятъ отъ красной обертки къ синей и шакъ далѣе, ищущъ, чѣмъ поживиться и часто, часто встающъ изъ за стола на пощакъ. Долголѣтіе нѣкоторыхъ изъ журналовъ нашихъ, о коихъ не лзя даже сказать, чтобы жили они *сгораза*, а только по какой-то силѣ живущей, не подлежащей никакимъ соображеніямъ и расчисленіямъ, убѣдительно доказываетъ, что журналы сдѣлались у насъ общежительскою необходимостью, и что если и дурные журналы имѣютъ подписчиковъ, то есть, поддержателей, ибо вѣроятно никто изъ *одной гести* издавать журнала не будетъ, то истинно-хорошіе журналы, отвѣчающіе потребностямъ любопытныхъ современниковъ, были-бы у насъ на расхватъ и съ великою дользою получаемы и читаемы.

Читая Парижскіе журналы, видимъ, что и у Французовъ веселость начинается морщиться. Въ старой Франціи насмѣшки, куплеты, эпиграммы были единственными орудіями оппозиціи, то есть, публики: въ новой, паршизанская пересстрѣлка обраши-

лась въ войну болѣе значительную и систематическую. Не знаю, отъ чего-ли, что имъ уже не до шутокъ, но Французы менѣе шутятъ, а болѣе горячась. Въ политической своей полемикѣ они уже не царапаютъ хвосты своихъ противниковъ, а сшибаютъ ихъ съ ногъ на повалъ. И Поэзія ихъ приняла какой-то видъ сепенный и часто сердитый. Одинъ Беранже, въ пѣсняхъ своихъ, держится повадокъ водевилля,

Agréable indiscret, qui, conduit par le chant,

Passe de bouche en bouche et s'accroît en marchant;

но и у него не рѣдко отзывается *сердце* въ шуткѣ остроумія. По прежнимъ обыкновеніямъ, какой нибудь эпиграмматическій Ноэль отпѣлъ-бы новый прокъ, представленный нынѣ на разсмотрѣніе Палаты Депушатовъ. Нынѣ Казимиръ Делавинъ извлекаетъ изъ патриотической лиры своей мужественные звуки. Въ *Журналѣ Преній*, при объявленіи о новыхъ его семи *Мессеньерахъ*, находится выписка, вѣроятно, изъ введенія къ нимъ. «Въ этомъ маломъ количествѣ фразъ,» говоритъ журналистъ, «заключается полное выраженіе народной мысли. Когда Аѳиняне готовились на войну, они не пренебрегали совѣтамиThemistocle, или Алкивиады. Франція будетъ судить о прокѣ закона *литтературнаго*, возбудившаго негодованіе Казимира Делавиня и опровергаемаго Шашобрианомъ.»

Въ доказательство, что Поэзія Французовъ стала нынѣ сердитѣе и завербовалась подъ знамена Политики, можно привести и Оду Г-на Виктора Гюго (Hugo), напечатанную въ *Журналѣ Преній*,

9 го Февраля. Предметъ сей оды дипломатическая тяжба, занимавшая Парижскую публику, въ слѣдствіе вечеринки, данной Графомъ Аппони, Австрійскимъ Посланникомъ, и на коей отказывались величать Маршаловъ Французскихъ пипулами, дарованными имъ Наполеономъ и заимствованными отъ наименованій городовъ и областей, подлежащихъ Австрійской Державѣ. Предметъ, кажется, мало поэпическій, но со вѣсѣмъ шѣмъ онъ служилъ еодержаніемъ для оды въ двадцать строфъ и болѣе, куда Поэтъ перенесъ весь романизмъ и все лирическое самохвальство, свойственное Французской Музѣ. Впрочемъ въ ней встрѣчаются и яркія и сильныя черты, ознаменованныя истинною Поэзією. Вотъ примѣръ браноноснаго духа Поэта и нынѣшней Поэзіи :

*Nous froissons dans nos mains, hélas ! inoccupés
Des lyres, à défaut d'épés ;
Nous chantons, comme on combattroit.*

Вотъ небольшой разговоръ, недавно слышанный нами въ обществѣ: онъ поясняетъ одну изъ загадочныхъ споронъ Русской Журналистики.

А. Что сдѣлалось съ Издателемъ Московскаго Телеграфа? Чувствительный Авторъ философской статьи: *Кофе*, безпрестанно старается кольнуть его шпильками и вилами въ Дамскомъ Журналѣ, а тотъ молчитъ и ни слова не отвѣчаетъ.

Б. Это не безъ причины. Издатель Дамскаго Журнала человекъ не молодой (*) и вышелъ изъ всякой управы : на него ужь нынѣ не сердятся , а только улыбаются , когда онъ мило и вѣжливо бросаешь шпильки и вилки.

А. *«Знаемъ, очень хорошо, и такъ!»*

Б. И шакъ, Издатель Телеграфа въ этомъ случаѣ беретъ девизомъ извѣстные стихи Пушкина:

На беззащитныя стѣины
Не поднимается рука!

Журнальный сыщикъ.

(*) Князь П. И. Шаликовъ, Сочинитель епанчи: Кофе и Издатель Дамскаго Журнала, родился въ 1767 году. Въ 1798 г. онъ издалъ уже *Плоды густествованій*, а въ 1802 г. *Цѣлты Грацій*. (Сіе мещрическое свидѣніе почерпнушо изъ Дополненія, еще не напечатаннаго, къ Словарю Россійскихъ Писателей, изданному Новиковымъ.)

Парижскія моды (*).

Les rubans, les fleurs, les épis de diamans, d'or, d'argent se posent sur le sommet de la tête et dépassent les plus hautes coques de cheveux. Souvent les fleurs sont à longue tige, pour qu'elles vacillent au moindre mouvement.

Un autre nouvel objet de mode, dans le costume d'une danseuse, consiste en quatre rubans, qui flottent par devant. Le haut de ces rubans passe sous la ceinture de taille, nouée par derrière; tous sont également espacés, et ils vont aboutir à la garniture: l'extrémité inférieure de chacun d'eux offre une rosette ou une frange. Quelquefois les quatre rubans sont de la couleur de la robe, quelquefois aussi ils tranchent. Nous avons vu une danseuse chez madame la princesse de Talleyrand, qui, au lieu de quatre rubans, par devant, en avait une douzaine tout autour de la taille. D'abord nous avions cru que c'était une robe de tulle *rubannée*; mais quand le mouvement a agité ces rubans, nous avons reconnu qu'ils n'étaient fixés que du haut.

Des robes de bal fort à la mode, ont le bas orné de roses en crêpe lisse, avec feuilles de rosier en satin. Viennent ensuite les robes dont le corsage, le bouillon du bas et les rubans ou rouleaux qui forment les montans, sont en satin, tandis que la jupe est en tulle ou en crêpe. Ces corsages sont, suivant le goût de la danseuse, couleur de rose, oiseau de paradis, fleur de mauve ou bleus.

Très hautes par elles-mêmes, les coiffures en cheveux le paraissent davantage encore, à cause des fleurs implantées. Parmi ces fleurs on distingue le laurier rose, ou blanc, le troène et le *metrosideros*.

(*) 10 Марта 1827, г.

En velours plain toutes les nuances de rouge sont à la mode. Ces robes ont une garniture de blonde blanche.

Dans les magasins de modes les chapeaux blancs et bleus, blancs et lilas, oiseau de paradis et verts ont pour ornemens des houquets de violettes de Parme, du lilas warin, ou de l'aube-épine.

Въ головныхъ дамскихъ уборкахъ цвѣты, бисланшовые, золотые и серебряные колосья на-калываются на верхней части головы и превышаютъ собою самые высокіе складки волосовъ. Часто цвѣты бывають на длинныхъ стебелькахъ, чтобы при малѣйшемъ движеніи головы они могли качаться.

Вотъ новая принадлежность уборки бальнаго платья дамы: четыре ленты напередѣ опадѣльно отъ платья. Верхніе концы ихъ спрятаны подъ поясъ, завязанный назади. Онѣ располагаются въ равномъ разстояніи одна отъ другой и идутъ до самой нижней оборки платья, оканчиваясь розетками или бахромой; иногда бывають одинакаго цвѣта съ платьемъ, иногда совсѣмъ опличнаго. На балѣ у Княгини Талейранъ, платье одной дамы, вмѣсто четырехъ, было убрано двѣнадцатью такими лентами, расположенными кругомъ всей таліи. Сначала думали, что на этой дамѣ платье изъ тюля съ лентами; но когда въ танцахъ ленты зашевелились со всѣхъ сторонъ, увидѣли, что они укрѣплены шолько сверху у пояса.

Въ большой модѣ бальныя платья, у которыхъ низъ убранъ розами изъ лоценаго крепа, съ атласными листочками. Послѣ нихъ, платья, у кошо-

рых корсажъ , буфы внизу , ленты и продольныя руладки , апласные , а юбка креповая или шюлевая. Корсажи , смотря по вкусу дамы , бываютъ цвѣта розоваго , голубаго , райской птички и проскурняка.

Высокія сами по себѣ уборы дамскихъ головъ кажутся еще выше отъ цвѣтовъ , между копорыми замѣчаютъ розовые или бѣлые лавры , бирючину и метрозидеросы.

Для платьевъ изъ неразрѣзнаго бархаша , съ уборкою изъ бѣлыхъ блондъ , въ модѣ всѣ красныя цвѣта.

Въ модныхъ магазинахъ , шляпки бѣлаго и голубаго , бѣлаго и лиловаго , райской птички и зеленаго цвѣтовъ , убираютъ букетами Пармскихъ фіалокъ , синели и боярышнику.

На приложенной картинкѣ :

Блондовый чепчикъ , убранный апласомъ и цвѣтами. Мериносовое платье , убранный шиншилою. Бархатная шуба , подбитая лебяжьимъ пухомъ.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Философія Исторіи.

Жизнь человечества состоитъ изъ извѣстнаго числа событій, одно за другимъ слѣдующихъ. Всякое изъ сихъ событій, само въ себѣ разсмашиваемое, представляеть отдѣльное цѣлое, имѣющее свои части: это есть драма, болѣе или менѣе продолжительная, въ коей находится начало, постепенное развитіе и конецъ. Различныя сии драмы суть различныя эпохи человечества. Изобразить всякую изъ сихъ эпохъ есть дѣло Исторіи; слѣдовательно: мысли историка, т. е. причины, коимъ приписываетъ онъ повѣствуемая событія, должны быть непременно частны, ибо онъ относясь къ событіямъ частнымъ и ихъ только объемлютъ. На разысканіе и на разсмашиваніе сихъ-то причинъ историкъ преимущественно долженъ обратитъ свое вниманіе, если онъ хочетъ исключительно занятъ своимъ предметомъ. Когда-же онъ выходитъ изъ

сего круга и опспуааетъ опъ частнаго и опдѣльнаго раземаприванія предмета своего, тогда спановится общимъ и неопредѣленнымъ. Размышленія его, прилагаясь ко всему, ни съ чѣмъ не совпадаютъ, и швореніе его не имѣетъ никакой самошпоятельности. Съ другой спороны, краски историка, т. е. способъ, коему онъ слѣдуетъ при описаніи собышій, должны быть, какъ его мысли или образъ изложенія оныхъ, частны и мѣстны, ибо предспавляютъ нѣчто частное. Цѣль ихъ: оживить прошедшее и возродить дѣйствительность (réalité); посему онъ должны быть сильно проникнуты всѣмъ тѣмъ, что составляетъ дѣйствительность и жизнь, должны быть особенны и выразительны: тогда только краски историка могутъ быть блестящи и ярки и при томъ еспественны; тогда только историкъ будетъ живописцомъ и поэтомъ, не удаляясь опъ своего предмета, не проронивъ важности своихъ обязанностей, потому что онъ не теряетъ изъ вида ни своихъ обязанностей, ни своего предмета. Вотъ, по моему мнѣнію, Теорія Исторіи; она испекаетъ изъ того начала, что Исторія частна и опдѣльна.

Такимъ образомъ Муза Исторіи пробѣгаетъ спольшія, переносится изъ поколѣній въ поколѣніе, изъ эпохи въ эпоху, въ посшепенномъ порядкѣ предспавляя ихъ съ шочностью и опкрывая испин-

ныя причины, кои въ такую-то эпоху предуготовили такія событія и возложили на нихъ такую печать. Исторія изъясняетъ и живописуетъ. Но когда она объяснила и нарисовала всѣ возрасты человѣчества, одинъ послѣ другаго, событія ихъ наполняющія и причины оныхъ, сіи картины и поученія представляютъ только постепенность частныхъ происшествій; постепенность сія составляетъ цѣлое, обыкновенно именуемое *Всеобщою Исторіею*. Но такова-ли въ самомъ дѣлѣ должна бысть истинная Всеобщая Исторія? Гдѣ же понятіе всеобщности въ простомъ собраніи, болѣе или менѣе значительномъ? Гдѣ единство въ семъ необъятномъ многообразіи? Я перечиталъ всѣ бытописанія, знаю все, что съ людьми происходило, знаю каковы были Римъ, Греція, Іудея, Египетъ, Индія; знаю, чѣмъ они возвысились и чѣмъ низвергнулы были; извѣсны мнѣ средніе вѣки и новые, извѣсны всѣ народы; ни одно событіе, ни одна причина, ни одинъ испорикъ не укрылся отъ меня; но что-же наконецъ узналъ я? Что человѣчество теперь въ такомъ-то возрастѣ, что оно испытало различныя перевороты, болѣе или менѣе замѣчательные, здѣсь по такой-то причинѣ, тамъ по другой. Исторія надлежало мнѣ наставить въ эпоху: она исполнила свою обязанность и тѣмъ оканчивается ея предметъ. Но удовлетворяютъ

ся-ли тѣмъ мои пошребности и уже-ли мнѣ ничего болѣе не оспается познавать и изыскивать о челоѡчествѣ и мѣрѣ? Предъ глазами моими пропекла великая рѣка минувшихъ временъ; мнѣ указали на strany ея нѣкогда омышыя, на берега поглощенные ея, на бури воздымавшія ея волны, словомъ, на исторію ея печенія: на все это указали мнѣ, челоѡву, которому суждено, какъ и предшеспвенникамъ его, исчезнуть въ ней. Но какою силою она несется и къ какой цѣли спремится? Для чего печеніе ея, то спокойно, то бурно? Неправильности сіи не могутъ ли подведены бышь подъ какое либо правило? Движенія ея не подвержены ли какимъ-нибудь особеннымъ законамъ? Самое существованіе ея не имвешъ-ли своей причины? Вошь что хочу, вошь что мнѣ нужно знать, ибо въ противномъ случаѣ я ничего не знаю: замѣчаю пошько маловажныя происшеспвія и случайную игру своенравной судьбы. И что же значишь наука случайнаго? Наука памяши, а не разсудка, которая смопритъ на то, что было, а не на то, чему бышь долженствовало, которая ни на какомъ началѣ не основываясь, не выводитъ никакихъ послѣдспвій.

Но сіе-то случайное, возразашъ мнѣ, именно и соспавляетъ дѣйспвительное. Конечно; но дѣйспвительное то ли, что истинное? Знаніе и разумъ не занимающа преходящимъ, ибо преходящее произ-

вольно; произвольное-же, не бывъ подведено подъ непремѣнныя правила, не можешь быть истинно постигнуто: нечаянное поражаетъ только чувства, передающія его памяти въ томъ-же видѣ, въ какомъ получили его; но сравнивая вмѣстѣ нечаянное и произвольное, соображая, сливая ихъ всевозможными способами, не получишь ничего положительнаго: они никогда не сдѣлаются предметомъ познанія. Дѣйствительное познается не иначе, какъ по отношенію его къ истинѣ, въ немъ отражающейся, съ коею оно сообразно. Въ семъ - по сообразіи заключается истина дѣйствительнаго; по вѣчному отношенію дѣйствительнаго къ истинному и дѣйствительное вѣчно-истинно; по вѣчному отношенію случайнаго къ необходимому и случайное само необходимо; наконецъ, по отношенію бывающаго къ тому, что должно быть и самое бытіе есть уже слѣдствіе того, что должно было быть. Надъ дѣйствительнымъ усматривается причина бытія его. Преходящій міръ сей заключаетъ въ себѣ иной, вѣчнопробывающій и составляющій сущность, истину, высочайшую дѣйствительность перваго, что и придаетъ ему цѣну и важность.

Познать одно истинное не возможно, ибо дойдши до истиннаго можно только чрезъ дѣйствительное; познать дѣйствительное одно, маловажно, ибо дѣйствительное есть ни что иное, какъ проявле-

ніе истиннаго; принявъ самое проявленіе, образъ, отпечатокъ, знакъ, за означаемое, за самую истину, будетъ грубое и обыкновенное заблужденіе, въ которое впадаютъ изучающіе или описывающіе одну видимую и чувствленную спорную вещь человѣческихъ, не восходя къ началу, къ истинной ихъ цѣли. Знаменитые историки, творческимъ духомъ увѣковѣчившіе происшествія и узаконенія нѣкоторыхъ племенъ Греціи! блестящи картины ваши и мысли часто глубоки! Вы дѣйствительно переносите меня на народную площадь Аѣинъ или Корциры, на поля битвы Аптики и Лаконіи; вы мнѣ съ точностію указываете, чѣмъ погибли Аѣины, отъ чего воспоржесивовалъ Лакедемонъ, и поученія ваши достойны были имѣть лучшихъ послѣдователей въ народахъ и ихъ правителяхъ; но въ заключеніе, что значилъ одинъ народъ въ сравненіи съ цѣлымъ человѣчествомъ, что значатъ сіи Аѣины, сей Лакедемонъ въ нѣдрахъ всеобщаго просвѣщенія? Временныя-ли эпо явленія, случаемъ порожденныя, случаемъ низвергнутыя? Или они имѣли свое предназначеніе и мѣсто определенное? Представляющъ-ли они какую-либо идею въ стройной цѣлостной всемірной жизни? Сію-то идею слѣдовало-бы опредѣлить, и тогда надлежало-бы постигнуть и описать различныя идеи, различными народами выраженыя. Вотъ

что можно-бы было назвать истинною Исторією человечества, его Исторією внутреннюю, которая относительно къ другой тоже, что Минералогія и Химія относительно къ простымъ ощущеніямъ чувствъ. Историки описали дѣйствительность, и въ этомъ они правы; они описали внѣшнюю жизнь, и надлежало описать ее: сіе описаніе есть собственно такъ называемая Исторія, имѣющая особыя свойства и правила, правила шѣмъ лучшія, что они болѣе точны и болѣе ограничены. Надобно, чтобы Исторія была только лѣтъ, чѣмъ надлежитъ ей быть, и чтобы не переступала она за предѣлы сіи, шѣ самыя, кои ошдѣляютъ событія и предметы внѣшняго и дѣйствительнаго міра отъ событий и предметовъ міра невидимаго идей. Этошъ міръ носится надъ первымъ, отражается, осуществляется въ немъ, слѣдуетъ за нимъ во всѣхъ его развиціяхъ, во всѣхъ переворотахъ; печеніе относительно и сошвѣтственно: они совпадаютъ во всѣхъ своихъ почкахъ и сопроницаются. Но если есть наблюдатели и историки для одного изъ сихъ міровъ, то почему-же нѣтъ ихъ для другаго? Если повѣствуютъ событія, составляющія внѣшнюю жизнь рода человеческого, безъ необходимой связи, то почему-же не возстановить между ними произвольными происшествіями истиннаго порядка, который ихъ сближаетъ и по-

яснаесть, относя къ міру высшему, коему они причастны? Вошь что составило бы историческую науку по преимуществу, которая имѣла-бы свое начало постепенное и медленное свое усовершенствованіе, подобно всѣмъ прочимъ умозрительнымъ наукамъ, входящимъ въ составъ Философіи. Она конечно не была бы изъ нихъ легчайшею; но теряеть-ли она опъ того свою важность или свою необходимость? И причина сія доспащочна-ли, чшобы для ума человеческого она оспалась завѣсною и чшобы онъ не дерзалъ начинать ее?

Такая наука историческая, такая Философія Истории была и долженствовала бышь почти неизвѣсною Древнимъ. Древніе рѣдко бывали свидѣтелями какихъ-либо волненій, и потому не могли находить шагосшною помилельную движимость и бесплодную измѣняемость сихъ чудныхъ приключеній, по видимому ничего не производящихъ, кромѣ ненужной переменны положенія вещей! человеческихъ. Юные, дѣлельные, заняые борьбою съ обстояельствами, народы древности были также довольны и гражданскимъ порядкомъ, ими самими установленнымъ. Вообще спокойные, они мало ропшали на судьбу, ибо она не поражала ихъ сильными и частыми ударами. Но мы, для коихъ миновала доблестная древность, коихъ непрерывныя бури и перевороты низвергаи попеременно въ положенія столь

различныя, предъ коими государства, расколы, мнѣнія разрушались, мы, кои перебралась съ развалинь на развалины, до шѣхъ, на которыхъ нынѣ обитаемъ, не находя еще себя опдохновенія, мы, новѣйшіе, ушомились, взирая на міръ сей, беспрестанно измѣняющійся, и естественно было наконецъ спросить намъ самихъ себя: что знаменуютъ сіи измѣненія, бывающія для насъ виною политическихъ оспраданій? Судьба человѣчества въ одномъ-ли положеніи пребываетъ? Выигрываетъ или теряетъ? Подвизается впередъ или вспять обращается, среди переломныхъ ее переворотовъ? Для чего перевороты сіи? Что похищаютъ и что приносятъ они? Есть-ли что нибудь важное и какая-нибудь сокровищница цѣль во всѣхъ сихъ волненіяхъ и во всеобщемъ жребіи человѣчества? — Всѣ сіи вопросы, мало извѣстные древнимъ, начинаютъ тревожить души и наполняютъ какимъ-то смутнымъ безпокойствомъ всѣ мыслящія головы. Не всякій еще, можетъ быть, отдастъ себя отчету въ сѣнѣ внутреннемъ волненіи; но изъ досѣднейшей части людей мало такихъ, которые не ощущали-бы онаго; мало такихъ, у коихъ въ глубинѣ сердца не бродили-бы сіи мрачныя задачи и кои даже до нѣкоторой степени не разрывали-бы оныхъ.

Въ срединѣ послѣдняго вѣка возникло ученіе, всеобъемлющее какъ мысль человѣ-

ческая, свѣшное какъ надежда, сначала съ восторгомъ принятое, нынѣ слишкомъ забытое, и которое навѣки пребудетъ убѣжищемъ всѣхъ избранныхъ душъ. Тюрго, явившій намъ ученіе объ усовершенствованіи человѣчества, ввелъ оное, не поспавя на почныхъ правилахъ. Что касается до знаменитаго мужа, подъ мечемъ революціи воздвигнуваго оному споль благородный памятникъ, мысли его, освещенныя религіей смерти, поражающія насъ ясностію, чистотою и величіемъ, всегда возвышенны, но не всегда почны.

(Съ Французск.) * *

Отрывокъ изъ письма о Саксоніи.

Дрезденъ, 1821 г.

Въ Вишпенбергъ, который павляетъ воображеніе своею древностію, видѣлъ я обѣ старинныя церкви и заглянулъ въ келью Лютера; видѣлъ имя нашего Петра, написанное его рукою; слѣдуя дурному примѣру всѣхъ путешественниковъ, отрѣзалъ себѣ кусокъ отъ Лютерова шюла, котораго скоро не узнаешь духъ Лютера, если онъ только посѣщаетъ иногда мѣсто своего прежняго пребыванія, не узнаешь: шакъ изрѣзали его благоговѣйные ножи путешественниковъ! Жаль, что въ этой кельѣ

стоятъ спаринные поршреты , ко-
рыхъ въ ней не было во время Лютера :
это мѣшаетъ воображенію. Изъ Виттен-
берга поѣхалъ я черезъ *Прегъ* (гдѣ осма-
ривалъ , пока перемѣняли мнѣ лошадей ,
спаринный замокъ). Въ *Torgau*, гдѣ так-
же есть спаринный , весьма живописный
замокъ , я лазилъ на высокую башню и
любовался окрестностями. На другой день
поутру приѣхалъ въ Мейссенъ : фарфоро-
вой фабрики видѣть было не лѣзя , по-
тому что былъ праздникъ *Вознесенія* ; я
пошелъ въ *Domkirche* и всходилъ на высо-
кую ея башню. Видъ съ нее удивительно
обширный и сама церковь достойна при-
мѣчанія: величественная, готическая архи-
тектура ; здѣсь есть двѣ картины : ра-
спятіе , Луки Кранаха и поклоненіе Вол-
вовъ Христу (какъ увѣряющъ), Албрехта
Дюрера. Последняя (кто - бы ни былъ
живописецъ) понравилась мнѣ гораздо бо-
лѣ первой : необыкновенная сила и вы-
разительность въ лицахъ. Она писана на
деревѣ и спворчатая , какъ обыкновен-
но запрестольные образа въ Лютеран-
скихъ церквахъ ; на дверцахъ , копорыя
служашъ и крышкою для картинъ , изо-
бражены чешыре Апостола. Смотри на
эти изображенія , ясно почувствуешь ,
чѣмъ отличаетъ Нѣмецкая школа отъ
прочихъ : простая , величественная , но не
идеальная природа. Она менѣ дѣйствуетъ
на воображеніе , но , кажется , болѣе удо-

влетворяетъ чувству. Вся дорога отъ Мейссена до Дрездена есть веселый садъ на высокой полугорѣ: съ правой стороны Эльба; съ лѣвой, по высокій утесистый берегъ, по оплогій зеленый холмъ, по виноградники, и безпрестанно встрѣчаются чистые, веселые сельскіе дома; дорога прекрасная: лучшей не можетъ быть и въ саду; по сторонамъ прекрасные пропсуары изъ песчанаго камня; ихъ не трудно и дѣлать и содержать: матеріалъ (т. е. утесы изъ песчанаго камня) находится у самой дороги. Вообще характеръ здѣшней природы и ея живелей есть какая-то спокойная веселость: у каждой опрятной хижины есть небольшой садъ, обнесенный прекрасною каменною стѣною; полезное служить вмѣстѣ и украшеніемъ; почти всѣ дома на полдень обсажены виноградомъ; на окнахъ, между зеленью виноградныхъ листьевъ, мелькаютъ цвѣты. Особенно плѣнило меня положеніе такъ называемаго *Wakkerfait Ruhe*: на высотѣ холма стоитъ зданіе, похожее на часовню; тамъ, если не ошибаюсь, похороненъ *Wakkerfait*, который основалъ въ этомъ мѣстѣ училище. У подошвы холма, служащаго могилою основателю, стоитъ веселый, довольно обширный домъ, извѣстный подъ именемъ *Landes-Institut*; простая архитектура дома, чистый, вымощенный камнемъ дворъ, два высокіе попола вмѣсто воротъ, къ которымъ

отъ большой дороги идешь густая аллея, рощи изъ яворовъ и каштановъ, по обѣимъ сторонамъ дома, съ дорожками и сидѣлками и окружающая все ясная, плодотворная природа, невольно представляющъ здѣсь воображенію первыя счастливыя времена молодости: если-бы я не свѣшилъ въ Дрезденъ, то навѣспилъ-бы эгихъ дѣпей, которыя начинаютъ свою жизнь безпечно въ прелестномъ приютѣ, между гробомъ ихъ благотворителя (но эпошъ гробъ названъ *die Ruhe*) и большою дорогою, по которой сполько путешественниковъ имъ незнакомыхъ, мимо ихъ проходитъ и исчезаетъ. Вечеръ былъ прелестный и мнѣ хопѣлось застать еще послѣдній блескъ солнца на Дрезденскомъ мосту. За четверть мили отъ Дрездена вышелъ я изъ своего смиреннаго Stuhl-Wagen, велѣлъ ему вхачъ въ Дрезденъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ. Время было удивительно ясно: вечеръ свѣжій и благовоный (до сихъ поръ я еще не видалъ ни одного жаркаго дня), а я думаю, что эпо лучший при заходящемъ солнцѣ: оно садилось позади меня, такъ, что весь яркій свѣтъ лучей падалъ въ городъ, который свѣспился между зеленью каштановъ, кленовъ и пополей; вблизи, между темнозелеными деревьями, на берегу Эльбы, мелькала мѣльница (*die Schiffmühle*); за нею зеленѣлъ широкій лугъ; далѣе видѣнъ былъ прекрасный Дрезденскій мостъ; надъ нимъ темныя липы

Брюлева сада и величественно изъ за вершинъ древесныхъ выходилъ куполь церкви Богоматери (Frauenkirche) и великолѣпная Капюлическая церковь, съ своею высокою башнею : я остановился на мосту и долго любовался, и прелестью береговъ Эльбы, которые съ обѣихъ сторонъ поднимались зеленымъ амфитеатромъ, и городомъ, и множествомъ народа, который толпился по мосту ; я не хотѣлъ уйти въ свой шракирь, не проводивъ на покой своего милаго солнца (которое такъ было ко мнѣ милосивно въ Сансуси и Попсдамѣ) ; долго бродилъ по террасѣ Брюлевой ; пейзажъ сверкала на солнцѣ, подъ зеленью липъ и все было чрезвычайно живо ; небо ясно угасало и на свѣпломъ безоблачномъ западѣ прекрасно отдѣлялся высокій крестъ, стоящій на мосту : эшотъ видъ давалъ картинѣ что-то необыкновенно величественное. Жаль только, что Эльба своею мушмосшю нѣсколько ее поршипъ. Я еще не видалъ Эльбы ни разу въ наспоющей красотѣ ; вода ея во все эшо время была желшо-красная : эшо ошъ дождей, которые падаюшъ въ Богемскихъ горахъ, муляпъ бѣгущіе въ нее ручьи, изъ которыхъ много заносишъ въ нее киновари и красишъ ее красною краскою. Она текла тихо, но цвѣнъ ея говорилъ о бурѣ.

Въ Дрезденѣ нашелъ я нѣкоторыхъ изъ нашихъ Рускихъ, между прочимъ и Князя Гагарина ; но онъ на другой день уѣхалъ въ

Карлебадъ. Болѣе всего радъ я быль найдти О***. — Путешествіе учидиъ пользоваться наспоющею минушою, и такъ какъ погода, кошорая до сего времени была весьма непосшоянна, показалаь мнѣ успановившеюся, по мы рѣшились вмѣстѣ на другой день (2 Іюля) идиъ въ Плауенъ, а опшуда въ Тараншъ. Рано поуспру, мы опправились пѣшкомъ черезъ Рекмиць, чшобъ взглянуть на памятникъ Моро. Онъ очень простъ: граничный пѣдеспаль, на кошоромъ лежишь бронзовый шлемъ. Видъ опъ него въ ясную погоду, когда опдаденіе не покрышо парами, долженъ бышь прекраснѣй: мы имъ не могли любовашься. Дрезденъ не кошѣлъ намъ показашься; онъ окушался въ густой дымъ и едва былъ видѣнъ, и всѣ окреспности были пакже шуманны. Наше удовольствіе было половинное; за то въ Плауенъ было оно полное. Мой пушеводищель О*** (кошорый, NB., сдѣлался великимъ бошаникомъ и умѣеть назватъ по-Лашинѣ каждую правку Дрезденскихъ полей и долинь) нарочно повель меня полями, чшобы вдругъ удивишь взглядомъ на прелестнѣй Плауенъ. Въ самомъ дѣлѣ неожиданно мы очупились на краю гранишнаго ушеса, вышиною въ 70 сажень, съ кошораго предшавиься весь Плауенъ, освѣщенный солнцемъ: надобно было ползти, чшобъ взглянуть съ крупины внизъ: глубокая зеленая долина вѣтеша между высокими ушесами, кошорые однако не имѣ-

юсть ничего дикаго, коня поднимаются съ обвѣхъ сторонъ ужасною граничною стѣною; они покрыты веселыми деревьями: буками, кленами и липами и кое-гдѣ темными елями; быстрая Вессерица, которая въ это время была уже довольно мѣлка, шумитъ, вѣселя, плещетъ по камнямъ и вершитъ колеса многихъ мѣльницъ, которыя оживляютъ долину. Маленькою пропункою спустились мы съ высотъ въ глубину; у прекраснаго, каменнаго моста Вессерицы ждала насъ коляска и мы отправились въ Тарантъ. Дорога идетъ берегомъ быстрой Вессерицы, мимо деревень, сельскихъ домовъ и мѣльницъ: все долины, которыя безпрестанно перемѣняютъ образъ, то расширяются, то вдругъ суживаются; одна и таже картина представляется въ тысячь прекрасныхъ опшѣнковъ. Но всего живописнѣе положеніе Таранта. Небольшой, веселый городокъ, въ глубинѣ пышной долины. Заказавъ въ трактирѣ обѣдъ, пошли мы бродить: день былъ жаркій, обѣщала грозу (но онъ не сдержалъ обѣщанія) и солнце, щадя насъ, безпрестанно пряталось за облака и наводило свѣтъ и тѣнь на окружавшіе насъ утесы. Изъ трактира, который стоитъ въ самой глубинѣ долины, окруженный тополями, полезли мы на вершину горы, по пропункѣ, весьма крутой, но хорошо опдѣланной для гуляющихъ, къ такъ называемому храму Солн

а : эпитафия храмъ достоинствъ своего имени только по прелестному виду, которыми наслаждаешься съ его порога, а не по своей архитектуре : она изъ коры, покрытой мхомъ, и на скамейки, которая внутри зо манитъ къ себѣ усталаго ; не лѣзя въспѣ : такъ она пыльна и нечиста. Сл этого мѣсна самый обширный видъ на Таантъ ; но самый живописный изъ оконъ называвшагося замка : подъ свѣтами разливъ большой прудъ ; вѣво церковь ; а прудомъ весь городокъ съ кудрявыми утесами, его окружающими и все чрезвычайно оживлено : природа не хотѣла здѣсь быть ужасною и самые дикіе утесы свои скрыла она подъ веселою зеленою разнообразныхъ деревьевъ. Впечатлѣніе, которое здѣсь она производитъ, есть какое-то веселое, спокойное довольство ; радуешься настоящею минутою, не мечтающая о далекомъ : веселая, живая, разнообразная существенность, не смѣшанная съ чѣмъ идеальнымъ ! Заслуживъ свой шепетъ, мы весьма вкусно обѣдали въ практиръ, и между пѣвчъ, какъ мы вли свѣжихъ форелей, нѣсколько менестрелей играли на арфахъ и пѣли : Freut, euch des lebens! и Kommt am Rhein, da wachsen unsere Reben и Польскій, Огинскаго. Virtuозы были не перваго класса, но признаюсь, я слушалъ съ большимъ удовольствіемъ : всѣ эти мелодіи были знакомцы стараго времени. Мы возвратились довольно рано въ Дрезденъ

и не желая потерять последних ясных минуток прекраснаго дня, отправились пешкомъ въ Linkische Bad. Здѣсь по вечерамъ собираются жители Дрездена. Множество столовъ разставлено подъ липами, для нихъ, копорые хопятъ лишь кофе, пиво, курить табакъ или просто сидѣть въ своемъ кругу и смотрѣть на беспрую плону, волнующуюся подъ деревьями. За входъ платятъ нѣсколько грошей въ пользу музыкантовъ, которые здѣсь играютъ три раза въ недѣлю, по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ: въ эти дни здѣсь можно увидѣть весь Дрезденъ. Но я не видалъ всего Дрездена, хотя и была пятница; наканунѣ, т. е. въ четвергъ, былъ праздникъ Вознесенія и жители Дрездена, весьма почные люди, заплашивъ въ четвергъ тѣ гроши, которые надобно было заплашить въ пятницу, не захотѣли нарушить своего правила и оркестръ игралъ въ пущынь.

Я не буду описывать всего, что мною было въ Дрезденъ; буду говорить о главномъ. Но для васъ, друзья мои, долженъ я сказать нѣсколько словъ о прелесномъ вечерѣ, который провелъ на берегу Эльбы, сидя на террасѣ Финдлерова сада. Сначала мое расположеніе было довольно дурное, можно сказать худшее, потому что оно было холодное: и въ головѣ и въ сердцѣ было пусто. День былъ непостоянный, дождикъ смѣнялъ

ясность, наконецъ ясность побѣдила неясность. На террасѣ сидѣло множество людей: у каждаго стола семейство; все было весело; но для меня эти веселыя лица были все чужія: хотя я и былъ ихъ товарищемъ, но все чувствовала одиночество. Не скажу чѣмъ было грустно; грусть есть чувство живое; было пусто; это хуже! Природа окружающая меня была прелестна, но главная прелесть окружающаго есть наша душа, есть то чувство, которое она приноситъ къ святилищу природы. И въ моей душѣ не было сначала ничего, чѣмъ-бы подѣлиться съ призывающею природою. Настоящее казалось бытънымъ, а будущее ничего не обѣщало въ жизни. Все главное извѣстно: ничего таинственнаго, неизвѣстнаго не могло соединиться съ тѣмъ что видимъ глаза, слытъ слухомъ, и главной прелести недоставадо видимому! Но добрый геній, *воспоминаніе*, прилепѣлъ ко мнѣ на помощь. Какъ иногда вся душа перемѣняется отъ одной, едва замѣтной мѣлочи, отъ луча солнечнаго, освѣщающаго опдаленіе, отъ голубаго неба, проглянувшаго сквозь облако, отъ свѣтлой струи на водѣ! Я смотрѣлъ на окрестности: онѣ были очаровательны. Дрезденъ, за копорымъ садилось солнце, темно опдаленіе отъ дождливаго горизонта, и за нимъ, какъ за тонкою дымкою, свѣтилось невидимое солнце; опдаленіе покрыто было свѣтомъ и тѣнью, и въ этой каршинѣ

что-то было знакомое, и въ самомъ дѣлѣ знакомое! Это былъ точно Вѣлевскій видъ съ пригорка, прошивъ моего большаго дома (разумеется, съ большимъ разнообразіемъ). Эльба, которая здѣсь немного шире нашей Оки, также точно извивалась подъ горою; въ правой сторонѣ городъ, вдали на горѣ Рекницъ, похожій на Темрянь; за рѣкою обширный лугъ съ до-рогами. Одна изъ нихъ, Пильницкая, по берегу Эльбы, какъ Московская по берегу Оки; другая на Рекницъ, какъ Тульская; даже влѣвъ, подъ горою домъ, точно на-поминавшій Дураковскую церковь; самое опдаленіе, не смотря на то, что синѣлись на немъ живописныя горы Саксонской Швейцаріи, имѣло что-то похожее на ро-щи, окружающія Жебынскую пустынь; однимъ словомъ, съ помощію воображенія можно было довольно живо видѣть вмѣ-сто Дрездена милую свою родину. . .

И много мнѣмъ тѣней встало

Жуковскій.

II. КРИТИКА.

Полный Россійско - Французско - Нѣмецкій Словарь, сочиненный по новѣйшему изданію Словаря Академіи Россійской и *другихъ* (?). Изданіе второе, противу перваго изданія Словаря Россійско - Французско-Нѣмецкаго Г-на Профессора Ивана Гейма исправленное и во многомъ дополненное Карломъ Мессомъ. М. 1826. 4 тома, in 8.

Мы нарочно списали полное заглавіе сего Словаря. Подробное толкованье, что второе изданіе, являющееся въ 1826 году, исправлено по Словарю изданному въ 1799 году, можешь показать Издашелямъ онаго, что они сами обличаютъ несовершенства своего труда, ибо не возможно чтобы, въ тридцать - почти лѣтъ Лексикографія не сдѣлала какихъ нибудь успѣховъ; иначе, если Словарь Геймовъ есть такое совершенство, что всякій другой Словарь сдѣлается хорошимъ, даже немного подсосѣдившись къ нему, то его и надобно было издашь; ибо для чего - же приближаться къ эшому совершенству, когда само оно, со всѣми красотою своими, можешь быть издано? Не осуждаемъ Г-на Глазунова, когда онъ въ предисловіи распространяешь шуже мысль, что Словарь его долженъ быть хорошъ, потому что приближается совершенствомъ къ Словарю Г. Гейма, изданному лѣтъ за тридцать назадъ: Г. Глазуновъ книгопродавецъ; его дѣло получше и поскорѣе вознаградишь себя за издержки, упошребленныя на изданіе книги и онъ говоритъ для легковѣрныхъ; но люди ученые,

занимавшіеся редакціею книги, должны были поступить основательнѣе.

Какъ первый опытъ, Словарь Геймовъ конечно былъ очень хорошъ; даже не лзя не удивляться, какъ могъ эгомъ шрудолубивый ученый исполнить съ такимъ успѣхомъ свое предпріятіе. Но думать, что, какъ говорятъ Французы, *après lui il faut tirer l'échelle*, было-бы несправедливо и невыгодно. Если остановимся на той мысли, что, въ какомъ бы ни было знаніи, мы достигли совершенства, то необходимо пойдемъ назадъ, ибо только стремясь къ совершенству, можемъ сдѣлать что-либо совершенное. Издатель новаго Словаря оговаривается, что »Кромѣ множества поправокъ въ переводѣ, къ сему новому Словарю прошиву прежде изданнаго прибавлено болѣе 13,000 словъ и далѣе: «Какъ къ сему изданію присовокуплена и нужная фразеологія, которой въ первомъ вовсе не было, то новое изданіе не только замѣнитъ *достаточно большой* Словарь Россійско - Французско - Нѣмецкій, изд. Геймомъ и давно раскупленный, но еще содержитъ въ себѣ около 2000 словъ болѣе прошиву онаго.» Что изданный Г. Глазуновымъ въ 1813 году Словарь былъ очень недосѣпаточень, въ эгомъ сознается самъ Издатель и можетъ увѣриться всякій, кто потрудится заглянуть въ его Словарь; что Словарь Геймовъ не есть совершенство, объ эгомъ мы упомянули выше: слѣдовательно отъ сихъ сближеній не будетъ лучше новое изданіе Словаря. Будемъ-же разсматривать его по собственному, настоящему достоинству, оставя въ споронъ его права на знаменитость происхожденія. Одному Словарю поставляли когда-то въ достоинство и

шо, что онъ изданъ *старшимъ книгопродавцемъ*: мѣсяничество не ксати при ученомъ экзаментѣ, даже Словаря. Въ размашриваемомъ нами Словарѣ замѣчаемъ мы слѣдующіе недоспашки: 1-е, *Неполнота*, происходящая впрочемъ отъ того, что у насъ нѣтъ еще полного, очищеннаго кришккою Словаря Русскаго; Академическій изданъ 35 лѣтъ назадъ и напечатанъ вновь безъ большихъ улучшеній. 2-е, *Неразборчивость въ словахъ*: шо есть много словъ поставлено ненужныхъ, много словъ сосшавленыхъ неправильно и наконецъ есть слова, конхъ вовсе нѣтъ въ Русскомъ языкѣ. 3-е, *Невѣрность въ переводѣ Русскихъ словъ и выраженій на Французскій и Нѣмецкій языки*. Это *главные* и, шакъ сказать, *капитальные* недоспашки; но Словарь Г. Гл. нечислтъ и отъ побочныхъ несовершенствъ, каковымъ на примѣръ: опечатки, повшоренія, несправность приложенныхъ на концѣ реэстровъ именъ, названій, и проч. и проч.

Сравнивая сей вновь изданный Словарь съ Словарями: Академическимъ, Геймовымъ и Г - на Ольдекопа, мы съ прискорбіемъ увидѣли, какъ мало сдѣлано у насъ успѣховъ въ Русской Лексикографіи, со временъ Екатерины II! Важный и великій трудъ Гг. Академиковъ останешся навсегда славою для нихъ и упрекомъ для насъ, которые до сихъ поръ не подумали воспользоваться прекраснымъ началомъ, переданнымъ намъ въ Словарѣ Академическомъ. Выраженіе наше не покажется строгимъ тому, кто самъ выкинешъ въ дѣло. На примѣръ у Г. Глазунова, какія усовершенствованія видимъ мы? Какія дополненія? Въ Академическомъ есть слово: *Баальникъ*, и означено, что оно *Славянское*; здѣсь находимъ уже

просто переводъ, что это *un jongleur*, и сверхъ того прибавлено слово, *Баальница*. Но за чѣмъ въ Русскій Словарь зашли эти слова? . . . Перебравъ въ разныхъ мѣстахъ новаго Словаря по нѣскольку страницъ, мы не замѣтили иныхъ улучшеній и потому съ удивленіемъ спрашиваемъ, гдѣ эти огромныя прибавленія, о которыхъ пишетъ Г. Глазуновъ въ предисловіи своемъ? Не въ предисловіи ли они только и существуютъ? Но крайней мѣрѣ, можно побишьясь объ закладъ, что прибавленія не такъ велики, какъ хотѣли насъ увѣришь, въ надеждѣ, что *повѣрятъ не будутъ*.

На великой страницѣ новаго Словаря ясно видимъ доказательство, что Редакторъ его не зналокъ въ Русскомъ языкѣ. Онъ просто переписывалъ слова изъ другихъ Словарей, не подвергая ихъ критическому разсмотрѣнію. На примѣръ: за чѣмъ поставлены у него слова: *аба, абасы, аббатскій, абинный, абшить, авва, авгурь, агатный, агелль, адамантъ, адамашка, адамовъ, адмираловъ, азлмець, аккуловъ* и множество другихъ, которые или замѣнены другими словами (на примѣръ *абшить, авгурь*), или принадлежатъ въ область Грамматики (на примѣръ: *агатный, азлмець, адамовъ, адмираловъ*), или совсѣмъ вышли изъ употребленія (на примѣръ: *аба, абасы, абинный, адамантъ, адамашка*), или совсѣмъ не Русскія слова (на пр. *авва, агелль* — а не *агелль*). При словѣ: *абасы*, въ Академическомъ Словарѣ сказано: „Персидскія серебряныя деньги, составляющія около 25 копѣекъ нашихъ“ — и забавно, что это слово въ слово повторено въ Словаряхъ Гейма, Г. Ольдекопа и Г. Глазунова. Но что значашъ нынѣ 25 ко-

птекъ Бѣатерининскаго зѣка и гдѣ производился распадаша абасами въ Россіи, вошь что любопышно было-бы узнать — и вошь какъ заботятся объ улучшеніи своихъ трудовъ наши Гг. Лексикографы! Но этого мало: въ Словарѣ Г-на Глазунова, въ *Русскомъ Словарѣ*, находится много такихъ словъ, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ Русскомъ языкѣ. Для доказательства и для любопытства читателей приводимъ въ примѣръ слѣдующія слова: *безвѣръ*, *безгрѣшіе*, *безквасный*, *безкнижный*, *безковарный*, *безколынный*, *беззаступный*, *безкрасотство*, *безконный*, *безмозгій*, *безмятежіе*, *безмратный*, *безнавѣтіе*, *безпогрѣшность*, *виноградособирание*, *виноградособиратель*, *желтнй*, *жеманистый*, *животный выгонъ*, *заряжаюсь*, *застегнутіе*, *затащеніе*, *заттеніе*, *захребетникъ*, *звѣздоблюстителство*, *звѣздоволшебникъ*, *злогикіе*, *злогинный* и проч. и проч. и проч.

Послѣ этого читатели сами видятъ, какова Русская часть Словаря, нами разсматриваемаго. Кажется, безъ грѣха можно сказать, что она нѣкуда не годится, и особенно для иностранцевъ. Вошь доказательство. Положимъ, что какой нибудь Нѣмецъ, твердо выучивъ правила Русской Грамматики, пишетъ письмо, заимствуя слова изъ Словаря Г. Глазунова. Онъ пишетъ: „Я взялъ *абшиль* и теперь живу какъ *безмолвникъ*, но *безмратный*, ибо *безмятежіе* даетъ *доброгласіе* мноимъ чувствамъ. Мнѣ нужна теперь только *допбродѣйка*, для *благощастія* въ жизни“ — и другой Словарь, прибавимъ мы, потому что бѣдный иностранецъ Богъ знаетъ чего нагородитъ, если будешь пользоваться Русскимъ Словаремъ, въ копо-

ромъ видно Африканское вѣзнаніе Русскаго языка. Между шѣмъ, не должно упускать изъ виду, что Словарь сей издается главнѣйше для иностранцевъ; но какой пользы ждешь отъ него? Онъ даетъ самое дурное понятіе о Русскихъ словахъ, ибо, какъ мы показали, въ немъ множеству словъ чуждыхъ Русскому языку, обвѣщались и даже небывалыхъ, да сверхъ того, и шѣ слова, которыя правильно внесены въ Словарь, во многихъ мѣстахъ переведены неправильно. Не желая оставить и этого безъ доказательства, выпишемъ нѣкоторыя слова, несправедливо исполкованныя — матеріаловъ для этого въ новомъ Словарѣ много: только-бы достало у кого терпѣнія заглянуть въ него, на удачу, въ разныхъ мѣстахъ.

Алырщикъ, un fripon, ein Gaudieb, Betrüger; неправда: *алырщикъ* означаетъ человека, который подъ разными предлогами, по лѣности, убѣгаетъ отъ своего дѣла, и въ такомъ случаѣ его скорѣе можно перевести: fainéant, der Müßiggänger, Faulenzer.

Зарядье, l'endroit derrière les rangs, der hinter den Reihen befindliche Ort, такъ, но это имя урочища въ Москвѣ, которое не имѣетъ значенія въ другихъ мѣстахъ. Послѣ этого надобно было описывать всѣ Русскія урочища и изъяснять, что значить каждое.

Золотарь, l'orfèvre, der Goldschmidt — едва-ли; Французское и Нѣмецкое слово значатъ по-Русски: *золотыхъ дѣлъ мастеръ*, и тошѣ иностранцевъ нахлопочется, кто назоветъ золотыхъ дѣлъ мастера *золотаремъ*.

Женихъ, promis — вмѣсто le fiancé, futur.

Стѣнь, l'ombre, der Schatten; но въ переводѣ это просто *тѣнь*, а надобно было именно сказать: *sedit d'un être animé, mais qui est trop maigre, trop épuisé, semblable à l'ombre.*

Улучшеніе, l'action d'améliorer. Не просто-ли l'amélioration?

Фискалитъ, accuser, anklagen, verflagen, вѣрнѣе и ближе перевести можно: espionner, anstundschaffen.

Физическія приемы, des raisons physiques — совсѣмъ безсмыслица! Надобно было сказать: *des causes physiques.* Здѣсь видно уже незнаніе не Русскаго языка, а Французскаго, шакъ какъ въ другомъ мѣстѣ на Нѣмецкомъ языкѣ написана презабавная карриатура въ переводѣ рѣченія: *Непріятели залегли въ камышъ*, *die Feinde haben sich in dem Schilfrohre versteckt*, что значить по-Русски, *непріятели спрятались въ камышинку!* Дѣло едва-ли возможное гдѣ-либо — кромѣ земли Бродняговъ, описанной въ Гулливеровомъ путешествіи.

Прибавьте къ этому множество словъ, копоря и на Русскомъ не имѣютъ значенія и попому ихъ надобно было переводить перифразами. Таковы, *заваленіе*, *завѣжаніе*, *жезлобіеніе*, *добданіе* и проч.: Редакторъ привужденъ былъ вездѣ переводить ихъ: *action de* — а нѣкошорыхъ словъ и совсѣмъ невозможно было перевести, потому что въ нихъ нѣтъ никакого смысла; на примѣръ: откуда взялись въ Русскомъ языкѣ слова: *гробосоздатель*, *гробный*, *грободѣла*, *гробокрадца*, *грозливый*, *десятищик*?...

Приложенныя въ концѣ *росписи собственныхъ именъ* и проч. ужасны своею неисправностью и неполнотою. *Авессаломъ*; по-Русски превращился

въ *Авессалона*, *Алонзій* въ *Алонсіа*, *Амедей* въ *Амадел* и по-Французски *Amadie* (по-Французски сшало бытъ это жевское имя?). Далѣ, что за имя *Аникетій*? Опъ чего *Ахиллесъ* названъ: *Ахиллиемъ*? Опъ чего при имени: *Егоръ*, говорять: см., *Григорій*?

Роспись именъ географическихъ, неизвѣстно почему названныхъ *Этнографическими*, не менѣ ужасна. Тутъ найдемъ: *Адмиральтейства острова* (*à la lettre*), *Авагинскій*, *Доблинъ*, вмѣсто *Дублинъ*, *Дубна*, вмѣсто *Дубно*, *Запорожець* значишь: *celui qui habite au de là des cataractes du Dnièper, derjenige, welcher jenseits der Wasserfälle des Dnièper wohnt!* *Витебскъ* превращается въ *Витепскъ* и проч. и проч. и проч. Сверхъ того сіи росписи неполны и сдѣланы безъ всякаго разбора. Ненужныя имена и названія и даже прилагательныя опъ нихъ, поставлены, а множество важныхъ и необходимыхъ пропущено. Видно что это первый опылъ, сдѣланный ученикомъ.

О Росписи именъ миеологическихъ мы не будемъ ничего и говорить; а въ заключеніе дадимъ добрый совѣтъ шѣмъ особамъ, которыя положась на высокопарныя газетныя объявленія купили *Словарь Г. Глазунова*: прежде всего выдрать изъ него всѣ росписи, которыя приложены въ концѣ четвертаго тома. Эшимъ они избавятъ себя опъ досады, а людей неопытныхъ опъ ошибокъ.

Вопъ все что почли мы нужнымъ сказать о вновь изданномъ *Словарѣ*. Можно было-бы въдесяперо болѣе показатъ несообразностей, ошибокъ и всякаго рода промаховъ и упущеній, въ немъ находящихся, но читатели могушь судить и изъ ска-

заннаго нами, а мы просимъ избавить насъ отъ дальнѣйшаго труда. Желаетъ, чтобы Г. Глазуновъ воспользовался нашими замѣчаніями, можетъ быть, непріятными для него, но искренними съ нашей стороны. Не лъзя хвалить того, что дурно. Если же надобно хвалить дурное (и на оборотъ), то предоставляемъ это Д. Р. К. Сына Отечества, который назвалъ нашъ разборъ Французско - Россійскаго Словаря, издавнаго Г. Глазуновымъ въ 1825 году, *ругательствомъ*. Столько - же справедливо, какъ въжливо! И какъ убѣдительно! Мы вездѣ подтверждаемъ слова наши доводами, следовательно путь неправды быть не можешь, а Д. Р. К. однимъ словомъ умѣлъ сказать такую милую небылицу въ лицахъ. И что это дѣлается у насъ въ Императорѣ! Явно говорятъ несообразности для того только, чтобы сказать *противъ*. Теперь мы показали достоинство новаго Словаря; и вѣрно Д. Р. К., или кто нибудь подобный ему, въ одномъ словѣ скажешь похвалу Словарю Г. Глазунова, неправду, и комплиментъ Рецензенту.

Кс.

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

1825 года.

232. *Записки, издаваемыя отъ Департамента Народнаго просвѣщенія.* 1825 года. Книжка I. СПб. 1825 г. in 8, 437 стр.

Оффиціальныя извѣстія о состояніи учебныхъ и ученыхъ заведеній въ Россіи и распоряженіяхъ

Правительствъ по части народнаго просвѣщенія, помѣщаемы были съ 1803 по 1819 г. въ журналъ, издававшемся при С. Пбургской Академіи Наукъ, подъ названіемъ: *Періодическое изданіе объ усвѣхахъ народнаго просвѣщенія*. Съ 1821 г. по Февраль 1823 г. онѣ помѣщаемы были въ *Журналъ Департамента Народнаго Просвѣщенія*. Нынѣ определено печатать ихъ въ книжкахъ, выходящихъ въ неопределенное время, подъ названіемъ *Записокъ Д. Н. П.* Редакторомъ сего изданія, съ 8 д. Іюля, 1824 г. назначенъ Дѣйств. Слѣств. Совѣт. П. И. Соколовъ, съ жалованьемъ по 2500 рублей въ годъ. Въ 1825 г. издана была *первая* книжка; послѣдующія еще не выходили. Записки сіи вообще раздѣляются на четыре отдѣла: въ *первомъ* должны помѣщаться **ВЫСОЧАЙШІЯ** повелѣнія; во *второмъ* дѣйствія Министрства; въ *третьемъ* важныя или замѣчательныя ученныя спашы; въ *четвертомъ* разныя извѣстія.

ВЫСОЧАЙШІЯ повелѣнія помѣщены въ первой книжкѣ *за весь* 1824 годъ. Въ числѣ оныхъ находится повелѣніе о образованіи С. Пбургскаго Университета и прекращеніи Устава бывшаго до того времени въ С. Пбургъ Главнаго Педагогическаго Института; объ открытіи въ Кишеневѣ, Бѣльцахъ и Измаилѣ школъ взаимнаго обученія; объ отправленіи Академика Кюгельхена въ Крымъ, для составленія рисунковъ всѣмъ важнѣйшимъ шамошнимъ древностямямъ и напечатаніи сихъ рисунковъ, съ описаніями, на счетъ Кабинета ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА; о бытіи Полечителемъ Ярославскаго Демидовскаго высшихъ наукъ Училища, Ярославскому Гражданскому Губернатору Безобразову и пр.

Съ 15 Мая, 1824 г. **ВЫСОЧАЙШЕ** повелѣно бывшѣ Министромъ Народнаго Просвѣщенія и нынѣ главное управленіе Духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, Его Высокопревосходительству, Члену Государственнаго Совѣта, Адмиралу А. С. Шамкову. Дѣйствія Министерства Просвѣщенія изложены однакожь въ сей 1-й ч. Записокъ за весь 1824 годъ.

Въ третьемъ отдѣленіи книги помѣщено продолженіе статьи: *О барометрѣ и употребленіи оного* (къ нему таблица и рисунки), продолженіе *Путешествія къ Сѣверному полюсу* Капитановъ Росса и Парри, въ 1820 году; продолженіе статьи: *О доказательствахъ въ дѣлахъ уголовныхъ* (начала всѣхъ сихъ статей находятся въ *Журналѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія*). Сверхъ того помѣщены здѣсь статьи: *Какъ должно читать Римскую Исторію* (переводъ статьи изъ книги Феррана: *Esprit de l'histoire*, изд. въ Парижѣ, 1809 года); *О необходимости обучаться преимущественно отечественному языку и нѣчто о обученіи языкамъ иностраннымъ* (небольшое сочиненіе Директора Гимназіи высшихъ наукъ Князя Безбородко, Господина Орлая) и начало диссертациі написанной Кандидатомъ Московскаго Университета Дубенскимъ, для полученія степени Магистра (*Объ искусственныхъ путяхъ водянаго сообщенія въ Россіи* — см. Тел. 1825 г. II. 251.)

Въ *Разныхъ извѣстіяхъ* помѣщена *Вѣдомость о состояніи учебныхъ заведеній по вѣдомству Департамента Народнаго Просвѣщенія, за 1824 годъ*. Во всѣхъ шести Университетскихъ округахъ (заключающихъ въ себѣ 54 губерніи и области),

число учебныхъ заведеній въ 1824 г. вроспиралось до 1410; въ нихъ было учащихъ 4562, другихъ чиновниковъ 1105, учащихся 49,452. Изъ сего числа въ округъ *Казанскомъ* (Казанская, Нижегородская, Симбирская, Саратовская, Пензенская, Оренбургская, Вятская, Пермская и четыре Сибирскихъ губерніи) число учащихся было 6348 мужескаго и — 59 женскаго пола, всего 6416 человекъ. Въ округъ *Дерптскомъ*, учащихся, мужескаго 4978, женскаго 2206, всего 7181 чел. — Въ округъ *С.Пбургскомъ*, мужескаго 8,558, женскаго 1,697, всего 10,255 чел. — Въ округъ *Московскомъ*, мужескаго 11,209, женскаго 671, всего 11,880 чел. — Въ округъ *Харьковскомъ*, мужеск. 12,432, женскаго 623, а всего 13,055 чел. — Въ округъ *Виленскомъ*, муж. 20,082, женск. 583, а всего 20,665 чел.

Замѣтимъ, касательно ученія женскаго пола въ Россіи (не считая заведеній не состоящихъ въ вѣдомствѣ Депарш. Народ. Просв.), что въ *окр. Санктпетерб.*, изъ 1697 учащихся, находящаяся въ Петербургскихъ школахъ содержимыхъ иностранцами 350 и въ Петербургскихъ пансіонахъ 862 ученицы; кромѣ того, въ С.Пбургѣ и его губерніи 292; на все остальное народонаселеніе женскаго пола въ цѣломъ округѣ (кромѣ С.Пбургской губ.) приходится только 193. Изъ числа 671 ученицы округа *Московскаго*, въ женскихъ пансіонахъ *Москвы* воспитывается 290; кромѣ того въ Москвѣ 35; на все остальное народонаселеніе женск. пола въ *Московскомъ* округѣ приходится 346. Ученіе женскаго пола въ Россіи, кромѣ столицы, является въ слѣдующемъ порядкѣ: высшія губерніи въ семъ отношеніи *Остѣ-Зейскія* или *Нѣмецкія* (въ Лифлянд-

ской 1264, Эстляндской 555, Курляндской 387 учениц); за ними слѣдуютъ губерніи *Польскія* и Херсонская, гдѣ въ Одессѣ живешь много иностранцовъ (Виленская 243, Гродненск. 123, Волинская 116, Одесса 122); послѣ нихъ губерніи *Россійскія*, ближайшія къ *Нѣмецкимъ* и *Польскимъ* (Новгородская 106, Псковская 78, Черниговская 102, Кіевская 92); далѣе, губерніи, гдѣ находятся *Университеты* и нѣкоторыя изъ губерній, ближайшихъ къ *Москвѣ* (Харьковск. 83, Казанская 46, Тверская 73, Владимірская 83). Остальныя всѣ губерніи можно раздѣлить на *четыре отдѣленія*, какъ-то :

Отъ 40 до 20 утѣшихся женскаго пола, въ губерніяхъ : Смоленск., Рязанск., Тульск., Минск., Курск., Тавричesk., Вишнѣбской.

Отъ 20 до 10 утѣшихся, въ губерніяхъ : Вологодской, Архангельской, Могилевской, Ярославской.

Менѣе 10 утѣшихся, въ губерніяхъ : Пензенской, Симбирской, Калужской, Олонецкой, Костромской.

Ни одной особы женскаго пола утѣшейск не находится, въ губерніяхъ : Орловской, Воронежской, Тамбовской, Астраханской; Кавказск. области, Грузин, землѣ Донскихъ Казаковъ; Нижегородской губ., Сарашовской, Оренбургской, Вятской, Пермской и всѣхъ Сибирскихъ.

Желательно, чтобы чаще представляемы были соображеніямъ статистиковъ подобныя выводы; чтобы статистики наши вникали черезъ нихъ въ физическій и нравственный бытъ разныхъ областей Россійскаго Государства, замѣчали и выводили ясныя результаты о неудобствахъ и отношеніяхъ.

общественной и домашней жизни своих соотечественниковъ. И какіе разительные уроки и доводы могутъ они намъ представить!

За сею вѣдомостью о числѣ учащихся, помещена выписка изъ ответа С. Петербургской Академіи Наукъ, за 1824 годъ.

Въ семь году Академія Наукъ лишилась изъ числа Ординарныхъ своихъ Академикомъ, Профессора Химіи А. И. Шерера и Профессора Зоологіи А. О. Севастьянова; вновь въ Почетные Члены Академіи избраны изъ иностранныхъ ученыхъ мужей Авг. Вильгельмъ Шлегель и К. Ф. Гаусъ, Проф. Астроном. въ Гешпингенъ. — Въ числѣ сочиненій рукописныхъ представлены были въ Академію, отъ Академика Шторха: *Какіе доходы частныхъ людей содѣйствуютъ къ составленію народнаго дохода? — Различіе дохода простаго и дохода гнстаго, можетъ ли быть прилагаемо къ доходу Государства? — Какимъ образомъ народы обогащаются употребленіемъ избытковъ дохода? — Отъ Академика Круга: О Маркоманахъ среднихъ вѣковъ — Какой народъ Несторъ именуемъ Корлязами? — Отъ Академика Френа: *Rabbi Petachiah über die Polowzer oder Komanen. Eine Nachlese. Voran Untersuchungen über die geographische Litteratur der Juden* — О Куфическихъ монетахъ, вырытыхъ въ Херсонѣ. — Отъ Академика Келлера: *Замѣчанія, касающіяся до Истории Понтійскихъ царей Митридата Эвпатора и Фарнака.* — Отъ Президента Академіи Наукъ: *Разсужденіе о Греческихъ трагикахъ.* Означаемъ сіи сочиненія Членомъ Академіи, дабы публикѣ можно было судить о важности трудовъ знаменитой Академіи нашей и неусыпномъ раченіи*

Членовъ ея обогащать ученымъ свѣтъ своими твореніями: *ученый свѣтъ*, повшоримъ однакожь, ибо не можемъ сказать: *Русскую Литтературу* собственно. Сочиненія нашихъ Академиковъ писаны на Франц. и Латинск. яз., и не лзя не пожалѣть, что Русскіе читатели не знаютъ, даже и въ переводахъ, всѣхъ важныхъ твореній Шпорха, Френа, Круга и другихъ мужей, заслужившихъ извѣстность Европейскую. Не лзя не пожалѣть, что и вообще труды нашей Академіи Наукъ не имѣють полного хода въ книжной торговлѣ нашей. Мы не имѣемъ въ виду даже полного реэстра всѣмъ книгамъ, продающимся въ книжной лавкѣ Академіи.

Замѣчательны отзвы Академіи о разныхъ сочиненіяхъ, представленныхъ на ея разсмотрѣніе. Академикъ Вишневскій сдѣлалъ слѣд. отзвъ о диссертациі Г-на Осиповскаго (см. Тел. 1826 г. IX. 153): «Г-нъ О. замѣшивъ, что теорія движенія планетъ и ихъ спутниковъ не достигла еще возможной степени совершенства, думаетъ, будто разности между послѣдствіями вычисленія и наблюденія происходятъ отъ того, что астрономы о мѣстѣ, занимаемомъ сими тѣлами на небѣ во время наблюденія, судящъ по приходящимъ къ нимъ лучамъ оныхъ, и не обращаютъ вниманія на то, что свѣтъ доходитъ къ нимъ не мгновенно; думаютъ, что тѣло находится на томъ еще мѣстѣ, съ коего свѣтъ происходилъ, между тѣмъ, какъ истинное мѣсто можешь быть значительно удалено отъ онаго. Но каждый просвѣщенный человѣкъ знаетъ, что астрономы зачисляють поспешенное распространеніе свѣта, и что въ исчисленіяхъ положенія солнца и планетъ употребляютъ исправленіе, извѣстное подъ именемъ

абераціи свѣта (aberration de la lumière). И такъ очевидно, что астрономамъ, кромѣ сей абераціи, нѣтъ надобности въ новой поправкѣ, предлагаемой Г-мъ Осиповскимъ. Академикъ Пандеръ, отдавая отъчетъ о оочиненіи Г-на Хаборскаго: *Поверхностное показаніе природы въ своемъ видѣ или мѣстѣ царствъ природы*, говоритъ: «Сіе разсужденіе принадлежитъ къ многочисленнымъ покушеніямъ подвести природу насильственнымъ образомъ въ виды, самопроизвольно опредѣляемые. Окень, Вагнеръ, Голдфусъ и другіе почипали токмо число 4 такимъ, коему подвергаться должно всякое расpredѣленіе въ трехъ царствахъ природы; напротивъ, Г. Хаборскій полагаетъ, что въ числѣ 6 нашель онъ тайну природы; однакожь не лзя съ нимъ раздѣлять восторга, съ каковымъ излагаетъ онъ открытіе свое, ни согласиться въ томъ, чтобы предметъ, содержащійся въ его сочиненіи, *найденъ былъ имъ самимъ*. Троколерь издалъ въ 1804 г. шри Разсужденія въ тѣхъ-же самыхъ понятіяхъ, и сіи сочиненія не могутъ быть неизвѣстны Г. Хаборскому, пошому, что при нѣсколькихъ легкихъ измѣненіяхъ, онъ изъясняетъ тѣже мысли, часто списывая только Троклера, а шамъ, гдѣ онъ него отшупаетъ, онъ показываетъ весьма недостаточное знаніе въ сравнительной Анатоміи, наукѣ, безъ коей не возможно составить швердую систему Зоологій.» Подобныя-же замѣчанія сдѣланы, отъ Г-на Фусса, на *Synopsis curvarum aliquot viperę reperatarum*, представленный Г-мъ Вернебургомъ; отъ Г-на Френа, на *Grammaire polyglotte*, представленную Министру Просвѣщенія Г-мъ Медичи, и отъ Г-на Грефе, на

Грегескую Ортовоию, представл. Академіи отъ Г-на Минаса.

Въ заключеніе *Записокъ* помѣщено извлеченіе изъ Отчета Попечителя Казанскаго Университета за 1823 и 1824 годы.

1826 года.

177. *Записки, издаваемые Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ*, относящіяся къ Мореплаванію, Наукамъ и Словесности. Часть XI. СПб. 1826 г. in 8, LIV и 500 стр., съ рисунками и таблицами.

Въ *Запискѣ о занятіяхъ Департамента* (которая обыкновенно помѣщается въ началѣ каждаго тома) за первую половину 1826 года, находясья разные замѣчанія и распоряженія Департамента, изъ коихъ извлечемъ слѣдующее: Лейтенантъ Рейнеке отправленъ для вѣрнѣйшаго снятія картъ Лапландскаго берега, а Лейтенантъ Куприновъ Аландскихъ острововъ и Абовскихъ шкеровъ; *Атласъ Россійскихъ портовъ* продолжается гравированіемъ разныхъ картъ; *Атласъ Тихаго Океана* и *Атласъ Каспійскаго моря* кончены; *Записки Г-на Щабельскаго*, бывшаго на шлюпѣ Аполлонѣ, во время путешествія его кругомъ свѣта, въ 1821 - 1823 г., одобрены, какъ сочиненіе любопытное и замѣчательное (*); Капитанъ-

(*) Ошривки изъ нихъ были помѣщены въ Сѣв. Архивѣ, Мы слышали, что Г. Щабельскій приступилъ къ печатанію своей книги вполне и съ удовольствіемъ ожидаемъ появленія его книги, кажемя, заслуживающей полное вниманіе нашей публики.

Действительны Станиковичъ и Липке отправляясь въ кругомъ-свѣтное пушешествіе на корабляхъ Молдеръ и Сенянинъ. Главная цѣль экспедиціи: для К. А. Станиковича, опись Сѣверо-Западной Америки, отъ Уналашки до Аляски и берега твердой земли, разныхъ острововъ около Сандвичевыхъ и проч.; для К. А. Липке, берега Чукотскаго отъ Берингова пролива, берега Камчатки, Охотскаго моря, Шантарскихъ острововъ, берега между Сахалинымъ и Удскимъ острогомъ и проч.

Далѣе находятся статьи: *О приведеніи видимыхъ лунныхъ разстояній въ истинныя*, по способу Горниера (сочиненіе незабвеннаго нашего астронома Шуберта); *О порядкѣ производства работъ при вооруженіи кораблей, для плаванія по морямъ*: обширная статья (около 100 страницъ), сочиненн. Капитаномъ 1-го ранга Мивидскимъ. «Замѣчанія Г-на М. (говоритъ Г-нъ Крузенштернъ, разсматривавшій ихъ)» обнимающъ, какъ всѣ занятія офицеровъ и всѣ работы матрозовъ, во время вооруженія и изготовленія корабля къ походу, такъ и порядокъ, долженствующій быть наблюдаемымъ на кораблѣ. Все сіе изложено весьма ясно, и нѣтъ статьи, которая казалась-бы мнѣ лишнею, ибо все основано на собственной опытности автора, приобретенной имъ во время службы, какъ на Англійскомъ, такъ и на нашемъ флотѣ.» Двѣ статьи Вице-Адмирала Г. А. Сарычева: *Описанія Херсонскаго и Таганрогскаго портовъ*, принадлежатъ къ составляемому Атласу Россійскихъ портовъ. Книга заключается *Историч. извѣстіемъ о всѣхъ наводненіяхъ, бывшихъ въ С.Пбургѣ*, соч. В. Н. Берха (см. Тел. 1826 г. No 2, стр. 150.

Изъ переводовъ, помѣщены въ семь томъ *Зависокъ*: *Описаніе составнаго запаснаго руля*, изобрѣтеннаго Дюссюелемъ; Донесеніе членовъ Французскихъ Академій о путешествіи Дюперрея; Таблицы, относящіяся къ морскимъ вычисленіямъ (пер. съ Англійск. Г-мъ Липке).

Изъ описаній путешествій нашихъ Русскихъ мореплавателей, помѣщены въ семь томъ извѣстія о путешествіи Г-на Лазарева и путешествіи Г-на Коцебу. Первый изъ нихъ, на шлюпѣ *Ладога*, отправился изъ Кронштапта, 1822 года, въ Августѣ, вмѣстѣ съ фрегатомъ *Крейсеромъ*, заходилъ въ Поршмушь, къ Тенерифу, въ Рио - Жанейро, обогнулъ Мысь Добр. Надежды и 16 Мая остановился въ Вандименскомъ портѣ, Горботъ-Гоунъ. »Богатая почва Вандименовой земли (говоритъ Г-нъ Лазаревъ), красивыя мѣстоположенія, при всегда умѣренной температурѣ воздуха, и здоровый климатъ, привлекають сюда во множествѣ изъ Англіи вольнопоселяющихся хорошаго состоянія людей, такъ, что нынѣ, не смотря на младенческое заселеніе сей колоніи, возмѣвшее первое свое начало въ 1804 году, мореплавателъ, при посѣщеніи сего порта, конечно не подвергается ни малѣйшей неудачѣ, ибо изобиліе дровъ, рогатаго скота и всякихъ огородныхъ овощей обезпечиваетъ здоровье его служителей къ новому долговременному плаванію; только доставка свѣжей воды при насъ была нѣсколько затруднительна; но ожидали на будущій годъ изъ Англіи водопроводныхъ трубъ, помощію коихъ трудность сія долженствовала уничтожиться. Любовь и почтеніе, оказанныя жителями Вандименовой земли къ Русскимъ мореплавателямъ, посѣпившимъ ихъ

въ первый разъ, заслуживаючь всю нашу благодарность.» Посѣпивъ Опанши, наши суда въ Сентябрѣ были въ Камчаткѣ. Выписываемъ любопытное замѣчаніе Г-на Л. о сей отдаленной Русской области. Читая въ прежнихъ путешествіяхъ описаніе Петропавловской гавани, ожидали мы найши въ семъ мѣстѣ большой недостатокъ въ свѣжей провизіи; но вмѣсто того мы во все время въ изобиліи оною пользовались, хотя жители, изъ коихъ большая часть суть военно-служащіе, заготовляючь оную единствен-но для себя, а не на продажу. Разныхъ родовъ картофель, рѣпу, морковь, частію капусту и даже салатъ, мы имѣли до самаго отплытія. Скопководство здѣсь также довольно значительное: въ гавани рѣдкій обыватель не имѣеть коровы; молоко, творогъ, масло, разнымъ образомъ заготовляемая лѣтомъ и осенью рыба, а зимою разная дичь и горные бараны, могли-бы составлять изобильную и здоровую пищу, если-бы Камчадалы имѣли къ тому нужное количество хлѣба. Но, къ сожалѣнію, сей послѣдній имъ вовсе почти неизвѣстенъ. Это происходитъ, во-первыхъ, отъ того, что въ здѣшней странѣ земледѣліе, не смотря на воѣ убѣдительныя доказа-тельства и дознанную опытами возможность онаго, совсѣмъ пренебрежено; а вовторыхъ, что ни въ одномъ изъ здѣшнихъ портовъ не имѣется запас-ныхъ магазиновъ, изъ которыхъ-бы могли Кам-чадалы полугать хлѣбъ за деньги. Самые военно-служащіе не рѣдко вынуждены бываючь довольство-ваться половиннымъ количествомъ слѣдующей имъ провизіи, по причинѣ труднаго доставленія оной, чему я самъ былъ свидѣтелемъ и къ крайнему со-жалѣнію ничѣмъ не могъ пособить. Богатство Ка-

лифорнии и удобная доставка опшуда разнаго хлѣба въ зернахъ, могли-бы замѣнить сей важный и часто могущій случаться недостатокъ.» — Прибывъ въ Ново-Архангельск. гавань, на остр. Ситхъ, Ладога отправилась въ Калифорнію. «Портъ Св. Франциска (говоритъ Г-нъ Л.) есть, такъ сказать, единственное въ семь краю мѣсто для отдохновенія мореходцамъ, послѣ продолжительныхъ плаваній или долговременнаго пребыванія въ Россійско - Американскихъ колоніяхъ, ибо кромѣ безопасности опъ въпровъ и спокойнаго стоянія на якорѣ, ясная и хорошая погода даетъ всю возможность къ желаемому исправленію корабля, а изобиліе рогатаго скота, свѣжій хлѣбъ и полная свобода людямъ на берегу, укрѣпляютъ силы, возобновляютъ прежнее веселіе и мореплавателю, по нѣкоемъ отдохновеніи, вступаетъ подъ паруса съ прежнею беззаботливостію и полнымъ увѣреніемъ въ перенесеніи новыхъ трудностей.» Здѣсь, соединясь съ шлюпомъ Аполлономъ, отправились наши мореплаватели обратно и были въ Рио - Жанейро. «Меня удивило въ Бразиліи» говоритъ Г-нъ Л. «быстрое распроспраненіе торговли; заливъ Рио - Жанейрскій былъ устьянъ купеческими кораблями разныхъ народовъ; а въ городѣ основалось уже множество модныхъ магазиновъ.

«Новое правительство, заботясь о скорѣйшемъ умноженіи сухопутныхъ и морскихъ силъ, послало вербовщиковъ въ Германію, изъ которой нынѣ ежедневно привозятся храбрые наемники для наполненія сухопутныхъ ополченій, а покупаемые купеческіе шрехъ-мачтовые корабли передѣлываются въ военные; нынѣ флотъ Бразильскій состоитъ изъ одного 74 - пушечнаго корабля, 2 блокшиповъ, 3

большихъ фрегатшвъ , 4 шлюцовъ отъ 66 до 24 и 5 бриговъ и шкунъ отъ 20 до 12 пушекъ. Начальство надъ оными вѣрено, большею частію, Англичанамъ, а офицеры и команда состоятъ изъ всякаго сброда. Англичане и граждане Соединенныхъ Штатовъ, приходящіе сюда на купеческихъ судахъ, охотно нанимаются въ службу Бразильской Имперіи и тѣмъ замѣняютъ недостатокъ опытности Бразильскихъ мореходцовъ. Нынѣ, по приведеніи северныхъ провинцій въ послушаніе новому правленію, кораблестроеніе, вѣроятно, возьметъ свое начало, а изобиліе строеваго лѣса дастъ средства въ скорости увеличить военный флотъ. Октября 13 ч. 1824 г. Ладога возвратилась въ Кронштадтъ. — О путешествіи Г-на Коцебу, совершенномъ на шлюпѣ *Предпріятіе*, уже было въ Зап. Адм. Деп. нѣсколько извѣстій; теперь помѣщены остальные. Прибывъ въ Ситху, въ Февраль 1825 г., для защищенія колоній отъ дикарей Американскихъ и воспрепятствованія торговлѣ Северо-Американцевъ, на земляхъ принадлежащихъ Россіи, въ Іюль получили тамъ извѣстіе, что по силѣ заключенной между Россіею и Соед. Штатами конвенціи, «*позволяется купцамъ сей націи имѣть свободный торгъ по всей северо-западной части Америки, принадлежащей Россіи.*» Послѣ сего, пребываніе шлюпа въ Америкѣ сдѣлалось ненужнымъ и въ Августѣ онъ отправился обратно. Г-нъ Коцебу взялъ путь къ Сандвичевымъ островамъ. «*За нѣсколько времени предъ нашимъ приходомъ къ симъ островамъ (говоритъ онъ), привезено сюда изъ Англій, на фрегатѣ *Блондъ*, подъ командою Лорда Байрона, шлюпо умершаго Короля Санд-*

вечевыхъ острововъ, которое въ великолѣпномъ гробѣ сохраняется нынѣ въ нарочно для сего выстроенномъ небольшомъ каменномъ домикѣ. По смерти Короля Рио - Рио, вступилъ на престолъ младшій его братъ, лѣтъ тринадцати, подъ названіемъ *Тамеа-Меа* 3-го, за малолѣтствомъ коего управляютъ мать его *Кагумана* и одинъ изъ главнѣйшихъ чиновниковъ, называемый *Каремоку*; но миссіонеры Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ умѣли овладѣть совершенно довѣренностію сихъ управляющихъ, отъ чего присвоили себѣ участіе въ самомъ даже правленіи; впрочемъ, при насъ еще царствовали на островахъ пишина и спокойствіе. Подлѣ *Пескадорскихъ* острововъ нашелъ Г-нъ Коцебу неизвѣстную дотолѣ купу низкихъ и необитаемыхъ острововъ, кошую и назвалъ островами *Корсакова* (середина купы, шир. N $11^{\circ} 19' 12''$; долг. W отъ Гринвича $192^{\circ} 25' 3''$). На Ладронскихъ и Филиппинскихъ островахъ приняты были наши мореплаватели Испанцами ласково. «Сіи острова пребыли вѣрными своему Королю, и духъ мятежа, распространившійся во всѣхъ колоніяхъ, принадлежащихъ Испаніи, здѣсь вовсе не замѣненъ. Замѣтимъ, какъ доказательство удивительнаго распространенія и дѣятельности духа промышленности Англичанъ, что Г-нъ К. нашелъ здѣсь нѣсколько Англійскихъ киполовныхъ судовъ. Каждый годъ ходитъ ихъ множество къ Японскимъ берегамъ на ловлю киповъ и заходитъ потомъ на Ладронскіе острова отдыхать. Какая, хотя маленькая вѣтвь промышленности и источникъ богатствъ украсится отъ Англіи! — Обогнувъ Мысъ Добр. Надежды, Г-нъ Коцебу заходилъ на островъ Св. Елены. Здѣсь

29 Марта 1826 г., онъ узналъ о кончинѣ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА. Юня 29 ч. нашъ шляхъ пришелъ въ Кронштаптъ. Къ донесенію Г-на Коцебу присовокуплены донесенія бывшихъ съ нимъ Астронома Прейса, Физика Ленца и Минералога Гофмана всѣ они общающъ со временемъ подробнѣйшія известія о своихъ наблюденіяхъ.

178. *Согиненія въ прозѣ и въ стихахъ Александра Измайлова, съ эпиграфомъ: «Трудись, дай добро и будешь счастливъ. Часть I. Проза»* СПб. 1826 г. in 8, 200 стр.

179. *Басни и сказки Александра Измайлова, изданіе пятое, съ загл. грав. листкомъ, 2 части.* СПб. 1826 г. in 8, 94 и 86 стр.

180. *Опытъ о разсказѣ Басни, съ присовокупленіемъ разбора нѣкоторыхъ образцовыхъ Басень лучшихъ Россійскихъ Фабулистовъ, написанный А. Измайловымъ и служащій дополненіемъ къ Баснямъ его и Сказкамъ (съ портретомъ Г-на Измайлова).* Спб. 1826 г. in 8, 109 стр.

Подробный разборъ сихъ трехъ книгъ, изданныхъ А. Е. Измайловымъ, помѣщенъ былъ въ No 3 Телегр. сего 1827 года (стр. 212-225).

181. *Извѣстіе о книгѣ: Opuscules archéologiques.* М. 1826 г. in 8, 12 стр.

Эта напечатанная особо статья Г-на Д. о сочиненіи Г-на Гульянова, которая была помѣщена въ Телегр. на 1826 годъ, No 5, стр. 44. Мы помѣстили въ No 4 Телегр. сего 1827 г. замѣчанія, писанныя, вѣроятно, Шамполіономъ, на ту-же самую книгу: предославляемъ другимъ рѣшеніе несогласія въ мнѣніяхъ между Шамполіономъ и Г-мъ Д. —

182. *Второе допoлненіе къ князю о Заемныхъ книгахъ.* Сочиненіе П. Дегаля. М. 1826 г. in 8, 3 стр.

183. *Обозрѣніе правъ и обязанностей Россійскаго Купечества и вообще всего средняго сословія.* Соч. П. Иванова. *Двѣ части.* М. 1826 г. in 4, IV и 284 стр., VII, 278 и 3 стр.

184. *Россійское Уголовное Право,* составл. Гит. Сов. П. Гуляевымъ. М. 1826 г. in 8, III, IV и 193 стр.

185. *Новѣйшее руководство къ познанію Россійскихъ законовъ.* Изданн. Илар. Васильевымъ. Часть I. М. 1826 г. in 8, XV и 213 стр.

186. *Собраніе Россійскихъ законовъ о наградахъ чинами, орденами, знаками отличія и проч. съ 1681 по 1825 г. со включеніемъ (?).* Книжка XVIII. Составилъ Тимоѳ. Хавскій, Тиш. Сов. М. 1826 г. in 4, XX и 448 стр.

187. *Полный всеобщій Стряпчій или Словарь практическаго гражданскаго дѣлопроизводства.* Собр. С. Ушаковымъ. Томъ III. Части 17, 18, 19, 20. СПб. 1826 г. in 8, 183, 180, 298, 348 и XVIII стр.

188. *Историческое обозрѣніе Россійскаго Законоположенія.* СПб. 1826 г. въ шп. Ивана Глазунова, in 4, СXXXI стр.

189. *Новый Памятникъ Законовъ Имперіи Россійской.* Часть I. СПб. 1825 г. in 4, 8, XI, VI, 10 и 362 стр. Часть II, III и IV. СПб. 1826 г. in 4, LXXV, 11 и 766; XCII, 11 и 485; LIX, 10 и 522.

1827 года.

21. *Конспектъ занятій Уѣзднаго Суда.* Соч. Тиш. Сов. М. Радугинымъ. М. 1827 г. въ ш. Кузнецова, in 8, 88 стр.

Подробное извѣстіе о сихъ девяти юридическихъ сочиненіяхъ помѣщено въ Телегр. сего 1827 года, No 4, стр. 309 - 325 и No 5, стр. 62-84.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Иностранная переписка.

Письмо изъ Дрездена (*).

10 Марта 1827 г.

Публичное признание Валтера Скотта, что онъ Авторъ романовъ извѣстныхъ подъ его именемъ. О сираяныхъ закладахъ.

Сію минуточку прочелъ я въ Morning - Chronicle, отъ 27 Февраля, статью, которую желалъ-бы цѣликомъ перевести, но не успѣю: выписываю существенное. Наконецъ, Валтеръ Скоттъ объявилъ себя Авторомъ своихъ сочиненій, единственнымъ (total and undivided author). Въ статьѣ *Утренней Хроники*: Interesting theatrical Dinner (любопытный театральный обѣдъ), подъ особымъ заглавіемъ: *Public avowal by Sir Walter Scott of being author of the Waverley Novels* (Публичное признание Валтера Скотта, что онъ Авторъ романовъ Веверлей), заключается разгадка долгой тайны. Извѣстіе сіе взято сокращеннымъ образомъ изъ *Эдмбургской газеты*, но и въ сокращеніи оно занимаетъ полторы колонны длинной Англійской газеты. Все происходило за первымъ годичнымъ обѣдомъ Эдмбургскаго театральнаго фонда (ш. е. вѣроятно, суммы,

(*) Извлеченіе.

на которую содержится Эдмбургскій театр). Валтеръ Скоптъ председательствовалъ за обѣдомъ, по естѣ былъ *Chairman*, который обыкновенно для возглашенія постовъ выбирается на весь обѣдъ. Это называется: *быть на каведрѣ* (to be in the Chair). Когда сняли скачерть и осталось на столѣ одно вино, за *полною ташею*, такъ, какъ предложилъ Валтеръ Скоптъ, восхвалилъ онъ драматическое искусство. По словамъ его, оно было первымъ наслажденіемъ его дѣтства, и любовь къ сему искусству росла вмѣстѣ съ нимъ; даже и на закатѣ жизни ничто такъ не веселило его, какъ простая повѣсть хорошо разсказанная (and even in the decline of life, nothing amused so much as when a common tale is well told). В. Скоптъ пробѣжалъ вкратцѣ въ рѣчи своей исторію драматическаго искусства у древнѣйшихъ и новѣйшихъ народовъ, осуждалъ вѣка, въ которые оно было презираемо и въ гоненіи, даже и отъ законодателей; но это, по его мнѣнію, было погда-же, когда и духовенству запрещено было жеваться, а мірянамъ читали Библию. Далѣе упомянулъ онъ о каждой блистательной для театра эпохѣ, въ особенности и о томъ, чѣмъ и кѣмъ каждая отличалась и кончила постомъ за *Theatrical fund*. Гости (convives) отвѣчали проекратнымъ и трижды повтореннымъ крикомъ: »With three times three (трижды три). Когда присутствовавшій за симъ-же обѣдомъ Лордъ Мидаубанкъ (Meadowbank), желая оплатить В. Скопту за постъ въ честь театральнаго компаніи, провозгласилъ здоровье *of the great Unknown* (великаго неизвѣстнаго, какъ обыкновенно В. Скопта называющъ), онъ сказалъ въ рѣчи своей, между прочимъ, что онъ предлагать

шость «могущественнаго волшебника, Минспреля
 «нашей отчизны (*въ сію минуту восклицанія и
 Англійское: ура! огласили всю залу*), который
 «вызвалъ изъ гроба не привидѣнія протекшихъ сто-
 «лѣтій, но существенности (*the mighty magician,
 the minstrel of our Country, who had conjured not the
 «fantom of departed ages, but realities*), того, кото-
 «рый нынѣ предстоитъ обличенный предъ глазами и
 «любовью его отчизны (*now stands revealed before the
 «eyes and affections of his country*).» Валшеръ Скопитъ
 «отвѣчалъ ему и между прочимъ сказалъ: «что онъ
 «судебнымъ образомъ допрошенъ передъ своимъ оте-
 «чествомъ и можетъ быть почитаемъ за *обвиня-*
 «*емаго*, который призванъ къ тяжбѣ передъ Лор-
 «домъ Мидаубанкомъ; но онъ увѣренъ, что каждый
 «безпристрастный судъ присяжныхъ разрѣшилъ-бы
 «его *вердиктомъ* (опредѣленіемъ судебнымъ) *о не-*
 «*доказанности*. Онъ не полагаетъ нужнымъ вхо-
 «дить въ изъясненіе причинъ своего долгаго молча-
 «нія. Можетъ быть, поступалъ онъ такимъ обра-
 «зомъ изъ одного своенравія. Однако-же, онъ обязанъ
 «сказать нынѣ, что достоинство его твореній (если
 «есть въ нихъ достоинство) и погрѣшиности оныхъ
 «должны быть безраздѣльно приписаны ему одному
 «(*долгія и громкія рукоплесканія*). Онъ пугается
 «мысли о томъ, что сдѣлалъ. *Я не смѣю огла-*
 «*снуть на это* (вѣроятно это цитатъ изъ Шек-
 «спира). Онъ слишкомъ далеко зашелъ въ признанія
 «своемъ и знаетъ, что оно будетъ доведено до
 «свѣдѣнія публики. Открывая себя за Автора, онъ
 «хочетъ тѣмъ сказать, что онъ Авторъ цѣльный и
 «нераздѣльный. За исключеніемъ цитатовъ, нѣтъ въ
 «его твореніяхъ ни одного слова, которое не при-

надлежало-бы ему собственно, или не было ему недоумлено чтениемъ. . (he was now before the bar of his country, and might be understood to be on trial before Lord Meadowbank as an offender: yet he was sure, that every impartial jury would bring is a verdict of Not Proves. He did not now think it necessary to enter into the reasons of his long silence. Perhaps he might have acted from caprice: he had now to say, however, that the merits of these works, if they had any, and their faults, were entirely imputable to himselfg (*loud and loud cheering*). He was afraid to think on what he had done. *Look on't again j dare not.*“ He had thus far unbosomed himself and he knew that it would be reported to the public. He meant, when he said that he was the author, that he was the total and undivided author. With the exception of quotations, there was not a single word that was not derived from himself, or suggested in the course of his reading).

Лордъ Мидаубанкъ въ исчисленіи заслугъ В. Скотта сказалъ: »Что ему предоставлено было твореніями своими дать имя безсмертное отечеству. Онъ болѣе сдѣлалъ для него, проливая свѣтъ на его лѣтописи, прославляя дѣянія его воиновъ и государственныхъ мужей, чѣмъ кто-бы ни былъ изъ жившихъ нѣкогда, или рожденныхъ на отечественной землѣ. Онъ раскрылъ особенныя красоты своего отечества передъ глазами иностранцовъ (it has been left for him, by his writings, to give his country an imperishable name, he had done more for his country, by illuminating its annals, by illustrating the deeds of its warriors and statesmen, than any man, that ever

existed, or was produced, within its territory. He has opened up the peculiar beauties of this country to the eyes of foreigners).

Послѣ постовъ, 1-го въ честь Королю и 2-го Герцогу Кларанскому, *The Chairman Walter Scott* предложилъ постъ оплакиваемому Горкскому Герцогу, желая, чтобы въ память его выпито было въ торжественномъ молчаніи (which he wished to be drank in solemn silence): «онъ удѣляя досугъ свой театру.» Тутъ уже предложилъ онъ *Жентлеманамъ* налить *полныя гашки* и сталъ говорить о театрѣ. Подобіе сей рѣчи можно развѣ найдти въ прологѣ Шиллера, напечатанномъ передъ Валленштейномъ: Объ искусствѣ мимики, и въ предисловіи Тальмы къ Запискамъ о Лекенѣ. Теперь Валтера Скопша провозгласили и будутъ называть *The great Clown* (великій извѣстный).

Переходя отъ дѣла къ бездѣлю, скажу, что обычай Англійскіе и здѣсь въ чести. Два странные заклада занимають нашу публику. Одинъ изъ здѣшнихъ модниковъ бился объ закладъ, что проѣдетъ часъ по улицамъ въ саняхъ (NB, у насъ лѣто или весна), но пробилъ. Другой, первый Дрезденскій *Fashionable* (Лондонскій модникъ) бился на 100 фундоровъ, что одинъ мѣсяць и одинъ день будешь ходишь всюду въ розовомъ платьѣ, въ розовыхъ сапогахъ и въ розовой шляпѣ, или какого другаго цвѣта, по назначенію противной стороны. Онъ будешь на всѣхъ вечеринкахъ и у себя принимашъ всѣхъ въ эшомъ нарядѣ. Что сказамъ

бы въ Петербургъ или Москвѣ, если-бы кто взду-
малъ пустившись на такую проказу?

Э. А.

Отрывки изъ Записокъ Г-на Вильмёва ().*
Расположеніе и самое мѣсто города Идры даетъ
понятіе о дикости его обитателей. Почти всѣ до-
мы построены тамъ на высокихъ утесахъ и до
нѣкоторыхъ можно достигнуть только съ боль-
шимъ трудомъ. Къ домамъ Міаули, Томбази и
Кондуріюши надобно всходить по длинной лѣстницѣ,
высѣченной въ утесъ: сіи дома настоящіе дворцы,
гдѣ соединены богатство, порядокъ и вкусъ
Европы съ роскошью Азіи. Я былъ представлень
симъ шремъ знаменитымъ сынамъ Греціи и они
осыпали меня ласками и учтивостями. Міаули,
сему знаменитому Адмиралу, всегда бывшему ужа-
сомъ враговъ Греціи, около пятидесяти лѣтъ; въ
обращеніи своемъ онъ очень простъ. Братья Том-
бази почти такихъ-же лѣтъ. Одинъ изъ нихъ
начальствовалъ нѣсколько времени флотомъ и
покрылъ себя славою. Оба брата Томбази исполнены
чистой любви къ отечеству; они пожертвовали
безмѣрнымъ богатствомъ своимъ на вооруженіе
Греческихъ кораблей. Я имѣлъ честь обѣдать съ
испребишелемъ Турецкаго флота Константиномъ
Кавари, который, путивъ брандеръ въ Адмираль-
скій Турецкій корабль, громко вскричалъ: *«Я Кавари и жгу тебя!»* Греки прозвали его *Туркодломъ*.

(*) См. Тел. 1826 г. XII, 268 и 1827 г. XIII, 105.

Видъ у Канари величественный, поступъ гордая в глазахъ свѣтитъ мужество, одушевляющее его и защиту свободы отечества. Канари еще въ лучшей порѣ своей: ему теперь около сорока лѣтъ. . . .

Не одна Марія Маврогени, прекрасная, юная героиня Греціи, участвовавшая въ нѣсколькихъ сраженіяхъ противъ Турковъ, съ собственнымъ своимъ отрядомъ, не одна Маврогени заслуживаетъ быти извѣстною современникамъ и потомству. Когда Турки прибыли на Хіосъ, въ Апрель 1822 г., несчастныя женщины сего острова, воспитанныя въ изобиліи и роскоши, доказали, что можетъ сдѣлать отчаяніе и страхъ постыднаго рабства. Одна изъ нихъ, Катерина Килиаду, храбро защищалась противъ Турковъ, убила восемь челоуѣкъ, хотѣвшихъ схватить ее, и только мертвая досталась во власть непріятелей: они въ бѣшенствѣ изрубили ее. Въ Хіосскомъ монастырѣ Калимассіа, скрылось и защищалось нѣсколько семействъ; женщины, подобно какъ въ Бовѣ, помогали мужчинамъ и сами сражались еще съ большимъ ожесточеніемъ, нежели мужчины, до послѣдней крайности. Дождь камней, песку, бревень, черепиць, пущенный ими на осаждающихъ, истребилъ великое число враговъ. Тогда только могли пробиться непріятели въ монастырь, когда уже осажденные были изнурены усталостію и не имѣя защитительныхъ оружій, не могли сопротивляться. Турки напали на нихъ со всѣхъ сторонъ и произвели ужасное кровопролитіе. Одна молодая монахиня успѣла убѣжать. Она, какъ пища, пролѣзла въ пространство занимаемое Турками; нѣкоторые изъ нихъ, и именно рассказывавшіе мнѣ сіе происшествіе, почли ее небеснымъ явленіемъ.

Но по несчастію , преслѣдуемая другими , мѣнѣ доврчивыми , или болѣе жестокими , она попалась наконецъ въ руки враговъ и была изрублена. Въ Каламатѣ , въ Іюнь 1825 г. , крестьянка , преслѣдуемая однимъ изъ пигровъ въ человѣческомъ образѣ , вела за руку старшую дочь свою , 14-ти лѣтъ , а другую несла на рукахъ. Они добѣжали до колодца : не видя надежды избавиться , мать бросила въ колодезь дѣтей своихъ и сама бросилась за ними. Двѣ дѣвицы Власто , послѣднія изъ могущественнаго семейства въ Хіосѣ , достались по раздѣлу одному Турецкому офицеру. Скучая сопротивленіемъ старшей изъ нихъ , онъ сказалъ , что дастъ ей нѣсколько часовъ на размышленіе и что по прошествіи сего времени она или будетъ его или погибнетъ. Гречанка согласилась на отсрочку , но воспользовавшись сномъ свдего пирана , заколола его кинжаломъ. Увѣренная въ неизбѣжности мщенія товарищей офицера , она сама сдѣлала пешлю и удавилась ; сеспра послѣдовала ей примѣру.

Сулія , въ которой число героевъ почти равнялось числу мужей , гордится также мужествомъ женщинъ. Между многими событіями , разсказываютъ слѣдующее : когда Али - Паша овладѣлъ городомъ , молодая Суліотка , избавляясь отъ преслѣдованія Турковъ , бросилась съ вершины утѣса , но зацѣпилась платьемъ за сукъ фиговаго дерева : ужась смерти заставилъ ее содрогнуться и цѣпнѣющія руки ея дѣлали усилія удержаться и вылезти изъ пропасти. Тетка слѣдовала за нею , закричала это и громко вскричала ей : »Смѣйся

времяница! смертью выкупимъ безчестье! Онъ
объ падающъ и погибающъ.

НЕКРОЛОГІЯ. *Графъ Аркадій Ивановичъ Марковъ* родился въ Москвѣ 6-го Января 1747 года. Еще въ ранней молодости вступилъ онъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и находился при Графѣ Штакельбергѣ во время посольства его въ Мадридъ, въ 1771 г. Потомъ переведенъ онъ былъ въ Миссію Варшавскую, подъ начальство Г-на Сольдерна, съ которымъ имѣлъ неудовольствіе по службѣ. Г-нъ Сольдернъ, негодуя на сопротивленіе подчиненнаго, задержалъ его въ посольскомъ домѣ. Послѣ того Марковъ былъ потребованъ въ Петербургъ къ отчету въ своемъ поведеніи и оправдался съ такимъ успѣхомъ, что съ того времени Графъ Панинъ отзывался о немъ Императрицѣ **ЕКАТЕРИНѢ**, какъ о молодомъ человѣкѣ, одаренномъ отличными способностями, присущимъ и твердостью духа, обнаруживающими въ немъ признаки государственнаго человѣка. Онъ причисленъ былъ къ Царградскому посольству Князя Репнина, въ 1776, въ званіи Секретаря посольства, и потомъ назначенъ въ Гагу; здѣсь получилъ онъ отъ Императрицы повелѣніе, въ 1778 году, отправиться въ Парижъ, для исполненія порученія важнаго и важнаго, о которомъ Посоль при Версальскомъ Дворѣ, Князь Барятинскій, не имѣлъ полнаго свѣдѣнія. Марковъ оправдалъ въ семъ случаѣ довѣренность Императрицы и достигъ переговоровъ предназначенной цѣли, съ умѣньемъ и успѣхомъ. Вскорѣ за тѣмъ былъ онъ назначенъ полномочнымъ Посланникомъ въ Шток-

родьмъ и сопровождалъ Короля Шведскаго въ путешествіи его по Италіи. Въ 1786 году ИМПЕРАТРИЦА опредѣлила его шрепшимъ членомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, по смерти Тайнаго Совѣтника Бакунина. Во время Ея путешествія въ Полуденную Россію, къ донесеніямъ Вице-Канцлера Марковъ прибавлялъ всегда свои сужденія и замѣчанія: они обратили на себя благосклонное вниманіе Государыни; по возвращеніи своемъ, Она призывала Маркова къ себѣ на совѣщанія, и вскорѣ попомъ на него одного возложено было составленіе всѣхъ важныхъ бумагъ, изъ Русскаго кабинета исходящихъ; ему-же была поручена и вся переписка съ посломъ нашимъ въ Вѣнѣ и посланникомъ въ Берлинѣ, въ продолженіе переговоровъ шрехъ державъ по дѣламъ Польши. Императрица уважала мнѣнія политическія Маркова и съ каждымъ днемъ болѣе цѣнила его дарованія и способность къ работѣ. Быстро переходилъ онъ изъ чина въ чинъ, отъ почести къ почести: въ царствованіе Императрицы пожалованы были ему ордена: Св. Владимира, Александра Невскаго; Графское достоинство Имперіи; прекрасный домъ въ Петербургѣ и богатыя помѣстья въ Подольской губерніи и въ Бѣлоруссіи. Все предсказывало ему еще блистательнѣйшіе успѣхи; но съ восшествія на престолъ ПАВЛА I-го до кончины его, Графъ Марковъ жилъ въ своихъ деревняхъ. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ послалъ его въ Парижъ заключить миръ съ Французскою Республикою и назначилъ его полномочнымъ посланникомъ при Консулѣ. Европейская политика приняла тогда другое направленіе: все предзнаменовало пророзорливому взору, что Франція присвоишь себѣ

господство непопулярное, если заранѣе не отпугнуть съ твердостью и постоянствомъ противившись властолюбію необыкновеннаго челоука, схватившаго бразды правленія. Гр. Марковъ съ перваго взгляда усмотрѣлъ опасность и указалъ на нее: смѣлость ума его не понравилась Бонапарту; сначала старался онъ уловить его въ свои сѣти обольщеніемъ, но видя свои усилія тщетными, рѣшительно возсталъ противъ него. Графа Маркова вызвали изъ Парижа, но съ почестію; передъ самымъ прекращеніемъ его посольства прислали ему былъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго.

Съ возвращенія его въ Россію, онъ не былъ употребленъ по дѣламъ. Полипика нашего Кабинета перемѣнилась и не была уже въ согласіи съ мнѣніями, обнаруженными Гр. Марковымъ. Онъ удалился въ деревню въ 1804 г.; но и въ тишинѣ сельской жизни усердіе его къ пользѣ отечества и умственная дѣятельность еще увлекали его мысленно на сцену политическихъ событій. Онъ сообщалъ по временамъ Правительству записки о современныхъ дѣлахъ, и между прочимъ, въ 1808 г. изложилъ свои мнѣнія о важности воспользоваться возстаніемъ Испанскаго народа и неудачами Наполеона на Пиренейскомъ полуостровѣ, чтобы свергнуть вліяніе, похищенное Наполеономъ надъ Европою въ слѣдствіе Тильзитскаго мира.

Наконецъ, въ 1820 г. Графъ Марковъ назначенъ былъ членомъ въ Государственный Совѣтъ и пребылъ въ званіи семъ до самой кончины, восслѣдовавшей 29 Января, 1827 года; ему было отъ

роду 80 лѣтъ и 25 дня (*). Онъ погребенъ въ монастырѣ Александра Невскаго съ почестями, принадлежащими его сану. Въ послѣдніе годы его жизни, ослабленіе физическихъ силъ ошозвалось и въ умственныхъ его силахъ: бремя лѣтъ нягопяло на немъ.

Но дипломатическое поприще покойнаго было означено многими блестящими слѣдами: имя его принадлежитъ лѣтописямъ нашей современной исторіи. Общій голосъ, судящій часто о людяхъ и событіяхъ по невѣрнымъ соображеніямъ и частнымъ догадкамъ, обвинялъ его нѣсколько въ неудачѣ переговоровъ, долженствовавшихъ въ царствованіе ЕКАТЕРИНЫ утвердить семейными узами сношенія Двора нашего съ Шведскимъ Дворомъ, но не справедливо; другое обвиненіе на Графа Маркова падающее относится къ поведенію его, слишкомъ неуклонному, и не миролюбивымъ приписаніямъ, которыя онъ обнаружилъ во время пребыванія своего при первомъ Консулѣ. Здѣсь событія оправдываютъ правила его и поспоянное исполненіе оныхъ, по крайней мѣрѣ въ послѣдствіяхъ: 1812 годъ, паденіе Наполеона и преимущественное участіе наше въ переворотѣ судьбы Европейской отвѣчаютъ направленію, которое Гр. Марковъ хотѣлъ дать нашей и Европейской политикѣ.

(*) Въ *Сверной Псалд* ошибочно начтено 87 лѣтъ Гр. Маркову. Извѣстіе о смерти его, напечатанное въ сей газетѣ, замѣчательно по своей сухой красноречіи, нѣтъ болѣе, что вслѣдъ за нимъ находится другое, о смерти Французской актрисы, оживленное какими-то участіемъ; мы не порочимъ сего участія, заслуженнаго дарованіемъ покойной актрисы, но въ правѣ удивляться, что Издатели Русской газетѣ не могли замолвить признательнаго слова, къ памяти челоука, съ честью служившаго отечеству.

Въ личномъ отношеніи замѣчательно, что онъ съ молодыхъ лѣтъ самъ образовалъ себя, не имѣвъ при воспитаніи своемъ удовлетворительныхъ пособій. Умъ его былъ цѣнокъ, проникателенъ; разговоръ занимателенъ и оживленъ эдиграмматическими вспышками. Сказываютъ, что во время посольства его въ Парижъ, онъ не рѣдко опраждалъ выходки Консула колкими и швердыми отвѣтами. Жаль, что у насъ нѣтъ эка для подобныхъ преданій и что одни только официальные извѣстія спасаются отъ забвенія на лискахъ послужныхъ списковъ и газетъ, сохраняющихъ эпохи и цѣльныя событія. За недостаткомъ красокъ, любопытныхъ матеріаловъ и вспомогательныхъ подробностей, должны мы ограничиваться въ начертаніи біографическихъ и некрологическихъ абрисовъ, однѣми голыми вѣхами, чтобы означить поприца мужей, достойныхъ вниманія согражданъ. Въ семъ сожалѣніи нашемъ заключается и оправданіе въ неполнотѣ некрологическаго извѣстія, представляемаго нами.

Пользуясь тѣмъ, что имѣемъ, сообщаемъ здѣсь одинъ анекдотъ о Гр. Марковѣ, извлеченный изъ памятныхъ записокъ достовѣрнаго собиравшаго. Во время посольства Гр. Маркова въ Стокгольмъ посѣщилъ онъ Дрошпенгольмъ, Королевскій замокъ. Главный смотритель надъ замкомъ, или кто-то изъ придворныхъ, указывая въ оружейной на три знамени, сказалъ ему: «Вошь Русскія знамена, отбитыя при Пешрѣ Первомъ и въ послѣдующія войны.» — *Да это наши, отвѣчалъ Гр. Марковъ, и они стоили вамъ трехъ провинцій.* Вошь еще сообщенное намъ дополненіе къ нашей стащѣ:

»Когда Французская Республика, по праву сильного, побѣдоноснымъ своимъ мечемъ межевала свои и чужія земли, Рейнъ утверждёнъ былъ границею между Франціею и Европейскими Державами къ востоку. Мѣра сія, на однихъ побѣдахъ основанная, побѣдами могла только бытъ и опровергнута; но тогда слава Наполеона была еще непокосновенною: онъ возвращался изъ Маренго, а не съ острова Эльбы; Европа безмолвствовала и всѣ Германскіе Принцы, имѣвшіе владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна, были безошадно лишены оныхъ для округленія Французской границы. Одна Россія могла защищать угнѣшаемыхъ. Графу Маркову препоручена была сія шрудная негодіяція, которая послѣ долгихъ преній съ Французскимъ Министромъ Талейраномъ, стараніями Россійскаго дипломата увѣнчана была совершеннымъ успѣхомъ и доставила всѣмъ лишеннымъ своихъ владѣній Принцамъ вознагражденія въ другихъ странахъ Германіи (*). На замѣчаніе, сдѣланное однимъ знаменитымъ Французскимъ Генераломъ, въ тѣхъ-же переговорахъ участвовавшимъ, что Россія не должно-бы вѣнчаваться въ приобретенія, купленные Французскою кровію, Марковъ сдѣлалъ слѣдующее прекрасное возраженіе: »Исторія передастъ потомству, что Французская Республика съ оружіемъ въ рукахъ завоевала такия-то земли; но также Исторія прибавитъ также, что стараніями и великодушіемъ Россійскаго ИМПЕРАТОРА владѣльцы

(*) Въ то время изъ Сенъ-Клудскаго Кабинета выдученъ былъ политическій памфлетъ, въ коемъ сказано было, что Россійскій Посоль хочетъ перемѣнить печеніе Рейна. Гр. Марковъ отразилъ насмѣшки словомъ и дѣломъ. В.

онныхъ земель были вознаграждены за свои потери.»

Николай Яковлевичъ Озерецковскій, Академикъ Естественной Исторіи въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ, Дѣйствиельный Статскій Совѣтникъ, Докторъ Медицины, Членъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ Россійской и Медико-Хирургической и Королевской Стокгольмской Академій; Санктпетербургскаго и Бернскаго Экономическаго, Великобританскаго о Земледѣліи, Венгерскаго Естественной Исторіи, Обществу; ИМПЕРАТОРСКИХЪ Харьковскаго и Казанскаго Университетовъ и Главнаго Правленія училищъ; Орденовъ: Св. Анны 2 класса и Св. Владимира 4 степени Кавалеръ, скончался сего 1827 года, Февраля 28 дня, въ СПбургѣ, на 77-мъ году отъ рожденія. Почтенный по лѣтамъ и заслугамъ, ученый мужъ сей родился въ 1750 году. Кончивъ курсъ въ Санктпетербургской Академической Гимназіи, онъ соупотствовалъ Академику Лепехину въ путешествіи по Россіи, и по возвращеніи своемъ отправленъ былъ для окончательнаго образованія въ заграничное путешествіе, обучался въ Страсбургскомъ и Лейденскомъ Университетахъ, и въ 1785 году получивъ званіе Академика, болѣе 40 лѣтъ занималъ съ опліченіемъ сіе почетное званіе. Во все это время жилъ онъ всегда въ Санктпетербургѣ, совершая только по назначенію Академіи путешествія въ разныя мѣста Россійской Имперіи, для топографическихъ и по части Естественной Исторіи наблюденій, кошорыя и описывалъ въ из-

даваемых имъ книгахъ. Съ 1775 по 1793 г. издавалъ онъ по препорученію начальства: *Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцеслововъ*, въ 10 томахъ; съ 1803 по 1810 годъ издавалъ официальное *Періодическое изданіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія*, гдѣ находимъ много любопытныхъ и важныхъ статей. Въ Академіи Россійской онъ былъ въ числѣ первоначальныхъ, тридцати одного, членовъ, составившихъ Академію въ 1783 году; въ *Словарѣ Россійской Академіи* составилъ онъ всѣ изясненія медицинскихъ словъ. Кромѣ вышеозначенныхъ литературныхъ трудовъ и многихъ статей, помѣщенныхъ въ разныхъ сочиненіяхъ Академіи Наукъ и другихъ Обществъ, изданы были имъ слѣдующія сочиненія: *Начальныя Основанія Естеств. Исторіи царства Животныхъ, Произрастеній и Ископаемыхъ*, СПб. 1791 г. 7 томовъ, по основаніямъ Леске (собственно Г-ну Оз. принадлежатъ только два тома; остальные составлены другими Академиками), съ многими иллюстраціями: весьма полезная учебная книга, даже и при нынѣшнемъ усовершенствованіи Естествознанія; *Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому*, СПб. 1792 г. съ рисунками и картами; *Описаніе Колы и Астраханн*, СПб. 1804 г.; *Обозрѣніе мѣстъ отъ Спбурга до Старой Руси*, СПб. 1808 г.; *Путешествіе на озеро Селенгеръ*, СПб. 1817 г. — Переводы: *Наставленія народу въ разсужденіи его здоровья*, Тиссота, съ Франц. СПб. 1781 г.; *К. К. Саллюстія, Исторія о войнѣ Катиллины и войнѣ Югурты*, съ Лат. СПб. 1809 г.; *Всеобщая исторія о звѣриныхъ и рыбныхъ промыслахъ*, Ноэля, съ Франц. СПб. 1817 г. Г-нъ Озерецковскій участвовалъ также въ переводѣ

Естественной Истории, Графа Бюффона (изд. в Спб. 1801 - 1817 г. въ 10 томахъ), вмѣстѣ съ другими Академиками, Г-дами Иноходцовымъ, Лепехинымъ, Прошасовымъ, Румовскимъ и Саввиничевымъ.

О П Е Ч А Т К И

№ 5. Ошд. II.

Стр.	Спр.	Напечат.	Должно быть :
6	— 24	— Онъ ей въ ошвѣшъ	Ошвѣшъ ханжи
9	— 17	— дочери	дѣши
44	— 17	— inoccupés	inoccupées
—	— 18	— d'érés	d'épées

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

І. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Къ N. N.

(При посылкѣ порпреша.)

Вотъ вамъ стихи , и съ ними мой порпрешъ.
О милые ! сей бѣдный даръ примите
Въ залогъ любви. Меня ужъ съ вами нѣтъ ;
Но вы мой путь , друзья , благословите !
Вы скажете : печалень образъ мой !
Увы ! друзья , въ то самое мгновенье ,
Какъ въ пламенномъ Маньяни вдохновеньѣ
Преображалъ искусною рукой
Веленевый листокъ въ лицо поэта ,
Я мыслю печальной былъ при васъ ,
Я проходилъ мечтами *прежни* лѣта.
И предо мной мелькалъ разлуки часъ !
Куда ведешь меня мой рокъ , не знаю ;
И если-бъ онъ мнѣ выбралъ волю даль
Мой путь , друзья , не шопъ-бы я избралъ ;
Но съ Промысломъ судиться не дерзаю :
Пусть будешь то , что свыше суждено ;
Готовъ на все ! . . условіе одно :
Чтобъ вы , рукой Всесильнаго хранимы ,
Въ сей бурѣ бѣды ошались невредимы.

1812 г. Октябрь.

Пѣснь Мирзы.

(Изъ повѣсти: *Смерть Евы*, Графини Д.
Салюицо-Роэро.)

Вѣтеръ Мая, воздыхая
Въ купахъ розъ и лилей,
И крылами и ушами
Тихоструйните вѣй;
Тише порхай межъ цвѣтовъ!
Я пою мою любовь.

Мѣсяць томный, ночи скромной
И сопутникъ и другъ,
Свѣтомъ чистымъ, серебристымъ
Осыпающій лугъ,
Улыбайся съ облаковъ!
Я пою мою любовь.

Токъ прозрачный, черезъ злачны
Красны доли катясь,
Легкій ропоть, сладкій шопоть,
Въ тихій полночи часъ,
Разливай межъ береговъ!
Я пою мою любовь.

Пойте птицы до дещицы,
До разсвѣтныхъ лучей,
Пойте слаще, въ темной чащѣ
Подъ наклономъ вѣтвей;
Слей свой голось, соловей,
Съ пѣснью любви моей!

Ранѣ.

Ошибка врага.

(Изъ Ж. Б. Руссо.)

Шутя другъ Музь, но ремесломъ другъ хмѣлю,
 Съ попойки всталъ и тушь-же слегъ въ постелю;
 Жена въ слезахъ послала за врачомъ;
 Приходитъ врачъ, и съ гробовымъ лицомъ
 Проговорилъ: «Соббразя догадки,
 Здѣсь нахожу съ ознобомъ лихорадки
 И жажды жаръ; но мудрый Иппократъ
 Сперва велитъ намъ жажды пылъ убавить. . .»
 Большой на то: «Нѣтъ, нѣтъ, пустое, брасть!
 Сперва прошу оупъ холода избавитъ,
 А съ жаждой самъ управишься я радъ.»

Крюйцнеръ.

(Повѣсть, соч. Генріэтты Ли (*).)

Графъ Зигендорфъ былъ Богемскій по-
 мѣщикъ. Онъ гордился своимъ значнымъ
 происхожденіемъ, но только передъ рав-
 ными ему; напротивъ, люди низшихъ

(*) „Я почти кончилъ моего *Вернера*,” сказалъ
 однажды Лордъ Байронъ Капитану Медвину. „Пред-
 метъ для него заимствоваль я изъ *Крюйцнера*, Миссъ
 Ли Мнѣ кажется, у Валтера Скотта нѣтъ ни
 одного рочана лучше Крюйцнера. Я удивлялся ему
 будучи ребенкомъ и всегда люблю его. Еще въ са-
 мыхъ молодыхъ лѣтахъ сочинено было мною въ-
 Ч. XIV. No 6. 4

званій обожали Графа за его добродушіе и ласковость, въ самомъ дѣлѣ необыкновенныя въ то время, когда почти каждый помѣщикъ былъ тиранъ. Послѣ многихъ лѣтъ брака у Графа родился сынъ. Рожденіе его сполно жизни маперя. Заботливо спарались воспитывать ребенка, и онъ въ лѣта юности оправдывалъ попеченія талантами, быспро развивавшимися. Онъ былъ одаренъ самою счастливою наружностью: высокъ ростомъ, спроенъ и съ умнымъ, проницательнымъ взглядомъ соединялъ благородное выраженіе лица.

Только нравственное расположеніе его было совсѣмъ проотивное. Гордые пріемы внушала ему не благородная смѣлость, приличная попомку знаменитыхъ предковъ: имъ обладала гордость личная, исключительная; онъ приписывалъ себѣ, своимъ достоинствамъ опличіе, принадлежавшее званію. День опто дня болѣе укоренялось въ немъ это чувство. Ему никогда не приходило на умъ спросить себя, что-бы могъ онъ сдѣлать безъ знаменности рода? Его

сколько сценъ театральной пьесы, изъ Крюйцнера заимствованной.“ Кажется, послѣ сихъ словъ Байрона, читателямъ нашимъ любопытно будетъ узнать, что это за *Крюйцнеръ*. Предлагаемъ его съ нѣкоторыми сокращеніями. Вернеръ, неконченная трагедія, о которой говорилъ Лордъ Байронъ, есть не иное что, какъ Крюйцнеръ переложенный въ разговоры. Байронъ хотѣлъ посвятить Вернера Гёте.

Перев.

вездѣ опличали и онъ воображалъ, что такъ будетъ всегда; презиралъ людей, льстецовъ своихъ и, казалось, почиталъ ихъ рожденными для услугъ ему.

Спремленіе къ удовольствіямъ было главною причиною его дѣшельности. Во время дѣтства мало безпокоились объ этомъ, но въ юношескомъ возрастѣ сына, отецъ былъ чрезвычайно огорченъ, увидя что все приобретенное служило сыну его только средствомъ удовлетворять склонность къ разсѣянной, беспорядочной жизни.

Графъ надѣялся, что все пройдетъ съ первымъ пыломъ спраспей, сынъ его полюбитъ добро и слѣдуя чувству собственнаго достоинства и совѣщанью отца, употребитъ въ пользу свои природныя и приобретенныя средства. Онъ вскорѣ увѣрился, что совѣщанья останутся бесполезными, постарался глубже заглянуть въ сердце своего сына и къ величайшей горести, не нашелъ въ немъ никакого чувства уваженія и почтенія, чего по праву могъ ожидать для себя.

Это было во время ужасной прядцапильпней войны; Богемія готовилась участвовать въ ней. Души независимыя одушевлялись на подвиги: дѣло шло о сверженіи Авспрійскаго ига. Графъ Зигендорфъ спѣшилъ вооружить своихъ вассаловъ и рѣшился поручить сыну начальство надъ ними. Онъ видѣлъ въ предстоящей дѣшельности воинской залогъ хорошаго

поведенія и случай развиться наслѣдственнымъ дарованіямъ юноши храбраго, радостно принявшаго порученіе отца, вести вассаловъ его на битву. Быстрою, съ какою онъ образовалъ и привелъ къ общему назначенному мѣсту свой участокъ войска, пробудила въ опцовскомъ сердцѣ надежды, исчезающія съ каждымъ днемъ.

Молодой Зигендорфъ не долго пробылъ въ войскѣ и успѣлъ доказать, что въ немъ не было истинно воинскаго духа: одно желаніе играть льстивую для самолюбія роль и свободнѣе предаваться своимъ склонностямъ, заставило его съ такою поспѣшностію опоясаться мечемъ. Онъ вскорѣ явился своевольнымъ, непокорнымъ, невнимательнымъ къ совѣтамъ опытности. Въ храбрости его не сомнѣвались: много разъ онъ показалъ даже опыты дерзкаго удалства; но вассалы оставляли его знамя, потому что у него недоставало денегъ для содержанія ихъ. Такъ отецъ его испыталъ горестную увѣренность, что дерзкій юноша не умѣетъ ни повелѣвать, ни повиноваться. Многія жалобы дошли къ нему отъ главнокомандовавшаго Генерала.

Между тѣмъ, молодой человекъ былъ совершенно увѣренъ въ себѣ, и ни какъ не думалъ, чтобы отецъ вздумалъ когда нибудь опнять у него начальство надъ вассалами и тѣмъ унижить своего наслѣдника. Онъ заблуждался, рассуждая о своихъ

проспулкахъ: гордость нашептывала ему, что онъ не можетъ подвергнуться униженію, какимъ почиталъ онъ лишеніе начальства надъ своимъ опридомъ. Но безъ пользы испощивъ дружескіе совѣты и родительскія увѣщанія, отецъ рѣшился на сію строгую мѣру. И пустьъ, желая дать случай исправиться и средства заслужить выгодное мнѣніе поварищей въ военномъ дѣлѣ, онъ доставилъ сыну своему другое мѣсто въ войскѣ. Молодой человекъ сначала былъ изумленъ нечаянностью, но скоро утѣшился и нашелъ оправданіе для своего самолюбія. «Виноватъ отецъ мой!» говорилъ онъ. — «Зачѣмъ онъ опправилъ меня, столь молодого, начальствовавъ надъ своими вассалами? И онъ еще виноватѣе, дѣлая огласку и опшима у меня начальство, въ то самое время, когда я становился къ нему способнѣе.» Совсѣмъ не воспользовавшись симъ происшествіемъ, онъ продолжалъ болѣе заниматься удовольствіями, нежели воинскими обязанностями, служилъ нерачисельно, однажды оставилъ ввѣренный ему припинъ, въ это время захваченный непріателемъ и, какъ измѣнившій воинскому порядку, какъ недостойный служить подъ знаменами сподвижниковъ, былъ выключенъ изъ службы.

Но онъ болѣе сердился, нежели стыдился за свое униженіе, собралъ все свое золото, драгоценные каменья и увхалъ въ Саксонію. Графъ, отецъ его, готовъ

былъ пожертвовать многимъ , только-бы
 привести сына своего на путь добра ; но
 всѣ покушенія оспались тщетны; молодой
 человекъ вообразилъ еще, что онъ чрезвычай-
 ной важной особа, когда такъ спараюш-
 ся залучить его на свою сторону. Онъ не
 думалъ о будущемъ и предавшись льсте-
 цамъ , пользовавшимся безумною его рас-
 почительностью , пустился на всѣ ша-
 лости безразсудной юности. Слава его ,
 и безъ того уже омраченная , совершен-
 но упала въ общемъ мнѣнii. Порядоч-
 ные люди убѣгали его , и онъ болѣе и бо-
 лѣе привыкалъ къ порочной жизни. Скоро
 издержались у него всѣ деньги. Онъ пыталъ-
 ся было просить помощи у отца; но совѣ-
 ты и убѣжденія отцовскія взволновали его
 гордость. Австрія въ это время при-
 обрѣла почти прежнюю власть свою надъ
 Богеміею, и слѣдовательно, побѣдителями
 могли возвратиться въ нее всѣ изгнан-
 ные за свои мнѣнія и поступки. Зиген-
 дорфъ хотѣлъ стать подъ знамена Импера-
 торскія ; совѣсть еще удержала его. Онъ
 рѣшился, только узнать расположеніе сво-
 его отца къ Австріи и оставилъ дворъ
 Курфирста , перешедшаго на Австрійскую
 сторону. Графъ , по чувству и по убѣжде-
 нію презиравшій происки своего сына ,
 тщетно спарался дѣйствовать на него.
 Такъ прошло три года. Послѣ разныхъ
 бесполезныхъ покушеній обратиться сы-
 на къ чувствамъ чести , Графъ рѣшил-

ся поступить строго и велѣлъ схватить его. Узнавъ объ этомъ, Зигендорфъ переимѣнилъ имя и скрываясь подъ бѣдною одеждою шатался по городамъ Нижней Саксоніи и Помераніи. Здоровье, разсброенное горестью, принудило его наконецъ оспановиться въ Гамбургѣ. Тамъ нанялъ онъ въ предмѣстіи комнапку и лишенный всякой упѣшительной надежды, думалъ, что дѣлать: ждать-ли смерти, или насильно идти къ ней на встрѣчу?

Подлѣ квартиры его жилъ Флорентинецъ, художникъ, занимавшійся дѣланіемъ оптическихъ инструментовъ. Онъ назывался Мичелли и принадлежалъ къ благородной Италіанской фамиліи. Отъ самой юности въ душѣ его горѣла страсть къ наукамъ и механическимъ искусствамъ; но преслѣдованіе, жертвою котораго былъ Галилей, поспигло и его. У Мичелли не было сильныхъ покровителей, защитниковъ отъ недоброжелательства, и онъ принужденъ былъ удалиться изъ отечества и съ единственною дочерью, далеко, на землѣ чуждой, въ работѣ рукъ своихъ искалъ онъ средствъ къ пропитанію. Телескопы были тогда изобрѣненіе новое, дѣлавшее много шуму. Мичелли неуспѣшно занимался усовершенствованіемъ телескоповъ. Но онъ не былъ такъ углубленъ въ свои изысканія, чтобы не оставалось у него времени и желанія благотворить. Онъ замѣтилъ, что молодой иностранецъ, поселив-

пійся подлѣ него, былъ одинокъ и боленъ. Не желая насильно получить его довѣренность, добрый Мичелли не упускалъ только случаевъ изъяслять ему участіе и желаніе поблизиться. Это было совершенно ново для Зигендорфа и имѣло цѣну въ глазахъ его: несчастіе возбудило въ немъ необходимость сочувствія, и гордость его склонилась на нѣкопорыя сношенія съ человѣкомъ, какъ по всему видно было, низшимъ противъ него.

Жозефина, дочь Мичелли, прелестная Италіянка, хотя несовершенно еще развернувшаяся, съ обворожительными чертами лица соединяла выраженіе ясное и тихое. Графъ мало спалъ въ ночь, слѣдовавшую за первымъ свиданіемъ съ Жозефиною, но не понималъ еще, что эта дѣвушка одѣлала на него впечатлѣніе живое. Заперянный въ безпутныхъ удовольствіяхъ, онъ едва чувствовалъ прелесть ангельскаго лица, еще болѣе трогательную простоту поступковъ и невинность нѣжнаго возраста.

Близкое сосѣдство было поводомъ къ небольшимъ услугамъ, которыя образуютъ взаимное расположеніе; но Зигендорфъ не думалъ влюбиться, потому, что въ первый минуту не былъ пораженъ и изумленъ. Привязанность его къ Жозефинѣ непримѣтно возрасла однакожь до того, что онъ спалъ уже чувствовалъ какую-то заботливость о своемъ состояніи. Онъ не могъ, въ награду за великодушное гостепріимство, рѣ-

питья на системапическій планъ обольщенія; но если-бы даже характеръ его и былъ униженъ до такого чувства, не было никакой надежды на успѣхъ. Жозефина, при возвышенномъ образѣ мыслей, въ поступкахъ своихъ показывала столько благородства и скромности, что даже знаки участія и вниманія, иногда изъясняемые или угадываемые, совсѣмъ не могли оживлять надеждой какихъ-нибудь преступныхъ намѣреній. Зигендорфъ не смѣлъ думать, чтобы отецъ его позволялъ ему вступить въ шлоль неравный по званію бракъ, а Мичелли, если-бы и позволялъ жениху на своей дочери молодому, бѣдному человѣку, уважая его личныя достоинства, то конечно не согласился-бы на бракъ, неровный и противный волѣ семейства; и также не выдалъ-бы дочери за человѣка, уже ославленнаго столь невыгодно своимъ поведеніемъ.

Тревожимый спрашью и безпокойствомъ, Зигендорфъ впалъ въ уныніе. Онъ не привыкъ побѣждать своихъ склонностей; ему не приходило въ голову бѣжать, удалиться отъ Жозефины. Всѣ мысли его были устремлены теперѣ на то, какъ приметъ она объявленіе любви, котораго онъ не смѣлъ еще сдѣлать до сихъ поръ. Взоры его стали выразительнѣе: они приводили въ замѣшательство скромную Жозефину. Зигендорфъ ошибался, думая видѣть въ этомъ равнодушіе. Тер-

заемный сомнѣніями и мрачными мыслями, онъ рѣшился наконецъ, узнать все отъ самого Мичелли и прямо предложитъ руку его дочери. Этого человѣкъ, прямой и правдивый, безъ всякаго подозрѣнія выслушалъ своего новаго друга. Онъ повѣрилъ всему, что насаказалъ о себѣ Графъ. Расположеніе старика оказалось выгодно, но хотя онъ жилъ обыкновенно между звѣздами, однакожь все помнилъ еще, что надобно нѣсколько денегъ для жилья на землѣ: это было его первое возраженіе; у Графа готовъ былъ отвѣтъ. Онъ продалъ послѣдніе свои драгоценные камни и отдалъ деньги одному банкиру: сумма, слишкомъ умеренная для знашнаго Богемскаго господина, показалась богатствомъ человѣку, жившему своею дневною работою. Старикъ кончилъ тѣмъ, что надобно спросить Жозефину. Графъ думалъ уже слышать приговоръ ужасный, но заблужденіе его было непродолжительно. Простодушная Жозефина не умѣла притвориться: она изъявила всю силу своей привязанности, и вскорѣ Мичелли выдалъ свою дочь за наследника дома Зигендорфовъ, не зная, что возвышаетъ ее на степенъ, которой поза видовала бы самая честоплюбивая знашная дѣвица. но не зная и того, что осуждаетъ Жозефину на такой жребій, котораго не взяла бы самая бѣдная и незнашная женщина. . .

Прошло шесть лѣтъ, счастливыхъ для Зигендорфа, если-бы душа его была спокойна, если бы онъ не сравнивалъ безпрестанно своего настоящаго состоянія съ шѣмъ, какое потерялъ. У него родился сынъ и въ душѣ усилилось честолюбіе при мысли о будущей судьбѣ этого дитяши.

Послѣ долгой нерѣшимости, наконецъ онъ написалъ къ своему отцу, но представлялъ себя болѣе требоваelemъ правъ, нежели сыномъ, умоляющимъ о милосердіи. Война спрaшно свирѣпствовала въ Германіи. Сообщенія были затруднительны и не скоры; страхъ, чтобы отецъ не выхватилъ его изъ Гамбурга, принудилъ Зигендорфа отправить письмо свое окольными дорогами; но оно оспалось безъ отвѣта.

Безпокойство о будущемъ и движенія честолюбія волновали Зигендорфа и дѣлали характеръ его неровнымъ, ирачнымъ, вспыльчивымъ. Жозефина не могла проникнуть причины и страдала. Она давно уже видѣла несходство въ чувствахъ между собою и мужемъ. Не изслѣдывая причины несогласія сердець, она понимала, хотя не смѣла сказать даже самой себѣ, что соединила свою участь съ человекомъ, котораго нравственный характеръ былъ не похожъ на ея характеръ.

Между шѣмъ Зигендорфъ не могъ болѣе переносить своей горести. Въ минуточку откровенности, онъ высказалъ женѣ и

твѣстію тайну своего имени. Когда прошло удивленіе, произведенное такимъ страннымъ открытіемъ, Жозефина не могла безъ чувства радости подуматъ о блескѣ и величіи, соединенномъ съ совершенною переменною ея судьбы; но это былъ мгновенный порывъ. Она запечалилась, подумавъ, что мужъ въ продолженіе цѣлыхъ шести лѣтъ скрывалъ отъ нея важнѣйшія происшествія своей жизни. Она воображала, что мужъ ея своими личными достоинствами былъ выше своего состоянія, и вдругъ открывала напротивъ, что его характеръ едва-ли соотвѣтствовалъ высокому его роду. Она думала бытъ *сблѣдъ* для своего супруга, но теперь видѣла, что была для него предметомъ не самымъ драгоценнымъ. Обмѣнъ скромной жизни на пышность, когда бы онъ и дѣйствительно исполнился, былъ для нее печальнымъ вознагражденіемъ; а если мужъ ея обманется въ надеждѣ, какой источникъ печали для него отъ союза съ нею!

Безпокойныя размышленія тревожили Жозефину; но что мужъ ея могъ бы помирился съ своимъ семействомъ, отказавшись отъ нее, это не приходило ей на мысль: она не подозрѣвала ни малѣйшей перемены въ чувствахъ Зигендорфа. Къ несчастію, эта мысль прежде всего пришла на умъ Мичелли и онъ былъ такъ неблагоразуменъ, что далъ знать объ ея своему зятю. Онъ еще не про-

никъ въ характеръ Зигендорфа, и потому не зналъ, къ чему способенъ былъ этотъ гордый человекъ; непреклонный и надменный умъ Зигендорфа приходилъ въ волненіе отъ самыхъ дружескихъ совѣтовъ. Слова Мичелли показались ему жестокою укоризною въ поведеніи, за которое уже перзала его собственная совѣсть. Разговоръ принялъ оборотъ непріятный для обоихъ: они распались холодно.

Предавшись одинокимъ размышленіямъ, Зигендорфъ остановился на давнишней своей мысли. Онъ почиталъ невозможнымъ, чтобы отецъ отказалъ ему въ прощеніи, если-бы онъ самъ къ нему явился. Онъ чувствовалъ, послѣ изъясненныхъ сомнѣній, что Мичелли не позволитъ ему удалиться съ такимъ намѣреніемъ; надобно было скрытно исполнить это. Всю ночь провелъ Зигендорфъ, думая о своемъ предпріятіи и къ утру рѣшившись совершенно, оставилъ Гамбургъ, не проспаясь съ Жозефиною.

Не отъѣхавъ и на половину дня пути, онъ уже началъ раскаиваться, воображалъ свою жену въ горести отъ нечаяннаго, непосижимаго отъѣзда и рѣшился писать къ ней. Онъ увѣрялъ ее, что идетъ пасть къ ногамъ отца своего единственно для нее и для ихъ сына; что только имъ хочетъ онъ доставить почетное званіе и состояніе; закликаетъ ее не безпомощься, заботить-

ся о миломъ ихъ дитяти и твердо вѣривъ его неизмѣнной привязанности. Жозефина покорилась жребію. Она съ нѣжностью прижала къ сердцу своего сына и спаралась пролить въ грудь отца своего спокойствіе и надежду.

Чѣмъ болѣе размышлялъ теперь Зигендорфъ о своемъ предпріятіи, тѣмъ болѣе начиналъ въ немъ сомнѣваться. Спупивъ на землю Богеміи, онъ могъ лишиться свободы, потому что вѣрно еще не забыли его преступленій, и если-бы отецъ вздумалъ наказать его жестоко, то оперся бы на власть государственную для усиленія своихъ правъ. Чѣмъ болѣе приближался Зигендорфъ къ цѣли своего путешествія, тѣмъ менѣе былъ увѣренъ въ успѣхъ. Какую могутъ дать цѣну его обѣщаніямъ, послѣ прошедшаго его поведенія? Какъ можешь онъ льститься надеждою, что отецъ забудеть его вины и возвратитъ ему свою нѣжность, если онъ съ своей стороны не пожертвуетъ ему супружесвомъ, которое, безъ сомнѣнія, почти несообразнымъ?

Война, опустошавшая тогда Германію, дѣлала путешествія опасными. Зигендорфъ просилъ своего отца отвѣчать письмомъ въ одинъ изъ городовъ, бывшихъ на пути. Имя подписано было вымышленное, и онъ почти не надѣялся, чтобы письмо дошло къ его отцу и еще менѣе чтобы отецъ сталъ отвѣчать на

него. Напротивъ, къ величайшему своему удовольствію, нашелъ онъ на почтѣ письмо, давно его ожидавшее. Оно было писано изъ лагерь, отъ стараго Графа, которъй извѣлялъ удивленіе, что сынъ его долго молчалъ о дѣлѣ, важномъ по его словамъ; отецъ готовъ былъ возвратишь ему всю прежнюю любовь, если онъ окажется достойнымъ ея; но строго запрещалъ ему являться къ себѣ безъ доказательствъ исправленія дѣйствительнаго и надежнаго. Впрочемъ готовъ былъ доставишь всѣ необходимыя денежныя пособія.

Зигендорфъ отъ совершеннаго унынія перешелъ къ полной увѣренности. Ему казалось, что онъ могъ бышь твердо увѣренъ въ успѣхъ при первомъ свиданіи съ отцомъ, полагаясь на письмо его. Готчасъ отвѣчалъ онъ отцу, желая засвидѣтельствовати свою покорность, свое доброе расположеніе, увѣдомлялъ, что онъ уже супругъ и отецъ, говорилъ о фамиліи Жозефины, какъ о почепной по званію, которое занимали ея предки, и описывалъ ея качества, привязавшія его всею силою любви. Онъ объявлялъ, что будетъ продолжать свой путь до Касселя, и тамъ остановишья, ожидая новыхъ приказаній отца.

Обвороженный надеждами, поспѣшилъ онъ увѣдомишь Жозефину обо всемъ, что льстило имъ въ будущемъ. Онъ такъ былъ увѣренъ въ добромъ расположеніи своего

отца, что взял у Гамбургскаго банкира сумму денег, назначенную имъ для жены и сына.

Гордость, честолюбіе, спрассть къ удовольствіямъ, долго подавляемья въ сердцѣ Зигендорфа тяжестью необходимости, снова вспыхнули при этомъ случаѣ съ необыкновенною силою. Онъ почувствовалъ нужду въ блескѣ и наслажденіяхъ, забытыхъ имъ въ новомъ положеніи его. Едва успѣлъ онъ показаться въ Кассель, какъ былъ уже признанъ молодыми людьми одного съ нимъ возраста и званія. Когда увидѣли, что онъ тратитъ много денегъ, всѣ подумали, что отецъ простилъ его: опять былъ онъ окруженъ льстецами, товарищами въ буйствахъ и пирахъ, и увлеченный примѣромъ, снова предался всѣмъ распутствамъ. Онъ не уважилъ предосторожности, принятой имъ и подтвержденной письмомъ отца, скрывать свое настоящее имя, пока погрѣшности его не будутъ забыты. Правда, онъ не принялъ опять имени и званія Зигендорфа, но далъ знать о нихъ, и посѣщая общества, гдѣ первымъ условіемъ было званіе, явно показывалъ, что принадлежитъ къ высокому дворянству.

Три мѣсяца прошло въ излишествахъ, для которыхъ онъ находилъ себѣ множество извиненій. Твердо общая самому себѣ, что это были послѣднія его дурачества и что получивъ прощеніе родителей,

онъ сдѣлаешя примѣромъ добраго поведе-
 нія, Зигендорфъ начиналъ уже думать, до-
 шло-ли письмо его къ опцу, когда вдругъ
 получилъ отвѣтъ, адресованной прямо на
 его имя, изъ Праги. Опець зналъ, какъ
 вель онъ себя въ Кассель, зналъ, что не
 уважая его непремѣннаго приказанія, онъ
 далъ знать о своемъ имени и безславилъ его.
 Снова запрещаая ему входить въ Богемію
 и особенно являться къ себѣ, старый
 Графъ оканчивалъ пѣмъ, что если онъ
 дастъ отвѣтъ за себя и за жену свою оп-
 казаться отъ всѣхъ сношеній съ малень-
 кимъ Конрадомъ, ихъ сыномъ, Графъ возьметъ
 Конрада къ себѣ и передастъ ему всѣ свои
 достоинства и богатства. Это письмо
 произвело на Зигендорфа удивительное
 дѣйствіе. Онъ почелъ себя обманутымъ,
 униженнымъ. Опець казался ему неспра-
 ведливымъ, предубѣжденнымъ, а въ сердцѣ
 у него родилась истинная къ нему нена-
 висть. Умъ его помутился, сердце было
 убито и въ продолженіе шестипи недѣль
 онъ не могъ никуда писать. Тутъ, вдругъ
 оставилъ онъ Кассель и увѣдомил Жозе-
 фину, чтобы она выѣхала къ нему на
 встрѣчу изъ Гамбурга. Зигендорфъ рѣшил-
 ся отдать Конрада, потому что на-
 сполцій жребій казался ему несноснымъ:
 онъ не могъ приучить себя къ мысли,
 что ему суждено навсегда оспаться въ
 томъ ничтожномъ сословіи, къ какому
 принуждали его обстоятельства. Ему гро-

зило имя Штраленгейма, ближайшаго родственника Зигендорфовъ, къ которому должны были перейти все ихъ имѣніе и имѣніе, если опцу его не будетъ опданъ маленькій Конрадъ. Но согласился-ли Жозефина на такую жестокою необходимость? Между тѣмъ распочена была большая часть послѣдняго ихъ состоянія, состоявшаго въ деньгахъ, взятыхъ опъ Гамбургскаго банкира. Мысль, опдаться въ покровительство Мичелли, жить по его милости, была для Зигендорфа нестерпима; еще болѣе ужасался онъ бытъ принужденнымъ доставать пропитаніе трудами своими и Жозефинъ. Со всехъ сторонъ видѣлъ онъ бѣдствіе. Но и среди сихъ мрачныхъ размышленій гордость заглушила въ немъ все чувства. Онъ готовился передать Жозефинъ свои намѣренія, какъ непремѣнные, неизмѣняемые приказы.

При первомъ взглядѣ на нее Зигендорфъ понималъ, какое несчастіе она испытала. Жозефина была въ глубокомъ праурѣ. Опецъ ея умеръ, какъ жилъ, въ мирѣ съ Богомъ и самимъ собою. Онъ завѣщавъ своему зятю все, что могъ оставить по ещѣ, свою дочь, прощеніе и благословеніе. Смерть Мичелли чувствительное опечалила Зигендорфа; онъ укорялъ себя въ вознаградимыхъ противъ него проступкахъ.

Жозефина употребила все средства успокоить, утѣшить своего мужа. Она

и мало, не ужасалась разлуки съ Конра-
томъ, и напротивъ старалась предска-
зать мужу своему въ благопріятномъ ви-
дѣ будущую судьбу сына. Жребій осу-
ждалъ ихъ разлучиться съ нимъ, но и въ
оптаденія они не менѣе могли любить его.
Блестящія надежды, о кошорыхъ Зиген-
дорфъ шакъ часто говаривалъ ей, сбудут-
ся на миломъ ихъ сынѣ, а для него она
готова пожертвовать всѣми наслажденіа-
ми, какія льстилась имѣть при его воспи-
таніи. Зигендорфъ слушалъ ее и молчалъ.
Онъ не могъ рѣшиться на отказъ оцѣ по-
то, что еще называлъ *своими правами*, не
могъ, даже для сына своего. Эгоизмъ его
пропивидся этому отрѣченію, хошя Жо-
зефина была совершенно согласна; но она
начала ясно видѣть, что прежде поль-
то подозрѣвала, то есть, что Зигендорфъ
не былъ одаренъ великодушіемъ, повелѣ-
вающимъ жертвовать собою для счастья
милыхъ сердцу. Она старалась скрыть
отъ самой себя, сохранить въ глубинѣ
души печальное открытіе, и соединила
всѣ свои силы пропивъ горестныхъ ощу-
щеній, какія внушало ей поведеніе мужа.
Дѣло было рѣшено и восьмилѣтняго Конра-
да передали его дѣду.

Графъ Зигендорфъ былъ чрезвычайно
почень въ исполненіи своихъ обѣщаній:
принялъ внука, утвердилъ права его и на-
чалъ пересылать къ сыну деньги, необхо-
димыя для самаго скромнаго содержанія.

Распочашъ было нѣчего ; оставалось жить умеренно и въ тихомъ уединеніи. Мужество, поспоянство характера и тихая веселость Жозефины могли-бы вознаградить мужа ея за всѣ горести, если-бы онъ былъ въ мирѣ съ самимъ собою ; но печаль не оставляла его : въ минушы грусти онъ размышлялъ о дняхъ юности, когда, окруженный льстецами и похвалителями, онъ встрѣчалъ на пути своемъ наслажденія и почести. Онъ не могъ утѣшиться, видя себя осужденнымъ на ничтожество : мучительная меланхолія свѣдала его. Жозефина занималась воспитаніемъ Марцеллина, другаго сына ихъ, который разцвѣпалъ самымъ счастливымъ образомъ и радовалъ мать свою ; но, по странности или развращенію характера, Зигендорфъ не любилъ этого ребенка такъ, какъ Конрада. Онъ началъ писать свое воображеніе преступными надеждами. Предположеніе о смерти отца волновало его душу. Онъ представлялъ себѣ, можно-ли будетъ ему пропавшимъ правамъ собственнаго сына. Графъ былъ уже очень старъ и никогда не наслаждался полнымъ здоровьемъ ; одна минута могла измѣнить весь порядокъ дѣла, но прошли годы, а эта минута не наступала. Если-бы Конрадъ достигъ совершеннаго возраста прежде смерти своего дѣда, Зигендорфъ былъ-бы совершенно лишенъ надежды обладать имѣніемъ.

рочемъ, онъ не зналъ: живъ-ли Конрадъ, шя Графъ обѣщала извѣстить вслучаѣ смерти, и Зигендорфъ полагалъ, что ирядъ живъ. Тревожимый преступными мыслями честолюбія и гордости, онъ не въль сознашья самому себѣ въ своихъ дѣлахъ.

Къ числу горестныхъ обстоятельствъ, послѣдніе годы пребыванія Зигендорфа въ Гамбургъ, присовокупилось и то, что Баронъ Шпраленгеймъ поселился въ Гамбургъ и, сосѣдствъ близъ него. Зигендорфъ полагалъ навѣрное, что Шпраленгейму поручено наблюдать за его поведеніемъ и носить ошцу. Этошъ человекъ, и безъ юго непріяшнѣй для него, пошому что имѣлъ права на наследственное его имѣніе, шеперь заслуживалъ въ глазахъ его ненависть, какъ подлый шпіонъ. Шпраленгеймъ былъ большой флегматикъ, проделавъ половину своей жизни на службѣ, не ричаясь ни талантами, ни честолюбіемъ. По дѣламъ, онъ долженъ былъ жить въ Гамбургъ, и Графъ дѣйствительно получилъ ему надсмотрывать за своимъ сыномъ и наблюдать за всеми его поступками.

Личная польза заставляла Шпраленгейма прошивиться примиренію и слѣдовательно не располагала его уменьшать проступковъ Зигендорфа; принятіе Конрада наследникомъ было для Шпраленгейма жестокимъ ударомъ, разстроивавшимъ

всѣ его честнлюбивыя замысли; но онъ отъ нихъ не отказался, и съ тайною горестью отъ нечаяннаго примиренія дѣда съ внукомъ, похищавшаго у него богатое состояніе, рѣшился ожидать терпѣливо отъ времени и обстоятельствъ какого нибудь счастливаго переворота.

Двѣнадцать лѣтъ прошло послѣ отъѣзда Конрада и во все это время годовая присылка денегъ производилась весьма исправно. Но Зигендорфъ никакъ не могъ приучиться къ экономіи, не смотря на примѣръ и старанія Жозефины, и все еще полагая что какъ нибудь ему удастся увеличить свой доходъ по смерти отца, онъ не сберегалъ ничего: деньги издерживались въ тоже время какъ онъ получалъ ихъ. Вдругъ присылка денегъ прекратилась. Развѣ умеръ отецъ его? Нѣтъ: приказаніе не посылать болѣе денегъ было подписано его рукою. Ужасная будущность, быть нищимъ, привела Зигендорфа въ такое сильное движеніе, что онъ сдѣлался жестоко боленъ и былъ при дверяхъ гроба. Крѣпкое сложеніе спасло его однакожь отъ смерти: онъ выздоровѣлъ, но тѣмъ болѣе могъ понимать во всемъ пространствѣ великоестъ своихъ бѣдствій.

Жозефина, всегда соединяя скромность съ твердостью духа, не пренебрегла послѣдняго средства, имъ остававшагося: испытать, что произведетъ на свекра ея трогательное и вѣрное изложеніе ихъ

блудный. Мужъ ея никакимъ новымъ про-
свѣтникомъ не заслуживалъ спросогнати отца
своего; на мнѣніе Графа могла дѣйство-
вать клевета: несправедливые наговоры
враговъ усугубить, можетъ быть, пове-
денію опитровленному и ночпительному.
Жозефина рѣшилась. Съ чувствомъ врож-
деннаго ей благородства характера, оп-
давшись совершенно глубокому чувству
супруги и матери, она написала во время
бодрости мужа къ своему свекру и къ сыну.

Присылка денегъ, полученная послѣ се-
го письма во время выздоровленія Зиген-
дорфа, блеснула для него лучемъ надежды,
но мрачная задумчивость всегда оспыла-
лась съ нимъ и упадокъ духа дѣлалъ его не-
способнымъ ни къ какому прошивобор-
ству ея несчастіемъ.

Однажды вечеромъ, когда по обыкно-
венію своему прусино сидѣлъ онъ въ длин-
ныхъ креслахъ, придвинутыхъ къ камину,
въ ближней комнатѣ послышался не-
знакомый голосъ, и вдругъ вошелъ Испа-
ліянецъ Жюліо, спаривный знакомый Ми-
челли, жившій въ домѣ Барона Шпрален-
гейма. По этому, Зигендорфъ подозрѣвалъ
уже Испаліянца въ шпионствѣ. Первый
взглядъ на него произвелъ въ Зигендорфѣ
непріятное ощущеніе, но Испаліянецъ
пришелъ спросить у Жозефины: не зака-
жетъ-ли она что нибудь въ Испалію, куда
онъ вскорѣ отправляется. Жозефина спра-
шивала у Жюліо о причинѣ ошѣзда. Онъ

оповѣчалъ, что Баронъ Шпраленгеймъ отпустилъ или перемѣнилъ всѣхъ при немъ бывшихъ людей и собирается въ далекое путешествіе. «Онъ ѣдетъ въ Прагу,» продолжалъ Жюліо, «для полученія богатнаго наслѣдства послѣ какого-то Графа Зигендорфа. Тушь, вѣроятно, встрѣтишься ему еще много затрудненій: у Графа былъ сынъ, котораго онъ лишилъ наслѣдства и теперь еще естъ вѣнукъ, называющій себя законнымъ наслѣдникомъ; но Баронъ опровергаетъ это и хочетъ употребить въ свою пользу: сильное вліаніе, какое онъ самъ и родня его имѣютъ на Богемское дворянство.»

Какая неожиданность для Зигендорфа и Жозефины! Здоровье его было еще весьма слабо; для пропитанія своего онъ едва не доведенъ былъ въ крайности просить милостыни; умирающій отецъ не снялъ съ головы его проклятія, и почти въ послѣдніе дни свои подписалъ актъ, лишавшій его всѣхъ средствъ существовать. Но что сдѣлалось съ Конрадомъ? Для чего, по смерти дѣда, онъ не посѣщилъ въ своимъ родителямъ? Или онъ сдѣлался жертвою умысловъ Шпраленгейма? Или онъ безопасенъ и занимается только правами на жительство, которое хотятъ вырвать изъ рукъ его? Во всякомъ случаѣ, если надобно было утвердить права Конрада, ничто такъ не было необходимо, какъ присутствіе его родителей въ Богеміи: ихъ свадебный кон-

трактиръ, депривеская запись о рожденіи Конрада не оставляли никакого сомнѣнія въ его законномъ рожденіи. Жюліо совершенно утвердилъ свое извѣстіе о смерти Графа подробностями, какія слышалъ отъ самого секрешаря Баронскаго, а ему извѣстны были всѣ сношенія Барона съ Прагою.

Зигендоръ ясно увидѣлъ изъ удивленія Жюліо, послѣ онккровенныхъ изъясненій, что Жюліо не былъ замѣшанъ ни въ какой шпіонскій умыселъ противъ него. Могло бытъ даже, что и Шпрагенгеймъ не зналъ о пребываніи соперника въ одномъ съ нимъ городѣ, и въ такомъ случаѣ весьма важно было, чтобы онъ не узналъ этого въ самое рѣшительное время. Жюліо убѣдительно просили взять всѣ предосторожности для сохраненія тайны. Послѣ того спали думашь о немедленномъ путешествіи. Тогда-то Зигендоръ пожалѣлъ о безразсудствѣ, съ какимъ распочалъ онъ небольшой доходъ свой, который теперь казался ему драгоценнымъ. Больной, бѣдный, онъ долженъ былъ для необходимыхъ дорожныхъ издержекъ продать всю небогатую свою мебель и хозяйство. Жюліо сдѣлалъ это попихоньку. Все продали за безцѣнокъ, но суммы по расчету могло достать на дорогу до Богеміи, если вѣхать съ величайшею бережливостію. Огнѣздъ рѣшенъ, и едва здоровье

Зигендорфъ позволило, онъ и Жозефина отправились въ дорогу.

Зигендорфъ думалъ, что въ смутныхъ обстоятельствахъ, какія война все еще производима въ Германіи, безопасно сдѣлать объездъ на Силезію; державшую почти ту-же сторону, за которую спорили Богемцы. Такъ и сдѣланъ былъ планъ путешествія.

Но Шпраленгеймъ не выпускалъ своего врага изъ виду. Онъ зналъ всѣ подробности его распоряженій: Жюліо былъ отъ него подосланъ. Объездъ Зигендорфа изъ Гамбурга порадовалъ Шпраленгейма. Здѣсь онъ не виѣлъ силы уничтожить сопротивление своего соперника и особенно лишить его свободы; но это легко было сдѣлать въ какомъ нибудь маленькомъ городѣ, черезъ который будетъ проѣзжать Зигендорфъ. Особенно въ Бранденбургскихъ владѣніяхъ легко могъ Шпраленгеймъ основать своего пропивника. Военный, важный санъ его и деньги, которыхъ онъ не хотѣлъ жалѣть въ семь случаевъ, обещали ему несомнительный успѣхъ.

Замѣшивъ, какъ разспрашивали и осматривали его при ѣздѣ во многіе города, Зигендорфъ началъ опасаться, не слѣдуютъ ли и не преслѣдуютъ ли его. Онъ вдругъ перемѣнилъ дорогу, взявъ путь черезъ лѣса, въ сторону, желая лучше продлить свое путешествіе нѣсколькими днями, нежели подвергнуться шпионству, которое

могло имѣть опасныя слѣдствія. Онъ назвался *Крайцнеромъ*, и подь симъ ложнымъ именемъ надѣялся укрыться отъ преслѣдовавшей; но здоровье его не вынесло трудностей пупи, самая надежда исчезла отъ него и онъ принужденъ былъ остановиться въ небольшомъ городкѣ М. — Здѣсь управитель Князя Т. замѣтилъ крайность бѣднаго путешественника семейства и предложилъ ему кварширу въ одномъ изъ флигелей дворца Княжескаго, съ давняго времени необитаемаго Княземъ.

Баронъ потерялъ слѣдъ Зигендорфа и приѣхавъ во Франкфуртъ на Одеръ, не могъ понять, что съ нимъ случилось и куда могъ онъ укрыться, преслѣдуемый болѣзною часью дороги. Баронъ чувствовалъ, что съ достиженіемъ противника въ Богемію замыслы его могли совершенно разрушиться, и даже самъ Зигендорфъ, не только что сынъ его, безъ большихъ затрудненій могъ получить наслѣдство. Штраленгеймъ писалъ, разсылавъ сыщиковъ во всѣ стороны, и рѣшился дожидаться дальнѣйшихъ слѣдствій во Франкфуртъ.

Вскорѣ получилъ онъ извѣстія, хотя не совсѣмъ удовлетворительныя, но ясно показывавшія, что Зигендорфъ не можетъ быть далеко отъ Франкфурта, и вѣроятно остановился гдѣ нибудь отдохнуть по причинѣ слабаго, разстроенаго здоровья. Баронъ сдѣлалъ хитрый планъ, какъ задержать Зигендорфа и самъ пустился

въ дорогу, не теряя времени. Время было неудобное для путешествія: рѣки разлились опъ сильной оппепели; многіе мосты на рѣкахъ снесло. На дорогѣ встрѣнился Барону весьма сомнительный бродъ черезъ рѣку. Почталіоны не хотѣли пускачься, но Баронъ настоялъ и обшцалъ двойную плату за скорый переѣздъ. Рѣшились, поѣхали, и сильныя лошади, не смотря на быспроту печенія, провезли карешу благополучно, шолько при вѣздѣ на другой берегъ сбились съ мѣста: берегъ былъ крушой, повернуть было нѣкуда: бросившись на берегъ, лошади попятились, кареша опрокинулась и всѣ предпріятія Барона могли погибнуть съ нимъ вмѣстѣ.

Два незнакомца, вбродъ переѣхавшіе рѣку, бросились въ воду, едва шолько завидѣли гибельное состояніе путешественника. Баронъ успѣлъ опворить дверцы карешы, но не умѣя плавать, бился на водѣ и вскорѣ погибъ-бы безъ неожиданной помощи незнакомцовъ. Его почти безъ чувствъ вытащили изъ воды, перенесли въ ближній домъ и забошались объ его здоровьѣ. Оправясь отъ испуга, Баронъ благодарилъ своихъ спасителей, также какъ онъ безразсудно пускавшихъ въ бродъ черезъ рѣку и жертвовавшихъ жизнью для спасенія его. Одинъ изъ нихъ сказался Венгерцомъ, другой Саксонцомъ. Оба казались людьми выше простаго народа. Баронъ не сомнѣвался, что-бы избавители его не

были Австрійцы, и изъ предосторожности скрылъ свое Богемское происхожденіе. Благодаря за помощь, онъ предложилъ обоимъ незнакомцамъ ѣхать вмѣстѣ, въ его каретѣ: дорога была имъ всѣмъ одна. Послѣ нѣсколькихъ опговорокъ незнакомцы согласились. Но неудачная переправа черезъ рѣку произвела въ Баронѣ лихорадочный припадокъ. Ему надобно было гдѣ нибудь опдохнуть. Разспрашивая у жителей, онъ узналъ, что вблизи есть замокъ Князя Т., гдѣ самъ Князь давно не живетъ. Онъ былъ нѣкогда знакомъ Барону, по крайней мѣрѣ столько, что Баронъ могъ надѣяться хорошаго пріема отъ управителя Княжескаго. И такъ, нечаянный случай приводилъ его въ то самое мѣсто, гдѣ скрылся человекъ, котораго онъ искалъ и преслѣдовалъ повсюду. Вообразите волненіе чувствъ Зигендорфа, когда маленькій его Марцеллинъ прибѣжалъ къ нему и рассказывалъ, что знатный баринъ прибѣжалъ въ замокъ, въ большой каретѣ, запряженной шестью лошадьми и что этакъ баринъ — Баронъ Шпраленгеймъ! Зигендорфъ не могъ случаю приписать такой неожиданной встрѣчи и не сомнѣвался болѣе, что его преслѣдовали и опкрыли. Явно было, что для избѣжанія отъ рукъ врага оставалось одно средство: бѣжать немедленно, пѣшкомъ, не смотря на слабость, дурное время и совершенную нищету. Среди сомнѣній и безпокойствъ, въ какія

повергло Зигендорфа такое несчастное состояніе, онъ видитъ своего Марцеллина: ребенокъ хотѣлъ спать и пришелъ простиниться съ отцомъ своимъ. Мысль, что можете быть въ послѣдній разъ прижимаетъ онъ Марцеллина къ груди своей, произвела такое сильное чувство, какого Зигендорфъ не испытывалъ съ давняго времени. Жозефина увела Марцеллина и не входила въ комнату. Она привыкла не провожать своего супруга и не хотѣла проникать его тайныхъ помышлений, когда онъ не открывалъ ихъ самъ. Она хотѣла также сперва усыпить Марцеллина, и потомъ поговорить съ супругомъ своимъ о томъ, что дѣлать въ ихъ отчаянномъ положеніи.

Едва уснулъ Марцеллинъ, какъ Зигендорфъ ушелъ въ садъ. Мѣсяць ярко свѣтилъ: только онъ одинъ былъ свидѣтелемъ предпріятія Зигендорфа. Ввѣрь дулъ сырой и холодный. Зигендорфъ шелъ скорыми шагами, самъ не зная куда идетъ. Но едва прошелъ онъ четверть мили по дорожкѣ черезъ лѣсъ, какъ увидѣлъ, что рѣка зашопила всю окрестность, и что здѣсь не лѣзя было ему пройти. Онъ повернулъ назадъ, пошелъ околицею, но не возможно было миновать замка Княжескаго. Приближаясь снова къ замку, Зигендорфъ встрѣтилъ нѣсколько праздныхъ жишелей, разговаривавшихъ между собою о праздникѣ, которымъ Баронъ Шпраленгеймъ хотѣлъ

ознаменованіе для всѣхъ жителей свое из-
бавленіе. Подлѣ самаго замка, кпо-то гру-
бо толкнулъ Зигендорфа. Онъ узналъ го-
родоваго прокурора Иденштейна, остано-
вился и тихо спросилъ: развѣ Г-нъ проку-
роръ его не знаетъ? — »Въ томъ-то и дѣло!«
отвѣчалъ Иденштейнъ, »мнѣ надобно знать,
кто васъ знаетъ!« Зигендорфъ замѣтилъ,
что Иденштейнъ былъ уже въ полпьяна,
и почелъ неблагоразуміемъ вступаться за
его дерзость. Онъ продолжалъ путь свой,
но Иденштейнъ не отспавалъ отъ него и
только что поравнялись они съ воротами
замка, прокуроръ схватилъ Зигендорфа за
руку и громко закричалъ: »Отвѣчайте не-
медленно на мой вопросъ!«

— Какой вопросъ? сказалъ вспылчи-
во Зигендорфъ.

»Не вы-ли попъ человекъ, котораго
ищеть Баронъ Шпраленгеймъ?«

Видъ и слова Иденштейна показывали,
что онъ хотѣлъ схватить Зигендорфа.
Уцѣпившись за ворота прокурора и со-
бравъ всѣ силы, Зигендорфъ согнулъ его и
кинулъ на землю; попомъ бросился опро-
мешью въ замокъ, но не успѣлъ еще запереть
дверей, какъ увидѣлъ, что изъ замка
выбѣжало нѣсколько человекъ; между ними
былъ и управитель.

Приходъ Зигендорфа ужаснулъ Жозе-
фину еще болѣе, нежели его отсутствіе.
Едва успѣлъ онъ въ несвязныхъ сло-
вахъ объяснить ей, что случилось

съ нимъ, какъ они услышали, что дверь на улицу опворилась и множество голосовъ громкихъ и сердитыхъ раздалось на улицѣ. Въ бѣшенствѣ схватилъ Зигендорфъ ножъ, лежавшій на столѣ; Жозефина заклинала его спастись, пока не пришли люди. Послѣ минуты нервности, онъ бросился въ дверь, бывшую напротивъ шой, въ которую вошелъ.

Управитель и Иденштейнъ вмѣстѣ вошли въ комнату. Оба они были пьяны. Жозефина, за минуту чувствовавшая въ себѣ бодрость противостать многочисленной толпѣ народа, едва не лишилась чувствъ при видѣ сихъ грубыхъ людей. Она оправилась однакожь, когда увидѣла, что хопя управитель былъ не вовсе презвъ, но не совсѣмъ и пьянъ, и что намѣреніе, съ какимъ онъ явился къ нимъ, было примиреніе Г-на Крюйцнера съ Иденштейномъ. Жозефина жалѣла, что супругъ ея въ гнѣвѣ вышелъ изъ себя и скрылся, но поздно было звать его. Она приняла двухъ гостей своихъ, какъ могла ласковѣе, успокоила ихъ и уговорила спокойно удалиться. Тогда поспѣшила она успокоить своего супруга. Съ лампадкой въ рукахъ, Жозефина пробѣжала по всѣмъ комнатамъ флигеля, опведеннаго имъ для жишья: нигдѣ и никто ей не встрѣчался; всѣ двери были однакожь заперты, но опворенное окно привлекло ея вниманіе: она не могла вспомнить, заперла-ли его по сво-

ему обыкновенію при наступленіи ночи. Желая узнатьъ вышиину окна отъ земли, она выглянула въ него и ужаснулась, сообразивъ по всѣмъ вѣроятностямъ, что супругъ ея бросился въ это окно. Жестокое волненіе чувствъ, въ какомъ онъ былъ, ярость, съ какою слышалъ онъ приходъ двухъ преслѣдователей, наконецъ, состояніе ума, близкое почти къ сумасшествію и замѣченное Жозефиною въ то время, когда, съ ножомъ въ рукахъ, супругъ ея бросился изъ комнаты, все заставляло ее страшиться послѣдняго несчастія! Едва дотронулась она до постельки своего Марцеллина и упала безъ чувствъ. Ребенокъ, пробужденный рыданіями матери, подумавъ, что она спитъ и самъ опять заснулъ. Безчувствіе Жозефины продолжалось долго. Но она слышитъ, что кто-то называетъ ее по имени: чувства ея ожили. Раскрывъ глаза, Жозефина увидѣла своего супруга, при свѣтѣ лампадки, почти угасавшей. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть. Въ одной рукѣ онъ держалъ еще ножъ, причинившій столько горести Жозефинѣ; другая рука его была спрятана въ плащъ. Приблизившись къ своей супругѣ, онъ тихо обнялъ ее и дрожащимъ голосомъ разсказалъ ей непредвидѣнное приключеніе.

Избѣгая насилія и кровопролитія, Загендорфъ убѣжалъ въ крайнюю комнату

Ч. XIV. No 6. 6

Флигеля. Тамъ, прислонясь къ стѣнѣ, онъ рѣшился прямо сказать, первому, кто осмѣлился возложитъ на него руку, что онъ зарѣжетъ его. Сильно опершись на стѣну, Зигендорфъ почувствовалъ, что стѣна уступаетъ его рукѣ и понялъ, что допронулся до какой нибудь пружинки. Въ самомъ дѣлѣ, въ стѣнѣ отворилась маленькая дверь. Не колеблясь ни минуты, онъ воспользовался тайнымъ убѣжищемъ и заперъ дверь за собою. Тогда очутился онъ въ совершенной темнотѣ, но проспирывая руки, ощупалъ, что находится въ узкой галлерей или корридорѣ и идетъ по коври. Долго шель онъ этимъ корридоромъ, слышалъ смѣшанные звуки музыки и голосовъ, и полагалъ, что былъ пропивъ залы, гдѣ пировали гости Шпраленгейма. Онъ продолжалъ идти до самаго конца корридора; здѣсь ощупалъ дверь, точно такую, какъ та, которою онъ вошелъ въ сей корридоръ, и тогда увидѣлъ, что тайный корридоръ сей сдѣланъ былъ въ стѣнѣ, для скрытнаго сообщенія между Флигелями и главнымъ корпусомъ замка.

Ручка, которою дверь отпиралась, была въ корридорѣ. Зигендорфъ слушалъ, не слышалъ ничего, и осмѣлился тихонько надавить ручку двери. Дверь отворилась и — Зигендорфъ вошелъ въ ту самую комнату, гдѣ жилъ теперь Баронъ Шпраленгеймъ!

Съ одной стороны находилась темъ красота съ бархатными занавѣсами, убранными серебряною бахромою и оприминыи багдахиномъ, съ другой открывался конторка. Нѣсколько свѣчь освѣщали комнату; множество бумагъ и раскрытыя писема разбросано было на конторкѣ и на столахъ; овертки съ золотыми деньгами лежали въ створкахъ и — самъ Баронъ спалъ въ креслѣномъ, въ креслахъ, противъ каминъ. Одинаясь отъ изумленія, Зигендорфъ почувствовалъ сильное желаніе избавить себя навсегда отъ преслѣдованій и опасностей. Если основаній добродѣтели, утверждающихъ благородство нашихъ поступковъ, не было въ его сердца, по крайней мѣрѣ, онъ наследовалъ отъ отца и сохранилъ отъ первыхъ впечатлѣній юности, благодарное обращеніе отъ всѣхъ низкихъ поминаний. Онъ задрожалъ, взглянувъ на свой ножъ. Но приходила-ль ему когда нибудь въ голову мысль, что онъ рѣшился украсить что нибудь чужое? Отчаяніе было въ груди его, голова горѣла, гибель ожидала его: передъ нимъ была жестокий врагъ его, человекъ жадный, обладавшій большимъ имѣніемъ и притомъ еще хотѣвшій безчеловѣчно испоргнуть права его на законное наследство. Наконецъ, Зигендорфъ доведенъ былъ до крайней нищеты; у него не было никакого средства продолжать дорогу и поддержать бытіе семейства. Случай неожиданный давалъ ему средства спасти себя, жену, сына; ему по-

казалось, что она будетъ даже виновна, когда пренебрежетъ свой случай. Еще минуту колебался Зигендорфъ, тихо подошелъ къ золоту, протянулъ руку... вдругъ Шпраленгеймъ пошевелился. Какъ безумный, Зигендорфъ поднялъ ножъ свой... но, Баронъ не проснулся, отворотилъ только голову отъ огня и крѣпкій сонъ снова овладѣлъ имъ. Прислушавшись, что Баронъ крѣпко спитъ, Зигендорфъ поспѣшно схватилъ ближайшій къ нему свертокъ золота, ушелъ въ корридоръ, заперъ дверь и епѣшилъ дрожащимъ голосомъ, какъ помѣшанный, и съ невольнымъ трепетомъ, разсказать Жозефинѣ все, что видѣлъ и чувствовалъ. Онъ поднялъ руки къ небу и благодарилъ Бога, что Онъ сохранилъ его душу отъ убійства.

Какое открытіе для горестной Жозефины! Она всегда скрывала въ глубинѣ сердца оскорбительныя подозрѣнія о несчастномъ характерѣ своего супруга, не хотѣла самой себя признавать, что у него нѣтъ никакихъ основныхъ правилъ, что онъ падалъ предъ каждымъ искушеніемъ и что преступленія его сопровождались только мгновеннымъ безплоднымъ раскаяніемъ. Онъ постепенно жертвовалъ буйству спрашей своимъ ошцомъ, своею супругою, своею честію, по крайней мѣрѣ, пѣмъ внупреннымъ чувствомъ, которое составляетъ основаніе почтенія къ самому себѣ,

безъ какого-нибудь вѣща. И что удержало его отъ убійства беззащитнаго врага?

Всѣ сѣи мысли вдругъ представились въ умъ Жозефинѣ; но она мужественно удалила ихъ, какъ бесполезно раздражившя ея душу. Надобно было немедленно подумать о томъ, къ чему годилось золото, несправедливо приобретенное Зигендорфомъ. Не лѣзя было употребить его на заплату долговъ въ городкѣ М. Ихъ бѣдность была всѣмъ извѣстна, и если-бы увидѣли золото въ рукахъ ихъ, послѣ открытія воровства, которое, вѣроятно, произведетъ большой шумъ, подозрѣніе всего скорѣе могло упасть на нихъ.

Иденштейнъ, прокуроръ мѣстечка, былъ человѣкъ хитрый и съ весьма дурною славою. Увидя иностранцевъ, по обращенію людей высшаго общества, но въ явной бѣдности, онъ тотчасъ составилъ на нихъ свои расчеты. Полагая, что ихъ преслѣдуетъ какой-нибудь сильный непріятель, Иденштейнъ спалъ наблюдать за ними, рѣшась продать ихъ, когда найдетъ свои выгоды. Онъ старался обласкать ихъ, вбить въ нихъ довѣренность и даже ссудилъ имъ немного денегъ, чтобы при случаѣ имѣть легкій способъ остановить и задержать ихъ.

Еще болѣе низкія чувства руководствовали поступками управителя, когда

онъ пригласилъ Крюйцнера и семейство его занять комнаты въ замкѣ. Прибытіе ихъ въ гостиницу городка сдѣлало движеніе въ любопытныхъ. Управитель думалъ, что незнакомые принадлежатъ къ знатнѣйшему дворянству и по политическимъ обстоятельствамъ должны скрываться. Видъ Жозефины сдѣлалъ сильное впечатлѣніе на его грубыя чувства. Видя разстроенное здоровье мужа, онъ почиталъ уже Жозефину почти вдовою, думалъ, что въ замкѣ онъ будетъ имѣть ее въ своей власти; но въ случаѣ неудачи, мечталъ, по крайней мѣрѣ, о доброй наградѣ, отдавъ гостей своихъ первому, кто хорошо за нихъ заплашитъ.

Зигендорфъ и супруга его провели остатокъ ночи въ безнадежномъ размышленіи о бѣдствіяхъ, опасностяхъ имъ угрожавшихъ и невозможности сдѣлать какое нибудь употребленіе изъ похищенныхъ денегъ. По всему должно было ожидать, что съ возвращеніемъ дня явится отвратительный Иденштейнъ, въ пьянствѣ измѣнившій своей тайнѣ и показавшій себя орудіемъ несправедливыхъ преслѣдованій Барона. Зигендорфъ искалъ и не находилъ средствъ убѣжать, видѣлъ себя преданнымъ въ руки непріятеля, и безчувствіе отчаянія овладѣло имъ: онъ сдѣлался ничему не внимающимъ, ничего не понимающимъ.

Рано постучали въ ихъ дверь. Это былъ самъ управитель. Еще голова его тяжела отъ вчерашней пирушки. Онъ жаловался на головную боль, но пришелъ только осведомиться о здоровьи Г-на и Г-жи Крюйцнеръ. Странный былъ этошъ поводъ къ такому раннему посѣщенію, и замѣтно, что управитель хочеть узнать какія нибудь подробности и имѣть нужныя объясненія; но мужъ и жена, казалось, равно не были расположены разговаривать. Посѣщеніе было холодно и незначительно. Зигендорфъ понялъ однакожь, что управитель не зналъ еще ничего о воровствѣ. Баронъ, обремененный вчера виномъ, еще не просыпался. Зигендорфъ узналъ также, что Иденштейнъ сдѣлался нездоровъ отъ своей неумѣренности. Все это позволяло ему свободно отдохнуть еще нѣсколько времени.

(До слѣд. книжки.)

90
П. С М Ъ С Ъ.

Выдержки изъ записной книжки.

Je jette mes idées sur le papier et elles deviennent ce qu'elles peuvent. *Diderot.*

»Тыло врага умершаго всегда хорошо пахнетъ,« сказалъ Вителлій и повторилъ Карль IX. Случалось-ли вамъ радоваться паденію соперника, лакомиться чтеніемъ дурнаго сочиненія неприятеля вашего, заслушиваться разсказа подробнаго о непохвальномъ поступкѣ чловѣка, который сидитъ у васъ на шеѣ и на сердцѣ? Случалось-ли? Вѣрно: да! Случалось-ли въ томъ признаваться? Вѣрно: нѣтъ! И такъ не гнушайтесь вчужѣ чувствомъ Вителлія и Карла, а только дивитесь ихъ нескромному признанію.

Вережкинъ, сочинитель комедій: *Такъ и должно и Тогъ въ тогъ*, которая, какъ говорятъ, осмѣивала нѣкоторыя изъ Симбирскихъ лицъ и была представлена въ ихъ присутствіи, переводчикъ *Корана*, издатель многихъ книгъ, напечатанныхъ безъ имени, а только съ подписью деревни его: *Михалево*, сдѣлался извѣстнымъ Императрицѣ Елисаветѣ слѣдующимъ образомъ. Однажды передъ обѣдомъ, прочитавъ какую-то Нѣмецкую молитву, которая Ей очень понравилась, изъявила она желаніе, что-бы перевели ее на Русскій языкъ. »Есть у

меня человекъ на примѣть,» сказала Шуваловъ, «кошорый изготовишь вамъ переводъ до конца обѣда,» и тутъ-же послалъ молитву къ Вережкину. Такъ и сдѣлано. За обѣдомъ принесли переводъ. Онъ такъ полюбился Императрицѣ, что пошчасъ-же, или скорѣ за тѣмъ, наградила она переводчика 20,000 рублей. Вотъ что можно назвать успѣшною молитвою. Вережкинъ любилъ гадать въ карты. Кто-то довѣсь Петру III о мастерствѣ его: послали за нимъ. Взявъ въ руки колоду картъ, выбросилъ онъ искусно на полъ четыре короля. »Что это значить?» спросилъ Государь. — Такъ фальшивые короли падаютъ передъ истиннымъ Царемъ, отвѣчалъ онъ. Шутка показалась удачною, а гаданія его произвели сильное впечатлѣніе на умъ Государя. И на картахъ ему посчастливилось. Въ слѣдъ за этимъ отпустили ему долгъ казенный въ 40,000 рублей. Императоръ сказалъ о волшебномъ мастерствѣ Вережкина Императрицѣ Екаторинѣ и пожелалъ, чтобы Она призвала его къ себѣ. Явился онъ съ колодою картъ въ рукѣ. »Я слышала, что вы человекъ умный,» сказала Императрица, »не уже-ли вы вѣруете въ подобныя нелѣпости?» — Ни мало, отвѣчалъ Вережкинъ. — »Я очень рада,» прибавила Императрица, »и скажу, что вы въ карты наговорили мнѣ чудеса.« — Онъ былъ великій краснбай и разскащикъ, много живалъ въ деревнѣ, но когда прѣзжалъ въ Петербургъ, то съ шести часовъ утра прихожая его наполнялась присланными съ приглашеніями на обѣдъ, вечеръ; хозяева сзывали гостей на Вережкина. Отправляясь на вечеринку или на обѣдъ говоритъ, спрашивалъ онъ у поварихи своихъ: »Какъ хотише: заставить-ли мнѣ сегодня слушателей плакать, или смѣять-

ся? И съ общаго назначенія , шо мориль со смѣха, шо приводилъ въ слезы. Эшо похоже на Французскихъ говорунуновъ стараго вѣка. Шамфоръ , Рюльеръ также были *артисты рѣчи* и разыгрывали свой разговоръ въ Парижскихъ гостинныхъ по приготовленнымъ шемамъ. Веревкинъ когда-то написалъ шутку на Суворова, въ кошорой осмѣивалъ странныя причуды его: Суворовъ зналъ о ней. Онъ былъ въ военной службѣ , а послѣ Дѣйствительнымъ Спашскимъ Совѣтникомъ ; былъ въ дружеской связи съ Фонъ-Визинимъ и уважаемъ Державинимъ , кошорый былъ ученикомъ въ Казанской Гимназіи , когда Веревкинъ былъ ея Директоромъ. «Помнишь-ли , какъ ты называлъ меня болваномъ и пупицею?» говоривалъ потомъ бывшему начальнику своему тупой ученикъ , переродившійся въ Спашсъ-Секретаря и перваго Поэта своей націи.

Напрасно Шлегель говоритъ въ своей Драматургіи: «Если Расинъ въ самомъ дѣлѣ сказалъ , что вонъ отличаетъ ошъ Прадона единственно тѣмъ , что умѣеть писать, шо жестоко былъ къ себѣ несправедливъ.» Конечно должно дополнить эшо мнѣніе, но помнишь припомъ , что Расинъ сказалъ эшо во Франціи: слогъ у Французовъ первая необходимость; у Нѣмцовъ , уже по другой крайности , онъ часто послѣднее условіе. Въ искусствахъ не лзя не цѣнить отдѣлки: Нѣмцы-же все цѣнять на вѣсь. По эшому и сужденія Шлегеля о Французскомъ театрѣ часто ошибочны и пристрастны: онъ судилъ о немъ и вообще Нѣмцы судяшъ о Французской Литтературѣ не какъ знатоки или охотники , но какъ заимодавцы

ноді вещи. Французы выше всего спавяють ясность и щегольство слога; Корнель на театрѣ ихъ забыть. Грубый стихъ, дикое выраженіе, въ глазахъ ихъ грѣхъ нѣискупимый и переживаетъ, то есть коронитъ цѣлую поэму. Лемьеръ, Авторъ поэмъ и трагедій, въ которыхъ есть точно существенное достоинство, извѣстенъ у нихъ частою спычкою несладкозвучныхъ согласныхъ, шероховатостью, и проч. Нѣтъ Француза, который не зналъ-бы этихъ стиховъ его:

Crois tu d'un tel forfait Manco-Caras carable?
Opera sur roulette et qu'on porte à dos d'homme.

И никто уже не заглядываетъ въ его творенія, оглашенныя подобными стихами. Уши Нѣмцовъ уживайте. Вообще иностранцу можно, какъ наблюдателю, говорить о Словесности чуждаго народа, но никогда не должно позволять себѣ излагать о ней судейскіе приговоры. Въ разсмотрѣніи тяжбы подсудимаго должно держаться уложенія, которому онъ подлежитъ, а не лѣзя съ своими законами идши на управу въ чужую землю,

Если не признавать цѣны отдѣлки, вкуса, свойственнаго такому-то народу и такому-то вѣку, какъ достигнуть уваженіе древности къ Анакреону? О нашемъ уваженіи уже не говорю: оно суевѣріе и присвоено нами по преданію. Переводитъ сухою прозою Анакреона, то же чпо переложитъ на Русскія слова Киламбуры Маркиза Бювэра; а Гораций все еще живъ во Французскомъ переводѣ, какъ ни душишь его прозаикъ Башнѣ.

Въ той-же комнащѣ *Англійской* гостиници Варшавской, въ коей Наполеонъ послѣ бѣдственнаго Русскаго похода давалъ свою достопамятную аудиенцію Прадшу и нѣкоторымъ Полякамъ, былъ проложенъ, спуская нѣсколько мѣсяцовъ, шрупъ Моро, во время перевоза брѣннихъ остатковъ его въ Пешербургъ. У судьбы много такихъ драматическихъ выходовъ.

Одно изъ любимыхъ чтеній Кострова, было романъ Вертеръ. Когда онъ бывалъ на веселѣ, заставлялъ себя читать его и заливался слезами. Однажды въ подобномъ положеніи, послѣ чтенія продиктовалъ онъ любовное письмо во вкусѣ Вертеровомъ, къ прежней своей возлюбленной. Жаль, что не сохранился сей любопытный памятникъ Переводчика *Иліады*. Костровъ не любилъ стиховъ Пштрова: за чашею или послѣ чаши всегда слушалъ ихъ съ удовольствіемъ. Онъ былъ истинный чудакъ и знавшіе его коротко, рассказываютъ о немъ много забавныхъ странностей. Бывало, входитъ онъ въ комнату пріятелей своихъ въ шляпѣ трехугольной, сниметъ ее для поклона и снова надѣнетъ на глаза, сядетъ въ уголь и молчитъ. Только, когда услышитъ отъ разговаривающихъ рѣчь любопытную или забавную, то приподыметъ шляпу, взглянетъ на говоруна и опять ее насунетъ. Онъ такъ былъ нравами непороченъ, что въ домѣ Шувалова отведена была ему комната возлѣ двѣнчій. Однажды входитъ къ нему Д*** и заспаетъ его на креслахъ передъ столомъ, на коемъ лежишь Греческій Гомеръ, въ пергаментѣ; возлѣ него горнич-

ная дѣвушка, а онъ сшиваетъ разные лоскушки. Что это вы дѣлаете, Ермилъ Ивановичъ? — А вотъ, дѣвчаша надавали мнѣ лоскушья, такъ шью ихъ, чтобы не пропали. — Добродушіе его было чрезвычайное. Его вывели на сцену въ одной комедіи, кажется, покоящейся на обширномъ кладбищѣ нашего Россійскаго Театра и онъ любилъ заставлятъ при себѣ чинить явленія, въ конхъ представленъ онъ былъ въ смѣшномъ видѣ. »Ахъ! онъ пострѣлъ,« говорилъ онъ объ авторѣ, »да я въ немъ и не подозрѣвалъ такого ума. Какъ онъ славно потрафилъ меня!« Карамзинъ встрѣтился съ нимъ въ каменной лавкѣ, за нѣсколько дней до кончины его. Онъ былъ измученъ лихорадкою: »Что это съ вами случилось?« спросилъ его Карамзинъ. — Да, вотъ такая бѣда, отзывалъ онъ, всегда употреблялъ горчице, а умираю отъ холоднаго. — Онъ сказывалъ о себѣ, что онъ сынъ дьячка, но на первой одѣ его мвещатанной выставлено, что сочинена крестьянскомъ казенной волости.

Кн. Вяземскій.

Журналистика.

Скоро не лзя будетъ сказать, что въ Русской Литтературѣ мало дѣтскихъ книгъ и журналовъ: говоримъ не мносказательно (для иноземцевъ на Руси не скоро еще пройдетъ время), но прямо. Съ прошлаго года за книги для дѣтей особенно принялись многіе изъ нашихъ сочинителей и переводчиковъ. Сказавъ уже о нѣсколькихъ книгахъ и журналахъ дѣтскихъ, достойныхъ замѣчаній по ихъ цѣли, а частой исполненію, мы должны прибавить къ нимъ *Новую Дѣтскую Библіотеку*, издаваемую Б. М. Федоровымъ, съ Января, сего 1827 года. Каждый мѣсяць выходитъ небольшая книжка (листа четыре печатныхъ, въ 16-ю долю листа); съ картинками довольно хорошо; гравированными. Содержаніе и расположеніе видѣнныхъ нами двухъ книжекъ заслуживаютъ похвалу, и мы благодаримъ Г-на Федорова отъ лица многихъ родителей и наставниковъ за то, что онъ принялъ на себя трудную обязанность наставлять и забавлять пріятнымъ и полезнымъ образомъ дѣтей. Дѣти съ пользою и удовольствіемъ читаютъ журналъ его. Только одно не нравится многимъ въ *Дѣтской Библіотекѣ*: она слишкомъ дорога. Годовое изданіе, состоящее изъ 12 небольшихъ книжекъ, стоитъ 25 рублей ассигн. въ Петербургѣ, а въ Москвѣ и другихъ городахъ 30 руб. ассигн. Согласны, что каждый авторъ имѣетъ право цѣнить труды свои, какъ ему угодно; но издавая книгу, предназначенную для Педагогика или ученую, непременно должно имѣть

въ виду покупателей, для коихъ она назначается. Сколько есть добрыхъ, просвѣщенныхъ отцовъ семействъ, которые не въ состояннн удѣлить 30 рублей на книжку для дѣтей ихъ, а надобно согласиться, что журналъ Г-на Федорова, хотя полезное и занимательное чтеніе, но не такая еще необходимость, какъ учебныя, элементарныя книжки.

Упомянувъ о появленіи *Славянина* (Тел. 1827; т. XIII, отд. II, стр. 86), *военно-литературнаго журнала*, издаваемого, съ 1 Января сего 1827 г., А. О. Воейковымъ, скажемъ читателямъ, что мы видѣли уже *одиннадцать* книжекъ сего новаго журнала. Онъ очень исправно издается и хорошо печатается; но что всего важнѣе, заслуживаетъ вниманіе публики по своему внутреннему достоинству. Съ начала года загремѣла было на него сильная каноннада изъ листочковъ Сѣверной Пчелы, но пристрастное сужденіе Пчельнаго *застрѣльщика* слишкомъ было явно. Скажемъ болѣе: если Пчела хотѣла уронить Славянина, то она поступала слишкомъ неосторожно, браня въ немъ все, съ первой до послѣдней строчки. Наблюдатели Русской Литтературы могутъ замѣтить, на какую степень упала вынь кришка Сѣв. Пчелы: на нее никто уже не возражаетъ, никто нейдетъ въ бой съ Пчелою; съ нею только шутятъ, или немногими словами отвѣчаютъ на цѣлыя листы ея вылазокъ. Вѣроятно, скоро настанетъ время, что и это прекратится, что Пчелъ совсѣмъ ничего отвѣчать не стануть и жужжаніе ея будетъ только разносимо въпрямъ, какъ звуки кимвалыныя на преддверіяхъ жилищъ тѣхъ искусниковъ, которымъ похвалы такъ часто встрѣчаются въ листахъ Сѣверной Пчелы.

Кто из многих примѣровъ не утѣрился еще о достоинствѣ похвалъ и осужденій Славянской Пчелы, тому советуемъ посмотрѣть на ея сужденіе о Славянищѣ. Не подумаете-ли, читая критики на него: Издѣлелей Пчелы и ихъ Сотрудниковъ, что Славянищѣ хуже Сына Отечества? Напротивъ, прочитавъ 11-ль вышедшихъ уже книжекъ, можемъ утѣрить читателей, что сей журналъ достоинъ ихъ вниманія, наполняется новизнами, хорошими статьями, и въ его отдѣленіи *Словесности* выходитъ много занимательнаго и прекраснаго. Исчисливъ нѣсколько статей, мы докажемъ справедливость нашего мнѣнія.

Въ Отдѣленіи I, *Военномъ*, замѣтимъ статьи: *О горной войнѣ* (изъ книги Лаллемана, изд. въ 1825 г.); *Осада Бадайска* (изъ Австрійск. Военн. Газеты, 1826 г.); *Объ арміи Остъ-Индской компаніи* (изъ книги Графа Ное, изд. въ 1826 г.); *О военныхъ орденахъ* (изъ Берлинск. Военн. Журнала). Далѣе, три любопытныя статьи, сочиненныя нашими отечественными военными писателями. Наконецъ, матеріалы для Русской военной исторіи: *О конной артиллеріи*, *О войнѣ съ Горцами и Персами*, статья: *О военныхъ писателяхъ*, и проч. имѣютъ также относительное достоинство.

Въ Отдѣленіи II, *Словесности*, мы видѣли стихи Жуковскаго, Князя Вяземскаго, Баратынскаго, Языкова, Козлова, нѣсколько переводныхъ статей изъ соч. Нодье, статью о Россійскихъ Памятникахъ, любопытную по многимъ отношеніямъ, и проч. Впрочемъ, будемъ безпристрастны и скажемъ, что отдѣленіе *Словесности* въ Славянищѣ могло бышь-бы лучше и что статьи, а особенно

стихи, могли-бы помѣщаться въ немъ съ большимъ выборомъ. Лучше помѣщать стиховъ меньше, но съ строжайшимъ разборомъ. Предоставимъ Сыну Отечества и Дамскому Журналу печатать всякую всячину, только-бы спрочки замѣнены были римами. Снисходительность журналиста вредитъ и самимъ сочинителямъ и журналу, въ которомъ стихи печатаются безъ выбора строгаго. Если Издашель Славянина усовершенствуетъ отдѣленіе Словесности и будетъ продолжать первое отдѣленіе своего Журнала также хорошо, какъ началъ, мы предвѣщаемъ ему полный успѣхъ. Публика, какъ мы сказали, уже знаетъ цѣну критикѣ Пчелы и конечно не у Издашелей ея навѣдывается о достоинствѣ другихъ журналовъ и книгъ.

Намъ не можно-бы, намъ не должно-бы, намъ не хотѣлось-бы говорить о желшомъ Журналь, но нынѣ, по крайней мѣрѣ на этошъ разъ, намъ не можно, намъ не должно молчать, тѣмъ болѣе, что Князь Шаликовъ хочетъ, чтобы мы говорили. За чѣмъ-же не помѣстимъ его? La représaille est juste, или говоря по-Русскій: *круговая порука*.

Князь Шаликовъ, въ *Анти-Журналистикѣ* 7-й книжки Журнала своего жалуется на то, что мы не помѣстили, напечатаннаго въ Октябрьской книжкѣ *Revue Encyclopédique*, 1825 г., извѣстія о его сочиненіяхъ, журналахъ и спашьяхъ. Виноваты! Не помѣстили пошому, что въ Октябрьской книжкѣ R. E. 1825 г. нѣтъ ни одного слова о Князѣ Шаликовѣ и его твореніяхъ. Въ *Revue Enc.* 1825 г.

Ч. XIV. Но 6.

есть одно только извѣстiе о Дамскомъ Журналѣ, но въ Декабрьской, а не въ Октябрьской книгѣ. Думая, что о немъ говорить и Князь Шаликовъ, въ угодность ему помѣщаемъ самый подлинникъ и вѣрный переводъ сего извѣстiя, дабы (*) читатели не подумали, что мы прибавляемъ хотя одно слово оцъ себя :

»*Le Journal des Dames* (Damskoï Journal), entrepris, au mois de Mars de l'année 1823, par le prince Chalikof, paraît deux fois par mois, par cahiers de 3 feuilles in 8°. Chacun de ces cahiers est accompagné d'une gravure de modes, faite d'après celles des journaux de Paris. L'abonnement annuel est de 40 roubles (ou 40 fr.) pour Moscou, et de 45 roubles dans l'intérieur de l'empire. Ce prix paraît sans doute excessif aux abonnés de la *Revue*, surtout quand ils sauront que ce journal, entrepris sur le modèle du *Journal des Modes* de Paris et du *Petit Courier des Dames*, est bien loin de valoir sous tous les rapports ces deux journaux, dont le prix est cependant bien moins élevé. D'ailleurs, le journal de M. Chalikof paraît trop souvent oublier sa destination, pour ne s'occuper que de polémique et d'attaques contre les autres journaux russes, qu'il s'est aliénés par l'esprit d'injustice et de dénigrement qui préside à sa rédaction.»

»Дамскій Журналъ, съ Марта мѣсяца, 1823 года, предпринимаемый Княземъ Шаликовымъ, издаетъ

(*) Увѣренъ, что это слово испорчишь услугу, какую думалъ Сочинитель Журналистики оказать Князю П. И. Шаликову, и вотъ доказательство: въ одной статьѣ Кн. Ш. (Вѣстникъ Европы, 1804 г. № 24, стр. 293-299) именно сказано: „Кто пишетъ: дабы, тошъ можешь-ли перемахать мери на свою сторону?“ Изд. Тел.

ся два раза въ мѣсяць, шестрадками, въ 3 листа, in 8. Къ каждой изъ сихъ шестрадей прилагается картинка модъ, сдѣланная по картинкамъ Парижскихъ журналовъ. Годовая цѣна сего Журнала 40 рублей (или 40 франковъ) въ Москвѣ и 45 внутри Имперіи. Эта цѣна безъ сомнѣнія покажется безмѣрною подписчикамъ *Revue*, особенно если они узнаютъ, что Московскій Д. Ж., предпринятый по образцу Парижскаго *Journal des Modes* и *Petit Courrier des Dames* далеко не стоить, во всѣхъ отношеніяхъ, обоимъ сихъ журналовъ (*), хотя цѣна ихъ гораздо менѣе. Къ тому-же, Журналь К. Шаликова, кажется, слишкомъ часто забываетъ свое назначеніе, занимаясь только полемикою и нападеніемъ на другіе Русскіе журналы, которые онъ возставилъ противъ себя духомъ несправедливости и недоброхотства, господствующимъ въ его редакціи.»

Тu Va voulu ? . .

Журнальный сыщикъ.

(*) А хороши и тѣ! Изд. Тел.

П а р и ж с к і я м о д ы (*).

Tandis que les toques, les turbans, les bérêts ont une circonférence prodigieuse, les coiffures en cheveux deviennent de plus en plus remarquables par leur hauteur.

Des fleurs vacillantes ornent beaucoup de coiffures en cheveux. Derrière quelques-unes de ces coiffures est placé un noeud de ruban de gaze à boucles étalées et à bouts si longs qu'ils descendent plus bas que les hanches.

Les toques et même quelques bérêts ont depuis peu, comme les chapeaux à plumes et les chapeaux à fleurs, un large ruban formant bride non coupée dans le milieu et flottante.

Pour les chapeaux, le rose vif et la nuance arbre de Judée sont en grande faveur. Ces chapeaux se font, pour la plupart, en satin; la doublure est pareille au dessus. Outre les plumes ou les fleurs dont ils sont ornés, il y a des noeuds de ruban qui ressemblent à des ailes de moulin. On pose ces chapeaux de biais, mais moins en devant que naguères.

Quelques chapeaux verts ont des liserés ponceau, des noeuds de ruban vert à raies ponceau, et des brides pareilles aux noeuds.

Les tailleurs à la mode ont commandé en fabrique une nuance de drap pain brûlé, marron, ou savoyard à reflet doré.

(*) 20 Марта 1827 г.

Въ то время, какъ шоки, шюрбаны и берешы отличаются удивительною огромностью, уборы волосовъ на головахъ болѣе и болѣе дѣлаются зашпательными до своей вышины. — Дрожащія цвѣтцы (*vacillantes* — на длинныхъ стебелькахъ) замѣны до многихъ уборокъ. На задней сторонѣ нѣкоторыхъ изъ сихъ уборокъ, прикалываютъ широкій бантъ изъ газовой ленты, у которой висящія концы столь длинны, что просшираются гораздо ниже пояса.

У шоконъ и даже у берешовъ, съ нѣкотораго времени, какъ у шляпокъ съ перьями или съ цвѣтами, бываетъ широкая лента, образующая собою *завязку* (*bride*), не разрѣзную и никогда не завязываемую.

Для шляпокъ въ большой модѣ цвѣтъ розовый яркій и опшѣнокъ его, цвѣтъ Іудейскаго дерева. Такія шляпки бываютъ большою частію ашласныя и подбой у нихъ одного цвѣта съ цвѣтомъ самой шляпки. Кромѣ цвѣтовъ, или перьевъ, коими убираютъ шляпки, бываютъ еще на нихъ банты изъ ленты, похожіе на крылья вѣтряной жельницы. Шляпки надѣваютъ намскосъ, но не столько сдвигаютъ ихъ впередъ, какъ за нѣсколько времени предъ симъ.

Иногда у зеленыхъ шляпокъ дѣлаютъ пунцовые лизере, банты изъ ленты зеленыхъ съ пунцовыми полосками и такія-же *завязки*.

Модные портные заказали фабрикантамъ приготовить суконь, цвѣтовъ: *сженаго хлѣба* (*rain brulé*) и *лѣсныхъ каштановъ* (*marjon*) или *Саволрскаго*, съ золошымъ опливомъ.

На приложенныхъ картинкахъ :

1. Головной уборъ съ тисовыми лентами и крѣпками. Тюбетовое платье, украшенное эмалью и руладами, ашласомъ и блондами.

2. Суконный рюкзакъ, украшенный вышивкой и шнурами, съ черноташными веревочками. Суконное пальто, съ засѣченными плечами и вышивкой. Казкировый жакетъ, на другомъ жакетѣ изъ шелка.

№ 6 Наряды 15. Наряды, 1871.

№ 6. 1836. Мода. Мужск.

Въ Парижѣ 15 Марта, 1837.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Историческое обозрѣніе Мифологіи Сѣверныхъ народовъ Европы ().*

На Сѣверѣ Европы и нынѣ обитаютъ еще четыре великія *поколѣнія* народовъ, раздѣляющихся на многіе частныя *роды*. Вѣра (равно какъ языкъ) въ древности бывала всегда обща цѣлому *поколѣнію*, и

(*) Изслѣдованія о Мифологіяхъ важны для Исторіи народовъ: эту истину излишне было-бы доказывать. Скажемъ лучше, что Мифологія Сѣверной Европы (включая и Славянскую Мифологію) донинѣ еще весьма несовершенно изслѣдована, и что на Русскомъ языкѣ мало извѣсны новѣйшія сочиненія ученыхъ иностранцевъ, могущія руководствовать нашихъ изслѣдователей въ сей обширной части историческихъ свѣдѣній. Поэтому, мы почли любопытнымъ небольшое, но весьма замѣчательное сочиненіе Гейдельбергскаго Профессора Фр. Юс. Моне, которое присовокупилъ онъ къ недавно изданному Мозеромъ сокращенію Крейцеровой *Символики и Мифологіи древнихъ народовъ* (см. Тел. 1826 г. X, 75). Г. Моне систематически, и весьма глубокомысленно, разсматриваетъ свой предметъ, обнимая въ обзоръ Финскую, Германскую, Цельтскую и Славянскую Мифологіи; вообще, и частно, касательно послѣд-
Ч. XIV. No 7. Д

Мифологія сродственнихъ народовъ находилась всегда въ такомъ отношеніи одна къ другой, какъ нарѣчія къ общему языку поколѣній. Но если видимо сродство между народами одного поколѣнія, то между самыми поколѣніями опять видно дальнѣйшее сродство, предполагающее древнѣйшія и обширнѣйшія поколѣнія. Изъ упомянутыхъ нами поколѣній, съвернѣе всѣхъ *Финское*, изъ коего входятъ въ разсмотрѣніе наше только *Лапландцы*, собственно *Финны*, *Эстонцы*, *Ливонцы*, *Курляндцы* и сродственные имъ *Литовцы*, *Пруссаки* и *Венеры*. Многочисленнѣйшее поколѣніе суть народы *Славянскіе*, изъ коихъ съверу принадлежатъ *Рускіе*, *Поляки*, *Силезцы*, *Моравцы*, *Богемцы*, *Сербы*, *Поммеране* и *Венды*. Третье поколѣніе, *Нѣмецкое*, обнимаетъ при народа съверные: *Дантанъ*, *Норвежцовъ*, *Шведовъ*, и при южные: *Саксонцовъ*, *Франковъ* и *Готтовъ*. Последнее поколѣніе есть *Цельтское*, которое на Югъ проспирается даже

ней, можно представлять Г-ну Моне нѣсколько хри-
стическихъ замѣчаній, пошому что недостаточные
источники, а отчасти и духъ системы, вводил его
въ нѣкоторыя ошибки; но впрочемъ не возможно не
ощасть справедливости уму и обширнымъ свѣдѣніямъ
Г-на Моне. Крейцеръ призналъ его достойнымъ
продолжателемъ своихъ трудовъ, и кажется, это
сочиненіе его можешь навесити изслѣдователя Ис-
торіи древнихъ Съверныхъ народовъ на многія
вспомини. *Изд.*

въ Италію и въ Испанію; но здѣсь въ раз-
 смотрѣніе наше принимаются изъ него
 только *Галлы и обитатели Британскихъ*
острововъ. Слѣдовательно, въ изслѣдова-
 ніяхъ о Сѣверной Мифологіи Дунай соспа-
 мляетъ пограничную линію между югомъ
 и сѣверомъ Европы, а Балтійское (во-
 сточное) море не раздѣленіе, но большую
 дорогу соединеній четырехъ поколѣній.
 Не лзя не замѣтить здѣсь сходства съ
 Югомъ. Подобно, какъ Средиземное море
 соединяло между собою при старыя ча-
 сти свѣта, для многоразличныхъ сноше-
 ній, подобно какъ сія большая дорога об-
 легчала и споспѣшествовала народамъ въ
 смѣшеніи, образованіи и порчѣ Мифологій
 ихъ, такъ точно и Балтійское море
 соединяло прилѣгающіе къ нему народы
 въ мифологическихъ и торговыхъ сноше-
 ніяхъ, что не только можно видѣть
 изъ мѣстопребываній четырехъ поко-
 лѣній, но можно доказать почными сви-
 дѣтельствами. Всѣ мѣста, важныя въ
 ихъ Мифологіи, находились, или на берегахъ
 и островахъ сего моря, или на впадаю-
 щихъ въ него рѣкахъ; а потому на водахъ,
 текущихъ въ другомъ направленіи, почти
 совсѣмъ не встрѣчается мѣстъ священ-
 ныхъ. *Въ Россіи, Новгородъ, стоящій на*
озерѣ Ильменѣ, почитался городомъ свя-
щеннымъ, а озеро Ильмень рѣкою Волхо-
 вомъ изливается въ Ладожское озеро, гдѣ
 городъ сего имени былъ также мѣстомъ

священныи; озеро Ладога рѣкою Невой изливается близъ Петербурга въ Финскій заливъ. Изъ сего ясно видно, что *Новгородскіе жрецы были въ сношеніяхъ съ жрецами Семиеальскими въ Курляндіи*. Сѣверныя Финны не имѣли никакого общественаго святаго города, но у южныхъ, островъ Эзелъ (Oesel), близъ береговъ Эспляндіи, до XII-го столѣтія почитался общимъ оракуломъ Сѣвера. Финскіе жрецы были въ связяхъ не только съ жрецами восточныхъ Славянъ въ Новгородъ, но и съ жрецами западныхъ Славянъ и Нѣмцовъ, ибо на островъ Рюгенъ и въ Репръ, близъ Новаго Бранденбурга, при Балтійскомъ морѣ, было главное мѣстопробываніе Вендскаго язычества; на Рюгенъ-же первоначально было Финское жречество, находившееся въ весьма тѣсныхъ связяхъ съ жречествомъ Репры, и съ Прусскимъ въ Ромовъ. Къ нимъ присоединялись меньшіе язычскіе храмы, находившіеся на Эльбѣ и при Балтійскомъ морѣ. Далѣе во внутренности Славянскихъ странъ гнѣздилицами язычества были города: Гнѣзно и Познань на Вартѣ, Торнъ и Краковъ, на Вислѣ, и Прага, на Молдавѣ; всѣ сіи рѣки текутъ къ Сѣверу. Святилища Скандинавскія находились также на Балтійскомъ морѣ. Мѣстопробываніемъ язычества въ Швеціи былъ полуостровъ Сигтунъ, между озеромъ Мераломъ и Бошническимъ заливомъ; въ Даніи, острова: Зее-

ландъ и Глезей (Hlesey) съ другими зависящими отъ нихъ островами; въ Норвегiи великое отразилось въ маломъ видѣ, ибо гавани Трандгеймъ и Зогнъ составляютъ небольшіе проливы сей земли; на ихъ-то берегахъ и островахъ были родовыя мѣстопребыванія Норвежскаго язычества. Даже и въ Исландiи и на многихъ островахъ Норвежскаго берега были языческія священныя мѣста. Нѣмцы въ сѣверномъ (Нѣмецкомъ) морѣ имѣли два священныя острова, Гельголандъ и Вальхерень, а на Рейнѣ значительнѣйшія и многочисленнѣйшія мѣстопребыванія вѣры; на Дунавѣ же ни одного, ибо онъ принадлежитъ къ водамъ, имѣющимъ другое направленіе въ печеніи, къ которому народъ не приобыкъ первоначально. Наконецъ, у Цельповъ, какъ извѣстно, главное мѣстопребываніе вѣры было на островѣ Англезевъ, между Ирландіею и Валлисомъ, какъ и у Галловъ на островѣ Сейнѣ (Seins) при Брешанскомъ берегу. Цельпическіе памятники на островѣ Борнгольмѣ доказываютъ, что Цельпы также находились въ религіозныхъ сношеніяхъ и съ народами Балтійскаго моря. Изъ сего выводится слѣдствіе, что четыре сѣверныя поколѣнія народовъ поселились по водамъ, текущимъ въ Балтійское и Нѣмецкое море, и тѣмъ самымъ поддержали религіозное и политическое свое соединеніе и связи, а сія отдѣльность отъ южныхъ народовъ была при-

тикою, что они столь долгое время не имѣли никакихъ съ ними сношеній.

И такъ, печеніе рѣкъ поддержало сношенія между сѣверными народами, гораздо болѣе, нежели ихъ жрецы. У всякаго поколѣнія были жрецы, но не у всякаго была Іерархія, и при всемъ томъ, жрецы всего Сѣвера были въ тѣсномъ между собою соединеніи. Іерархическое жречество было только у Вендовъ и Пруссаковъ; можешь спастись, также нѣсколько времени и у Скандинавовъ и Цельповъ, т. е. каждое поколѣніе имѣло первоначально свою собственную Іерархію, которая у Цельповъ сохранилась для всего поколѣнія, а у другихъ только для отдѣльныхъ народовъ, ибо у восточныхъ Славянъ, у Руссовъ и Поляковъ, свѣтская власть взяла преимущество надъ духовною; точно тоже было и во всемъ Нѣмецкомъ поколѣніи; о Финнахъ же въ семъ отношеніи почти ничего не извѣстно. Общее свѣдѣніе сего измѣненія состоитъ въ томъ, что съ гражданскимъ правленіемъ, и вѣра у народовъ сдѣлалась такою-же; у оставшихся-же подъ Теократіею и вѣра сохранила сей характеръ. Отъ того у народовъ гражданского правленія находимъ мы геройскія преданія, у Теократическаго таинственныя пѣнопѣнія. О существѣ и составѣ Іерархіи, достовѣрныя свѣдѣнія можно получить только изъ изслѣдованій о Цельпахъ; о другихъ поколѣніяхъ въ семъ отношеніи извѣстно

очень мало. Цельпическіе жрецы, или друиды, были не только высшимъ званіемъ народа, но и особенною кастою. Кажется, что таковыхъ кастъ не было у прочихъ трехъ поколѣній, по крайней мѣрѣ, я не нахожу никакихъ вѣрныхъ слѣдовъ; попому и вѣра ихъ могла пѣмъ раниже сдѣлаться гражданскою и пѣмъ легче могла быть въ послѣдствіи удалена іерархія. Поэтому здѣсь не лзя входить въ подробное показаніе священническихъ и духовныхъ отношеній между четырьмя поколѣніями, каждаго отдѣльно, но я хочу по крайней мѣрѣ означить ихъ сравненіемъ, которое въ общихъ чертахъ своихъ не несправедливо. *Иѣмцы*, въ священническомъ и духовномъ отношеніи, были *геройствующіе* (episirenden) *Греки*; *Славяне*, *всепринимавшіе Римляне*; *Финны*, *волшебствующіе Колхійцы*, а *Цельты*, *богатые таинствами Египтяне Сѣвера*.

Первоначальное происхожденіе жреческаго званія еще довольно темно; но ясно, что оно образовалось не на Сѣверѣ. Оно составилось въ первобытномъ единствѣ народовъ, и съ ними вмѣстѣ вышло изъ Азіи, гдѣ съ достовѣрностію можно еще отыскивать слѣды его происхожденія. Сколько извѣстно, всѣ древнія народныя преданія сѣверныхъ Европейцевъ, прежнимъ отечествомъ своимъ называютъ печеніе водъ, склоняющихся къ Черному морю, и потому рѣки: Волга, Донъ, Днѣпръ, и проч. были

путеводителями къ переселенію на Сѣверь. Древнѣйшія, достовѣрнѣйшія извѣстія о сѣверныхъ Европейцахъ касаются до Скивовъ, жившихъ при Борисоенѣ (Днѣпрѣ) и извѣстныхъ погдашнимъ сѣвѣдямъ своимъ Грекамъ. Отъ нихъ узнаемъ мы, что на Борисоенѣ были многія святилища, вѣра съ многочисленными преданіями, много-различныя богослужебныя дѣйствія, и т. п.; вообще, это предполагаетъ усердное духовенство. Во времена Геродота, и Цельты обитали уже при источникахъ Дуная, и именно сіе поколѣніе имѣло значительнѣйшее духовенство на всемъ Сѣверѣ. Скивы называли себя самымъ младшимъ народомъ; они были всѣхъ восточнѣе и позже всѣхъ переселились. Изъ всего слѣдуетъ: 1-е, что тѣ сѣверные народы, которые ранѣе всѣхъ переселились въ нашу часть свѣта; имѣли значительнѣйшее духовенство, спрожайшую и глубочайшую вѣру: это Цельты; 2-е, что позднѣйшіе переселенцы имѣли менѣе имѣли такихъ преимуществъ, чѣмъ новѣе были ихъ переселенія; 3-е, младшіе народы многое заняли, въ отношеніи вѣры, отъ народовъ древнѣйшихъ, можетъ быть, вытѣснявшихъ сіи народы изъ прежнихъ жилищъ ихъ, или смѣшавшихся съ ними; такъ въ Нѣмецкой Мифологіи много находится Цельтскаго, даже мѣстопробыванія вѣры на верхнемъ Рейнѣ, на пр. Ворисѣ, были Цельтскаго происхожде-

нїя. Славяне, младшее изъ сѣверныхъ поколѣній, выпѣснили Финновъ не пакъ какъ Нѣмцы Цельшовъ, но болѣе смѣшались съ ними, и потому оставили существованіе Финскаго духовенства въ Арконѣ, Ромовѣ и Респрѣ, и вѣру свою смѣшали съ Финскою. *Славяне, какъ народъ самый младшїй, имѣли вѣру менѣе другихъ образованную, и потому необыкновенную склонность къ многобожію, къ присвоенію туздаго и къ величайшей терпимости вѣрѣ.*

Переселенїя дѣлались не вдругъ, и перемѣны не могли происходить мирно. Неизвѣстно, что собственно сдѣлалось съ сильнымъ поколѣніемъ Скиѣскимъ; но для насъ болѣе и болѣе становится вѣроятнымъ, что поколѣніе Финское составляетъ остатки онаго; сіе послѣднее состоить изъ споль многихъ, разсѣянныхъ, въ глубинѣ Сѣвера живущихъ народовъ, что такое распространеніе могло быть только слѣдствіемъ великихъ бѣдствїй или великаго угнетенїя. У прехъ прочихъ поколѣній видно также непрїязненное раздѣленіе: восточные и западные Славяне, сколько намъ извѣстно, ненавидѣли одни другихъ и были въ непрерывной войнѣ; Нѣмцы, живущіе по ту сторону Сѣвернаго (Нѣмецкаго) моря, совсѣмъ другаго свойства: у нихъ особый языкъ, и вѣра опть живущихъ по сю сторону отличная; каждая изъ сихъ двухъ отраслей раздѣлилась на три народа, и между Норвежцами, Дан-

чанами и Шведами, вначалѣ была такая-жь жестокая народная ненависть, какъ между Саксонцами, Франками и Готами. Цельты раздѣлялись также на Британскихъ и Галльскихъ и имѣли не совсѣмъ одинакую вѣру. Слѣдственно, мы должны допустить, что каждое поколѣніе вначалѣ имѣло одну религію, которая однакожь между народами онаго раздѣлилась на многія секты; изъ сего можно объяснить, почему народы одного поколѣнія ненавидѣли одинъ другаго почти болѣе, нежели самыя поколѣнія ненавидѣли одно другое. Мы заключаемъ, что самыя раннія движенія сѣверныхъ народовъ были, по большой части, религіозныя войны, а переселенія народовъ на Сѣверѣ могли быть слѣдствіемъ религіозныхъ притиснѣ, которыя, или подавали поводъ, или принуждали къ таковымъ движеніямъ.

Замѣчательно и то, что второе поколѣнное преданіе сѣверныхъ народовъ также указываетъ на Балтійское море, какъ первое на Черное. Все равно, будетъ-ли неизмѣримо-большое озеро Юрнанда, озеро Ладожское или самое Балтійское море, но оно потъ самый заливъ, около котораго жили всѣ сѣверные народы, и Юрнандъ, по всей справедливости, свою Скандію (*Skanzia*) могъ назвать *vagina gentium*. Но онъ зналъ также рѣку соединенія между Сѣверомъ и Югомъ, именно, рѣку *Vagi* (Волгу), кото-

рая вытекающая изъ упомянутого озера (?), величественно впадаетъ въ море. И наконецъ, преданіе ясно: Балтійское море во второе отъезствѣ сѣверныхъ народовъ было такимъ-же путемъ сообщеній, какъ Черное море въ первое.

Сколь ни глубоко проспирается исторія сѣверныхъ народовъ въ древность, однакожь, мы не находимъ нигдѣ, чтобы у поволяннй или у отдѣльныхъ народовъ оныхъ было собственно-монархическое правленіе. Известно, что у Пруссаковъ, Вендовъ, Нѣмцовъ и Цельшовъ, Король бывалъ почти всегда и Священникомъ. Изъ сего слѣдуетъ, что переселенія народовъ на Сѣверъ были слѣдствіемъ не гражданской власти, но руководства священниковъ, и сіе самое подтверждается поволянными преданіями отдѣльныхъ народовъ. Пусть говорятъ объ Одинѣ (Othin) что хотяшь, то впрочемъ остается справедливымъ, что онъ является какъ Царь-священникъ, который отъ Чернаго моря, вверхъ по теченію Дона, пришелъ въ сѣверныя страны и объѣхалъ южныя и сѣверныя берега Балтійскаго моря. Если, вмѣсто Царя-священника поставитъ священническую вѣру, какъ и быть должно, тогда получимъ чистое историческое извѣстіе о прибытіи и поселеніи Нѣмецкой религіи на обоихъ берегахъ Балтійскаго моря. Если Одинъ и былъ младшая священническая колонія, какъ полагающъ нѣкошорые,

то это не дѣлаетъ никакой разницы, ибо и пущь жрецы являются на Сѣверѣ дѣйствующими лицами. Замѣчательнѣе-же всего, какъ я уже выше сего сказала, что жречество всѣхъ поколѣній было въ общемъ между собою соединеніи; причины сего объясняются изъ частныхъ вышѣсненій и смѣшенія разныхъ поколѣній, и изъ первоначальнаго сродства оныхъ, равно какъ и изъ того, что первоначально каждое поколѣніе управляемо было своимъ духовенствомъ.

Изъ сего можно вывести слѣдствіе, что на Сѣверѣ были *Иерархическія Религіи*; что это имѣло величайшее вліяніе на образованіе ученій о вѣрѣ, и даетъ нить къ изслѣдованіямъ о сѣверномъ языкествѣ.

Древніе сѣверные народы оставили намъ весьма мало памятниковъ религіи своей; въ семь случаевъ только одни Цельты развѣ, могутъ дѣлать исключеніе, потому что храмы ихъ были не деревянные, а составленные изъ камней, копорые, по точному размѣру и въ извѣстномъ опредѣленномъ числѣ, ставились на землю. Мы знаемъ, что *Славяне* и *Финны* имѣли только деревянные храмы; что южные Нѣмцы никакихъ храмовъ не имѣли, а опправляли богослуженіе свое въ лѣсахъ. И потому, въ древнихъ сѣверныхъ странахъ не встрѣчается остатковъ ни строительнаго, ни ваятельнаго искусства, да и самый климатъ не позволялъ дѣлать

зримаго изображенія боговъ въ видѣ деревянныхъ статуѣй. При всемъ томъ, народы сіи имѣли и религіи и жрецовъ, и попому въра ихъ долженствовала бытъ болѣе внушрешняя, состоятъ болѣе въ словѣ и духѣ, нежели въ видимыхъ образахъ. И попому на Сѣверѣ не находилось никакихъ изображеній, но тѣмъ болѣе было ученія. Такъ замѣтно уже и въ древности: многія тысячи стиховъ, которые ученики Друидовъ должны были выучивать наизусть въ своихъ пещерахъ; повсемѣстно изустьное ученіе; отвращеніе Друидовъ отъ письма, какъ такой вещи, которая поршипъ память: все это служипъ явнымъ доказательствомъ, что у Цельповъ религія должна была состоятъ въ словѣ и ученіи, и именно по принятымъ нами причинамъ. То же самое можно приложипъ и къ Нѣмцамъ. Мы не имѣемъ теперъ никакого понятія о чрезвычайной силѣ памяти нашихъ предковъ, не знавшихъ искусства писать. Если Семундъ въ XI вѣкѣ могъ изъ изустьныхъ разсказовъ народа собрать длинныя и трудныя пѣсни древней Эдды о Сигурдѣ, и если въ XIX вѣкѣ у Норвежскихъ жителей сохранились изустьными преданіями Фареровы пѣсни о Сигурдѣ, состоящія болѣе нежели изъ тысячи стиховъ, то чего не лѣзя ожидать отъ силы такихъ преданій, которыя сохраняются *семь столѣтій*? Послѣ сего не лѣзя удивляться тому, что въ эпосѣ

народъ были такіе всеобъемлющіе писатели. Сагъ, каковы на примѣръ Снорро Снурлазонъ и собиратель Вилькина Саги; сверхъ того, въ характеръ сего народа была непреодолимаѣя склонность описывать въ Сагахъ всѣ дѣянія предковъ, даже дѣянія отца семейства, который былъ важенъ только въ ближайшемъ къ нему округѣ. Отъ чего произошла такая склонность? Не есть-ли она слѣдствіе изустнаго ученія жрецовъ во времена языческихіа? Другой существенной причины сему, совершенно нельзя предполагать, и сверхъ того, въ религіозныхъ Сагахъ Скандинавіи ясно упоминается о жреческихъ ученіяхъ, о Богѣ и мірѣ. У Нѣмцовъ южныхъ, испытавшихъ многіе перевороты въ народной жизни своей, осталась та-же склонность къ древнимъ Сагамъ и пѣснямъ, ибо она была главною чертою всего народнаго характера. Но по мѣрѣ того, какъ у Нѣмцовъ сила памяти ослабѣвала отъ виѣшнихъ причинъ, въ такой-же мѣрѣ умножалось писаніе и спасло древнія преданія. Глубокость и чуждость придають содержанію Финскихъ Сагъ и пѣсенъ высокую древность, выказывая и въ семь поколѣній великую силу въ преданіяхъ. Что преданія находятся въ меньшей степени у народа новѣйшаго, т. е. у Славянъ, это зависитъ отъ существа самого дѣла.

Все приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1-е, что изустное преданіе, по

существованію сѣвернаго язычества, есть почти единственный и богатый источникъ для извлеченія изслѣдованій о сихъ религіяхъ; 2-е, что, по необходимымъ и случайнымъ причинамъ, преданіе сіе длилось весьма долго: *первое*, по причинѣ жреческаго ученія, почему въра дѣлалась общимъ достояніемъ народа, а богослуженіе не было главнымъ дѣломъ; *второе*, по причинѣ естественной отдаленности сѣверныхъ странъ, кои отграничены были отъ Юга Альпійскими и Карпатскими горами, имѣли самостоятельность, и соединеніе только между собою, слѣдственно, 3-е, чѣмъ отдаленнѣе была какая-либо часть Сѣвера, тѣмъ преданія ея были прочнѣе. Отъ того въ Нѣмецкомъ поколѣніи Исландцы богатѣе всѣхъ Сагами, а въ Цельмскомъ Валлисы и Ирландцы, по причинѣ отдаленности и продолжавшихся жреческихъ учрежденій, т. е. Бардовъ. Сѣверные Финны и Лапландцы изъ своего поколѣнія богатѣе другихъ народовъ Сагами; но у Славянъ, коихъ земли подвержены были весьма многимъ соединеніямъ, и преданія слабѣе другихъ, да и религія состояла, по большей части, какъ въ Арконѣ и Репрѣ, изъ однихъ обрядовъ богослуженія.

Изъ сего слѣдуетъ, что по существованію сѣвернаго язычества (то есть, потому, что оно *предположительно состояло въ ученіи*), у сѣверныхъ поколѣній должны находиться *религіозныя преданія*. Памят-

ники легко можно разрушить, но трудно искоренить духовную собственность, а въ ней-то и состояло сѣверное язычество; но теперь предстоитъ важный вопросъ: *какія именно религіозныя Саги, и въ какомъ видѣ остались онѣ у сѣверныхъ народовъ?* Сіе открываея двоякимъ образомъ: нныя Саги, какъ остатки прежней вѣры, явственны означены сами въ себѣ, и нѣтъ никакой надобности въ дальнѣйшихъ разысканіяхъ объ нихъ; другія измѣнили внѣшній видъ свой, такъ, что при первомъ возрѣніи на нихъ почти совсѣмъ не лѣзъ ихъ узнать, и должно, по извѣстнымъ правиламъ и условнымъ признакамъ, приводить ихъ къ первообразному содержанию. Но какъ узнавать, что такая-то Сага языческо-религіознаго содержанія? Она должна: 1 е, вообще распространяясь между простымъ народомъ, т. е. она должна содержать въ себѣ вѣру народа. Здѣсь совершенно бесполезно то, что могутъ или не могутъ думать люди, образованные по Греческому и Римскому, или какому-либо другому вкусу; чѣмъ ограниченнѣе и свободнѣе отъ предразсужденій умъ простаго человѣка, тѣмъ вѣрнѣе и чище его Саги. Исслѣдователь Миеологій долженъ отбросить всѣ народныя сказанія во зло употребленныя для составленія романовъ и другихъ порожденій воображенія; 2 е, преданія должны быть древни, или лучше, они даже не должны быть означены време-

нѣтъ своего происхожденія (образованія):
 3 е, онѣ должны были въ древности заклю-
 чаться въ пѣсни, а гдѣ переложены
 въ прозу, тамъ онѣ спасли только суще-
 ствность своего содержанія; 4 е, содержаніе
 ихъ *самостоятельно*, независимо отъ
 политической или другой какой-либо Ис-
 торіи, а гдѣ и сливается съ ними, тамъ
 согласіе должно быть только кажущимся,
 и не можеть допускать никакого удовле-
 творительнаго изъясненія изъ какой-ли-
 бо исторіи. По симъ законамъ, изъ вели-
 каго множества преданій, можно извлечь
 истинныя языческія Саги у всѣхъ сѣвер-
 ныхъ народовъ. Между тѣмъ, и въ самыхъ
 сихъ языческихъ остаткахъ оказывается
 разница. Одна часть Сагъ примѣняетъ со-
 держаніе свое къ одному цѣлому, а лицамъ,
 мѣстамъ, именамъ и другимъ внѣшнимъ
 обстоятельствомъ оставляетъ совершен-
 ный произволъ: это, въ пѣснѣйшемъ смыс-
 лѣ, народныя Саги или сказки; другая
 часть указываетъ не только на одно об-
 щее содержаніе, но прилѣпляется къ само-
 стоятельнымъ лицамъ и именамъ: это
 героическія Саги и Пѣсни, которыя въ
 отношенія почтѣ своего соединенія раз-
 дѣляются по округамъ Сагъ. Сказки со-
 вершенно не имѣютъ историческаго осно-
 ванія, а героическія Саги, по существу
 своему должны имѣть историческій видъ,
 но только *видѣ*, ибо ни одна героическая

Сага не согласна съ исторією въ самыхъ главныхъ происшествіяхъ, не только что во всѣхъ частныхъ обстоятельствахъ. Вотъ настоящія языческія преданія. Нынѣшній ихъ образъ конечно весьма различенъ отъ первообразнаго, однакожь не невозможно отыскать и первообразный ихъ видъ.

Преданія языческія служатъ не только для изысканій о сѣверныхъ религіяхъ, но изъ нихъ многообразно объясняются религіозныя сношенія сихъ народовъ. Именно въ преданіяхъ оказывается смѣшеніе, подобно какъ въ религіяхъ и народахъ, и слѣдовательно, изъ таковыхъ смѣшеній можно открывать главные причины раздѣленія сектъ. Финское поколѣніе не имѣетъ героическихъ Сагъ, а только однѣ *Теотитескія*, ибо у него нѣтъ исторіи героевъ. У Славянъ есть геройскія пѣсни, также у Нѣмцовъ и Цельшовъ. Тутъ выказывается уже смѣшеніе: въ пѣсняхъ Славянскихъ обнаруживается образованіе и вліяніе Нѣмецкое, ибо Нѣмцы соединились съ Славянами для соспавленія Русскаго государства. Даже и въ самыхъ геройскихъ пѣсняхъ Нѣмцовъ находится многообразное различіе. Скандинавы не имѣютъ никакихъ героическихъ преданій, а только однѣ *Теотитескія Саги*; *героическія-же пѣсни ихъ заимствованы у южныхъ Нѣмцовъ, которыя онѣ собственно принадлежатъ.* Южные Нѣмцы переселились; и потому героическая Сага ихъ была вездѣ принята и

смѣшана съ Сагами постороннихъ народовъ. Отъ того Нѣмецкая повѣсть о герояхъ (Heldenbuch) имѣеть при части отъ прежь сектъ: *Гегелинская* часть принадлежитъ Саксонцамъ, *Нибелунская* Франкамъ и *Вельфинская* Готтамъ. Внѣ отечества своего соединилась Франкская Сага съ Цельтскою въ Галліи, и симъ соединеніемъ образовала кругъ преданій (Sagenkreis) о Роландѣ или Карлѣ Великомъ; въ Италіи Франкская смѣшалась съ Готтескою и образовала Ломбардійскую героическую Сагу; Готтеская въ Германіи извѣстна намъ только по Швабскому своему подновленію; въ Испаніи соединилась она съ кругомъ преданій о Роландѣ, слѣдственно, съ двойнымъ смѣшеніемъ, для составленія пройнаго; въ Авсприи соединилась она съ Венгерскою Сагою; Саксонская, соединившись въ Британіи съ Валлискою, образовала кругъ преданій объ Артурѣ; сіе-же смѣшеніе приняло въ себя еще кругъ преданій о Грамѣ, который, кажется, собственно Цельтскаго происхожденія.

Въ героическихъ пѣсняхъ можеть, по большей части, содержаться только вѣра народная, и отъ сего-то споль великое распространеніе оныхъ дѣлается понятнымъ. Онѣ, по существу своему, весьма скоро потеряли внѣшній свой религіозный характеръ, и были сочиняемы и понимаемы совершенно въ историческомъ духѣ. Кругъ преданій (или Сагъ) начинается од-

нимъ постояннымъ именемъ. Во время христіанства, эшо имя не могло имѣть имени Бога, и потому оно было имя чловѣка, и Саги переносились на древнихъ героев и на исторію народа. Безъ сего понятія о переносѣ не возможно успѣть въ изслѣдованіяхъ о героическихъ пѣсняхъ, и правила для изслѣдованій имѣють слѣдующія основанія. Въ язычествѣ *вѣру народную* составляли героическія Саги; въ нихъ заключалась исторія боговъ, написанная по чловѣческимъ отношеніямъ, хотя и повѣствовалося о рожденіи, дѣяніяхъ и смерти существъ *не-земныхъ*. Чѣмъ болѣе уменьшалось язычество, тѣмъ болѣе оныя Саги принимались въ духъ историческомъ, а боги превращались въ героев. Если боги вводились въ героическія пѣсни съ своими проименованіями, то проименованія сіи оспавались и по преобразованіи Сагъ и принимались безъ всякаго сомнѣнія за существа историческія, какъ на пр. Зигфритъ у Франковъ, Оспнитъ у Ломбардійцовъ, хотя сіи имена въ исторіи сихъ народовъ совсѣмъ не показывають людей важныхъ. Но шакъ какъ, по крайней мѣрѣ у Нѣмцовъ, было въ обыкновеніи, что бы поколѣнія правителей, какъ потомки боговъ, носили и божеское имя (на пр. Скіольдунгеры въ Даніи, Инглингеры въ Швеціи и ш. д.), то тѣмъ легче было переносить героическія Саги на шакія сходныя имена, и тѣмъ болѣе, если шакіе соименные герои и правители опличались вели-

кими дѣянiями. Героическая Сага была общимъ достоянiемъ народа, и потому она могла быть перенесена только на одно лицо изъ начальниковъ народныхъ и только въ народную исторiю. Не всякой соименный Король помѣщался въ Сагу, но только тотъ, который жилъ и дѣйствовалъ въ важномъ и обильномъ послѣдствiями времени. Исторiя, на которую переносилась Сага, преобразовывалась по сей послѣдней, т. е. исторiя не измѣняла или не разрушала содержанiя Саги (въ противномъ случаѣ сего не дѣзья-бы называть переносомъ), но историческiе факты, вводимые какъ достоверное основанiе, передѣлывались по содержанiю и духу Саги. Отъ того неразрѣшимыя противорѣчiя въ геройскихъ пѣсняхъ между Сагою и ея исторически - оказывающимся основанiемъ; на прим. Бургундцы не испреблены Апшилою въ землѣ Гунновъ, а Нибелунгская пѣснь, вопреки всякой исторiи, заставляеть ихъ тамъ совершенно погибнуть; отъ чего - жь это происходитъ? Пѣснь сiя въ точности слѣдуетъ своей Сагѣ, а лица служатъ ей только историческимъ основанiемъ для ея Нибелунговъ, ея Эшцеля и ея Гунновъ. Отъ того и характеры героев Сагъ и ихъ историческихъ соименныхъ подставокъ, чрезвычайно различны. Кло изъ Исторiи только знаетъ Карла Великаго, Апшилу, Осмъ-Готескаго Дипериха,

Ломбардiйскаго Ротари, Артура и другихъ мужей, поэтъ весьма удивится, что въ Сагѣ, Карлъ, Эпцель, Дитерихъ, Ротерь и другіе, показывающіея совершенно иначе, такъ, что только одно имя сходно, а характеръ совершенно различный. Если-бы Сага была исторіей, то этого конечно никогда не могло-бы быть; но она не исторія, а самостоятельный ходъ мыслей (Gedankengang), который, только для приобрѣтенія вѣроятія упоиребляетъ историческія лица и факты, но преобразовываетъ ихъ по своему. Сага, только по прошествіи многихъ столѣтій, перенеслась на великія происшествія народной исторіи и отъ того приобрѣла вѣроятіе, т. е. геройская Сага является всегда въ такомъ времени, когда она казалась уже погибающею.

Истину сихъ положеній намвренъ я крашко доказатьъ героическими пѣснями сѣверныхъ народовъ. Лица въ Heldenbuchъ выбраны изъ временъ переселенія народовъ; сіе переселеніе произвело великую перемену въ народной жизни и составило переходъ къ другому времени. Въ именахъ тогдашнихъ Франкскихъ Королей находятя корни: Лупъ, Гильтъ и Сигъ, послѣднее особенно у Рипуаріевъ; Франкскій герой Саги называется Зигфрипъ. Сага его, безъ всякаго сомнѣнія, имѣла отношеніе къ гибели Рипуарскаго королевскаго дома, и была понимаема исторически, все равно, согласна-ли она

была съ исторіею или нѣтъ. Приходившіе въ упадокъ Готы перенесли свою Сагу на великаго Короля своего Дитериха, копорый, равно какъ и всякій великій начальникъ народа, получалъ тѣмъ болѣе уваженія и признательности, чѣмъ болѣе отдалялось время его существованія. Отъ того мы имѣемъ объ немъ героическую пѣснь уже VIII-го столѣтія, копорая, какъ ни близка была къ времени его существованія, но ни мало не согласна съ его исторіей.

То-же самое обстоятельство и съ Британскимъ Артуромъ. Саксонское завоеваніе произвело въ Британіи богатыя послѣдствія перемѣны; одинъ только Артуръ и еще Эмрисъ удерживали сію бурю, и отъ того сдѣлались они героями Саги. Когда Франки поспешенно исчезали во Франціи и сославили одинъ народъ съ природными жителями, казалось, что и Сага исчезаетъ; но тогда она перенесена была на Карла Великаго, стоявшаго на сей точкѣ раздѣленія, и онъ въ XI мѣ вѣкѣ былъ уже героемъ Саги. Современники его помѣщены съ нимъ вмѣстѣ въ геройскую пѣснь, но такъ какъ они должны были сославлять только предлогъ къ вѣроятію, то исторія и характеры ихъ равномѣрно принесены были въ жертву Сагѣ.

Теперь на вопросъ: такая порча Исторіи въ пользу героической Саги, и переносъ Саги на исторію, съ намѣреніемъ ли дѣланы были и съ свѣдѣніемъ, или по не-

знанію и противъ воли? должно отшѣчать, что это дѣлалось противъ воли и безъ намѣренія и, такъ сказать, составилось само собою. Героническая пѣснь была дѣломъ народа, единственною собственностью его духа, и потому она не могла погибнуть; внутреннее чувство человѣческой природы сохранило ее, и именно, чѣмъ болѣе предстояло опасности къ гибели язычеству и исторіи его, тѣмъ тщательнѣе присоединяли идеальную Сагу (которую давно уже сочинили и понимали совершенно по человѣческимъ отношеніямъ) къ исторической дѣйствительности съ твердою увѣренностію, оправданы и объяснили тѣмъ Сагу. Чрезвычайная привязанность древнѣйшихъ Нѣмцовъ къ своей геронической Сагѣ служить уже достаточнымъ доказательствомъ того, какъ безъ всякаго намѣренія и хитрости принимали ее въ историческомъ духѣ, и какъ искренно вѣрили тому, что въ геронической Сагѣ заключается нѣчто достопочтенное.

(До слѣд. книжки.)

II. КРИТИКА.

Sonety Adama Mickiewicza. (Сонеты Адама Мицкевича). Москва, 1826 г. in 4, 48 стр.

Вошь необыкновенное и удовлетворительное явленіе. Изящное произведеніе чужеземной Поэзии, произведеніе одного изъ первоклассныхъ поэтовъ Польши, напечатано въ Москвѣ, гдѣ, можешь бышь, нѣтъ десяти чашашелей въ состояніи узнать ему цѣну; оно вышло изъ типографіи и перешло въ область книгопродавцовъ incognito, безъ почестей журнальных, безъ тревоги кришической, какъ знаменитый путешественникъ, скрывающійся въ своемъ достоинствѣ отъ даней любопытности и гласныхъ удовольствій суешности. Башюшковъ, опровергая мнѣніе Даламбера, что поэтъ на необитаемомъ островѣ пересталъ-бы писать стихи, потому что нѣкому чмашать и хвалить ихъ, а математикъ все продолжалъ-бы проводить линіи и сославлять углы, указываетъ на Кантемира, который въ Парижѣ писалъ свои безсмертныя сапиры. »Парижъ былъ сей необитаемый островъ для Кантемира,« говоритъ Башюшковъ. Москва почти потъ-же необитаемый островъ для Польскаго Поэта. Но поэтъ носитъ свой міръ съ собою: мечтами своими населяетъ онъ пустыню, и когда говоритъ ему не съ кѣмъ, онъ говоритъ самъ съ собою. Вѣроятно, вошь отъ чего многіе изъ прозакстовъ и почитаютъ поэтовъ безумцами. Они не понимаютъ: что за выгода поэту говоритъ на вѣтеръ, въ упованіи, что вѣтеръ эшотъ, куда нибудь и когда нибудь, занесетъ звуки

ихъ души ; что они сольются въ свое время съ описываемаи всего прекраснаго и не исчезнутъ, потому что, когда есть безсмертіе души, то должно быть и безсмертіе поэзіи. Проза должна болѣе или мене говорить присуствующимъ ; Поэзія можетъ говорить и отсутствующимъ : ей не нужно непосредственной ошповѣди наличныхъ слушателей. На Поэзію есть эхо: вѣдъ нибудь и какъ нибудь оно ошкликнешся на ея голосъ.

Г-нъ Мицкевичъ принадлежитъ къ малому числу избранныхъ, коимъ предоспавлено счастливое право быть представителеми литературной славы своихъ народовъ. Кажется, утвердительно сказать можно, что ему принадлежитъ почетное мѣсто въ современномъ намъ поколѣніи поэтовъ. Не намъ, со стороны, подтверждать или изслѣдывать сей приговоръ : приводимъ его только въ свидѣтельство, какъ выраженіе общаго мнѣнія безпристрастныхъ и свѣдущихъ судей Польской Литературы. Не лзя не подивиться и не пожалѣть, что сія соплеменница нашей, такъ у насъ мало извѣстна. Сколько узы политическія, соединяющія насъ нынѣ съ Польшею, столько узы природнаго сродства и взаимной пользы въ Словесности, должны-бы, кажется, насъ сблизить. Изученіе Польскаго языка могло бытъ-бы вспомогательнымъ дополненіемъ къ изученію языка отечественнаго. Многія родовыя черты, сохранившіяся у сосѣдей и сопаслѣдниковъ нашихъ, утрачены нами ; въ обоюдномъ разсмотрѣніи наслѣдства, раздѣленнаго между нами, въ миролюбной размѣнѣ съ обѣихъ сторонъ, могли-бы обрѣсти мы общую выгоду. Братья, ко-
 торыхъ часто представляетъ Исторія новымъ при-

громъ древней Оливиды, должны-бы, кажется, предать забвенію среднюю эпоху своего бытія, ознаменованную семейными раздорами, и слиться въ чертахъ коренныхъ своего происхожденія и нынѣшняго соединенія. Журналамъ Польскимъ и Русскимъ предоставлена обязанность изготавить предварительныя мѣры семейнаго сближенія. По крайней мѣрѣ, радуемся съ своей стороны, что намъ выпалъ счастливый жребій запечатлѣть одинъ изъ первыхъ шаговъ къ сей желаемой цѣли, ознакомленіемъ Русскихъ читателей съ Сонетами Г-на Мицкевича, которые, безъ сомнѣнія, приохотятъ къ дальнѣйшему знакомству. Впрочемъ, если Г-нъ Мицкевичъ былъ-бы побуждаемъ равнымъ желаніемъ способствовать къ этому соединенію, то должно признаться, что онъ принялся за лучшее средство: печатая свои Сонеты въ Москвѣ, онъ задиралъ насъ обольстительною вѣжливостью, и если Кантемиру не удалось никого выучить по-Русски на своемъ островѣ, то надѣюсь, что Г-нъ Мицкевичъ будетъ его счастливѣе. Самый родъ, избранный Польскимъ Поэтомъ, рама, въ которую намѣрился онъ втѣснить свои впечатлѣнія, чувства и понятія, доказываютъ, что его не пугаютъ взыскательныя формы искусства, и что для истиннаго поэта нѣтъ оковъ стихосложенія. Мы уже отошли отъ суевѣрнаго пристрастія Дебрео къ Сонету, но все должны признаться, что правильное исполненіе его сопряжено съ нѣкоторымъ затрудненіемъ и налагаетъ иго. Участъ Соедѣтеля странная. Законодатель новѣйшей классической Поэзіи поставилъ его краеугольнымъ камнемъ зданія классической Поэзіи, а въ опечествѣ его, вѣрующемъ еще и нынѣ въ его *Французскій Корамъ*,

(такъ Пушкинъ называетъ l'art poétique), Сонетъ совершенно забытъ и заброшенъ. Напрямъ, у поэтовъ исповѣдующихъ романтизмъ, онъ еще въ употребленіи. Впрочемъ, и они имѣютъ за себя, если не законодателя романтизма, то главу его Шекспира, который оставилъ намъ болѣе 150 сонетовъ. На этомъ-ли примѣрѣ основано возрожденіе Сонета въ наше время, или просто на томъ, что въ кругообращеніи умственной дѣятельности, старое дѣлается новымъ, а новое старымъ, и что за невозможностью всегда пворить, мы напоминаемъ забытое; но склонность нынѣшнихъ поэтическихъ формъ къ однообразному размѣру сонета, или вообще определеннаго состава строфъ, очевидна даже и въ твореніяхъ большаго объема. Сонеты Г-на Мицкевича раздѣлены на двѣ части; въ *первой*, двадцать два, принадлежатъ къ роду эротическихъ сонетовъ Петрарки, хотя и есть въ нихъ нѣкоторыя сатирическія уклоненія, какъ на примѣрѣ: *Do Wzyciujacuscъ, Rozegnanie, Danaidy* (*Посѣтителю, Прощаніе, Данаиды*); но и тушь любовь кажется чувствомъ господствующимъ, Кто насмѣхается надъ женщинами, кто на нихъ сердится, тотъ ихъ еще любитъ: равнодушіе о нихъ не упоминаетъ. *Другая* часть составлена изъ *Крымскихъ Сонетовъ*, такъ названныхъ потому, что вдохновенія, ихъ внушившія, почерпнуты всѣ въ путешествіи Автора по нашему поэтическому полуострову. Каждое изъ замѣчательныхъ мѣстъ сей живописной страны ошталось въ стихахъ Поэта. Можно назвать эти Сонеты поэтическими душевыми записками. Такъ и Байронъ велъ свой странническій журналъ во многихъ строфахъ Чайльдъ-Гарольда, и безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ Поль-

сихъ Сонетовъ могутъ быть поставлены наравнѣ съ лучшими строфами Англійскаго Поэта. Изъ этого не слѣдуетъ, что нашъ соплеменникъ подражалъ ему, хотя, можетъ быть, вліяніе Поэзіи его дѣйствовало и на поэзію Сонетовъ. Поэзія Шотландскаго Барда, свѣтило нашего вѣка, какъ свѣтило дня проникаетъ нечувствительно, или лучше сказать, незлѣдуемо, и туда, гдѣ неощутительно, очевидно непосредственное дѣйствіе лучей его: оно, по таинственнымъ образомъ растворяетъ сокровенныя тайники, шо проливаетъ опсвѣтъ блеска своего на вещества самобытныя, не подлежащія его творческой силѣ. Вездѣсущее, оно всюду постигаемо, хотя и не повсюду явно. Кажется, въ нашемъ вѣкѣ невозможно поэту не опозваться Байрономъ, какъ романисту не опозваться В. Скоттомъ, какъ ни будь велико и даже оригинально дарованіе, и какъ ни различествуй поприще и средства, предоставленныя или избранныя каждымъ изъ нихъ, по обстоятельству или волѣ. Такое сочувствіе, согласіе не лзя назвать подражаніемъ: оно напрошивъ, невольная, но возвышенная *статка* (не умію вѣрнѣе назвать) (*) геніевъ, которые, какъ ни отличаются отъ сверстниковъ своихъ, какъ ни зидательны въ очеркѣ дѣйствія, проведенномъ вокругъ ихъ Провидѣніемъ, но все въ нѣкоторомъ отношеніи подвластны общему духу времени и движимы въ силу какихъ-то мѣстныхъ и срочныхъ законовъ. Каждый мыслящій человекъ опредѣлитъ духъ време-

(*) *Статка*, согласіе; *стативатся*, стовариватся: судебное слово, употребленное въ Уложеніи (Словаре Академіи Россійской).

ни, свойственный каждой эпохѣ: но мы, чтобы не увлекаться вдаль, оставили это выраженіе неопредѣленнымъ. Какъ книгопродавцы во времена Монтескьё требовали *Персидскихъ писемъ* отъ Французскихъ авторовъ, такъ, можно сказать, что нынѣшнее поколѣніе требуетъ Байроновской Поэзіи, не по модѣ, не по прихоти, но по глубоко въ сердца заронившимся потребностямъ нынѣшняго вѣка. Во всё времена, люди возвышенные, хотя впрочемъ и разногласные въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, были одной вѣры по нѣкоторымъ основнымъ мнѣніямъ: не смотря на слова ихъ, противорѣчавшія одно другому, выдавалась и у нихъ невольная соотвѣстственность. Одни посредственные люди избѣгаютъ сего *намитя* вѣка, которое падаетъ сначала только на вершины, и уже послѣ съ нихъ разливается по дольнымъ отлогостямъ. Тупъ хвастать нечѣмъ: за то посредственные люди и бываютъ внѣ круга дѣйствія, во время его производства, а обхватывающія имъ уже послѣ, когда разливъ совершился и уже всеобъемлющъ. Этого феномена нравственнаго мира отыскивается на всѣхъ поприщахъ равно: и поэзіи, и полиптики, и всѣхъ великихъ соображеній, близкихъ сердцу и уму человека. Возмите, на примѣръ, Вольтера и Руссо, двухъ антагонистовъ; они во многомъ другъ другу противорѣчили; часто, можешь быть, заблуждались, каждый по своему направленію, но не найдется-ли у нихъ во многомъ и *возвышенная статья*, о которой говорено выше? Съ кѣмъ Руссо имѣлъ болѣе *состройства* въ запросахъ, съ Вольтеромъ, или, на примѣръ, съ Фрерономъ, или повѣйшимъ проповоборникомъ Графомъ де-Местромъ, который, въ пылу челолюбиваго краснорѣчія,

говоришь, что онъ *воздвигнулъ-бы статую Вольтеру, но рукою палата*. Отъ именъ, уже запечатлѣнныхъ вниманіемъ потомства, перейдемъ къ именамъ, еще не освященнымъ рѣшительнымъ его приговоромъ и подлежащимъ еще суду, отъ прорицателей поняшій отвлеченныхъ челоѳчества, къ представителямъ положительныхъ запросовъ общежительства, Шатобриану и Бенжаменъ-Констану. Они завербованы политическими мнѣніями подъ знамена противоположныя; но во мнѣніяхъ не прильнувшихъ къ настоящей минутѣ, въ истинахъ государственныхъ, вѣковѣчныхъ и возвышающихся надъ истинами условными, которыя брошены долу какъ будто на драку мѣлочнымъ страстямъ, они неумышленно въ рѣшительной необходимости спакиваются между собою, хотя и расходятся послѣ. Нѣтъ двухъ истинъ, двухъ потребностей на одну и ту же минутѣ. Байронъ не изобрѣлъ своего рода: онъ во время избранъ былъ шолмачомъ челоѳка съ самимъ собою. Онъ положилъ на музыку пѣсню поколѣнія, онъ ввелъ буквы, которыя напечатлѣли понятія и чувства, шаящіяся подъ спудомъ за недостаткомъ знаковъ выразительныхъ. Какъ ни дѣлайте, а если хопише говорить языкомъ поняшнымъ и умѣстнымъ, то вы отъ буквъ и правописанія его не опдѣляетесь: соображенія ихъ будутъ разныя, но средства для возбужденія разнообразныхъ поняшій и впечатлѣній одни. Вотъ, можетъ быть, одна изъ характеристическихъ примѣтъ романтизма: освобождаясь отъ нѣкоторыхъ условныхъ правилъ, онъ покоряется потребностямъ. Въ немъ должно быть *однообразіе*, но это однообразіе природы, которое всегда ново и заманчиво. Классицизмъ (разумѣется классицизмъ ны-

нѣшнѣй, то есть прививной, ибо въ свое время онъ также былъ выраженіемъ вѣка), разнообразіе въ своихъ наружныхъ явленіяхъ, какъ игра искусственныхъ огней разноцвѣтнѣ сіянія солнца, какъ ложь можетъ быть разнообразіе истины. Истинное должно быть однородно: въ вѣрномъ выраженіи чувства, въ сличеніи видимаго съ желаемымъ, въ отголоскѣ ощущеній и понятій, настроенныхъ событіями, долженъ быть у возвышенныхъ людей одного времени одинъ общій діапазонъ, какъ въ инструментахъ различныхъ, но одинакой доброты и въ рукахъ художниковъ равнаго искусства. Звукъ, не сливающийся въ общую гармонию, звукъ фальшивый. Отзывы беззаботной мудрости Горация, оды Ломоносова, циническія шутки Вольтера были бы нынѣ фальшивыми звуками. Кромѣ цѣны ихъ эстетической, имѣютъ они и цѣну внутреннюю; только, подобно календарямъ нравственнаго міра, хороши они для справокъ и для узнанія времени, на которое они были изданы; но примѣненные къ настоящему, они будутъ издавать анахронизмы, какъ несогласно съ прочими настроенный инструментъ издаетъ фальшивые звуки. По словамъ Вольтера, жалокъ тотъ, который подверженъ анахронизмамъ, жалокъ тотъ,

Qui n'a pas l'esprit de son âge ;

можно примѣнить это правило личной жизни и къ жизни общества, возрастъ чловѣка къ возрасту общества.

Извиняться-ли мнѣ передъ читателями за длинное ошштуленіе? *Написаннаго не вырубить*

топоромъ, говоритъ пословица, а особливо-же, если топоръ въ рукъ авторскаго самолюбя. На всякій случай предославимъ вырубку сѣкиръ крипики, а сами обратимся къ Сонетамъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Отрывковъ, отдѣльныхъ стихотвореній раздроблять не должно: лучшей отчетъ состоитъ въ предсавленіи самыхъ документовъ, подлежащихъ суду. Такъ мы и сдѣлали: тѣмъ болѣе, что, когда идетъ дѣло о произведеніи иностранномъ, мы можемъ судить единственно о достоинствѣ въ цѣломъ. Подробности ускользаютъ отъ близорукости иностранцовъ. Основываясь на эпозъ правилъ, перевели мы только два Сонета изъ перваго отдѣленія, потому, что главное достоинство стихотвореній въ немъ заключающихся должно состоять въ способѣ выраженія, въ прелести, такъ сказать, не-переносной, а особливо-же въ прозу. Возмись, на примѣръ, перенеси въ иностранную прозу нѣкоторыя изъ короткихъ, но жизни исполненныхъ элегій Баратынскаго? Вы распустили живописное и яркое шипье искусной золотошвейки. Крымскіе-же Сонеты всѣ переведены нами, потому, что въ каждомъ изъ нихъ, болѣе или менѣе, встречаются красоты безусловныя, цѣльныя. Можетъ быть, нѣкоторымъ изъ Русскихъ читателей, вообще довольно робкихъ и старообрядныхъ, покажется страннымъ яркій воспочный колоритъ, наведенный на многіе изъ Сонетовъ. Замѣнимъ для этихъ сѣверо-западныхъ читателей, что Поэтъ переноситъ ихъ на Востокъ, и слѣдовательно, что должны они вмѣстѣ съ нимъ поддаваться вдохновеніямъ восточнаго солнца, что *кандостогнѣйшія* сравненія, обороты вложены Поэтомъ въ уста *Мирзы*, проводника,

пилигрима Польскаго, и еще, держась мнѣнія изложеннаго выше, напомнимъ, что нѣкоторый отблескъ восточныхъ цвѣтовъ, есть колоритъ Поэзіи вѣка, что кисти Байрона, Мура и другихъ первоклассныхъ поэтовъ современныхъ, напоены его радужными красками. Мы сами, почти готовы сознаться, что въ иныхъ мѣстахъ, хотя и очень рѣдко, Польскій Поэтъ увлекается въ выраженіяхъ и сравненіяхъ своихъ гиперболическою смѣлостью, сбивающеюся на дурзость въ глазахъ нашего гиперборейскаго благо-разумія, что въ нѣкоторыхъ уподобленіяхъ, оборотахъ вспрѣчается у него что-то похожее на принужденіе, изысканность; но самыя, по видимому, насильственныя уподобленія, выкупаются вѣрнымъ выдержаніемъ до конца и во всѣхъ частяхъ, какъ на прижѣръ въ первой строфѣ 8-го Крымскаго Сонепа. Этимъ способомъ Поэтъ даетъ отчетъ въ своей смѣлости, и читатель, пораженный съ перваго раза неожиданностью, убѣждается постепеннымъ ея развитіемъ и приучается къ ней. Кажется, за исключеніемъ не всегда довольно строгой экономіи въ употребленіи смѣлыхъ фигуръ и оборотовъ, Кристикъ остается только похвалить въ Польскомъ Поэтѣ богатство, роскошь воображенія, сильное и живое чувство поэтическое, которое у него вездѣ выдается, и въ вѣрномъ, свѣжемъ выраженіи переливается въ душу читателя: мастерство необычайное, съ которымъ уиѣлъ онъ втѣснить въ сжашую раму Сонепа картины полныя и часто исполинскія. Не беремся судить, всегда-ли слово употребляемое имъ красиво, но и вчужѣ чувствуемъ, что оно выразительно и живописно; а это главное: на красоту, какъ и на все ошмисительное, бываетъ пора. Иное слово, которое

было въ употребленіи у народа въ старину и нынѣ отброшенное пиранствомъ употребленія, можетъ со временемъ отыскать свои права на уваженіе. Аббатъ Галіани справедливо обвиняетъ Вольшера за лексиконскія и грамматическія примѣчанія его на Корнеля, въ кошорыхъ уличалъ онъ Трагика, что такое-то слово, такое-то выраженіе, употребленное имъ, неправильно по-Французски. »Также было бы глупо увѣрять меня,« прибавляетъ Аббатъ, въ своенравномъ движеніи полуденной живости, что Цицеронъ и Виргилій, хотя Италіянцы, не такъ чисто писали по-Италіянски, какъ Боккачіо и Аріостъ. Какое дурачество! Каждый вѣкъ и каждый народъ имѣють свой живой языкъ, и всѣ равно хороши. Каждый пишетъ на своемъ. Мы не знаемъ, что подѣлается съ Французскимъ, когда онъ будетъ мертвымъ языкомъ; но легко случиться можетъ, что потомство вздумаетъ писать по-Французски слогомъ Моншана и Корнеля, а не слогомъ Вольшера. Мудренаго тутъ ничего-бы не было. По-Латинѣ пишутъ слогомъ Плавта, Теренція, Лукреція, а не слогомъ Пруденція, Апполинарія и прочихъ, хотя Римляне, безъ сомнѣнія, были въ 4-мъ вѣкѣ болѣе свѣдуци въ Астрономіи, Геометріи, Медицинѣ, Литтературѣ, чѣмъ во времена Теренція и Лукреція. Это зависитъ отъ вкуса, а мы не можемъ предвидѣть вкуса потомства, если при томъ будетъ у насъ потомство и не вмѣшается всеобщій попомъ.»

По крайней мѣрѣ, мы въ переводѣ своемъ не искали красотности, а дорожили болѣе вѣрностью и близостью списка. Стараясь переводить какъ можно буквальнѣе, слѣдовали мы двумъ побужденіямъ:

Н 2

во первыхъ, хотѣли показать сходство языковъ Польскаго съ Русскимъ, и часто переносили не только слово въ слово, но и самое слово Польское, когда отыскивали его въ Русскомъ языкѣ, хотя и съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, но еще съ знаменіемъ родовымъ. Не всегда могли мы это дѣлать, ибо въ переселеніи своемъ многія слова, хотя и сохранившіяся, но испытали превратности фортуны и то-же слово, которое на Польскомъ языкѣ спускаться на высшихъ ступеняхъ лексиконской Іерархіи, на нашемъ служить для черной работы, и обратно. Съ переводомъ Сонетовъ, здѣсь приложеннымъ, и незнающіе Польскаго языка, сличая списокъ съ подлинникомъ, дойдутъ легко до удовлетворительныхъ убѣжденій въ истинѣ сказаннаго замѣчанія. Вторымъ побужденіемъ въ неотступномъ преложеніи было для насъ и увѣреніе, что близкій переводъ, особливо-же въ прозѣ, всегда предпочтительнѣе шакому, въ которомъ переводчикъ болѣе думаетъ о себѣ, чѣмъ о подлинникѣ своемъ. Прямодушный переводчикъ долженъ подавать примѣръ самоотверженія. Награда его ожидающая: тихое удовольствіе за совершеніе добраго дѣла и признательность одолженныхъ читателей, а совѣтъ не ровный участокъ въ славѣ автора, какъ многіе думаютъ. Конечно, не каждый читатель будетъ въ соспоянніи, или захочетъ дать себѣ трудъ разобратъ въ неубранномъ спискѣ, достоинство подлинника, но за то художники вѣрнѣе поймутъ его, неразвлеченные посторонними усиліями самолюбиваго переводчика. Любитель зодчества не удовольствуется красивымъ изображеніемъ замѣчательнаго зданія: любя науку свою, онъ подорожитъ бо-

те голымъ, но вѣрнымъ и подробнымъ чертежомъ, передающимъ ему также *буквально* все средства, мысли и распоряженія зодчаго. Какъ обыкновенно для каждаго зданія составляютъ два плана, одинъ вечернъ, другой набѣло, такъ должно, кажется, поступать и въ переводахъ, особливо же съ подлинниковъ мало извѣстныхъ, или подлежащихъ изученію художниковъ. Предоставляя другимъ блестящую часть труда, смиренно ограничиваюсь существеннѣйшею, и представляю здѣсь чисташлемъ переводъ вечернъ.

Утро и вечеръ.

Солнце сіяетъ на восходѣ въ вѣнцѣ пламенныхъ облаковъ, а на западѣ меркнетъ блѣдное лицо луны. Роза обращаетъ къ солнцу развивающіяся почки; фіалка клонится опягченная слезами утра.

Лаура блеснула въ окнѣ: я палъ на колѣни; она ласкала кудри своихъ распущенныхъ волосъ: «что же?» спросила, «такъ рано печальны очи у васъ, мѣсяць, фіалка, и у тебя, мой возлюбленный?»

Вечеромъ пришелъ я насладиться новымъ зрѣлищемъ: возвращается мѣсяць, лицо его полно и румяно; фіалка поднимаетъ листки, освѣженные сумракомъ.

Снова явилась у окна моя милая, но еще въ прелестнѣйшемъ уборѣ и съ радостнѣйшимъ взглядомъ: снова палъ я на колѣни передъ нею, также печаленъ, какъ утромъ.

Покорность (*).

Несчастливъ, кто напрасно молишь о взаимности, несчастливѣе пошь, кого тяготитъ сердце праздное; но пошь по мнѣ, несчастливѣйшій изъ всѣхъ, кто не любилъ и не можетъ забыть, что нѣкогда любилъ.

Глядя на очи пылающія и на безстыдныя чела, онъ отправляетъ воспоминаніями роскошь, обольщающую его; а если прелестъ и добродѣтель пробуждаютъ въ немъ чувство, онъ не смѣетъ съ сердцемъ поблекшимъ приблизиться къ ногамъ ангела.

Онъ, или первыми пренебрегаетъ, или обвиняетъ себя предъ другими; минуешь смертную и спѣшишь поспорониться (**) передъ богинею, и глядя на обѣихъ, прощается съ надеждою.

И сердце его подобно древней святыни, опустошенной непогодами и временемъ, въ которой божество не хочетъ обитать, а люди не смѣютъ.

(*) Покорность. Въ подлинникѣ заглавіе Сюеша сего *Resignasya*, съ Французскаго слова: *Résignation*, употребленнаго и Шиллеромъ. У насъ нѣтъ равнозначительнаго ему. Впрочемъ, кажется, здѣсь оно неумѣстно и не описываетъ содержанію Сюеша. Переводчикъ.

(**) Въ Польскомъ сказано: *z drogi ustąpi bogini*, то есть: уступаетъ дорогу богинѣ, сходно съ Французскимъ: *céder le pas*. Пер.

Сонеты Крымскіе.

Wer den Dichter will verstehen
 Muß in Dichters Lande gehen
 Gothe.

Акерманскія степи.

Вплывя на пространство сухаго океана, *коле-
 сница* (*) ныряетъ въ зелени, и какъ лодка зы-
 блется; среди волнь шумящихъ нивъ, среди разли-
 ва цвѣтовъ, минуя багряные острова бурьяна (**).

Уже сумракъ низходитъ: нѣтъ ни спези, ни
 кургана; смотрю на небеса, ищу звѣздъ путеводи-
 тельницъ ладьи; тамъ вдали блещетъ облако? Тамъ
 денница всходитъ? Нѣтъ, то блещетъ Двѣстръ,
 то загорѣлся маякъ Акерманскій.

Остановимся! Какъ тихо! Слышу, какъ тя-
 нутся журавли, которыхъ не достигнулъ-бы взоръ
 сокола; слышу, какъ мотылекъ колышется на травѣ,
 какъ змѣя допрогивается до раснѣній скользкою
 грудью. Въ этой тиши — такъ напрягаю ухо лю-
 бопытное, что могъ-бы услышать голосъ съ Лѣш-
 вы — ѣдемъ; никто не вызываетъ.

Морская тишь.

На высотѣ Тарканкута.

Уже вѣтерокъ едва ласкаетъ ленты кормовой
 спавки, свѣшляющая вода разыгралась тихимъ ло-

(*) Въ Польскомъ сказано *wóz*, *возъ*, *повозка*; жаль, что у
 насъ нѣтъ общаго Русскаго слова для выраженія: *équipage*.
 Пер.

(**) На Украинѣ называютъ *бурьянами* кусты травъ, ко-
 торые лѣтомъ бывають покрыты цвѣтами и пріятно раз-
 нообразяють равнины. Авторъ.

ломъ; какъ молодая невеста, которой снится о счастьи, пробуждается, чтобы вздохнуть и опять засыпаетъ.

Паруса, подобно хоругви, по окончаніи войны, дремлютъ на мачтахъ нагихъ; корабль легкимъ движеніемъ колышется, будто прикованный цѣпью; мастрось отдохнулъ: плаватели развеселились.

О морѣ! посреди твоихъ веселыхъ живчиковъ (*) есть полипъ, который спитъ на днѣ, когда небо мрачно, а въ тишь развиваетъ долгія рамена.

О мысль! въ твоей глубинѣ есть гидра воспоминаній: она спитъ въ годину бѣдствій и бурю страсти, а когда сердце спокойно, вонзаетъ въ него когти.

П л а в а н і е.

Шумъ усиливается; морскія страшлища движатся толпами, мастрось взбѣжалъ по лѣстницѣ; готовьтесь, ребята! Взбѣжалъ, распростерся, повиснулъ въ невидимой сѣти, какъ паукъ, спрегущій движеніе ткаки.

Вѣтеръ! вѣтеръ! Бьется корабль, срывается съ удила, раскачивается, ныряетъ въ пѣнистой мятели, заноситъ выю, зашоппала волны, и сквозь небеса летишь, челомъ разсѣкаетъ облака, и вѣтеръ подь крылья хватаетъ.

(*) Въ Польскомъ *Zyjatek*: это слово въ маломъ употребленіи на Польскомъ языкѣ, составлено было Трембецкимъ, на подобіе слова: *zwierzatek*, *звѣрокъ*. Слово: *живчикъ*, существуетъ въ Русскомъ языкѣ, хотя и нѣтъ его ни въ Словарѣ Академіи, ни въ Словарѣ Церковномъ. Не лѣзя-ли примѣняешь его въ *жпаущей* лѣдлоги природы, къ *малымъ* тварямъ? Пер.

И мой духъ парить полетомъ мачты средь
вѣтры; воображеніе вздувается какъ руно (*) пару-
са, невольный кликъ соединю съ веселою толпою.

Выпягиваю руки, падаю на лоно корабля: ка-
жется, грудь моя надавливъ ему бѣгу. Легко мнѣ!
любо! Знаю, каково быть птицею!

Б у р я.

Паруса сорваны, корма треснула, ревъ волнъ,
шумъ вихря; голоса встревоженной громады, насо-
совъ сипонъ злобщій, послѣднія веревки вырвались изъ
рукъ матросовъ, солнце кроваво заходитъ, съ нимъ
остатокъ надежды.

Торжественно буря завывала, а на влажныя го-
ры, возносящіяся ярусами съ бездны морской, всту-
пилъ Геній смерти и пошелъ къ кораблю, какъ раш-
никъ въ проломленныя стѣны.

Тѣ лежатъ полумертвые, иной ломаетъ себѣ
руки, сей прощающійся падаетъ въ объятія друзей,
другіе предъ смертію молятся, чѣобы смерть отог-
нать.

Одинъ путникъ сидѣлъ безмолвно въ сторонѣ
и мыслить: »Счастливы, кто утратилъ силы, чѣмъ
кто умѣетъ молиться, чѣмъ знаешь, кому скажешь
проси!»

(*) Въ Польскомъ *warkocz, chevelure*. У насъ нѣтъ подоб-
наго слова. Пер.

*Видѣ горѣ изѣ степей Козловскихъ. Пил-
гримѣ и Мирза.*

П и л г р и м ѣ.

Тамъ? Не Алла-ли поднялъ оледенѣлое море?
Не Ангеламъ-ли оплилъ онъ престолъ изъ замерзшихъ
облаковъ? Не Дивы-ли (*) вознесли оныя стѣны изъ
обломка вселенны, чтобы заградить каравану звѣздъ
дорогу съ Востока?

Какое зарево на вершинѣ (**)! Будто пожаръ
Царь-града! Не Алла-ли, когда ночь раскинула тем-
ный покровъ (***), засвѣпилъ для міровъ, плавающихъ
по морю природы, тѣ свѣшильники среди небеснаго
круга?

М и р з а.

Тамъ? Я шуда доходилъ; тамъ Зима обихаетъ
я видѣлъ, какъ клювы попоковъ и зѣвы рѣкъ пьютъ
изъ ея гнѣзда: дохнулъ я, съ устъ моихъ летѣлъ
снѣгъ; прокладывалъ слѣды тамъ, гдѣ орлы дороги
не вѣдаютъ, гдѣ конецъ странствію облаковъ; я
прошелъ мимо грома дремлющаго въ колыбели изъ
шучь, тамъ, гдѣ надъ чалмою моею была только
звѣзда. Эшо Чашырдагъ (****)!

(*) Дивы, по древней Персидской Мифологіи, злые гении,
'нѣкогда' царствовавшіе на землѣ, попомъ изгнанные Ангелами и вынужденные жить на концѣ міра, за горю Кафъ. *Лет.*

(**) Вершина Чашырдага, по закатѣ солнца, отъ отражающихся лучей, кажется нѣсколько времени пламенною. *Лет.*

(***) Въ Польскомъ употреблено Ташарское слово: *хилатъ*, халатъ. *Пер.*

(****) Самая высокая въ цѣпи горъ Крымскихъ, на южномъ берегу. Она видна издали почти въ 200-хъ верстахъ, съ разныхъ сторонъ, въ видѣ испанской шучи, снѣжною шапкою. *Лет.*

П и л и г р и м ь .

Ага !!

Бахтисарайскій дворецъ.

Еще величественное, уже пусто наслѣдіе Гиреевъ; по преддверіямъ, нѣкогда вытираемымъ лбами дашей, по софамъ, престоламъ власти, убѣжищамъ любви, нынѣ скачетъ саранча и вьется гадь.

Сквозь оконъ разноцвѣтныхъ плющъ продирается по нѣмымъ стѣнамъ и сводамъ, завладѣвъ созданіемъ человѣковъ во имя природы и пишешь чершамъ Вальтасара (*) : *развалина.*

Посреди храмины чаша, высѣченная изъ мрамора: это фоншанъ гарема, уцѣлѣвшій доннынъ; онъ точитъ перловыя слезы и гласитъ по пустынь:

Гдѣ же вы, о любовь, власть и слава? Вамъ надлежало пребыть навѣки, струя шибко уплываєшь! О позоръ! васъ не спало, а струя журчитъ и понынѣ!

Бахтисарай иатъю,

Расходясь изъ Джамидовъ (**) набожные жипелы, опголосокъ Изана теряется въ пиши вечерней;

(*) Пророчество Даниилово V. 25, 26, 27 и 28. *Лет.*

(**) Месдэйдъ или Джами, обыкновенныя мечети. Изнавъ, по угламъ ихъ, возвышающія тонкія башенки, называемыя *минаретами* (Менаре); онѣ въ половинѣ своей высоты бывають облежены галлереею (Шурфе), съ кошорой Мьюези-ямъ, или извѣстшисламъ, созываютъ народъ къ молитвѣ.

закрасилась заря рубиновымъ лицомъ. Сребристый царь ночи спѣшитъ опочить при возлюбленной.

Блещаютъ въ гаремъ небесъ вѣчные пламеники звѣздъ: посреди ихъ плаваешь по сапфирному пространству одно облако, какъ сонный лебедь на озерѣ: бѣлыя перси его опливаются златомъ по краямъ.

Здѣсь падаетъ тѣнь съ минарета и верховъ кипариса; далѣе, полукружіемъ чертѣются исполинныя гранитныя, подобныя сапатамъ, сѣдящимъ въ диванѣ Эвлиса (*).

Подъ наметомъ мрака: иногда на вершинѣ ихъ пробуждается молнія, и быстрою Фариса (**), пробѣгаешь по безмолвнымъ пущынямъ лазури.

Г р о б н и ц а П о т о ц к о й (***) .

Въ странѣ весны, среди роскошныхъ садовъ, мы увяла, юная роза! Ибо мгновения протекшаго

Этотъ призывъ съ галлерей называется *Изакомъ*. Пять разъ въ день, въ опредѣленные часы, повторяется Изаъ со всѣхъ минаретовъ, и чистый, далеко слышимый голосъ Мюзезиновъ пріятно раздаётся по городамъ музульманскимъ, въ коихъ не слышно шума колесъ и царствуютъ величайшая тишина (*Сенковский, Collectanea, T. I. 68. Амт.*

(*) Эвлисъ, или Гаразель, у мугаммеданъ Люциферъ. *Амт.*

(**) Рыцарь Арабскихъ Бедуиновъ. *Амт.*

(***) Недалеко отъ дворца Хановъ возвышается могила, устроенная въ восточномъ вкусѣ, съ круглымъ куполомъ. Есть преданіе въ Крыму, между просвѣтымъ народомъ, что памятникъ сей поставленъ былъ Керимъ - Гиреемъ невольницѣ, кошорую онъ любилъ страстно. Говорятъ, что она была Полька, изъ дому Цоцецкихъ. Сочинитель Пущешевскій по Тавридѣ, Мурашевъ - Апостоль, полагаетъ, что преданіе неосновательно, и что въ гробницѣ сокрыто тѣло какой-то Грузинки. Но знаемъ, на чемъ онъ основываетъ свое мнѣніе, ибо возраженіе его, что Ташармъ въ

летая отъ тебя, какъ золотые мошылки, заронили
въ глубину сердца червь воспоминаній.

Тамъ на Свєрь, къ Польшѣ, сияють громады
вздъ; почему-же по той спєзѣ сияеть ихъ столь-
ю? Не швой-ли взоръ, исполненный огня, предъ
вѣмъ какъ угаснуть въ могилѣ, непрерывно туда
обращенный, зажегъ тѣ ясныя слѣды?

Полька! И я дни свои отживу въ скорби уеди-
женной. Пусть здѣсь пріязненная рука броситъ мнѣ
горсть земли. Путьники часто бесѣдуя при швоемъ
гробѣ,

Пробуждаютъ тогда и для меня звуки языка род-
ного, и вѣщій замысля о тебѣ одинокую пѣсню,
увидишь близкую могилу и пѣсню заведешь и про
меня.

Могила Гарема ():*

Мирза къ Пилигриму.

Здѣсь изъ виноградника любви взяты были на
столь Аллы недозрѣлая кисти: здѣсь съ моря ушѣхъ

половинѣ XVIII столѣтія не могли столь легко увозить
невольницъ изъ дому Попоцкихъ, недостаночю. Извѣ-
стны послѣдніе мятежи Казаковъ на Украинѣ, когда не ма-
лое число народа уведено и продано было сосѣднимъ Тапа-
рамъ. Въ Гольшѣ есть многочисленныя дворянскія семей-
ства Попоцкихъ, и невольница могла и не принадлежать
знаменитому дому владѣтелей Умань. Изъ прослѣдовавшаго
разказа о гробницѣ Бахчисарайской, Россійскій Поэтъ
А. Пушкинъ, съ свойственнымъ ему талантомъ, написалъ
повѣсть: *Бахчисарайскій Фонтанъ*. *Лет.*

*) Въ роскошномъ саду, среди высокихъ шопелей и шелковицъ
находились гробницы изъ бѣлаго мрамора, Хановъ и Султа-
новъ, ихъ женъ и родственниковъ. Неподалеку, въ двухъ
зданіяхъ, лежатъ гробы, сваленныя безпорядочно; оци были
вѣкогда богато обшпы; нынѣ видны голыя доски и лоскуты
самаковъ. *Лет.*

и счастья, перлы восточные похитила преждевременно въ мрачное лоно гробница, раковина вѣчности.

Скрыла ихъ завѣса забвенія и времени: надъ ними, посреди сада, блещеть хладная чалма (*), какъ бунчугъ войска тѣней, и едва сохранились подъ нею имена, вырѣзанныя рукою Глура (**).

О вы, розы Эдемскія! У источника непорочности опцѣвали дни ваши подъ листьями застѣнчивости, навѣки утаенные отъ ока невѣрнаго.

Нынѣ гробницы ваши оскорбляютъ воззрѣніе иноземца. Позволю, прости, о великій пророкъ! Онъ одинъ изъ иноземцовъ, смошрѣлъ на нихъ со слезами.

Б а и д а р ы (***) .

Пускаю на вѣтеръ коня и не щажу ударовъ: лѣса, долины, скалы, по порознь, по вмѣстѣ, улыбаются изъ подъ ногъ моихъ, теряются, какъ волны потока; хочу обезумѣть, упиться вихремъ явленій.

А когда опѣненный конь не слушаетъ вѣтній; когда міръ утрачиваетъ краски свои подъ саваномъ мрака: тогда въ моемъ разгорѣвшемся окѣ, какъ въ разбитомъ зеркалѣ, мелькають привидѣнія лѣсовъ, долинъ и скалъ.

(*) Музульмане надъ гробами ставяють каменные чалмы; разной формы, соотвѣтственно тому, мужчина или женщина покоится въ могилѣ. *Авт.*

(**) *Глуръ*; невѣрный. Такъ называютъ музульмане христіанъ. *Авт.*

(***) Прелестная долина, чрезъ которую обыкновенно влѣзжають на южный берегъ Крыма. *Авт.*

Спать земля, я не сплю, кидаюсь въ дно морское; черный, вздушый валь, съ шумомъ стремишься къ берегу: склоняюсь къ нему челомъ, пропягиваю руки.

Треснулъ надъ головою валь, хаосъ меня окружаетъ, жду, пока мысль, какъ челнъ вращаемый водоворотомъ, закружится и на мгновение потонетъ въ забвеніе.

Алушта днелѣ (*).

Уже гора отрясаетъ съ персей мгlistые покровы, шумитъ ранимъ намаземъ (**), нива златокласая, преклоняется лѣсъ, и сыплетъ съ зеленыхъ волось, какъ съ чешоку Калифовъ (***), рубины и гранаты (****).

Поляна въ цвѣтахъ, надъ полною летучіе цвѣты, пестрые мотыльки, какъ-бы коса радуги засловила небеса бриллианшовымъ балдахиномъ; даѣе саранча плянетъ свой саванъ крылатый.

Тамъ, гдѣ лысая скала глдится въ водахъ, кипитъ море и, отраженное, новымъ приступомъ напираетъ: въ его пѣнѣ играетъ лучъ дневный, какъ

(*) Одно изъ самыхъ роскошныхъ мѣстъ Крыма: туда никогда не доходятъ сѣверные вѣтры, и пушникъ въ Ноябрь часто ищетъ охлажденія подѣ тѣнью огромныхъ Италіанскихъ орѣшниковъ, еще зеленыхъ. *Лет.*

(**) Молитва музальманская, во время кошорой они сидятъ и кладутъ поклоны. *Лет.*

(***) Музальмане употребляютъ во время молитвы чешки; у знатныхъ особъ бывающъ они изъ драгоценныхъ камней. *Лет.*

(****) Деревя гранашныя и шелковичныя, съ краснѣющими прелестными плодами, встрѣчаются гдѣ, на всемъ южномъ берегу Крыма. *Лет.*

въ очахъ тигра, предвѣщая свирѣпѣйшую бурю дн-земныхъ береговъ, а тамъ въ открытомъ морѣ волны легко колышутся, и въ нихъ купающа флоты и стаи лебедей.

Алушта ночью.

Свѣжьюшь вѣтры, дневный зной утихаетъ; на рамена Чатырдага падаетъ лампада мировъ, разбивается; разливаетъ пурпурныя струи и гаснетъ. Заблудившійся пилигримъ оглядывается, вслушивается.

Уже горы почернѣли, въ долинахъ глухая ночь, ручей лепечетъ, какъ сквозь сонъ, на ложъ изъ цвѣтшвъ, воздухъ дышетъ благовоніемъ, и сею мелодію цвѣтшвъ говоришь сердцу, языкомъ ухаеннымъ отъ уха.

Засыпаю подъ крылами пишины и сумрака: вотъ будятъ меня поражающіе блески метеора; небеса, доль и горы облилъ потопъ золота.

Ночь восточная! Ты подобно восточной одалискѣ ласками усыпляешь, а когда сонъ уже близокъ, ты искрою ока вновь пробуждаешь къ ласкамъ.

Чатырдагъ.

Мирзи.

Трепещущимъ музульманскомъ цѣлую подошвы твоей твердыни, мачина Крымскаго корабля! Великій Чатырдагъ! О минареть вселенны! Падишахъ горъ (*)! ты отъ дольныхъ скалъ убѣжалъ въ облака.

(*) Титулъ Турецкаго Султана. *Авт.*

Сидишь себѣ подѣ зрапами небесными, какъ
высокій Гавріиль (*), спрегущій Эдемскую обитель.
Темный лѣсъ швой плащъ, а янычары ужаса выши-
ваютъ струями молній швою чалму, сотканную изъ
облаковъ.

Печешь-ли насъ солнце, осынешь-ли мгла, по-
жираешь-ли саранча нашу жатву, Гяуръ предаешь-
ли огню наши дома, Чашырдагъ! ты всегда пре-
бываешь глухъ, неподвиженъ.

Между свѣтомъ и небомъ, какъ дрогманъ соз-
данія, подославши подѣ стопы свои землю, людей,
громы, ты внимаешь шолько шому, что Богъ гла-
голетъ шворенію.

П и л и г р и л ъ.

У ногъ моихъ спрана богатствъ и прелестей,
надѣ головою небо ясное, кругомъ пригожія лица:
опъ чего-же сердце порывается въ края далекіе и
узы! во времена еще опдаленнѣйшія!

Лишва! для меня очаровательнѣе пѣли швой
шумящіе лѣса, чѣмъ соловьи Байдары и Сальгирскія
дѣвы (**): веселѣе было топшашъ швой влажныя
шундры, чѣмъ рубинныя ягоды и золотыя ананасы.

Я такъ далеко! Сколько различныхъ приманокъ
меня привлекаютъ: опъ чего-же въ раздуміи взды-
хаю непрерывно о шой, которую любилъ на ушрѣ
дней моихъ?

(*) Оставляю имя Гавріила, какъ болѣе извѣстное, но соб-
ственно спражъ неба по восточной Мифологіи есть *Рамезъ*,
(созвѣздіе Аркшура), одна изъ двухъ большихъ звѣздъ, на-
зываемыхъ *сѣ-Селекейлъ*. *Лет.*

(**) Сальгиръ, рѣка въ Крыму, вытекающая изъ подошвы
Чашырдага. *Лет.*

Она въ милой опчизнѣ, у меня опняшой, гдѣ ей все повѣдаешь о вѣрномъ другѣ: попирая мои свѣжіе слѣды, помнишь-ли она обо мнѣ?

Дорога надъ пропастью въ Чуфутъ-Кале().*
Мирза и Пилигрибъ.

Мирза.

Сотвори молитву, брось поводъ, отврати лицо; здѣсь сѣдокъ довѣряешь свой разсудокъ ногамъ коня (**). Добрый конь! смотри, какъ онъ спалъ, мѣришь окомъ глубину, гнешь колѣна, уцѣпляешься копытомъ о края берега.

И повись! Туда не гляди, тамъ опущенный взоръ какъ въ кладязь Ал-Каира одно не ударится. И руки шуда не протягивай, рука твоя не крыло; и мысли шуда не опускай, ибо мысль, какъ якорь,

Съ мѣлкой ладьи брошенный въ неизмѣримость, ринешься перуномъ, во дно морское не вонзишься и ладью съ собою опрокинешь въ бездну хаоса.

(*) Чуфутъ-Кале, мѣстечко на высокой скалѣ; дома, схожіе на берегу, подобны гнѣздамъ ласпочекъ: пропихка, вѣдущая на гору, весьма шрудна и виситъ надъ бездною. Въ самомъ городѣ, слѣдныя домовъ почти соединяются съ краемъ скалы; изъ оконъ взоръ шеряется въ неизмѣримой глубинѣ. *Лет.*

(**) Конь Крымскій, въ шрудныхъ и опасныхъ проѣздахъ, кажется, имѣетъ особый инстинктъ предосторожности и увѣренности. Прежде нежели сдѣлаешь шагъ, держа ногу на воздухъ, онъ ищетъ камня и испытываешь, можно-ли спавъ ему безопасно. *Лет.*

П и л и е р и м ъ.

Мирза! а я заглянулъ! Сквозь щель міра тамъ видѣлъ — что-жь видѣлъ, повѣдаю послѣ смерти, ибо на языкѣ живущихъ нѣтъ на оное выраженія.

Гора Кикинеисѣ.

М и р з а.

Взгляни въ пропасть; тамъ небеса лежація: это море; среди валовъ сдается, что птица-гора (*), убитая громомъ, расточила свои маховыя перья въ очеркъ обширнѣйшій, чѣмъ радужная полоса.

И накрыла снѣжнымъ островомъ голубую степь воду. Островъ плавающий въ безднѣ — туча (**): съ ея лона падаетъ на полъ-міра темная ночь. Видишь-ли на челѣ ея огнистую линзу?

Это молнія! Но приостановимся; бездна подъ ногами: должно взмахомъ коня перескочить ущелье; я кинусь, ты будь готовъ съ бичемъ и шпорою;

(*) Известная изъ *Тысячи одной ноги*, славная въ Персидской Мифологіи и многократно восточными поэтами описанная, птица Симургъ. „Она велика“, говоритъ Фирдуси въ Шагъ-Наме, „какъ гора; сильна какъ крепость; слона уноситъ въ своихъ когтяхъ. . .“ И далѣе: „увидѣвъ рыцарей, Симургъ сорвался, какъ туча со скалы, на которой живетъ и потянулся по воздуху, какъ ураганъ, бросая гнѣвъ на войска конниковъ.“ См. Гаммера, *Geschichte Redekünste Persiens*. Вѣна, 1818 г. стр. 65. *Лет.*

(**) Съ вершины горъ, вознесенныхъ за облака, взглянувъ на тучи, плавающія надъ моремъ, думаете, что онѣ лежатъ на немъ, въ видѣ большихъ бѣлыхъ острововъ. Я смотрѣлъ на сіе любопытное явленіе съ Чатырдага. *Лет.*

Когда сгину изъ очей, смотри на шомъ край скалы; если шамъ блеснетъ перо, шо, это будетъ чалма моя; если нѣшь, шо знай: людямъ не вхашъ по шой дорогѣ.

Развалины замка въ Балаклавѣ (*).

Сии замки, развалившіеся въ обломкахъ безъ порядка, украшали и спорожили шебя, о Крымъ неблагодарный! Нынѣ торчашъ они на горахъ, какъ черепы великановъ: въ нихъ гнѣздящся гады или человекъ презрѣннѣ самыхъ гадовъ.

Взберемъ на башню: ищю остатки гербовъ: есть и надпись; здѣсь можешъ быть имя богапыря, которое было ужасомъ войскъ и нынѣ дремлетъ въ забвеніи, обвитое какъ червь винограднымъ листомъ.

Здѣсь Грекъ высѣкалъ на стѣнахъ Аѣнскія украшения: отсюда Итальянецъ металъ желѣза на Монголовъ и Меккскій пришедецъ пѣлъ пѣсню *на-маза*.

Нынѣ чернокрылые коршуны облетаютъ гробницы, какъ на мѣстѣ, которое побито язвою, развѣваютъ съ башенъ вѣчно-черныя хоругви.

А ю д а г ъ.

Люблю сморѣть, опершись на скалу Аюдага, какъ пѣвисшыя волны, шо въ чернѣй шрой сом-

(*) Надъ заливомъ сего имени стояшъ развалины замка, построенаго нѣкогда Греками, выходцами изъ Милета. Потомъ Генуэзцы построили на шомъ-же мѣстѣ крѣпость Чембало. *Лет.*

кнувшись кипятъ, то, какъ еребристые снѣга въ неисчетныхъ радугахъ великолѣпно кружатся.

Сокрушаются о мѣли, разбиваются на зыби, какъ рапъ киповъ облегаютъ берега, завоевывають сушь съ торжествомъ и всплпшь убѣгають, мечта за собою раковины, жемчуги и кораллы.

Подобно и у тебя на сердць, юный поэтъ! Спрассть часто воздымаетъ грозныя непогоды: но шолько примешья за люпню, она безвредно для тебя убѣгаетъ, погружается въ бездны забвенія и роняетъ за собою безсмертныя пѣсни, изъ конхъ вѣка соплетають вѣнецъ для швоей главы.

Одинъ изъ сихъ Сонетовъ: *Чатырь - Дагъ*, былъ въ Петербургѣ переведенъ на Персидскій языкъ съ предисловіемъ переводчика и литографированъ. Намъ доставили буквальное преложеніе сего любопытнаго образца краснорѣчія восточнаго: подѣлимся удовольствіемъ нашимъ съ читателями и выпишемъ изъ него, что показалось намъ замѣчательно.

Во дни счастія моего случилось мнѣ имѣть удовольствіе быть въ домѣ науки, въ гнѣздѣ письменъ, ученаго изъ ученыхъ, випни изъ випнй, свѣдущаго въ языкахъ Воспока и единственнаго друга моего, Г-на Сенковскаго, Поляка: тамъ осчастливленъ я былъ встрѣчею и полезною бесѣдою, и вскорѣ потомъ связала узелъ знакомства съ молодымъ человѣкомъ, совершеннымъ, краснорѣчивымъ, мудрымъ, ученымъ, дружелюбнымъ, хочу сказать съ Г-мъ Мицкевичемъ, Полякомъ, который въ изяществе Поэзіи своего вѣка достигъ до высшей ступени лѣспвицы совершенства и оплчается среди

ученыхъ своего отечества, и коего перлы риемъ прекраснаго блеска высоко цѣнятся знаатоками Польскаго языка. Съ той поры каждое мгновеніе присутствія его приносило мнѣ радость и счастье. Но вскорѣ послѣ, намѣреніе посѣтить страны чужія созрѣло въ немъ: и проливая мнѣ въ сладость пребыванія съ нимъ отраву прощаній, онъ поднялъ крылья полета своего изъ столицы С. Петербурга къ землямъ Крыма.

*»Полно скорбѣть объ отъѣздѣ этомъ,
»Не здѣсь мѣсто повѣствовать о немъ.»*

»Пробѣгая Крымъ, онъ остановилъ шага и взоры свои передъ великою горою: при взглядѣ на сію гору море воображенія его взъерошилось огромными валами, и онъ навизалъ на нихъ описанія каждый сребристый перлъ, брошенный на берегъ риемы. Онъ желалъ, чтобы твореніе его было переведено на языкъ Персидскій: по причинѣ старинной пріязни, въ кошорой онъ жилъ съ бѣднымъ (со мною), онъ благоволилъ приказать ему перевести оное стихами. Чувствуя въ себѣ недостатокъ дарованія сего бѣднаго, бѣднаго Мирзы Джафара, Бенъ-Алима Данъ-Бега, уроженца Тусокаго, сына Топчи-Баши, онъ извинялся. Но послѣ, разсудилъ вопервыхъ, что должно задобрить къ себѣ сердца друзей, а вовпорыхъ что доселѣ никто еще не переводилъ Европейскихъ стихотвореній на Персидскій языкъ, онъ покорился симъ двумъ побужденіямъ и онъ ухватился за воротъ его воли, такъ, что по возможности онъ пропустилъ это твореніе на нить риемы и изъясненія.

«Пространно расплодился я въ рѣчи своей, но надѣюсь, что закинушь полу забвенія на то, что было.»

Для пополненія сей статьи о Сонетахъ Польскихъ, впрочемъ и такъ уже слишкомъ обширной, сообщаемъ здѣсь и еще приложеніе, которое, безъ сомнѣнія, удостоится вниманія читателей, въ совершенно другомъ отношеніи. Заслуженный Поэтъ, походящійся на лаврахъ, но еще чувствительный къ званіямъ Поэзіи и вѣрно откликающійся на ея голосъ, былъ такъ сильно пораженъ красою Сонетовъ, что внезапно и такъ сказать, невольно, перевелъ одинъ изъ нихъ стихами.

П Л А В А Н І Е.

Морскія чудища взвозились толпами;
 Волненье, шумъ! Машросъ по вервямъ бѣжитъ;
 «Готовьтесь, молодцы!» товарищамъ кричитъ:
 Вбѣжалъ, и размахнувъ проворными руками,
 Въ невидимой сѣти повиснулъ, какъ паукъ,
 Стрегущій шкань свою въ движеніяхъ ея.
 О радость! вѣтръ! Корабль, какъ съ удила сор-
 вался;

Зашевелился, раскачался,
 Нырять въ пѣнисныхъ зыбяхъ:
 Подъемлешь выю, топчешь волны;
 Челомъ бьешь облакъ, мчишься къ небу,
 И вѣтръ онъ забралъ подъ крыло,
 Съ нимъ вмѣстѣ и поашь средь бездны
 Уносишься порывомъ мачты;

Надулся духъ его, какъ парусъ, и съ толпой,
 Невольно, шумнымъ онъ восторгамъ предался;

Соплещеть спутникамъ , припаль на край громады ,
 И грудью мнишь ея движенью помогашь ;
 О какъ ему легко и любо !
 Отнынѣ шолько онъ узналъ
 Завидную пернашыхъ долю.

Надѣмся, что сей примѣръ побудитъ соревнованіе и въ молодыхъ первоклассныхъ поэтахъ нашихъ и что Пушкинъ, Баратынскій освящаютъ своими именами желаемую дружбу между Русскими и Польскими Музами. Пускай одѣнутъ они волшебными красками своими голое мое начертаніе, и такимъ образомъ выразятъ языкомъ живымъ и пламеннымъ то, что я передалъ на языкъ мертвомъ и безцвѣтномъ.

Князь Вяземскій.

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

1826 года.

190. *Краткое анатомическое описаніе орудій пяти чувствъ*, съ гравированными таблицами, собранное Лъкаремъ Федоромъ Смѣльскимъ. М. 1826 г. in 4. X и 94 стр., съ 19 ю таблицами.

Количество книгъ, издаваемыхъ на Русскомъ языкѣ по части Медицины вообще и Анапоміи въ особенности, у насъ еще слишкомъ ограничено. Потому съ большимъ вниманіемъ должно разсматривать всякую книгу, служащую учебнымъ пособіемъ для занимающихся сею наукою, и тѣмъ болѣе должны мы благодарить особь, посвящающихъ труды свои на составленіе книгъ такого рода. Но ча-

сто Гг. сочинители пишутъ, не составя себѣ опредѣленнаго плана, и отъ того книги ихъ бывають сбивчивы и неудобовразумительны, и лучшее намѣреніе ихъ, принести сочиненіемъ своимъ пользу, не всегда удаешся, отъ недоспашка системы.

Г. Смѣльскій на девятнадцать таблицъ изобразилъ части человѣческаго тѣла, служащія орудіями пяти чувствъ, и къ симъ изображеніямъ приравливалъ всѣ описанія свои, заимствованныя, по большей части, изъ Земмеринга. На первыхъ шести таблицахъ изображены части тѣла человѣческаго, составляющія орудіе зрѣнія; текстъ содержитъ анатомическое описаніе оныхъ и составленъ (для краткаго описанія) довольно подробно, особенно-же хорошо описана фигура 2 я таблицы 5 й, служащая, такъ сказать, сводомъ и повтореніемъ всего сказаннаго прежде объ орудіи зрѣнія. Почти тоже можно сказать о текстѣ 10 й таблицы въ отношеніи къ орудію слуха. Къ описанію органа вкуса присоединено, и очень кстати, описаніе и изображеніе орудій голоса. Также изображены и описаны органы: обонянія и осязанія. Къ одному только орудію зрѣнія присовокуплено краткое физиологическое описаніе: вотъ содержаніе всего сочиненія.

Анатомія, служащая основаніемъ и, такъ сказать, краеугольнымъ камнемъ всего зданія наукъ врачебныхъ, имѣетъ свое систематическое раздѣленіе, выведенное изъ самаго существа тѣла человѣческаго. Раздѣленіе сіе, какъ самое правильное, принято вообще всѣми анатомиками, и служишь имъ общимъ руководствомъ къ сочиненію книгъ

анатомическихъ. Не извѣстно по какимъ причинамъ, Г. С. отступилъ отъ обыкновеннаго систематическаго порядка, и вмѣсто того чтобы описанія свои начинать съ частей основныхъ, съ костей, онъ начинаетъ ихъ съ наружнаго вида и устройства, которые принадлежатъ уже болѣе Физиологii, нежели Анатомii. Отъ того въ описанiяхъ его находятся частныя, не только не нужныя, но даже излишнiя повторы, которыхъ весьма легко можно-бы избѣгать, начавши съ Остеологii, какъ основанiя всей Анатомii; отъ того многое необходимое у него пропущено. Такъ на примѣръ, при описанii мышцъ Г-нъ С. означаетъ неподвижное начало ихъ, мясисную часть и сухожильный конецъ, но нигдѣ не показываетъ *силы* мышцъ, хотя эта часть относится не къ Физиологii, а собственно къ Анатомii. »Анатомiя. . . . предлагаешь наименованiе, число, видъ, положенiе, »раздѣленiе, устройство, связь, дѣйствiе, механизмъ, »дѣйствiе и пользу, отъ какой-либо части шва »человѣческаго происходящую,« и пр. (*Курсъ Анатомiи*, Е. Мухина Ч. I. стр. XIII.) Кромѣ того, Г-нъ С. упустилъ еще важный предметъ изъ вида: онъ (кромѣ частей, составляющихъ орудiе зрѣнiя), почти нигдѣ не показалъ взаимнаго соединенiя частей, составляющихъ какое-либо орудiе чувствъ, хотя самъ (на стр. IX) говоритъ: »Здѣсь я предлагаю одно анатомическое описанiе всѣхъ орудiй »чувствъ, дабы каждый могъ видѣть оныя въ естественномъ положенii неоптѣмлемой взаимности и »гармонii.« Общашъ и исполнять, слова не однозначительныя. Въ сочиненii отдѣльномъ, каково сочиненiе Г-на С., необходимо должно-бы присово-

упись къ описанію каждаго органа чувствъ крашое физиологическое показаніе дѣйствія оныхъ, хотя е простраище помѣщеннаго въ книгѣ Г-на С. при писаніи органа зрѣнія. Оговорка Г-на С. въ предисловіи ни къ чему не служишь: »Я не принимаю на себя обязанности подробно разсматривать физиологическіе законы тѣхъ орудій, по которымъ бессмертная душа человѣка оказываетъ дѣйствія свои явленіями орудій чувствъ и пр. (стр. VIII). *Попробнаго* изслѣдованія физиологическихъ законовъ икпно-бы не спалъ и искашь въ его книгѣ: это принадежитъ собственно Физиологій; но показанія связи частей и взаимнаго ихъ отношенія всякій нравѣ ожидашь и даже требовать отъ человѣка, издающаго отдѣльное сочиненіе объ органахъ чувствъ. Г-нъ С. описываетъ только собранные имъ рисунки, заимствованные по большой части изъ извѣстныхъ авторовъ, въ особенности изъ Земмеринга^(*), не дѣлая никакихъ изъясненій о существѣ и составѣ частей спланхнологическихъ, ангиологическихъ, идеологическихъ и пр., хотя въ семъ отношеніи, онъ могъ-бы извлечь богатые матеріалы, какъ изъ древнихъ такъ и новѣйшихъ иностранныхъ писателей, на пр. изъ I. G. Zina, *Descriptio anatomica oculi humani, iconibus illustrata*; L. Bellini, *Exercitationes anatomicae de gustus organo*; G. Krause, *De glandularum definitione*, и пр. и пр. — Рисунки вообще хороши и довольно правильны, хотя впрочемъ Г-нъ С. легко-бы могъ обойтись и безъ восклицанія: »Что-же скажу о искусной рукѣ гравѣра, »столь превосходно обработавшаго помѣщенныя

(*) S. Th. Soemmering, *Icones Oculi humani*. Francofurt. 1804. in fol.

«въ ней таблицы? Довольно! Истина всегда сама по
себѣ пребудетъ истиною» (?). Въ выноскѣ къ сему
восклицанію Г. С прибавляетъ: «Напрасно модные
почитатели всего иностраннаго превозносятъ
однихъ только иноземныхъ сего рода художниковъ:
дѣйствительно, одно слѣпое предубѣжденіе руко-
водствуетъ ихъ вкусу». Флоровъ Россіянинъ — и,
онъ не только не уступаетъ, но еще превосхо-
дитъ чужезмцовъ, ослѣпляющихъ не рѣдко насъ
водною личиною.» — Вспомнимъ, что дѣло идетъ
о гравировкѣ съ иностранныхъ эстамповъ. По не-
волѣ скажешь: Et fumus patriae dulcis est!

191. *Sonety Adama Mickiewicza (Сонеты
Адама Мицкевича)*. М. 1826 г. in 4, 48 стр.

Подробный разборъ сего новаго собранія спи-
хотвореній Мицкевича помѣщенъ въ отдѣленіи Кри-
тики. Находясь нынѣ въ Москвѣ, Г-нъ Мицкевичъ
рѣшился здѣсь напечатать свои Сонеты: событіе
едва ли не первое въ исторіи Московскихъ типогра-
фій. Библиографъ замѣтитъ, что изданіе, не смотря
на недоспашокъ типографическихъ удобствъ, доволь-
но соотвѣтствуетъ достоинству книги. Всѣхъ со-
неповъ помѣщено 40; въ первой части, 22, не оз-
начены никакимъ особеннымъ заглавіемъ: Г-нъ Миц-
кевичъ взялъ въ эпиграфъ стихъ Петрарки: Quand'
era in parte altr' uom da quel, ch'io sono. Другое от-
дѣленіе книги состоитъ изъ 18 Крымскихъ Соне-
товъ. Эпиграфъ взятъ изъ Гётева Schuld Nameh:
*Кто хочетъ понять Поэта, долженъ видѣть
страну Поэта* (*).

Н. П.

(*) Сонеты Мицкевича продаются и здѣсь въ Москвѣ, въ
Университетской книжной лавкѣ, у А. С. Ширлева; цѣна 4
рубля.

1827 Годъ.

22. *Рѣчь*, говоренная въ Университетской церкви, на день учрежденія ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, 12 Января 1827 года, П. Б. Богоявленскимъ Архимандритомъ Иннокеншіемъ, изъ шемы: *Просвѣщеніе теловѣковъ имѣть всегда, и должно имѣть цѣлю благо Святыя Церкви, благо Престола и Отечества, благо ближнихъ, въ частности взятыхъ, и благо собственное.* М. 1827 г. въ Унив. Тип. in 4, 14 стр.

23. *Рѣчь*, о томъ, что истинное просвѣщеніе основывается на благодѣтїи и любви къ Отечеству, по случаю воспоминанія дня основанія ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета и совершившагося въ Москвѣ Коронованія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I, произнесенная въ собраніи Членовъ Университета 12 Янв. 1827 г., Ордин. Професс., Надв. Совѣтн. и Кавал. Иваномъ Снегиревымъ. (М. 1827 г. въ Унив. Тип. in 4, 18 стр.)

24. *Memoria Coronationis et Sacrae Unctionis IMPERATORIS ac Domini nostri NICOLAI PRIMI* (Воспоминаніе о Коронованіи и Священномъ Миропомазаніи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I), въ день празднества основанія ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, 12 Января 1827 г., говоренная Ферд. Фридрих. Рейсомъ, Мед. Докт., Орд. Проф., Кавалер. и разныхъ Учен. Общ. Членомъ. (М. 1827 г. въ Унив. Тип. in 4, 24 стр.)

25. *Discours prononcé le 12 Janvier 1827.* (*Рѣчь*, произнесенная 12 Янв. 1827 г.), въ залѣ Совѣща ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университе-

ша Коллеж. Ассесор., Лекторомъ и Кавал. И. Пельшомъ. (М. 1827 г. въ Унив. Тип. in 4, 11 стр.)

26. Rede gehalten bei der öffentlichen Feier des 73 sten Stiftungstages der Kaiserlichen Moskowschen Universität, am 12 ten Januar 1827 (*Рѣчь*, въ торжественное воспоминаніе 73 го годового празднованія основанія ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета), говорен. Фридрихомъ Кистеромъ, Надв. Сов., Доктор. Правъ и Лекторомъ Нѣм. языка. (М. 1827 г. въ Унив. Тип. in 4, 8 стр.)

27. *Шуваловъ и Ломоносовъ*. Посвящается почтеннѣйшимъ Членамъ Университетскаго Совѣта (сочиненіе А. Ѳ. Мерзлякова. М. 1827 г. въ Унив. Тип. in 4, 14 стр.).

Сіе стихотвореніе Г-на Мерзлякова, также какъ и четыре изъ вышеозначенныхъ рѣчей, произнесены были въ собраніи Университета, которымъ праздновало сіе ученое заведеніе 72-й годъ, протекшій со времени его основанія въ 1755 г. Каждогодное празднованіе дня основанія, съ нѣсколькихъ лѣтъ было оставлено; но Г. Попечитель Университета, Его Превосход. А. А. Писаревъ, возобновилъ его съ 1826 года. Рѣчи Русскія и прошлаго года тѣми-же писаны Профессорами, какъ и нынѣшняго.

28. *Рѣчи и Стихи*, произнесенные въ торжественномъ собраніи Университетскаго Благороднаго Пансіона, по случаю выпуска воспитанниковъ, окончившихъ курсъ ученія, 1827 года Марта 26 дня. При семъ актъ *отгетъ* Пансіона за 1826 годъ. М. 1827 г. въ Унив. Тип. in 4, 48 стр.

Въ сей книгѣ помѣщены слѣд. сочиненія воспитанниковъ Пансіона: *Рѣчь о благодарности, какъ*

добродѣтели, изъ которой проистекають семейственныя и общественныя обязанности (А. Быкова); *Озеровъ и Расинъ* (разсужд. на Французск. языкѣ, В. Давыдова); *разсужденіе о Нѣмецкой баснѣ* (на Нѣмецк. языкѣ, З. Алферова); *Шекспиръ* (разсужд. на Англійск. языкѣ, П. Бябкина); *Смерть Данте* (соч. на Италіянск. языкѣ, Влад. Строева); *Владимиръ Великій* (стихи В. Быкова); *Бородино* (стихи А. Быкова). Изъ отчета видно, что въ 1826 г. выпущено было изъ Пансіона воспитанниковъ за 1825 годъ: 4 десятымъ, 6 двѣнадцатымъ и 10 четырнадцатымъ классомъ. Всѣхъ пансіонеровъ въ 1826 году было 140, полупансіонеровъ 26. Въ заключеніе помѣщена *привѣтственная рѣчь* воспитанника Е. Телепнева и Хоръ.

29. *О трагедіи вообще, о ея началѣ, происхожденіи, качествахъ и усовершенствованіи у новѣйшихъ народовъ.* Разсужденіе, сочиненное ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета Кандидатомъ Словесныхъ Наукъ Иваномъ Танѣевымъ, на степень Магистра. М. 1827 г. въ тип. С. Селивановскаго, in 8, 62 стр.

Г. Танѣевъ, Сочинитель сего Разсужденія, уже извѣстенъ Публикѣ *практическими занятіями по части трагической.* Мы разбирали трагедію его: *Олегу* (Тел. 1826 г. Т. X. стр. 156). Желая дать читателямъ понятіе о новомъ его сочиненіи, выписываемъ два тезиса, избранные имъ для торжественнаго защищенія: *»Любовь, главная пружина новѣйшей трагедіи.»* — *»Романтизмъ не можетъ быть цѣлю, но средствомъ къ усовершенствованію и разнообразію трагедіи.»* — Но, прибавляетъ Г. Танѣевъ: *»Трагедія классическая имѣетъ преимуще-*

ство предъ романшическою. — Онъ допускаетъ, что въ Греціи трагедія началась *отъ козла* (стр. 42).

30. *О кагалъ, ходъ и успѣхахъ критической Россійской Исторіи*. Разсужденіе, сочиненное ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета Словесныхъ Наукъ Кандидатомъ Алексѣемъ Зиновьевымъ, для полученія степени Магистра. М. 1827 г. въ Унив. Тип. in 8, 72 стр.

Охотно раздѣляемъ желаніе тѣхъ, которые хотѣли-бы видѣть сочиненіе Г-на Зиновьева распространеннымъ и изданнымъ въ полнѣйшемъ видѣ, какъ онъ и обѣщаетъ въ своемъ предисловіи. Тогда, Сочинитель конечно имѣлъ-бы случай исправить нѣкоторыя неточности, въ немногихъ мѣстахъ замѣчаемыя, на примѣръ, касательно *Исторической критики* (стр. 3), важности древней Исторіи Русскаго Государства (стр. 5), Польскихъ историковъ (стр. 8), и проч. Исполнивъ свое обѣщаніе, Авторъ доставитъ отечественной Литтературѣ весьма любопытное и полезное сочиненіе.

31. *Опытъ хронологическаго списка учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія (изъ 3 й кн. матеріаловъ для Исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемыхъ Петромъ Кеппеномъ)*. Спб. 1827 г. въ тип. К. Крайя. in 4, 46 стр.

Уже нѣсколько разъ упоминали мы объ ученыхъ трудахъ П. И. Кеппена, и пріятнымъ долгомъ представляемъ вновь извѣстить читателей, что принятое имъ изданіе 3-й книжки *Матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи*, успѣшно продолжается. Извѣстно, что *первую* книжку составляешь, изданное подъ симъ названіемъ, *Обозрѣніе*

истотниковъ для составленія исторіи Россійской Словесности (СПб. 1819 г.). Вторую, составляютъ, изданныя имъ въ 1825 г. *Библиографическіе Листы*. Книжка третья, будетъ заключать въ себя собраніе слѣдующихъ статей: 1 я. *Успѣхи просвѣщенія въ первое десятилѣтіе царствованія АЛЕКСАНДРА I*. Соч. Ст. Сов. Якоба. — 2 я. *Извѣстіе о духовныхъ училищахъ Греко-Россійскаго исповѣданія*. — 3 я. *О училищахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Главнаго Управленія Духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій*. (При семь таблицы о состояніи 73-хъ колоній Евангелическаго исповѣданія, въ Саратовской губерніи, и вѣдомость о учебныхъ заведеніяхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Римско-Католической Духовной Коллегіи.) — 4 я. *Опытъ Хронологическаго списка учебныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія (съ 1824 по 1826 годъ)*. Приложение Указатель. — 5 я. *Объ училищахъ въ великомъ Княжествѣ Финляндскомъ*. — 6 я. *О Корнтей книгѣ (введеніе къ сочиненію Барона Г. А. Розенкампа)*. — 7 я. *О происхожденіи, языкѣ и Литтературѣ Литовскихъ народовъ, со включеніемъ краткаго обзорнія Литовской Исторіи до XVI вѣка*.

Въ сію-же книгу войдетъ еще: 8 я. *Нѣкоторыя дополненія къ Библиографическимъ Листамъ*. — 9 я. *Вѣдомость Цензурнаго Комитета, учрежденнаго при Виленскомъ Университетѣ, съ начала 1805 до конца 1825 года (*)*. Читатели видятъ

(*) Подписная цѣна, съ доплаткою во всѣ мѣста Россіи 3 р. Г. А. Живущіе въ СПб. благоволятъ съ требованіями своими обращаться къ тамошнимъ книгопродавцамъ; Московскіе

изъ сего оглавленія , какъ важны для исторіи просвѣщенія и для Статистики Россіи , всѣ статьи , входящія въ книгу Г-на Кеппена. 6-я и 7-я сверхъ того обращаютъ на себя вниманіе юриста и филолога. За хорошее исполненіе ручаются имена Авторъ нѣкоторыхъ статей, и ученая тщательность, какою ошличены всѣ труды Г-на Кеппена. Мы получили отъ него одинъ изъ нѣсколькихъ, отдѣльно напечатанныхъ, экземпляровъ статьи, подъ No 4-мъ оглавленія означенной , и можемъ сказать , что въ сей статьѣ исполненіе труднаго предпріятія Г-на Кеппена заслуживаетъ полную похвалу. Не смотря на то, онъ вызывалъ уже особъ , могущихъ сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ его извѣстіяхъ, сообщивъ ему поправки (см. *Русскій Инвалидъ*, сего 1827 г.). Такое стараніе усовершенствовать трудъ свой даетъ новое достоинство заслугамъ Г-на Кеппена.

32. *Собраніе Россійскихъ Законовъ*, содержащихъ въ себѣ предметъ *Уголовное уложеніе*. Съ 1753 по 1826 годъ. Съ эпиграфомъ: *»Всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить*. Наказъ ; пунышъ 96. —

жишли къ Г. Комисіонеру Московскаго Университета А. С. Шириеву. Прочія иногородныя особы могутъ присылать требованія въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта. Не можемъ не изъявить здѣсь желанія, чтобы благоприятныя обстоятельства позволили Г-ну Кеппену напечатать вновь 1-ю книжку, которая, кромѣ того, что вѣроятно получила многія пополненія отъ Автора, въ продолженіе восьми лѣтъ со времени ея изданія, имѣла довольно рѣдка, и была издана in 8; форматъ не соотвѣтствующій 2 й и 3 й книжкѣ, напечатаннымъ in 4.

Составили П. и Т. Хавскіе. Спб. 1827 г. въ Тип. Правит. Сенапа, in 4, XXXIX и 640 стр.

33. *Собраніе Россійскихъ Законовъ о щето-водствѣ или государственномъ контролѣ въ Россіи, губерніяхъ и городахъ; о народной переписи и податяхъ.* Съ 1718 по 1826 годъ. Составилъ И. Пестовъ, Колл. Сов. и Кавалеръ. Спб. 1827 г. въ Тип. Прав. Сенапа, in 4, XVI и 579 стр., съ 3 рисунками.

Ошдавая опчешъ чшпателѣямъ въ новыхъ юридическихъ книгахъ (Телегр. 1827 г. Но 4, отд. I. 322), мы сказали, что вскорѣ можно ожидать появленія XVI тома *Собранія Законовъ*, предпринятаго П. В. Хавскимъ, при помощи нѣсколькихъ со-трудниковъ, и прибавили, что съ сожалѣніемъ мож-во замѣпшпъ *нескорое оконганіе* всей столь важ-ной книги. Тѣмъ пріятнѣ намъ увѣдомшъ теперъ о выходѣ вдругъ двухъ ея томовъ, изъ которыхъ, изданный П. В. и Т. В. Хавскими, составляетъ упомянутый нами XVI, всего Собранія, и отдѣль-но дополняетъ собраніе *Уголовныхъ Законовъ*, по 1826 годъ. Состоя въ шрехъ томахъ, оно полно-ною превосходитъ всѣ донынѣ изданныя собранія законовъ по Уголовной части. Книга изданная нынѣ Г-мъ Пестовымъ, есть XXI томъ всего Собранія, и обнимая важную часть государственныхъ по-становленій, конечно заслужитъ благодарность чи-пателей полноною (она доведена до 1826 г.), а также и усердіемъ Г-на Сочиншеля, посвящаю-щаго благу общественному и саміе досуги, остаю-щіяся отъ его многотрудной должности.

Можетъ быть, насъ обвинятъ въ нескромно-сти; но желая доставитъ чшпателѣямъ пріятное из-

вѣстіе , беремъ на себя это обвиненіе , и скажемъ , что по вѣрнымъ слухамъ Собраніе Законовъ (хотя самъ П. В. Хавскій , занятой службою , не можетъ въ немъ участвовать) , [будетъ продолжаться ревностно. Г. Песцовъ приготовилъ уже XXII, XXIII XXIV и XXV томы , гдѣ помѣщены постановленія и законы , касательно должности *Казенныхъ Палатъ отдѣльно, объ откупахъ* (сколько нужные для публики , по приведенному нынѣ въ исполненіе распоряженію Правительства , касательно пищевой продажи) и *о лѣсномъ управленіи*. Въ дополненіе къ XIX тому , издавшему Г-мъ Петровымъ и содержавшему *Медицинское управленіе* , вскорѣ изданъ будетъ XX-й томъ , и сверхъ того томъ XXVI , въ кошоромъ будутъ законы и установленія касательно *учебныхъ и ученыхъ заведеній*. Въ немъ къ Уставамъ Россійскихъ Университетовъ присовокупится , донынѣ нигдѣ не напечатанный , любопытный историческій документъ : Проектъ Шувалова *о Московскомъ Университетѣ*. Извѣстно что сочиненіе онаго приписывается Ломоносову.

Хорошаго грѣхъ не похвалить. Собразивъ , что похвалы , какія нѣсколько разъ помѣщали мы въ Телеграфъ , говоря о предпріятіи Г-на Хавскаго и его сотрудниковъ , что похвалы наши не были безусловныя , чищащели конечно позволятъ намъ еще разъ замѣтить , какая разница между Собраніемъ Г-на Хавскаго и собраніями законовъ , какія издаются въ тоже время другими. Искренно порадуемся , когда обширное предпріятіе , начатое Г-мъ Хавскимъ , кончится. Книга его будетъ важнѣйшею

сочиненіе для всякаго желающаго знать хорошо и исполнѣ отечественные законы.

34. *Цыганы* (писано въ 1824 году). М. 1827 г. въ шип. Авг. Семена, in 12, 46 стр.

Новая Поэма Пушкина, столь давно и нещербѣливо ожиданная, наконецъ издана. Не хотимъ пользоваться правомъ журналиста, не выпи-сываемъ ничего, потому, что не хотимъ разрушить наслажденія читателей: знать Поэму Пушкина вполнѣ. Для библиографовъ и охотниковъ до типографическихкихъ рѣдкостей замѣтимъ, что *одинъ* экземпляръ ея напечатанъ на пергаментѣ (онъ находится въ библиотекѣ С. А. Соболевскаго); всѣ остальные на велевой бумагѣ.

35. *Братья разбойники*. А. Пушкина (писано въ 1824 году). М. 1827 г. въ шип. Авг. Семена, in 8, 15 стр.

Эта небольшая Поэма была уже напечатана въ *Поллярной Звѣздѣ*, 1825 г. Она является ош-дѣльно съ нѣкоторыми перемѣнами.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Отчетственные известія. Апрѣля 14 дня были мы въ Москвѣ зрители величественнаго и рѣдкаго явленія: ясный день дозволилъ вполне рассмотреть кольцообразное солнечное затмѣніе, которое началось еще до восхожденія солнца, и съ самаго восхожденія (4 ч. 39 м.) продолжалось до 6 ч. 8 м.

Февраля 23 д. было въ Москвѣ, въ Спранно-примномъ Домѣ Графа Шереметева, každогодно совершаемое, поминовеніе по учредителямъ его, Графѣ Николаѣ Петровичѣ и Графинѣ Прасковѣ Ивановнѣ. Въ сей день обыкновенно, послѣ совершенія литургіи и панихиды, по жребію назначается 45 бѣднымъ двушкамъ, на приданое 13,500 руб.; 50 бѣднымъ, веимѣющимъ средствъ пропитанія семействамъ, въ пенсію 5000, и 66 бѣднымъ ремесленникамъ, съ дѣтьми, 4000 руб. každогодныхъ раздачь. По изданному Опчесту, до 2400 человекъ обоего пола получили себѣ въ 1826 г. большую или мѣншую помощь отъ сего благотворнаго заведенія, гдѣ безпомощная старость находитъ послѣднее убѣжище и приютъ, а спржадущіе облегченіе и радость, или тихую смерть и христіанское погребеніе.

Въ Journal de S-t Pétersbourg пишуиъ, что Тульскій помѣщикъ П. Мясновъ получилъ десятилѣтнюю привиллегію на отправленіе почтовыхъ дилижансовъ между Москвою и Тулою, по примѣру отправляемыхъ между Москвою и С.Пбургомъ.

Литтературное известіе. Съ особеннымъ удовольствіемъ сдѣшимъ передашь читателямъ, со-

общенное намъ изъ С. Петербурга, отъ П. И. Кешпена, извѣстіе о скоромъ появленіи *Собранія сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова*. ИМПЕРАТОРСКАЯ Россійская Академія просила Его Высочайшее позволеніе ей издашь *Собраніе сочиненій и переводовъ его*. Извѣстно, что донынѣ они были печатаны отдѣльно, или въ журналахъ и трудахъ Ученыхъ Обществъ, повременно изданныхъ. Получивъ позволеніе, Академія ревностно занялась симъ предпріятіемъ и скоро надѣется оное кончить. Все собраніе составитъ до *пятнадцати* томовъ. Предлагаемъ любопытнымъ читателямъ содержаніе *десяти*, уже оппечатанныхъ, надѣясь въ свое время вполне отдать литературный отчетъ о всемъ собраніи.

Часть I.

Собраніе дѣтскихъ повѣстей, с. 1—403.

Часть II.

Разсужденіе о старомъ и новомъ слоgъ Россійскаго языка, с. 1.

Прибавленіе къ сочиненію, называемому: Разсужденіе о старомъ и новомъ слоgъ Россійскаго языка, или собраніе криптикъ, изданныхъ на сію книгу, с. 353—466.

Часть III.

Разговоры о Словесности.

Прибавленіе къ Разговорамъ о Словесности, или возраженія противъ возраженій, сдѣланныхъ на сію книгу, с. 167.

Переводъ двухъ счастей изъ Лагарпа, съ примѣчаніями Переводчика, с. 245—388.

Часть IV.

Рѣчь о искусствѣ мореплаванія , с. 1.

Разсужденіе о краснорѣчіи Св. Писанія , и о шомъ , въ чемъ состоишь богатство , обиліе , красота и сила Россійскаго языка и пр. , с. 22.

Рѣчь при открытіи Бесѣды Любителей Русскаго Слова , с. 108.

Опытъ о Россійскихъ писателяхъ , для чтенія въ Бесѣдѣ , с. 189.

Кантемиръ , с. 239.

Похвальная рѣчь Петру Великому , с. 283.

Разсмотрѣніе Рѣчи Синодальнаго Члена Пресвященнаго Георгія , Архіепископа Могилевскаго , Мстиславскаго и Оршанскаго , с. 304.

О сословахъ , с. 334.

Сословы: *Бѣдность, убожество, скудость, нищета* , с. 336.

О звукоподражаніи , с. 344—394.

Часть V.

Нѣкоторыя замѣчанія на предполагаемое вновь сочиненіе Россійскаго Словаря , с. 1.

Опытъ Славенскаго Словаря , с. 35.

Нѣчто о предлогахъ , с. 262.

Общія свойства предлоговъ , с. 271.

Опытъ разсужденія о первоначалии, единствѣ и разности языковъ, основанный на изслѣдованіи оныхъ , с. 294.

Сп. 1. (О языкѣ вообще).

— 2. Сравненіе Краинскаго нарѣчія съ Россійскимъ, взятымъ собственнио за Славенскій языкъ , с. 312.

Ст. 3. Разсмотрѣніе корня въ произведенныхъ оцъ него вътвѣхъ, с. 336—418.

Часть VI.

Продолженіе изслѣдованія корней, с. 1.

Выписка изъ Академическаго Словаря, расположеннаго по корнямъ словъ, с. 128.

О словопроизводствѣ, с. 141.

Опытъ изслѣдованія словопроизводства (переводъ изъ соч. Аббата *Мореллета*, Члена Французской Академіи), с. 146.

Рукопись Кралодворская. Собраніе Лирико-Эпическихъ народныхъ пѣснопѣній. Издана Вацлавомъ Ганкою, въ Прагѣ, 1819. с. 181—339.

Часть VII.

Слово о плѣку Игоревѣ (Пѣснь о походѣ Игоря), с. 1.

Дафнисъ, сочиненіе Геснера. Перев. съ Нѣмецкаго, с. 151.

Картина изъ попопа или Семира и Семины, с. 250.

Евандръ и Алцимна, с. 256.

Гомеровой Илады пѣснь XVI-я, с. 307—385.

Часть VIII.

Освобожденный Іерусалимъ, Тассова Поэма (Пѣснь I—X), с. 1—289.

Часть IX.

Освобожденный Іерусалимъ (Пѣснь XI—XX), с. 1.

Ломоносовъ (Чтеніе въ Бесѣдѣ Любителей Россійскаго Слова), с. 301—388.

Часть X.

Тассовы Бдѣнія. Переводъ съ Италіанскаго подлинника.

Предувѣдомленіе Италіанскаго издашеля Г. Компаніони, при первомъ изданіи, въ Парижѣ, с. I.
»—»—» при впоромъ изданіи въ Медиоланѣ (1803), с. III.

Предувѣдомленіе отъ Переводившаго на Руской языкъ, с. VII.

Историческія записки о Торкватѣ Тассѣ, сочиненныя Италіанскимъ Издашелемъ, с. 1.

Исслѣдованія о Тассѣ, касательныя до Словесности, сочиненныя Французскимъ Переводчикомъ Бдѣній, с. 21 (подписано Б. Бареръ).

Тассовы Бдѣнія, с. 55.

Краткая и справедливая повѣсть о пагубныхъ Наполеона Бонапарте помыолахъ, о войнахъ его съ Гишпанією и Россією, о истребленіи войскъ его и о важности нынѣшней Нѣмецкой войны. Перев. съ Нѣмецкаго, с. 153.

Описаніе рѣзныхъ изображеній съ медалей, представляющихъ знаменитѣйшія воинскія дѣйствія, происходившія въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, с. 291—344.

Иностранныя извѣстія. Въ то же время, когда разсужденія о новомъ проэктѣ Цензурнаго Устава занимали Францію, въ Англіи не менѣе вниманія обращено было на споры о дѣлѣ Католиковъ. Марта 5, Сиръ Францискъ Бурдешъ предложилъ Парламенту о дарованіи Ирландскимъ Католикамъ равныхъ правъ съ Протестантскими подданными Вели-

кобританіи. Жаркіе споры продолжались съ 6 часовъ вечера до 2-хъ по полуночи. На другой день заступаніе Парламентна продолжалось до 5 часовъ утра. Наконецъ предложеніе отвергнуто большинствомъ *четырехъ* голосовъ (276 противъ 272). Дѣло Каптоликовъ съ 1805 года, уже въ *пятый* разъ представляемо было Парламенту. Въ 1805 г. отвергли его большинствомъ 212 голосовъ; въ 1808 г. 153; въ 1810 г. 112; въ 1812 г. 85. Кажется непонятнымъ, почему просвѣщенное Государство Европы усиленно не хочетъ уравнивать правъ между своими гражданами, особливо, когда извѣстно несчастное состояніе Ирландіи, гдѣ бѣдность и невѣжество владычествуютъ между жителями въ величайшей степени. Читая рѣчи ораторовъ Парламента, видимъ, что всѣ, и защитники и противники Каптоликовъ, согласно были-бы готовы дать права Ирландцамъ, какъ гражданамъ Великобританскимъ; одно затрудненіе: они *Католики*. Тотъ весьма будетъ ошибаться, кто припишетъ несоглашеніе Парламента чувству фанатизма. Въ немъ, напротивъ, видимъ твердое стараніе о сохраненіи государственныхъ постановленій: Парламентъ опасается политики Папизма, которая донинѣ осталась прежняя, и все еще имѣетъ тысячи средствъ дѣйствовать, хотя владыка Ватикана уже не въ силахъ поражать своихъ противниковъ въ XIX вѣкѣ громами проклятій.

Капитанъ Парри отправился изъ Децтфорда, въ половинѣ Марта мѣсяца, въ предположенный путь. Журналы подробно описываютъ предосторожности, взятыя при устройствѣ и нагрузкѣ корабля, и разныя удобства, придуманныя для неустранимыхъ мо-

реплавателей, начинающихъ путь столь далекій и опасный.

Извѣстія о прибытіи Капитана Лейнга въ Томбукту оказались не совсѣмъ достовѣрными. Извѣстіе дошло не отъ него самого, а по слухамъ — изъ Италіи. Онъ писалъ только (отъ Августа, 1826 г.) изъ Эль-Салага, оазиса на Сагарской степи. На него нападали разбойники; одинъ изъ его спутниковъ былъ убитъ и самъ Лейнгъ раненъ.

Капитанъ В. Фишеръ получилъ привиллегію на изобрѣтенную имъ машину, посредствомъ коей можно наливать бочки въ корабляхъ водою съ берега, не перевозя ихъ съ корабля на берегъ, что составляло донинѣ довольно затруднительное дѣло.

Вопь любопытныя извѣстія о книжной торговлѣ въ Англіи. Одинъ изъ Лондонскихъ книгопродавцовъ продаетъ ежегодно до 5 милліоновъ шомовъ и за объявленія только, платитъ около $5\frac{1}{2}$ ш. ф. с. (болѣе 137 ш. рублей). До 250 человекъ типографскихъ работниковъ, переплещчиковъ и пр., работаютъ, единственно для него. Въ 1782 г. въ Великобританіи было только 79 журналовъ и газетъ, а въ 1821 до 284. Въ 1770 г. было въ Лондонѣ 4 библіотеки для чтенія; нынѣ ихъ болѣе 100, кромѣ 2000 кабинетовъ и общественныхъ заведеній, гдѣ на мѣстѣ читаютъ книги и газетны.

Пишутъ, что войска Паши Акрскаго разграбили Иерусалимъ и расхищили всѣ сокровища церкви Св. Гроба Господня.

Наводненія въ Сѣверо-Западной Германіи причинили большія опустошенія. Городъ Бременъ пострадалъ всѣхъ болѣе. Окрестныя мѣста затоплены водою, разрушившею площади и шлязы.

Послѣ Генерала Фуа осталась *Исторія войны Испанской*. Она будетъ издана въ 4-хъ томахъ.

Въ Бриссельскомъ театрѣ воздвигли памятникъ Тальмъ. Оный состоитъ изъ мраморнаго бюста, съ надписью: *Тальмъ. Актеры Королевскаго Бриссельскаго театра. 1827.* — Въ Римѣ, художники условились ежегодно праздновать день приѣзда въ сей городъ славнаго скульптора Торвальдсена. Это произошло по случаю сказанныхъ имъ словъ, что день приѣзда своего въ Римъ, онъ почитаетъ настоящимъ днемъ своего рожденія. — Въ Генуѣ кончили устройство залы въ тамошнемъ театрѣ. Она стоила съ декораціями три милліона франковъ и можетъ похвастаться величайшею въ свѣтѣ, ибо сцена въ ширину 4-мя футами болѣе сцены Неапольскаго Санъ - Карловскаго театра. Архитекторъ Приаско, устроившій Генуэскую залу, строилъ и Санъ - Карловскій въ Неаполѣ и Ардженскій, въ Туринѣ, театры.

В. Скопшъ открывши тайну объ имени сочинителя Веверлея, разсказалъ разныя любопытныя подробности объ авторскомъ своемъ поприщѣ. Онъ еще въ 1805 г. кончилъ Веверлея и хотѣлъ издашь; но такъ мало надѣялся на успѣхъ его, что почти десять лѣтъ рукопись пролежала въ его кабинетѣ, и много разъ онъ рѣшался бросить ее въ огонь. Однажды едва не изорвали ее на пыжи для охотниковъ, отправлявшихся за зайцами.

По послѣднимъ извѣстіямъ скончались въ Европѣ два замѣчательные челоѣка. Славный Физикъ Александръ *Вольта*, въ Комо, 5 Марта. Онъ извѣстенъ въ исторіи челоѣческихъ знаній дальнѣй-

шимъ разлитіемъ Гальваніевыхъ опытовъ надъ феноменомъ силъ природы, который извѣстенъ подъ именемъ *гальванизма*. Вольта устроилъ и усовершенствовалъ такъ называемыя гальваническія машины, отъ того иногда называемыя *Гальвани-Вольтовскими*. — *Людовикъ Фанъ - Бетговенъ*, славный композиторъ, скончался въ Вѣнѣ, 26 Марта, на 57 году отъ рожденія. Называя Моцарта Рафаэлемъ музыки, Нѣмцы сравниваютъ Бетговена съ Микель - Анджелою. Послѣдніе годы Бетговенъ жилъ въ большой бѣдности. Его великолѣпно похоронили, и вѣроятно воздвигнуть ему памятникъ. Какъ не вспомнить здѣсь эпитафіи Бутлера: «Сотечественники мои допускали меня умирать съ голода, а по смерти поставили мнѣ памятникъ: добрые люди! Я просилъ хлѣба; они дали мнѣ камень.»

НЕКРОЛОГІЯ. *Францискъ Александръ Фридерикъ Герцогъ де-Ла-Рошфуко - Лианкуръ*, скончался въ Парижѣ, въ концѣ Марта сего 1827 года. Жизнь, посвященная гражданскимъ добродѣтелямъ и благу соотечественниковъ, ознаменованная безкорыстною, чистою любовію къ отчизнѣ, даетъ Герцогу Ла-Рошфуко священныя права на вниманіе современниковъ и Исторіи. Онъ родился 11 Января 1747 года, и назначенный по богатству и знатному роду въ число царедворцовъ, съ самого вступленія на скользкое поприще придворной жизни, ознаменовалъ себя благородствомъ и величіемъ духа. Никогда не унижаясь, не испрашивая милостей незаслуженныхъ, онъ явно оказывалъ свое презрѣніе къ любимицѣ Людовика XV, которая,

подъ названіемъ Графини Дюбарри, повелѣвала тогда дворомъ, и первый поѣхалъ въ Шантелу, куда по интригамъ фаворитки удаленъ былъ Герцогъ Шуазель. При Людовикѣ XVI, Ла-Рошфуко продолжалъ службу при дворѣ, не участвовалъ ни въ какихъ придворныхъ смутахъ и интригахъ, посвящая время бесѣдѣ литераторовъ, ученыхъ и успроиству благотворительныхъ заведеній. Когда въ 1789 г., собирались Генеральные Штаты, разговоръ Герцога Ла-Рошфуко съ Королемъ доказалъ всю правоту души его и чистоту намѣреній. «Отъ меня зависить сдѣлаться Членомъ Собранія,» сказалъ онъ Королю, «но безъ вашего позволенія я не хочу приступить къ этому. Вамъ извѣстна, Государь, моя преданность къ вамъ, но извѣстны и мнѣнія мои: я не измѣню имъ будучи Членомъ Штатовъ, и буду въ слухъ говорить истину, не смотря на то, понравится она или нѣтъ.» Король увѣрилъ его, что онъ самъ хочетъ слышать истину, самъ требуетъ исполненія безпорядковъ и желаетъ одного блага народнаго. Герцогъ Ла-Рошфуко избранъ былъ Членомъ Генеральныхъ Штатовъ, доказалъ смѣлость и благородство духа своего во всѣхъ случаяхъ, искалъ одного благоденствія народнаго, уступая всѣ предрасудки, даже всѣ личныя выгоды для сей единственной цѣли желаній. Но любовь и преданность его къ царствующему дому, исполненіе долга вѣрноподданнаго ярко оказывались въ шожѣ время. Дѣла государственныхъ привяли крупной, неожиданный оборотъ, Министры и придворные тайли отъ Короля опасное положеніе дѣлъ; Герцогъ Ла-Рошфуко первый рѣшился сказать ему все; ночью явился къ Королю и объяснилъ ему подробно ходъ и положеніе.

дѣль. «Quelle révolte!» повсорялъ Король, въ задумчивости ходя по комнатамъ; Ah! sire, dites révolution! ошвѣчалъ ему Герцогъ. Но Король, окруженный придворными интригами и нерѣшимельный въ своихъ намѣреніяхъ, въ послѣдствіи не хотѣлъ слушать Ла-Рошфуко. Герцогъ старался спасти Короля въ 1792 г., когда былъ сдѣланъ начальникомъ корпуса войскъ въ Руанѣ, жертвовалъ для сего самимъ собою, и все уже было готово къ побѣгу Людовика; но Королева отказалась, и послѣ ужасовъ 10 Августа, Герцогъ самъ принужденъ былъ бѣжать въ Англію. Тамъ собравъ маленькіе остатки своего сословія, онъ путешествовалъ по Англіи; четыре года прожилъ въ Сѣверной Америкѣ и одинъ верхомъ объѣхалъ Соединенн. Штаты; потомъ посѣтилъ онъ Голландію, Германію и Данію. Вездѣ Ла-Рошфуко думалъ только о несчастной отчизнѣ своей, раздраемой ужасами междоусобій. Когда Наполеонъ утвердилъ власть свою во Франціи и полишика Европы приняла мнѣніе противное долговременному ожиданію эмигрантовъ, Герцогъ рѣшился возвратиться во Францію. Онъ не требовалъ своихъ имѣній, не хотѣлъ чиновъ и занялся единственно литературою и науками. Тогда изданы были имъ книги: *Путешествіе въ Соединенн. Штаты Америки*, въ 1795-1798 г. 8 томовъ, in 8; *Состояніе бѣдныхъ, или исторія трудящихся званій общества въ Англіи* (извлеченіе изъ Англ. соч. Моррона); *Замѣтанія о поземельномъ налогѣ въ Англіи*; *Замѣтанія объ Англійскомъ Законодательствѣ, касательно дорогъ*. Возобновивъ хозяйственныя заведенія въ Ланкурѣ, помѣстѣ своемъ, гдѣ еще въ 1780 г. учреждена была имъ школа для обученія солдатъ

ремесламъ и начальнымъ знаніямъ, Герцогъ получилъ отъ Наполеона свое помѣстье и сдѣлалъ его приближеннымъ бѣдныхъ дѣшей и опорой недоспашочныхъ Оазскаго департаменту. Величайшій успѣхъ увѣнчалъ два обширныя его предпріятія: Герцогу Ла-Рошфуко Франція обязана введеніемъ *прививанія коровьей оспы* и учрежденіемъ *школъ взаимнаго обученія*. Наполеонъ зналъ, что Герцогъ любитъ Францію, а не Императора ея, но умѣлъ цѣнить его благодѣтельные подвиги и прислалъ ему орденъ Почести. Легіона. По возвращеніи Бурбонскаго Королевскаго дома на престолъ Франціи, Герцогъ пожалованъ былъ Перомъ. Стараюсь примирить фанатизмъ партій, онъ всегда держался однихъ правилъ, какія почиталъ необходимыми для счастья отечества, хотя-бы они противорѣчили мѣлочнымъ расчетамъ страстей. Учебное заведеніе его, для обученія ремесламъ и знаніямъ, перенесенное въ Компіень, а потомъ въ Шалонъ на Марнѣ, переименованное *Консерваторією искусствъ и ремеслъ* (*Conservatoire des arts et métiers*) и уже сдѣлавшееся государственнымъ обширнымъ заведеніемъ, было расадникомъ мануфактуристовъ и извѣстнѣйшихъ въ послѣдствіи ремесленниковъ. Безъ всякаго жалованья, Герцогъ былъ его главнымъ Инспекторомъ; не омотря на преклонныя лѣта, ѣздилъ онъ два раза въ недѣлю лично осматривать Парижскія тюрьмы; сверхъ того участвовалъ во всѣхъ благотворительныхъ заведеніяхъ: дни его посвящены были трудамъ для человечества, и почтеніе и любовь окружали его; но всегда презирая интригу, онъ въ Іюнь 1823 г. сдѣлался жертвою ея, ибо учинивъ Префекту полиціи сильное представленіе о произвольныхъ распоряженіяхъ по тюрьмамъ и нару-

шенія устава тюремъ, онъ съ огорченіемъ увидѣлъ, что стараніемъ противниковъ жалоба его была не уважена. Обществу тюремъ вѣрно было дать новое образованіе. Герцогъ просилъ уволить его отъ участія въ новомъ Обществѣ. Онъ получилъ отъ Министра внутреннихъ дѣлъ слѣд. краткій отвѣтъ: «Честъ имѣю извѣстити васъ, что въ слѣдствіе вашего письма къ Префекту полиціи, Король увольняетъ васъ отъ должности главнаго Инспектора Консерваторіи искусствъ и ремеслъ, отъ должностей: Члена Главнаго Совѣта тюремъ, Главнаго Совѣта мануфактуръ, Совѣта земледѣлія, Главнаго Совѣта Парижскихъ Готспалей и Главнаго Совѣта Департамента Оазскаго.» Въ Августѣ прообразовали Комитетъ распространенія во Франціи коровьей оспы — и Герцогъ лишенъ былъ средствъ дѣйствовать, какъ чиновникъ государства. Онъ мало не оскорбляясь и не измѣняясь въ своемъ характерѣ, онъ до конца жизни дѣйствовалъ неутомимо какъ частный человекъ: споспѣшествовалъ каждому благородному порыву, не жалѣлъ ни денегъ, ни здоровья, когда могъ подать помощь спраждущимъ, припѣсеннымъ. Горестъ безчисленнаго множества благодѣтельствованныхъ имъ и всѣхъ Французовъ, чуждыхъ духа противной партіи, сопровождала смерть его. Къ чувствительному огорченію всѣхъ благомыслящихъ, печальное происшествіе нарушило торжественную горестъ, которою благодѣльствованные хошѣли почтить бранные остатки Герцога Ла - Рошфуко. Предположено было похоронить его въ Лианкуръ, гдѣ провелъ онъ большую часть жизни. При выносѣ тѣла изъ дома въ церковь Св. Магдалины, явилось въ глубокомъ

трауръ множество прежнихъ воспитанниковъ Шалонской Консерваторіи. Слезы ихъ на гробъ благодѣтеля были для всѣхъ прогательнымъ памяникомъ. По окончаніи службы, они подняли гробъ и на рукахъ понесли его до погребальной колесницы. Но путь въ восторгъ благодарности, они всѣ закричали: *»Понесемъ его на рукахъ до заставы!»* Тотчасъ исполнено было предложеніе. Но благодарные люди не знали, что въ Парижѣ вѣдно возить гробы на дрогахъ и запрещено носить на рукахъ. Явился полицейскій чиновникъ; ученики заспорили; солдаты, опряженные для военной почести, по приказу Полковника вступились, началась драка и — гробъ уронили на землю! Полиція отбила всѣхъ и принудила исполнить свое требованіе. *»Приказано возить на дрогахъ, и я долженъ исполнить,»* говорилъ въ оправданіе полицейскій чиновникъ, *»иначе я лишусь мѣста.»* — Съ усиленною симъ несчастнымъ случаемъ горестью, слѣдовало погребальное шествіе до заставы. Путь Баронъ Дюпень произнесъ рѣчь. *»16 милліоновъ спасъ онъ отъ смерти и уродства введеніемъ оспы: какого гражданскаго вѣнца онъ достоинъ за это!»* сказалъ между прочимъ Дюпень. Другіе ораторы, хотѣвшіе говорить рѣчи, опстали въ смятеніи. Гробъ повезли по назначенію; но весь Парижъ заговорилъ о поступкѣ полиціи. К. Перрье предложилъ въ Палатѣ Депутатовъ изслѣдовать оскорбленіе, нанесенное праху знаменитаго гражданина. Предложеніе его было однакожъ оставлено безъ вниманія. Бенжамень-Констанъ вступился за Перрье, когда на другой день читали протоколъ прошедшаго засѣданія. Онъ утверждалъ, что протоколъ не годится, что надобно перемѣнить

его и сказать яснѣе и смѣльнѣе о защитѣ отъ оскорбленія, какой требовалъ Перрье. «Нѣтъ!» закричали ему съ правой стороны. — Нѣтъ! отвѣчалъ Б. Констанъ, прекрасно, Мм. Гг. ! *нѣтъ* есть девизъ нашей Депутатской Палаты: онъ останется памятникомъ вашего безпристрастія! — Потомъ краснорѣчиво объяснилъ онъ, что нахальный поступокъ полицейскаго чиновника оскорбляетъ весь народъ Французскій, что Палата Депутатовъ должна возстать за поруганіе памяти одного изъ первыхъ представителей и благодѣтелей народа. Предложеніе подкрѣпили только К. Перрье, Лаббей-де-Помпьеръ, Себастіани и Пету. Оно было оставлено. — Въ Палатѣ Перовъ представлень былъ отчетъ о несчастномъ случаѣ, изумившемъ всѣхъ сочленовъ покойнаго Герцога; но послѣдствія отчета еще неизвѣстны.

О П Е Ч А Т К И

Въ No VII. Ота. I.

Напечат.

должно быть

Стр. Стр.

194—19 Wizytuja
 — 20 Pozegnanie
 204—24 ustapi
 205— 4 Gothe.
 206—27 Zyjatek
 215—30 съ
 222— 8 освящаютъ
 225—32 Ioculi

Wizytuja
 Pożegnanie
 ustapi
 Göthe.
 Zyjatek
 Есь-
 освѣщаютъ
 oculi

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

І. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Посланіе къ . . . ().*

Товарищъ ! вотъ тебѣ рука !
Ты другу во время сказался ;
Къ любви душа была близка :
Уже въ ней пламень загорался ,
Животворитель бытія
И жизнь опцвѣшшая моя,
Надеждой снова зацвѣшала !
Опять о счастья мнѣ шептала
Мечта , знакомецъ старины . . .

Дорогой странникъ упомянутый ,
Узрѣвъ съ холма неопдаленный
Предѣль родимой стороны ,
Трепететь , сердцемъ оживаетъ
И жаднымъ взоромъ различаетъ
За горизонтомъ опчій кровъ ,
И слышитъ снова шумъ дубовъ ,
Которые давно шумѣли
Надъ нимъ , игравшимъ въ колыбели ,
Въ виду родительскихъ гробовъ .

(*) Сія стихи написаны были за много лѣтъ и донынѣ еще
гдѣ не напечатаны.

Онъ небо узнаеть родное,
 Подъ коимъ счастье молодое
 Ему сказалося впервой!
 Прискорбно-радостнымъ желаньемъ,
 Невыразимымъ упованьемъ,
 Невыразимую мечтой,
 Живымъ утраченное мнится;
 Онъ снова гость миѣувшихъ дней,
 И снова жизнь къ нему тѣснится
 Всей милой прелестью своею. . . .
 Таковъ былъ я одно мгновенье!
 Прелестно-быстрое виденье,
 Давно не посѣщавшій другъ,
 Меня внезапно навѣстило,
 Меня внезапно уманило
 На первобытный жизни лугъ!
 Любовь мелькнула предо мною.
 Съ возобновленною душою
 Я къ лиръ бросился моею
 И подъ рукой нетерпѣливой
 Бывалый звукъ раздаеся въ ней!
 И мертвое мнѣ стало живо,
 И снова на бездушный свѣтъ
 Я оглянулся какъ поэтъ! . . .
 Но удались, мой посѣститель!
 Не у меня тебѣ гостить!
 Не мнѣ о жизни возвѣстить
 Тебѣ, святой благовѣститель!

Товарищъ! мной ты не забудь!
 Любовь друзей не раздружить.
 Смиь несозрѣвшимъ упованьемъ,
 Едва ошвѣданнымъ душой,

Подорожу-ль передь тобой ?
 Сравню-ль его съ твоимъ спраданьемъ ?
 Я вижу , молодость твоя
 Въ прекрасномъ цвѣтѣ умираешь
 И страсть , убійца бытія ,
 Тебя безмолвно убиваетъ !
 Давно веселости ужь нѣтъ !
 Гдѣ остроты пріятной живость ,
 Съ которой ты являлся въ свѣтъ ?
 Угрюмый спутникъ молчаливостъ
 Повсюду слѣдомъ за тобой.
 Ты молча радостныхъ дичишься
 И къ жизни охладѣвъ , дружишься
 Съ одной убійственной тоской ,
 Владѣльцомъ сердца одинокимъ.
 Мой другъ ! съ участіемъ глубокимъ ,
 Я часто на лицѣ твоемъ
 Ловлю души твоей движенія !
 Болѣзнь любви безъ утоленья
 Изображается на немъ.
 Сіе смятеніе во взорѣ ,
 Склоненномъ робко передь ней ;
 Несвязность смутная рѣчей
 Въ желанномъ сердцу разговорѣ ;
 Перерывающійся гласъ ;
 Къ тому , что окружаетъ насъ ,
 Задумчивое невниманье ;
 Присутствія очарованье
 И неприсутствія тоска
 И трепеть , признакъ страсти тайной ,
 Когда послышишься случайно
 Любимый гласъ издалека ,
 И это все , что сердцу ясно ,

А выраженью неподвластно ,
 Ся примѣты знаю я !
 Мой жребій даль на шо мнѣ право !
 Но шо , въ чемъ сладость бытія ,
 Должно-ли быть ему отравой !
 Нѣтъ , милый ! ободрись ! она
 Столь восхищительна не даромъ :
 Души глубокой чистымъ жаромъ
 Ся краса оживлена !
 Сей ясный взоръ , онъ не обманчивъ :
 Не прелестью ума одной ,
 Онъ чувства прелестью приманчивъ !
 Подъ сей веселостью живой
 Задумчивое что-то скрыто ,
 Уныло - сладостное слишо
 Съ сей оживленной красотой ,
 Въ ней что-то искреннее дышетъ ,
 И въ миломъ голосѣ ея
 Довѣрчиво душа твоя
 Какой-то звукъ знакомый слышишь ,
 Всему въ немъ лучшему родной ,
 Въ нее участіе люющій ,
 И безъ усилія дающій
 Ей убѣжденье и покой.
 О , вѣрь-же , другъ , душѣ прекрасной !
 Уже-ль природою напрасно
 Ей столько милаго дано !
 Люби ! Любовь и жизнь одно !
 Отдайся ей , забудь сомнѣнье ,
 И жребій жизни соверши ;
 Она пойметъ твое мученье ,
 Она пойметъ языкъ души !

Вечеръ ранней весны.

Уже растворено окно,
И въ тепломъ воздухѣ такъ сладко, такъ пріятно!
И ужъ въ саду *нарцисъ* бѣлѣетъ ароматной!

Не знаю, чѣмъ въ груди полно,
Какимъ таинственнымъ, святымъ очарованьемъ?
Проснулось все! все жизнь и шопотъ и журчанье....

Перекликаются по рощамъ голоса,
И крупная, слезистая роса
Дрожитъ и нижеется вокругъ розы въ ожерелье.
Ахъ! погоди, весна, моей души веселье!
Своею нѣгою дай напишаться мнѣ:
Да не увяну я подъ пылкимъ зноемъ лѣта! . . .
Но ты лепишь, какъ челнъ скользящій по волнѣ,
Какъ вдохновеніе поэта,
Какъ *рай* приснившійся во снѣ! . . .

Ө. Глинка.

Дамскій зонтикъ.

Товарищъ ясныхъ дней, защита красоти,
Игрушка юности и взора наслажденье,
Полезный вымыселъ роскошной суеты,
И всѣхъ превратностей судьбы изображенье!
При солнцѣ, ты любимъ, и видѣнь, и высокъ,
Всегда на небеса взираешь;
Но чуть лишь облачко — и ты, уже у ногъ,
Спѣсненъ и пыль сметаешь!

Елисавета Лебедская.

К р ю ц н е р ь .

(Продолженіе.)

Управитель ушелъ, но это не надолго уменьшило безпокойство обоихъ супруговъ; они услышали на лѣстницѣ незнакомый голосъ; маленькій Марцелинъ вошелъ запыхавшись и сказалъ, что идетъ какой-то иностранецъ. Зигендорфъ навѣрное полагалъ, что это Штраленгеймъ: онъ вспалъ поспѣшно, какъ человекъ опечаленный, готовый на все. Тотчасъ за мальчикомъ вошелъ и незнакомецъ. Это былъ молодой человекъ. Прежде всего глаза его устремились на Жозефину. Онъ спросилъ объ управителѣ и принужденъ былъ повторить свой вопросъ, потому, что ему не отвѣчали, да и самъ онъ казался разсѣяннымъ, глядя по на Жозефину, по на Графа. Всѣ прѣе были въ волненіи и молчали. Супруги думали еще ошибаться: иностранецъ не сомнѣвался болѣе. Сердце его было полно, въ глазахъ блискали слезы; онъ протянулъ руки къ своей матери: она съ радостнымъ воплемъ бросилась къ нему, произнеся: Конрадъ!

Это былъ точно онъ. Какая явная помощь Провидѣнія, такъ сильно ихъ испытывавшаго! Конрадъ спасъ жизнь Штраленгейму и эшотъ прекрасный посту-

покъ, дѣйствіе случая, потому, что Конрадъ былъ на берегу рѣки въ то время, когда Баронъ утопалъ, доставилъ ему свиданіе съ родителями. Онъ не зналъ, что избавилъ отъ смерти своего непріятеля; не зналъ, что есть ему соперникъ въ наследствѣ, почитаемомъ имъ собственностью своего опца, съ той минуты, какъ онъ найдетъ его. Съ какою радостью Зигендорфъ и Жозефина приняли-бы знаки неизмѣнной нѣжности своего преданнаго сына, если-бы сердце ихъ не было стѣснено неисцвляемою горестью. Сколько различныхъ ощущеній! Какая противоположность впечатлѣній попеременно испытываемыхъ ими! Какая удвоенная горестъ для Зигендорфа среди такого счастія! Въ шрое они не находили словъ для вопросовъ, объясненій, подробностей, всѣмъ имъ споль любопытныхъ.

Между тѣмъ Жозефина всякую минуту боялась, чтобы Шпраменгеймъ не открылъ ихъ, и хотя сердце ея было жадно къ счастію видѣть своего сына, она принуждала его уйдти, спрашась, чтобы это продолжительное посѣщеніе не возбудило подозрѣній. Конрадъ не раздвлялъ ея страха. «Баронъ не таковъ, какъ вы себя воображаете,» сказалъ онъ. «Онъ обязанъ мнѣ признательностью, потому что я спасъ ему жизнь. Онъ боленъ, одинокъ, его обокрали въ послѣднюю ночь и онъ такъ въришь мнѣ послѣ оказанной ему мною

услуга, что просилъ меня' занявшись необходимыми поисками и открывъ преступника, который обокраалъ его во время сна. Я думалъ, прикащикъ здѣсь: ищу его потому, что мнѣ надобно отъ него узнать кой-что нужное.»

Эти слова произвели въ Зигендорфѣ такое-же дѣйствіе, какъ ударъ кинжаломъ въ сердце. При словѣ: преступникъ, губы его поблѣднѣли и задрепетали. Это униженіе, отъ своего роднаго сына, было для него нестерпимо. Глаза его заблестали молніей; онъ не могъ удержатъ своихъ чувствъ.

«Кто далъ тебѣ право,» вскричалъ онъ, вскочивъ въ ярости называть преступникомъ существо, тебѣ неизвѣстное? Не уже-ли ты думаешь, что я позволю моему сыну безнаказанно поносить меня?»

Эта ужасная выходка изумила Конрада. Онъ подумалъ, что отецъ его не въ полномъ умѣ. Но онъ скрылъ свою мысль и спокойно отвѣчалъ: «Какая мнѣ надобность знать вора для того, чтобы называть его преступникомъ. Что можетъ быть общаго между моимъ опцомъ и такимъ преступникомъ?»

— Я этотъ преступникъ! вскричалъ Зигендорфъ въ себя. Я виновенъ въ покражѣ.

Конрадъ отскочилъ назадъ отъ ужаса и остановился какъ окаменѣлый. Онъ блуждающими глазами смотрѣлъ на своего оп-

ца, не зная, желать ли удосповѣришься, что онъ сумасшедшій, или точно увидѣшь, что онъ виновенъ въ низкомъ преступленіи. Графъ понялъ мысли своего сына.

»Прежде узнай, въ какомъ положеніи твой отецъ,« сказалъ онъ и послѣ того унижай его своими взглядами. Ты молодецъ, ты никогда, ни въ чемъ не знаешь нужды. Ты не можешь понять силы, съ какою бѣдностью заставляешь рѣшаться на все. Осуждай меня, когда выдержишь всѣ униженія, всѣ нужды; когда испытаешь голодъ, узнаешь презрѣніе людей и услышишь вздыхать о несчастіи жены и дѣтей, беспомощныхъ, безнадежныхъ. Если ты будешь когда нибудь въ этой ужасной пылкѣ, если увидишь въ своей власти ожесточеннаго врага, единственное препятствіе обладанію твоимъ имѣніемъ, человека, который похищаетъ у тебя достоинство, имѣніе, даже имя, тогда я поздравляю тебя, если похитишь у него бѣдную частицу его собственности, а не вонзишь кинжала въ его грудь!.. Я не сдѣлалъ этого и, можетъ быть, виновенъ, потому что теперь Шпраленгеймъ погубитъ всѣхъ насъ!»

Конрадъ хотѣлъ говорить; отецъ движеніемъ велѣлъ ему молчать и продолжалъ съ горестнымъ чувствомъ: »Ты не знаешь его такъ, какъ я, не знаешь этой ядовитой змѣи, головой облизъ насъ своимъ ядомъ. Онъ былъ въ моей власти и я

позволялъ ему существовать! Ты считаешь себя безопаснымъ потому, что ты еще молодъ и силенъ. Случай можетъ изменить и тебѣ, какъ изменилъ Шпраленгейму. Я не искавши нашелъ Барона; я настигъ его во время сна: кинжалъ мой былъ поднятъ надъ нимъ. . . Ахъ, для чего оставилъ я ему жизнь: онъ употребилъ ее на пагубу насъ. Онъ умѣлъ запутать меня въ сѣти Иденштейна; онъ умѣлъ предать меня этому опасному человѣку. Я погибъ невозвратно. Повѣрь мнѣ, Конрадъ! есть случаи, гдѣ испытаніе для добродѣтели человѣческой слишкомъ сильно! Выговоривъ сіи слова, онъ приложилъ руку свою ко лбу и вышелъ какъ безумный.

Конрадъ, оглушенный горестью, погруженный въ размышленія, оставался въ оцѣпенѣломъ молчаніи. Жозефина, встревоженная состояніемъ своего мужа, хотѣла идти вслѣдъ за нимъ, но не могла рѣшиться оставить своего сына съ такими ужасными впечатлѣніями. Нѣсколько минутъ оба они молчали. Конрадъ, одною рукою закрывъ лицо, другую протянулъ къ своей матери; потомъ, наклонивъ голову свою на плечо Жозефины, онъ сказалъ ей тихимъ голосомъ: «Объясните мнѣ, отъ чего-же такъ спрашенъ намъ Шпраленгеймъ?»

Жозефина не могла рассказать этого своему сыну удовлетворительно, не обви-

нивъ Зигендорфа. Она не могла однакожъ промолчать и предоставить все воображенію Конрада; она рассказала, какъ могла лучше, о томъ, что происходило въ Гамбургѣ, о свѣдѣніяхъ, полученныхъ ими отъ Жюліо и причинахъ, заставлявшихъ вѣрить, что Баронъ употребилъ для погубленія ихъ Иденштейна и, можетъ быть, управителя. Наконецъ она объяснила ему, что этогъ противникъ ихъ правъ испребилъ-бы самого Конрада, если-бы онъ объявилъ о себѣ прежде нежели можно было ему открыться безъ опасности.

Конрадъ понялъ всю запутанность и всѣ опасности, въ какихъ находились его родители и самъ онъ. Признаніе отца въ покражѣ усугубляло бѣдствіе ихъ положенія. Вѣроятно управитель зналъ о тайной галлерей, сообщавшей съ комнатами Шпраленгейма лѣвое крыло, гдѣ жилъ Графъ. Подозрѣнія естественны должны были обратиться на истинно-виновнаго. Конрадъ не хотѣлъ распространять слуха о покражѣ, который, по счастію, еще совсѣмъ не былъ извѣстенъ въ замкѣ. Баронъ, за нѣсколько минутъ сказывая ему объ этомъ происшествіи, не рѣшался оглашать его потому, говорилъ онъ, что обвиненіе могли почестъ ложнымъ, а всѣ служители остались-бы въ подозрѣніи и, вѣроятно, ничего не было-бы открыто; между тѣмъ это поставило-бы его въ непріятныя отношенія съ Княземъ, владѣтелемъ замка.

Конрадъ не соглашался на это молчаніе, но теперь, узнавши всѣ подробности, онъ рѣшился молчать, потому что одно молчаніе могло спасти его родителей.

Конрадъ былъ рѣшительнѣе, и хладнокровнѣе своего отца. Въ ту же минуту ему стало легче, какъ скоро онъ увидѣлъ возможность избавить своихъ родителей: его лицо, сначала выражавшее глубочайшую горестъ, оживилось мало помалу. Онъ старался утѣшить свою мать, и общалъ ей еще въ тотъ-же вечеръ придти; увидѣться съ нею и сказать, какія приметь онъ мѣры.

Конрадъ хотѣлъ уже выйти, когда Венгерецъ, соупникъ его, вошелъ въ комнату. Онъ искалъ Конрада и его послали къ Г-ну Крюйцнеру. Этотъ Венгерецъ не отличался тѣми приемами, которые отличали высокое происхожденіе Конрада, и хотя онъ раздѣлялъ съ Конрадомъ самоопроверженіе, которому Баронъ былъ одолженъ своимъ спасеніемъ, но Шпраленгеймъ со-всѣмъ не имѣлъ къ нему сколько большой довѣренности какъ къ его соупнику. Жозефина подумала, что это былъ дорожный товарищъ ея сына и обошлась съ нимъ вѣжливо; но Конрадъ чувствовалъ, какъ было-бы трудно матери его или ему самому не проронить какого нибудь слова, которое могло-бы возбудить подозрѣнія въ Венгерца. Неперпѣливо желая окончить

это посвященіе, онъ скоро увелъ своего со-
путника. .

Только что вышли они, Конрадъ на-
шелъ предлогъ, и удалился, желая хоро-
шенько обдумать, что ему дѣлать.

Бывши у Жозефины, онъ опдалъ ей
драгоценный перстень. Онъ понималъ,
что въ пеперешнихъ обстоятельствахъ
золотомъ не должно дарить Иденштейна.
Но могло случиться, что помощь драго-
цѣннаго перстня была-бы чрезвычайно
полезна. Онъ предоставлялъ своему отцу
и матери хранить эту перстень, или
располагать имъ по собственной ихъ
волѣ.

Между тѣмъ Графъ спалъ нѣсколько
спокойнѣе и внимательно выслушалъ Жо-
зефину, рассказавшую ему свой разговоръ
съ сыномъ. Онъ былъ особенно тронутъ
вниманіемъ Конрада, который прежде все-
го дарилъ имъ драгоценную вещь на слу-
чай нужды.

Въ то время драгоценныя вещи всег-
да оставались семейными и обдѣлку ихъ
перемѣняли рѣдко. Зигендорфъ тотчасъ
узналъ перстень, оставленный Конрадомъ:
онъ напомнилъ ему время богатства и
пышности, давно потерянныхъ изъ виду.
Какое сравненіе! Юность его прошла,
обольщенія исчезли одно за другимъ. Онъ
долженъ былъ укорять себя за множество
проступковъ; онъ низпалъ до послѣдней
степени бѣдности и порочности. Одинъ

видъ перстня представилъ его глазамъ, съ новою силою, эту печальную противоположность.

Онъ спалъ однакожь размышлялъ о томъ, что можно и что должно было ему предпринять? Управитель былъ человекъ беспаланнй, неловкй; гошовый про- дать себя тому, кто дороже заплатитъ, но и не способный вести дѣло щекотливое и дать ему успѣхъ. Зигендорфу казалось не такъ противно принять участіе прокурора: услуги его могли быть полезны въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Онъ рѣшился обратиться свои баштареи на Иденштейна и едва успѣлъ рѣшиться на это, какъ Иденштейнъ вошелъ.

Онъ пришелъ съ темнымъ воспомина- ніемъ о вчерашней ссорѣ. Пьяный, онъ позабылъ подробности, но припоминалъ себя, что Г-нъ Крюйцнеръ обидѣлъ его, Крюйцнеръ, его должникъ и, какъ онъ думалъ, обрѣченная ему жертва. Потому-то онъ пришелъ къ нему съ намѣреніемъ обойтись гордо. Видя, что Крюйцнеръ скоро будетъ въ рукахъ Барона, онъ рѣшился извлечь изъ этого всю возможную пользу и хопѣлъ, заспавивъ его сказать какія нибудь необдуманная слова въ гнѣвъ, пояснить пѣмъ свои сомнѣнія.

Надежда и увѣренность блеснули въ душѣ Графа. Когда Иденштейнъ вошелъ, онъ рѣшился остаться хладнокровнымъ и въ обхожденіи съ нимъ принять ласковый

тонъ знашнаго человека. Онъ далъ ему понять, что за услуги можешь обезпечить его сосполніе.

Это совершенно разстроило Иденштейна. Бѣдності Графа была такъ явна, что кромѣ ея онъ ничего не замѣчалъ. Онъ не видалъ благородныхъ пріемовъ и возвышеннаго тона обоихъ супруговъ. Но когда въ этомъ бѣднякѣ онъ началъ угадывать богатаго и знашнаго господина, скрывающагося подъ ничтожною наружностію и выдуманнѣмъ именемъ; когда увѣрительный и покровительскій тонъ Графа далъ знать Иденштейну, что помогая Штраленгейму, онъ можетъ погубить себя и упустилъ прекрасный случай обогатиться, онъ совсѣмъ потерялся, не зная, что ему дѣлать и къ кому пристать. Онъ былъ уже недоволенъ управителемъ, который далъ ему выразумѣть, что изъ награжденія за предпринимаемую измѣну не ему достанется самая большая доля. Также мало доволенъ онъ былъ Барономъ, увидѣвъ его одинъ только разъ и замѣтивъ въ немъ человека гордаго, холоднаго и нечувствительнаго къ его достоинству. Наконецъ, послѣднія впечатлѣнія располагали его ласково выслушать новыя предложенія.

Когда Графъ увидѣлъ, что пора употребить рѣшительное средство, онъ блеснулъ перстнемъ. Случилось, что Иденштейнъ зналъ толкъ въ брилліаншахъ.

Онъ былъ пораженъ красотою эшой драгоцѣнности и Графъ тотчасъ увидѣлъ, какое впечатлѣніе произвела богатая бездѣлка. Онъ сказалъ управителю, что важныя причины заставляютъ его продолжать свое путешествіе и что для него много значитъ не быть задержаннымъ по какому нибудь недоразумѣнію. Иденштейнъ увѣрился, выслушавъ Зигендорфа, что онъ есть шопъ, кого преслѣдуетъ Баронъ, но польза требовала смотрѣть иначе на вещи, и тѣмъ оправдать свое отступленіе отъ предпріятія Шпраденгейма. Онъ почти увѣрилъ себя, что обманывается въ этомъ случаѣ. Воображеніе представило ему Крюйцнера челоукомъ важнымъ, который въ послѣдствіи могъ сдѣлаться покровителемъ его. Мечтанія о богатствѣ мелькали въ умѣ прокурора. Графъ наблюдалъ за нимъ, желая схватить благопріятную минуту для своего предложенія и тогда сказалъ ему, что ни за что въ свѣтъ не рѣшится бы разстаться съ фамильною драгоцѣнностью, но теперь готовъ оставить ее въ залогъ ему, и въ первую благопріятную минуту выкупить тройною цѣною.

Графъ не подалъ никакого подозрѣнія о сношеніяхъ своихъ съ Конрадомъ. Иденштейнъ былъ купленъ; только надобно было согласиться, какъ поблагопріятствовать отъѣзду Крюйцнера и его супруги. Послѣ многихъ предположеній, рѣшились,

ипо прокуроръ, въ назначенный день и часъ приготовить экипажъ подлѣ отдѣльно находящейся конюшни, отвезетъ управителя отъ подозрѣній и будетъ держать барона въ полной довѣрчивости.

Трудно было, чтобы это распоряженіе, вдругъ сдѣланное двумя недовѣряющими другъ другу особами, не заставляло обоихъ ихъ бояться измѣны въ самую минуту исполненія. Но въ этомъ случаѣ они оба обманывались. Зигендорфъ изъ опасенія не отважился-бы измѣнить своему слову въ послѣднюю минуту, а прокурору что за выгода была измѣнить? Онъ зналъ, что можетъ не бояться управителя: въ дѣло Барона былъ онъ вмѣшанъ не законнымъ порядкомъ, да къ тому-же и судилища М**скія были нѣкоторымъ образомъ въ его завѣдываніи. Онъ искренно давалъ обѣщаніе и уговорившись съ Зигендорфомъ, тотчасъ сообщилъ ему много подробностей, показывавшихъ, что онъ точно находился въ опасности бытъ скваченнымъ.

Половодье все еще не прекращалось: это обстоятельство казалось Зигендорфу пагубнымъ, но напротивъ оно-то должноствовало избавить его отъ опасности. Баронъ послалъ нарочнаго во Франкфуртъ. Этотъ нарочный не могъ переправиться, принужденъ былъ воротиться назадъ и зная, что Иденштейнъ участвовалъ въ тайнахъ управителя, черезъ котораго

производилось оппращеніе, разсказалъ пихонько Иденштейну, что посланъ былъ къ комманданшу просить унтеръ-офицера и чепырехъ солдатъ для препровожденія плѣнника. Рѣшительная минута была близка: черезъ двадцать чепыре часа участь Зигендорфа и его семейства былабы кончена. Иденштейнъ взялся пригото-вить все на другой день, чтобы отъѣздъ могъ совершиться въ слѣдующую ночь.

Между тѣмъ Конрадъ размышлялъ о свиданіи своемъ съ родителами. Оно оставило въ душѣ его странную борьбу ощущеній. Благородный, чистый, нѣжный характеръ матери явился передъ нимъ во всей своей прелести; но не таковы были впечатлѣнія отъ разговора его съ отцомъ. Ужасная выходка и бѣшенство, съ какимъ онъ объявилъ себя, желая оправдать поступокъ порочный и пресупный, сначала заставили Конрада видѣть въ немъ чело-вѣка закоренѣлаго въ порокахъ, способнаго на все злодѣйство. Къ счастью, самая живость, съ какою выражался его отецъ, помѣшала ему изъяснить свое удивленіе и негодованіе. Послѣ онъ еще болѣе утѣшился и какъ-бы увлекся выраженіемъ оскорбленной гордости и живаго чувства несправедливости, оживлявшимъ слова Зигендорфа.

Конрадъ воспользовался первою благопріятною минутой и пришелъ къ своимъ родителамъ. Графу легко было замѣшиться

лицѣ своего сына непріятное впечатлѣніе опть упренняго свиданія: онъ желъ изгладить его. Надежда на близкое бавленіе оживляла фізіогномію и слова гендорфа. Жозефина шакже была весе-е прежняго и оба, казалось, шеперь лѣ наслаждались присутствіемъ сына, акъ долго оплакиваемаго. Они поздра-яли другъ друга взглядами, видя его ѣшущаго, полного силы. Конрадъ былъ жественъ, имѣлъ чершы правильныя, зіогномію выразительную, осанку и іемы важные: въ немъ видѣнъ былъ ка-й-то рѣшительный, смѣлый характеръ, торый, казалось, назначалъ его къ не-ыкновеннымъ предпріятіямъ. Зиген-орфъ, уже оставившій всѣ надежды и еланія, оживляющія юность, казалось, пять думалъ о нихъ для своего сына. днимъ словомъ, шеперь онъ почель-бы ебя счастливымъ, если-бъ сынъ могъ важашъ его.

Конрадъ былъ въ ужасномъ безпокой-швѣ и заботахъ. Спранное, опасное его оложеніе, шолько въ эпошъ день сдѣлав-еется ему извѣстнымъ, сильно зажи-ало его мысли; къ тому-же обстоя-ельства зашупались совсѣмъ неожидан-ымъ образомъ. Сначала Баронъ хотѣлъ олучашъ о ночной покражѣ; но въ по время, когда Конрадъ находился у сво-й матери, управитель приходилъ къ Ба-ону, и онъ разсказалъ ему обо всемъ. Постъ-

щеніе продолжалось довольно долго и Шпраленгеймъ, по всѣмъ объясненіямъ, полученнымъ отъ управителя, утвердился въ томъ, что Крюйцнеръ и Графъ Зигендорфъ есть одинъ и тотъ-же человекъ. Впрочемъ, онъ остерегся и не сказалъ управителю объ этомъ предположеніи.

Управитель вспыхнулъ, узнавъ о покражѣ. Доброе имя всѣхъ живущихъ въ домъ Князя было очернено: могъ-ли они слышать такую новость безъ досады и недоувѣрчивости? Баронъ съ своей стороны мало имѣлъ къ нему доувѣренности, но они нужны были другъ другу и потому сошлись въ томъ, что обратили подозрѣнія на претъе лицо. Благородные поступки и обхожденіе Конрада удаляли всякую недоувѣрчивость къ нему; но не подумали о Венгерцѣ. Состояніе его казалось близкимъ къ бѣдности, а Шпраленгеймъ и управитель полагали, что человеку бѣдному трудно быть честнымъ человекомъ.

Съ своей стороны, Конрадъ также подумалъ о Венгерцѣ, съ нѣсколькихъ дней только ему знакомомъ, когда Баронъ объявилъ ему о покражѣ. Онъ съѣхался съ Венгерцомъ дорогою, помогалъ ему кошелекомъ своимъ и зналъ о немъ только то, что обхожденіе его показывало человека благороднаго. Когда Конрадъ узналъ бѣдственную тайну, онъ принужденъ

былъ не опровергнуть подозрѣній, падавшихъ на его спутника, такъ, что пришедши къ управителю и увидя, что съ Венгерцомъ обходились, какъ будто-бы онъ уличенъ былъ въ покражу, онъ не могъ свободно защищать его, чего требовала бы справедливость. Венгерець не могъ не оскорбиться этимъ несправедливымъ обвиненіемъ и въ ту-же минуту оставилъ замокъ; а какъ въ пракширъ не было мѣста для бѣдныхъ, то бѣдный иноспранецъ пошелъ спрашивать, куда глаза глядятъ.

Съ негодованіемъ и огорченіемъ Конрадъ пересказалъ сіи подробности своимъ родителемъ. Зигендорфъ, снова вѣрившій надеждѣ, почувствовалъ двойное мученіе совѣсти и безпокойства. Могъ-ли онъ, не совершенно забывъ чувство собственнаго достоинства, оставить несчастнаго, обвиненнаго въ преступленіи, сдѣланномъ имъ самимъ? Онъ видѣлъ въ движеніяхъ и взорахъ Конрада желаніе помочь незнакомцу; но какъ, при этомъ сплещеніи опасности? Въ нѣсколько часовъ должно было тайнѣ приготовиться къ опьязду, не обративъ ни чьего вниманія на это и имѣя дасть убѣжище оподозрѣнному челоуѣку. Между тѣмъ, среди такого смущенія и замѣшательства, малѣйшее обстоятельство могло измѣнить и показать Зенгерцу истинно - виновнаго.

Зигендорфу пришло на мысль, что управитель, вѣроятно, не зналъ о тайномъ переходѣ, потому, что подозрѣніе не было обращено на эту сторону. Оживляемый чувствомъ справедливости и чести, онъ сказалъ, что рѣшился, чего-бы то ни стоило, дать убѣжище Венгерцу. Жозефина радовалась этому чувству. Конрадъ молчалъ; но видно было, что онъ одобрялъ рѣшительность отца.

Графъ сказалъ своему сыну о договорѣ съ Иденштейномъ. Конрадъ согласился, что это хорошо. Граница была не далеко. Они назначили свиданіе въ условленномъ мѣстѣ и согласились въ окончательныхъ распоряженіяхъ.

Конрадъ спѣшилъ уйдти, потому что надобно было отвести всѣ подозрѣнія отъ себя и отъ Зигендорфа. Разставаясь съ своимъ сыномъ, Зигендорфъ изъявилъ такую нѣжность чувствъ, что она пронудила самого Конрада. Онъ пересталъ думать, чему вѣрилъ нѣсколько времени, что отецъ его способенъ къ обдуманнѣмъ преступленіямъ. Для Конрада очень важно было не выдавать своего отца на жертву Шпратенгейму, потому что сей послѣдній тогда могъ-бы оспаривать его права. Пользы отца и сына казались тѣсно связанными.

Не прошло получаса послѣ Конрадова посѣщенія, какъ явился Венгерецъ. Жозефина видѣла его упромъ, но не обращала

на него вниманія; Зигендорфъ совсѣмъ еще не видалъ его и не зная, какую степень довѣренности имѣлъ къ нему Конрадъ, рѣшился обойтись съ нимъ поосторожнѣе. Видъ его былъ не очень выгоденъ: черно-волосый, не высокій человекъ, онъ имѣлъ явчю военное въ своемъ обхожденіи и выражался очень свободно. Графъ и Жозефина, увидя его, оба подумали одно, что совсѣмъ не удивительно если Баронъ подозрѣвалъ его въ воровствѣ.

Чужестранецъ въ двухъ словахъ коснулся страннаго подозрѣнія, павшаго на него: предметъ былъ непріятный, о которомъ онъ не хотѣлъ распространяться тѣмъ болѣе, что Крюйцнеръ и жена его, какъ ему казалось, ничего не слыхали. Онъ сказалъ, что рѣшился ѣхать завтра утромъ. Зигендорфъ заключилъ изъ этого, что половодѣе убыло довольно и что сдѣлалось возможно ѣздить по дорогамъ.

Съ обѣихъ сторонъ не были расположены къ разговорамъ и желали поскорѣе прекратить ихъ. Усталость нашлась достаточною причиною, что Зигендорфъ, послѣ самаго умѣреннаго ужина, проводилъ своего гостя въ назначенную ему комнату. Но едва возвратился онъ къ Жозефинѣ, какъ ему пришло на мысль, что Венгерецъ, можетъ быть, шпионъ Штрауленгейма и что Конрадъ и родители его могутъ быть жертвою своей довѣренности. Долго не могъ онъ заснуть; ходилъ

ло командиръ, хотѣлъ читать, но Венгеръ преслѣдовалъ его воображеніе какъ ужасный призракъ. Только начинало брезжиться, онъ не могъ долѣе удерживать своего безпокойства и отворилъ дверь въ комнату Венгерца. Тотъ спалъ глубокимъ сномъ. Успокоенный Зигендорфъ бросился на постель и наконецъ заснулъ. Когда онъ проснулся, Венгеръ уже ушелъ. Это облегчило Графа.

Время было прекрасное. Зигендорфъ и его супруга съ нетерпѣніемъ ждали появленія Иденштейна. Онъ пришелъ въ полдень, былъ веселъ и сказалъ, что по дороге убываетъ и что ночью вѣроятно можно будетъ отправиться. Онъ сказалъ также, что Баронъ неотступно просилъ своего курьера снова отправиться во Франкфуртъ утромъ; что это былъ очень недовольный препорученіемъ, по его мнѣнію опаснымъ, и въ досадѣ забылъ письмо къ комманданту, а онъ, Иденштейнъ, никакъ не далъ знать объ этомъ управителю и, вѣроятно, посланный тогда замѣтивъ что забылъ письмо, какъ привѣсть къ мѣсту своего назначенія. Иденштейнъ хохоталъ, рассказывая объ этомъ происшествіи, которое давало имъ время и разрушало всѣ замыслы Штраденгейма и управителя.

Графъ не раздѣлялъ веселости и увѣренности Иденштейна. Онъ все боялся, чтобы какой нибудь случай не помѣшалъ

ихъ отъѣзду, боялся какой нибудь непредвидимой измѣны и сомнѣвался: исполнишь-ли Иденштейнъ свое обѣщаніе и дастъ-ли ему средства къ побѣгу. Его мучила эта мысль. Карета будетъ готова вечеромъ; въ минушу отъѣзда драгоценность должна бытъ отдана; но кто поручится, что имѣя въ рукахъ своихъ перстень, прокуроръ не измѣнитъ?

Конрадъ уговорился съ своими родителями, что для избѣжанія отъ всякаго подозрѣнія, онъ уже не придетъ къ нимъ. Не смотря на томительное безпокойство ихъ, онъ рѣшился остаться и наблюдать за всеми дѣйствіями Барона, которому не возможно было, какъ полагалъ Конрадъ, знать о родственной связи его съ Крюйцнеромъ. Онъ упросилъ своего отца съѣхаться съ нимъ, прежде нежели придетъ въ Прагу: для этого назначенъ былъ Карлсбадъ. Зигендорфъ располагался писать отпуща въ Прагу, для предварительныхъ распоряженій и потомъ приѣхать туда вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, чтобы показать, какое согласіе существуетъ между ними и уничтожить всѣ покушенія своихъ непріятелей.

Таковы были предположенія Графа; но грустное предчувствіе наводило завѣсу на будущее и онъ самъ не вѣрилъ, чтобы могъ избавишься отъ свѣей Штраленгейма.

Наступилъ вечеръ, условленный часъ; Иденштейнъ исполнилъ свое обѣщаніе. Лошадь и коляска находились внѣ города, въ назначенномъ мѣстѣ. Хитрый прокуроръ распорядился такимъ образомъ, что никакъ не лѣзя было подозрѣвать его въ участіи, и что Графъ какъ будто самъ завладѣлъ коляскою. Пришедши одинъ на мѣсто, Графъ нашелъ тамъ Иденштейна, съ коляскою, и отдавая ему драгоценный перстень, внимательно всматривался въ черты его лица. Онъ видѣлъ въ нихъ одну глупую радость объ удачномъ исполненіи намѣренія: ничто не показывало и малѣйшаго желанія измѣнить. Въ самомъ дѣлѣ, Иденштейнъ, вѣрный правилу: прежде всего думать о своихъ личныхъ выгодахъ, и вѣрно надѣясь заслужить покровительство знаменитаго иностранца, сердечно желалъ поскорѣ узнать о благополучномъ его приѣздѣ на мѣсто. Онъ не забылъ также заставить Графа возобновить свое обѣщаніе, выкупить перстень высокою цѣною, какъ скоро будетъ имѣть къ тому возможность. Еще разъ давши обѣщаніе хранить тайну, онъ удалился съ полною радостью, что обладаетъ драгоценностью, которая впрочемъ должна была для него оспаться совершенно бесполезною, попому что онъ не могъ ни продать ее, ни даже показашь и самое обладаніе ею, скоро

сдѣлалось для него испочникомъ смертельныхъ безпокойствъ.

Графъ возвращался въ свою комнату, къ Жозефинѣ и дилпашѣ своему: въ эту минушу онъ услышалъ, что за нимъ кто-то идетъ. Къ ужасу своему онъ узналъ Венгерца, который сказалъ, что ходилъ до самой рѣки и что хотя вода гораздо сбыла, но онъ шщепно, два раза, покушался перейти въ бродъ. Мужики увѣрили его, что на разсвѣтѣ можно будетъ переправиться. Лошадь свою оставилъ онъ близъ одной хижины, подлѣ рѣки, и воротившись въ городъ, встрѣтилъ Конрада, который посоветовалъ ему идти къ Г. Крѣйцнеру и просить у него убѣжища на эту ночь.

Это было всего непріятнѣе и тяжелѣе для Зигендорфа! Венгерець спалъ противенъ ему съ перваго взгляда. Истинная причина этой ненависти происходила по закону сдѣленія идей, отъ того что Графъ воображалъ о пресупленіи, имъ сдѣланномъ и человекѣ, несправедливо въ томъ обвиненномъ. Онъ подозрѣвалъ его въ шпионствѣ со стороны Штраленгейма и думалъ, что Венгерець для него только и уходилъ отъ него, чтобы лучше скрыть свои намѣренія. Это подозрѣніе пробудилось въ душѣ Зигендорфа съ новою силою, когда онъ увидѣлъ его въ самую рѣшительную минушу, какъ будто ему все было извѣстно. Но, что было дѣлать? Онъ не могъ оста-

вить его на улицъ. Надобно было приве-
сти его къ себѣ и, шакже какъ вчера, уго-
стить умѣреннымъ ужиномъ. Въ эпошъ
вечерь Венгерецъ былъ разговорчивѣе, не-
жели въ прошедшій. Изъ разговоровъ въ
немъ можно было видѣть челоука ловка-
го, но съ продажною душою. Графъ не
старался продолжить разговора. Онъ оп-
велъ госпя въ его комнату и воропившись,
просилъ Жозефину лечь отдохнушь до ми-
нуты опъзда. Самъ онъ былъ въ шакомъ
волненіи, что не могъ спать и занялся
последними пригоповленіями къ опъзду.

Между тѣмъ онъ не спалъ уже при
ночи сряду и опъ эпого чувспвовалъ та-
кую успалость, что не могъ долѣе про-
тивиться самому себѣ и бросился въ кре-
сла, вздремнушь нѣсколько минутъ подлѣ
постели Жозефины. Она проснулась, пре-
вожимая сердечнымъ безпокойствомъ, но
оспавалась въ совершенномъ молчаніи.

Когда ей показалось, что мужъ за-
снулъ, она почувспвовала себя спокойнѣе,
и вслушиваясь въ тихій сонъ своего ди-
пяти, спокойно спавшаго подлѣ нея на
манпрасѣ, она и сама заснула, такъ, что
скоро всѣ шрое были погружены въ глу-
бокій сонъ.

Но каковъ былъ сонъ Графа! Ужасные
грезы его преслѣдуютъ. Онъ видитъ по
Шпрангенгейма, то Венгерца: они грозятъ
ему. . . Вдругъ сцена переиъняется: онъ
въ домъ родительскомъ, видитъ опца, из-

неможеннаго, блѣднаго, худаго, но онъ встаетъ при его приближеніи и съ гнѣвнымъ видомъ подходитъ къ нему. Зигендорфъ вскочилъ съ прещещущимъ сердцемъ. Начиная свѣпаться; Жозефина еще покоилась. Онъ разбудилъ ее, сказалъ что нельзя терять ни минуты времени, просилъ ее поскорѣе одѣться и приготовиться къ ошѣзду, а самъ пошелъ посмопрѣть, всели было готово. Онъ тихо отворилъ дверь въ комнату Венгерца: его уже не было. Графъ побѣжалъ въ сарай, запрягъ лошадь, привязалъ ее и пошелъ опять въ свою комнату. Онъ готовъ былъ уже войдши, какъ вдругъ услышалъ, что съ садовой стѣны капался камень, и на землю соскочилъ человекъ, перелѣзшій черезъ стѣну. Это былъ Конрадъ: отецъ тотчасъ узналъ его по высокому росту и походкѣ, и вообразилъ, что онъ уловилъ минушу, желая проститься съ нимъ; но какъ описать удивленіе и ужасъ его, когда сынъ, дѣлая знакъ рукою не приближаться къ нему, сказалъ измѣнившимся голосомъ: «Я долженъ узнать, отецъ-ли вы мой или только убійца?» Конрадъ былъ блѣденъ какъ омертвъ, фізіогномія его выражала необыкновенное безпокойство.

— Къ чему эшотъ дерзкій вопросъ? вскричалъ Графъ.

«Мнѣ надобно знать: вы-ли убили Барона Шпраленцейма?»

— Никогда рука моя не была запятнана кровію мръ подобныхъ. Говори яснѣе. —

«Не приходили - ль вы нынѣшнюю ночью, черезъ тайную галлерейю, въ комнату Шпраленгейма?»

Зигендорфъ понялъ наконецъ ужасную истину объ убійствѣ Барона. Онъ понялъ, какая могущественная сила оживляла сына и заставляла его говорить такимъ языкомъ. Между тѣмъ Конрадъ смотрѣлъ на него подозрительными, проницательными глазами. «Вы невиновны!» вскричалъ онъ наконецъ торжественнымъ голосомъ.

Графъ повторилъ, заклиная самого себя, что никогда, съ намѣреніемъ, не покушался на жизнь подобнаго ему.

Молчаніе. «Но онъ мертвъ.» сказалъ Конрадъ. «Его убилъ кто-то, тайно закравшись къ нему въ комнату. Ничего не разбило, ничего не взято. Теперь весь домъ въ тревогѣ. Управитель боленъ и я взялся извѣстить полицію. Поставьте себя въ эту минуту на мое мѣсто; батюшка, и вы простите мои несправедливыя подозрѣнія.» Онъ выговорилъ эти слова пренецивающимъ голосомъ. Зигендорфъ, пораженный множествомъ различныхъ ощущеній, которыя волновали благородную душу Конрада въ настоящемъ его положеніи, униженный тѣмъ, что могъ привлечь низкимъ преступленіемъ подозрѣніе великодушнаго сына, бросился къ

нему на шею и (въ первый разъ въ жизни!) горько заплакалъ!

»Не былъ ли у васъ кто нибудь ска-
залъ Конрадъ, «кто-бы могъ пройти че-
резъ тайный переходъ?»

— Боже мой! вдругъ воскликнулъ Графъ,
сложивъ руки, и назвавъ Венгерца.

»Но онъ вчера отправился,« сказалъ
Конрадъ.

— Онъ возвратился.

»Когда?»

— Вчера вечеромъ.

»Гдѣ же онъ ночевалъ?»

— Онъ спалъ въ той одной комнатѣ,
которую я могъ ему отдать: подлѣ тай-
наго перехода.

Не отвѣчая, Конрадъ оборотилъ голо-
ву къ замку и устремилъ глаза на окно
этой комнаты. Зигендорфъ понялъ его и
сказалъ: — Поздно; онъ уже ушелъ. Ты
только испугаешь свою мать.

Нѣсколько времени продолжалось меж-
ду ними страшное молчаніе. Наконецъ,
Зигендорфъ ударилъ себя по лбу и вскри-
чалъ, проклиная самого себя: »Какъ не
предвидѣлъ я ничего, видя эпошъ совер-
шенно продажный характеръ!»

Бывающъ положенія въ жизни, когда
идеи слѣдуютъ одна за другою такъ бы-
стро, что не лзя понять, какъ въ столь
немного времени въ головѣ нашей проле-
таетъ такое множество мыслей. Минуты
были дороги. Жребій ошца и сына

могъ зависѣть отъ немедленнаго ихъ удаленія другъ отъ друга. Они пробыли вмѣстѣ нѣсколько минутъ, но Зигендорфъ понялъ и сообразилъ всѣ опасности, угрожавшія ему, всѣ послѣдствія убійства Шпраленгейма. Смерть его, казалось, открывала Графу доступъ къ имѣнію, но та-же смерть разверзала бездну между нимъ и предметомъ его надеждъ и желаній. Разысканія правосудія конечно откроютъ тайный переходъ: Зигендорфъ необходимо долженъ подвергнуться подозрѣнію въ воровствѣ и въ убійствѣ. По крайней мѣрѣ, не лзя было не признать его сообщникомъ въ послѣднемъ преступленіи, если онъ вдругъ убѣжитъ. Какъ найдти Венгерца? Какъ доказать, что онъ убійца? И даже, успѣвши въ этомъ, какъ отвести отъ себя подозрѣніе въ кражѣ?

Воображеніе Конрада было не менѣе занято, но сила характера его вдругъ представила ему новыя средства. Онъ потчасъ пересказалъ о нихъ отцу своему.

Могли-ли подозрѣвать, что бѣднякъ Крюйцнеръ и богатый помѣщикъ Зигендорфъ были одно и тоже лицо? Кто спанетъ искать его въ Богеміи? Кто найдеть нить, съ которою можно пройди по лабиринту интригъ Шпраленгейма? Письмо не дошло во Франкфуртъ и никогда не дойдетъ. Къ кому же имя, какимъ названъ Графъ въ письмѣ, вѣроятно пославлено вымышленное, да и какое сви-

дательство, могло доказать, что оба имени принадлежатъ одному лицу? Кому нужна была въ этихъ розысканіяхъ? Штрагенгеймъ былъ человекъ одинокой и занималъ мѣсто не важное въ своей землѣ. Конечно правосудіе должно было изумлено этими обстоятельствомами, но Зигендорфу надобно было немедленно воспользоваться средствами къ побѣгу; между тѣмъ Конрадъ могъ оставаться долѣе и тѣмъ удалить всякую мысль объ отношеніяхъ между ними; могъ открытъ, если-бы представилась возможность, слѣды Венгерца и отправити въ поддѣрвія отца своего отца.

Зигендорфъ и Конрадъ обнялись; предчувствуя, что, можетъ быть, имъ не случится уже видѣться болѣе и расстались, назначивъ однакожь свиданіе въ Карлсбадѣ.

Жозефина съ безпокойствомъ ожидала своего супруга. Все было готово; Зигендорфъ вынесъ на себѣ нѣсколько необходимыхъ имъ вещей. Вышли безъ шума. Жозефина вела за руку своего сына. Улицы были еще пусты. Пришли; не встрѣтивъ никого, къ отдѣльному сараю и тамъ сѣли въ коляску. Зигендорфъ хранитъ мертвое молчаніе: воображеніе его стѣснено было ужасными предчувствіями и страшными образами.

Несчастное семейство переехало за границу Силезіи такъ скоро, какъ только позволяли худыя дороги и шажесль эки-

пажа, запряженного въ одну лошадь. Жозефина почти единственно безпокоилась о своемъ сынѣ: она все воображала его въ сѣняхъ Барона. Мужъ не хотѣлъ усиливать ея опасеній и попому ничего не сказалъ о своемъ послѣднемъ свиданіи съ Конрадомъ и объ ужасномъ злодѣйствѣ, свершенномъ въ послѣднюю ночь. Графъ мало боялся преслѣдованій, но всякую минуточку страшился увидѣть Венгерца, котораго почиталъ агенпомъ своихъ непріятелей. Безъ всякаго намѣренія онъ понуждалъ свою лошадь, уже чрезвычайно усталую. Жозефина замѣтила ему это. Дорога шла черезъ лѣсъ, среди котораго встрѣчались тучныя пастбища и Графъ остановился, распрячь и покормить свою лошадь.

Казалось, совсѣмъ нѣчего было опасаться. Простота, даже бѣдность ихъ экипажа не могла прельстить разбойниковъ. Сверхъ того у Зигендорфа были пистолеты, отданные ему Конрадомъ. На границѣ Саксоніи папрули опросили, но не остановили путешественниковъ.

Приѣхавъ въ Саксонію, Зигендорфъ пошелъ за лучшее взять дорогу на Лейпцигъ: этимъ надѣялся онъ спускать своихъ преслѣдователей. Насупила ярмарка; спѣченіе иностранцовъ изъ всѣхъ частей Германіи было значительно, но они принадлежали совсѣмъ къ другому классу общества, съ которымъ Графъ никогда не имѣлъ сношеній и слѣдовательно не боялся, что его узнають; Жозефина была

иностранка; не возбудивъ никакой недо-
вѣрчивости, они заняли квартиру въ оп-
уащенной части города, и вскорѣ продол-
жали свой путь, мало помалу перемѣняя
нарядъ и наружность бѣдныхъ путеше-
ственниковъ. Еще не доѣхавъ до назна-
ченнаго съ своимъ сыномъ мѣста, Графъ
Зигендорфъ имѣлъ экипажъ и всѣ принад-
лежности, соотвѣтствовавшія его значе-
ному имени и званію.

Одно изъ первыхъ дѣлъ его по привѣ-
тѣ въ Карлсбадъ было, писать въ Прагу,
къ старому своему знакомцу, на котораго
онъ могъ положиться. Тотъ отвѣчалъ, что
никто не являлся оспаривать его наслед-
ственныхъ правъ; что его, Графа, почи-
паютъ умершимъ и Конрадъ потчасъ
былъ - бы признанъ наследникомъ, если-
бы онъ не отлучился прежде смерти сво-
его дѣда и также, если-бы нѣкоторые осо-
бенныя отношенія не препятствовали
утвердить его правъ, преимущественно
передъ побочными наследниками.

Зигендорфъ не сомнѣвался, что отно-
шенія, о которыхъ давалъ знать его кор-
респонденцѣ, были не что иное, какъ мни-
мая незаконность Конрада. Онъ рѣшился
прекратить всѣ недоумѣнія и заставить
молчать праздные языки. Для этого не
было откладывать отъѣзда въ Прагу.

Какія чувства пробудило въ немъ воз-
раженіе въ этотъ городъ, гдѣ провелъ
онъ первая дѣла юности, откуда удаля-

ся въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ! Тысяча горесипныхъ, унижительныхъ ощущеній терзали его. У него не было уже ошца, не было друзей; въ своемъ отечесствѣ онъ былъ чужой. Его знали; вотъ все, чего могъ онъ надѣяться; но никто не ждалъ его.

Съ этими печальными ощущеніями вступилъ онъ въ Прагу. На всѣхъ лицахъ видѣлъ онъ непризнаніе; каждый челоувѣкъ казался ему обвинителемъ, заговорщикомъ противъ счастья его и спокойствія. Различныя чувствва испытывалъ онъ, смотря на предметы давно знакомые и на истребленія войны. Часть Праги была истреблена и возраждалась изъ своего цѣла. Государственныя чины собрались ратионковать трактипать 1605 года. При этомъ по поржественномъ случаѣ явился Графъ Зигендорфъ въ кругу благородныхъ, какъ бы возсавици изъ могилы. Многіе, кого дочиталъ онъ своими неприятелями, были унесены дыханіемъ войны. Онъ былъ единогласно и немедленно признанъ своими собратіями. Имя Зигендорфа было уважасмо и ему поснѣшили возвращиць весь штутулы, права и почесипи.

Наконецъ, Зигендорфъ достигъ цѣли своихъ желаній: онъ ошлицъ имѣлъ средства быць уважаемымъ и могъ дѣйснвованіи, чшо обыкновенно, зависиць ошъ званія и богатства. На зло всѣмъ препанснввіамъ, онъ возвысилъ Жозефину на то почешное

мѣсто въ обществѣ, какое всегда обѣщала ей. Присутствіе Конрада, сына, которымъ могъ гордиться самый честолюбивый отецъ, вскорѣ должно спововало удовлетворить послѣднимъ его желаніямъ и самолюбію.

Но червь сердца, совѣсть не давала ему покоя. Золото этого несчастнаго Шпраленгейма было для него вещественнымъ, существующимъ укоромъ. Убіиство, совершенное Венгерцомъ, имѣло побудительною причиною несправедливое обвиненіе въ низоспи, а Зигендорфъ былъ виновенъ въ ней: эта мысль преслѣдовала его. Желая удовлетворить своей совѣсти, сколько позволяли обстоятельства, онъ принесъ въ даръ одному монастырю украденную имъ сумму. Монахи думали, что Богъ даровалъ ему свою милость, внушивъ дѣло благочестивое послѣ жизни буйной, развратной.

У могилы своего отца искалъ Графъ печальныхъ воспоминаній и цѣлительныхъ размышленій. Онъ съ горестію чувствовалъ, но поздно, что долженъ былъ загладить свои вины противъ того, чьи дни сократилъ, можетъ быть; по крайней мѣрѣ, онъ хотѣлъ воздвигнуть ему памятникъ, какъ свидѣтельство своего раскаянія.

Исполнивъ этотъ печальный долгъ, онъ возвратился домой и нашелъ письмо отъ Конрада. Сынъ писалъ къ нему, изъ

Карлсбада, въ цѣлнственныя выраженія, давая знать, что дѣла окончились порядочно послѣ опѣзда Графа. Не смотря на безпокойство объ этомъ важномъ предметѣ, Графъ приготоуился обоарыть свои наслѣдственныя земли.

Страна, такъ долго раздираемая войною, была наполнена шайками разбойниковъ. Иногда эти люди хопѣли бытъ даже исполнителями правосудія и защищать ушѣняемыхъ. Многіе дворяне, потерявъ имѣніе или послѣ разныхъ приключеній лишившись добраго имени, пускались въ это поспыдное ремесло, и жили безнаказанно, производя опкрытую войну съ общественнымъ порядкомъ. Многіе изъ нихъ вдругъ играли разныя роли. Тайные сотоварищи явныхъ разбойниковъ, по временамъ являлись они среди блестящихъ празднествъ; не рѣдко послѣ ночи, проведенной съ своими сообщниками.

Имѣніе Графа Зигендорфа поспрадало ошъ опустошеній войны менѣе, нежели имѣніе многихъ другихъ; этому причиною была близость его помѣспьевъ къ столицѣ. Вассалы приняли Графа съ изъявленіями величайшей радости и почтенія. Празднества продолжались много дней. Жозефина и прелестное дитя ея были также предметомъ удивленія и почтенія. Такимъ образомъ, шеперь Зигендорфъ наслаждался преданностію своихъ вассаловъ къ шой кошора я радѣла съ нимъ несчастія.

Во время этихъ увеселеній прѣхалъ Коврадъ. Его мрачная физиогномія, его озабоченный видъ показали родителѣмъ, что онъ перзаается гореспыными воспоминаніями. Прибытіе его вдругъ произвело ужасную перемѣну въ душѣ Зигендорфа.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

II. С М Ъ С Ь.

Журналистика.

Можетъ быть, не безъ причины, жалуются у насъ на недоспашокъ патріотическаго направленія въ Литтературѣ нашей; но встрѣчающіяся же исключенія: они рѣдки, и тѣмъ болѣе заслуживаютъ ободреніе. «Желательна», говоритъ Сѣверная Пчела въ No 34 мѣ, «чтобы у насъ въ Россіи сохраняли, по крайней мѣрѣ, въ вареньѣ вкусъ и запахъ ягодъ. Большая часть изъ нихъ имѣетъ у насъ вкусъ одного сахара и безъ всякаго запаха. Не говоримъ о Кіевскомъ и домашнемъ вареньѣ, прибавляетъ она, одумавшись, и согласная такимъ образомъ статистико-гастрономическую истину съ признательнымъ мадригаломъ къ любезнымъ хозяйкамъ, подчивающимъ гостей домашнимъ издѣліемъ. Замѣшимъ, между прочимъ, что Пчела говоритъ не о медовомъ, а о сахарномъ вареньѣ. Слѣдовательно, тутъ нѣтъ никакого личнаго пристрастія, а просто прямое движеніе благородной заботливости. *Quelle touche a piqué cette abeille*, го-

ворилъ журнальный чашатель. У нее съ илькопоръ-
го времени Пиндарическіи замашки. Что для Грече-
скаго пѣвца были Олимпійскія игры, то для нее
качели, балаганы и всякія городскія увеселенія. Она
замѣчаетъ тогда на предложеніяхъ Пинди и возгла-
шаетъ гимны въ прозѣ. Въ наши дни скромному
Горацію не льзя уподобить-бы себя пчелѣ, смиряясь
духомъ передъ Пиндаромъ, который *размалала*
бурнымъ потокомъ. Отрытъ Пчела эмблема Пинда-
ра Идешь-ли рѣчь о концернѣ, говорится ли о томъ,
«то не взирая на самую дурную погоду и на
распутицу (распутица въ Петербургѣ), собраніе
публики было значительное,» посмотрийте, ка-
кою Пиндарическою черпкою озаряется изображение:
«можно сказать, что горизонтъ убавкъ былъ
звѣздами» А какова эта масляничная картина?
„Бѣлые Итальянцы и евѣры мерзли въ вѣтро-
табныхъ, вестрыхъ мамтѣяхъ своихъ, на бал-
конахъ балагановъ, и хриплые звуки замрзли
отъ холоду въ кларнетахъ и рожкахъ.“ Тутъ во
однѣ Пиндаръ, но что-то и романтическое на-
вѣяно отъ Ихъ Сиппельствъ Виконна Дарленкура и
Князя Шаликова. А что можетъ быть замысловатѣе,
прогательнѣе приступа къ слѣдующему живо-
писному очерку: *«Нынѣшняя зима оставила*
насъ, какъ разстается въ жизни старецъ,
умирающій не отъ случайныхъ болѣзней или
припадковъ, а отъ неминуемаго истощенія эле-
ментарнаго, по велѣніямъ судьбы неумолимою.
Это Боссювъ, но Боссювъ витѣйствующій о
погодѣ. Что вы говорите, а истинная лирическая
выспренность и пламенное, мужественное красно-
рѣчіе укрылись нынѣ въ столбцахъ Сѣверной

Пчелы. Позволимъ себѣ одно критическое замѣчаніе: *втротлѣнныя мантіи*, выраженіе благозвучное, но не имѣющее смысла. *Втротлѣнный*, шо-же что *тлѣтворный втеръ*, а мы ни о какой воздушной заразы не слышали.

Въ 6-й книжкѣ Сына Отечества и въ 7-й Дамскаго Журнала встрѣчается *Анти-Журналистика*. Французъ сказалъ-бы на это: *les beaux esprits se rencontrent*. По Русской поговоркѣ скажемъ: *сердце сердцу вѣсть даетъ*, то есть, досада досадѣ, въ которой изъ эпитѣхъ *Анти-Журналистикѣ* нѣтъ мыслей, или просто мысли, мы еще отыскать не могли. Кто-то сказалъ объ одной книгѣ: *Это потопъ словъ въ пустынь мыслей*; шоже можно сказать о многихъ Журналахъ. И потому обязанность *Журнальнаго Сыщика* право не такъ легка, какъ сдается съ перваго взгляда. Добро бы съ перьевъ выливались ложныя мнѣнія, кривыя понятія или яркія безсмыслицы подъ счастливымъ вдохновеніемъ галиматъи, шуть все еще есть ловля уму, есть чему посмѣяться; но та бѣда, что куда ни оглянись, все переливаюць изъ пустаго въ порожнее. Не лъзя-же въ самомъ дѣлѣ подчивать чашателей поимками ошибокъ безцвѣтныхъ, ребяческихъ и указывать имъ: «вотъ здѣсь погрѣшность противъ языка, шуть противъ Грамматики, здѣсь противъ Логикѣ,» и проч. Какой-то *хладнокровный* корреспондентъ Сына Отечества, хладнокровно жалуется въ № 6-мъ на Телеграфъ, что онъ не доказываетъ обвиненія своего на Кавказскаго корреспондента въ ошибкахъ противъ языка. Что за охота доказывать

то, что оказываешол! Читайтели журналовъ не школьные ученики,

Многіе жалууются на изобиліе журналовъ нашихъ. Такая жалоба и несправедлива и неблагодарна. Худые журналы, какъ и все худое, пользы приносятъ не могутъ, или приносятъ мало, но *Совѣдникъ*, періодическія изданія дѣятельнаго Новикова, который далъ новое и живѣйшее обращеніе у насъ печатанію и книжной торговлѣ, его смѣлый, благонамѣренный *Живописецъ*, *Московский Журналъ* Карамзина, цвѣтущій возрастъ *Вѣстника Европы* и еще нѣкоторые журналы, болѣе иныхъ книгъ пробуждали въ публикѣ охоту къ чтенію и разливали изъ столицъ лучи просвѣщенія и образованности по отдаленнымъ областямъ обширнаго Государства. Хорошо имѣть, кому можно, богатый запасъ въ знакахъ многоцѣнныхъ, но для повседневныхъ потребностей должно выбивать монеты мѣлкія и ручныя, которые употребительны въ каждомъ званіи и пускающіяся въ обращеніе съ большею удобностію. Напрасно жалууются и на то, что журналы завоевали у насъ поле Литтературы; журналы никого не выпѣсняють и не только не обиваютъ публики отъ чтенія важнѣйшаго, но занятіе ими и самихъ журналистовъ не отвлекаетъ отъ трудовъ значительнѣйшихъ, когда журналисты не поражены отъ природы тупымъ безплодіемъ. Знаменитые литераторы Нѣмецкіе и Французскіе были журналистами и авторами многихъ книгъ. Карамзинъ, издатель нѣсколькихъ періодическихъ листовъ, успѣлъ выдать при жизни 11-ть томовъ Исторіи, кромѣ разныхъ другихъ со-

живей и переводовъ. Не количество, а качество журналовъ нашихъ подлежитъ осужденію. Конечно, многіе изъ нихъ не отвѣчали и не отвѣчаютъ нынѣ понятію о Европейскомъ журналѣ, и могутъ, какъ сказалъ нѣкто о нихъ забавно и справедливо, быть названы: *Сборниками или коробками съ иноземнымъ товаромъ и кое-какими крохами домашняго издѣлія*. Конечно, журналъ, чтобы истинно быть журналомъ, долженъ имѣть рѣшительно свой цвѣтъ (не на одной оберточкѣ), свой образъ мыслей, свое постоянное направленіе, и не быть, по выраженію поэта: *безъ образа лицомъ*; но пока повременныя наши изданія не начнутъ приучать насъ мыслить, будемъ довольны и тѣмъ, что приучаютъ насъ читать и выказываютъ, хотя изрѣдка, признаки общественной жизни.

Изъ Французской газеты, издаваемой въ С. Петербургѣ, узнаемъ, что какой-то Г-нъ-де-Герль (Héguin de Guerle) познакомилъ соотечественниковъ своихъ съ нѣкоторыми произведеніями нашей Литтературы и напечаталъ переводы свои подъ заглавіемъ: *Les Veillées Russes*. Знаки подобнаго вниманія пріятны для народной гордости. Лестно красавицѣ видѣть изображеніе свое, повторенное литографією и рѣзбою; но весело-ли ей, когда это изображеніе не сохраняетъ ни характера фізіогноміи ея, ни пленительнаго выраженія взгляда, улыбки? Молодая, еще малоизвѣстная красавица, Русская Поэзія испытала досель почти эпошъ жребій, по крайней мѣрѣ, подъ кистью Французскою. Мы были счастливы у Нѣмцовъ; переводы Борга вѣрны и живы. Въ СПетербургѣ

скомъ Журналъ приводятся примѣры изъ новаго перевода *Золовой Арфы* Жуковского. Сличимъ подлинникъ съ спискомъ.

Младая Минвана

Красой озаряла родительскій домъ ;
 Какъ зыби тумана ,
 Зарю златимы надъ свѣжимъ холмомъ ,
 Такъ кудри густыя
 Съ главы молодой
 На перси младыя ,
 Віяся , бѣжали струей золотой.
 Пріятный денницы
 Задумчивый пламень во взорахъ сіялъ :
 Сквозь темны рѣсницы
 Онъ сладкое въ души смятенье вливалъ ;
 Потока журчанье —
 Пріятность рѣчей ;
 Какъ роза , дыханье ;
 Душа-же прекраснѣй и прелестей въ ней.

Вотъ Французская копія :

Moins pure est l'aube matinale
 Qui dore le sommet d'un mont ,
 Que cette pudeur virginale
 Qui colore son jeune front :
 Une longue paupière ombrage
 Le vif éclat de ses beaux yeux ,
 Semblables à l'azur des cieux
 Voilé par un léger nuage ;
 Son teint du cygne a la blancheur ;
 Sa voix , c'est la douce harmonie
 Du ruisseau qui , dans la prairie ,
 Répand la vie et la fraîcheur.

Стихи не дурны, но Русская-ли Минвана дышетъ въ нихъ? Гдѣ черты ошлчишельныя, ей свойственныя?

. . . Cette pudeur virginale
Qui colore son jeune front

общая примѣта всѣхъ Гликерій, Филлидъ, отыскивается во всѣхъ мадригалахъ и пѣсенкахъ. Французская Минвана сбивается на изображеніе *Бабс цвѣтоглицы*, какъ Фридрихъ Великій называлъ Кардинала Берниса. «Ода на смерть Князя Мещерскаго, сочиненная Державинымъ,» говоритъ Парижскій журналистъ, «кажется намъ пышнымъ подражаніемъ *Нотамъ Юнга*; но Г-нъ Héguyer de Guerle, придавая ей предесни стихосложенія смѣлаго и звучнаго, умѣлъ дать новый блескъ Музѣ Русскаго Поэта.» Любопытно-бы видѣть эщомъ *новый блескъ* и посмотреть, какъ Французскій Поэтъ пересилилъ въ смѣлости одного изъ смѣлѣйшихъ поэтовъ міра. Въ этой снать упоминается еще о переводѣ *Марьиной Роши*, въ которой Журналистъ находить сходство съ повѣстью Шашобріана, Апалю (развѣ шже, которе апыскиваете онъ въ одѣ Державина съ поэмою Юнга); стихотворенія Карамзина: *Кладбище*, и *Светланы*. Желательно было-бы видѣть Французскую Свѣплану: Нѣмецкая у Борга блестяща Русскими красками. Есть Польскій переводъ этой баллады, переложенной молодымъ Поэтомъ *Одынецемъ*: можно назвать эщомъ переводъ мастерскимъ.

Журнальный сыщикъ.

Парижскія моды (*).

A l'Opéra, le jour de la première représentation de *Moïse*, madame C* avait une robe de velours blanc, garnie de trois guirlandes de fleurs brodées en argent. Une guirlande plus petite ornait le haut du corsage et le bord des poignets. Madame T* était coiffée d'un immense bérêt en velours ponceau, entouré d'une guirlande de pampre en diamans, et surmonté de plumes blanches. A la sortie, nous avons vu un manteau de cachemire bleu, orné, sur le bord, d'une petite broderie et d'un effilé. Trois pélerines carrées avaient également frange et bordure de cachemire. A chaque angle de la pélerine du haut, était une palmette brodée. Les couturières emploient une étoffe soie et coton nommée *veloutine*, à cause de sa douceur au toucher. Outre de larges biais d'étoffe, il y a, sur presque tous les chapeaux, plumes ou fleurs, rubans et blonde. Une femme raisonnable aurait fait, il y a quelques années, trois ou quatre chapeaux avec ce qui est nécessaire aujourd'hui pour en composer un seul. Mais, si Longchamp a l'influence qu'on lui croit, on ne verra plus de ces biais qui, l'année dernière, et cet hiver, ont formé la principale garniture des passes de chapeaux. Au lieu de rosettes en ruban, ce seront de longues boucles de ruban, étagées. On continuera de porter des rubans larges de deux couleurs accolés, ou rubans jumèaux; mais aussi il y aura des chapeaux sur lesquels figurera un ruban unique. Parmi les rubans nouveaux l'on distingue les rubans à fleurs et ceux qui offrent des ornemens étrusques en satin sur un fond de gaze. Souvent les fleurs ou ornemens sont de la même couleur que le ruban; par exemple, il y a des feuilles de vigne rose sur rose, lilas sur lilas, bleu sur bleu, jaune sur jaune. Quelquefois les fleurs

(*). 15 Апрель, 1827 года.

se détachent du fond; nous avons vu des rubans jaune-oiseau-de-paradis, dont une moitié offrait des pensées de couleur naturelle, d'autres jaunes aussi, dont le milieu était occupé par des tulipes rouges à feuilles vertes.

Въ театрѣ, въ первое представленіе оперы *Моисей*, одна изъ дамъ была въ бѣломъ бархатномъ, вышитомъ серебромъ, платьѣ. Шитье составляло три ряда цвѣтовъ. Рядъ маленькихъ цвѣтовъ былъ на верхнемъ краю корсажа и на концахъ рукавовъ. — На другой дамѣ замѣтили *огромнѣйшій* (*immense*) беретъ, изъ мунцоваго бархата, съ бѣлыми перьями, окруженный брилліаншовой гирляндю винограда. — При разъѣздѣ, Издашель Парижскаго *Журнала Моды* подсмотрѣлъ плащъ или *манто*, голубаго кашемира, убранный по краямъ мѣлкимъ шипьемъ и бахрамою. Три квадратныя пелеринны его были убраны бахрамою и кашемировою бордюрой. На углахъ верхней пелеринны сверхъ того вышиты пальмовыя листья.

Новая матерія для платьевъ, дѣлаемая изъ шелка и бумаги, называется *велутинъ*, по причинѣ ея гладкости и нѣжности. — Кромѣ широкихъ, изъ шелковой матеріи косяковъ, почти на всѣхъ шляпкахъ видите нынѣ перья, или цвѣшны, ленты и блонды. Прежде, за нѣсколько лѣтъ, на примѣръ, дамъ достало-бы на три шляпки того, что нынѣ употребляется на одну шляпку. Но если моды, явившіяся на Лоншанскомъ гуляньѣ, имѣютъ вліяніе на моды вообще, какъ думаютъ, кажется, не будетъ уже болѣе косяковъ, въ прошлый годъ и нынѣшнею зимою составлявшихъ главную уборку на поляхъ шляпъ;

вмѣсто ленточныхъ розетокъ, будутъ большіе ленточныя буфы, и дамы, продолжая носить широкія, двухъ-цвѣтныя ленты (ленты-близнецы, какъ называютъ ихъ), будутъ носить шляпки и съ одноцвѣтными лентами.

Въ числѣ новосіпей, замѣтны ленты съ цвѣтами и ленты газоваы съ вышасными Эпрусскими узорами. Цвѣты или узоры бывають одинакаго цвѣта съ самыми лентами, на примѣръ: випоградъ розовый, на розовой лентѣ, лиловый на лиловой, голубой на голубой, желтый на желтой; но бывають также цвѣты и узоры отличные отъ цвѣта самой ленты, на примѣръ, на лентѣ цвѣта желтаго - райской птички, на одной половинѣ видится фляка, естественнаго ихъ цвѣта, на другой желтаго цвѣта, а середина занята красными шюльпанами съ зелеными листочками.

На приложенной картинкѣ,

Костюмъ дамы на Лоншанскомъ гуляньѣ: соломенная шляпка, полелиновое платье, убранный воланами; шарфъ изъ Кишайскаго крепа, вышитый; атласныя полусапожки Турецкія, съ кожными башмаками.

МОСКОВСКІИ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Историческое обозрѣніе Миѳологіи Сѣверныхъ народовъ Европы.

(Продолженіе.)

Приступая къ отдѣльному разсмотрѣнію частей Сѣверной Миѳологіи, мы начнемъ съ Миѳологіи Финской. Здѣсь оказываются весьма важными при предметахъ: волхвованіе, многозначительное ученіе о числахъ и повсемѣстный недостатокъ Сагъ героическихъ. Волхвованіе составляетъ отличительный признакъ Финской Миѳологіи, и чѣмъ сѣвернѣе народы Финскаго поколѣнія, тѣмъ они сильнѣе въ волхвованіи. Лапландцы въ семъ отношеніи вышѣ всѣхъ; можетъ быть, по причинѣ отдаленности своей отъ другихъ народовъ сохранили они вѣрнѣе другихъ свою вѣру. Волхвованіе было у Финновъ доброе и злое, или *бѣлое* и *черное*: послѣднее состояло въ причиненіи зла, а первое въ отвращеніи и предумышлѣнномъ онаго. Будучи собственно посвящено прорицанію, волхвова-

Ч. XIV. No 3.

С

ніе состояло изъ непосредственнаго видѣнія отдаленныхъ предметовъ въ пространствѣ и времени (въ предвидѣніи). Оно совершалось посредствомъ волшебнаго сна, мнимой смерти и болѣзни; это были, по мнѣнію Финновъ, переходы къ переселенію душъ, и только отъ непосредственнаго обращенія съ духами можно было приобрести предвидѣніе въ пространствѣ и времени. При семъ пѣли волшебныя пѣсни и били въ волшебный барабанъ, который, собственно представлялъ магическое зеркало и спаканъ съ многообразными значеніями. По всѣмъ признакамъ оказывается, что въ Финской Мифологіи ученіе о духахъ было упонченіе всего; потому, недоспашокъ эпическаго духа у сихъ народовъ и страхъ, какой ощущали сосѣдніе народы къ Финскому волхвованію, дѣлаются понятными.

Столь же разительное было ученіе Финновъ о числахъ, основаніемъ коего почиталось *число три*. Въ семъ ученіи явно открывается сродство съ Мифологіею Нѣмецкою и Цельпскою. Всѣ древнѣйшія Финскія пѣсни расположены по происшествному числу, въ разнообразныхъ соединеніяхъ, и вообще называются *рунами*. Руны отъ Финновъ перешли къ Скандинавамъ. У Скандинавовъ, равно какъ и у Нѣмцовъ первообразныя пѣсни состояли изъ трехъ частныхъ строфъ, точно также и у Цельшовъ, кошорые, равно какъ Нѣмцы, числу

три придавали весьма важное значеніе. Здѣсь не лзя опвергать нѣкопороу связи въ самомъ раздѣленіи народовъ, составлявшихъ поколѣнія: они всегда распредѣлялись по тройственному числу. Чистаго Финскаго поколѣнія было *три* народа Сѣверныхъ: Лапландцы, Финны, Эсты; *три* Южныхъ, смѣшанныхъ: Курляндцы, Ливонцы, Латыши; Нѣмецкаго поколѣнія шакже было *три* Сѣверныхъ народа и *три* Южныхъ. Вспомнимъ о тройственномъ раздѣленіи Цельшовъ-островитянъ (Легрей (Loegry), Еринъ, Альбаинъ); тройномъ раздѣленіи древней Галліи (Бельгія, Галлія, Аквитанія). Не замѣтно-ли, что основаніе языческой вѣры на числѣ *три*, не только вездѣ опредѣляло ученіе, но располагало и самую жизнь народовъ, и что отъ него произошло религіозное единство каждаго изъ трехъ поколѣній, но что Балтійское и Нѣмецкое море произвели раздѣленія трехъ Южныхъ и трехъ Сѣверныхъ сектъ каждаго поколѣнія. Славяне остались при дуализмѣ, и хотя было тройственное раздѣленіе Руссовъ на *Красныхъ* (Чермныхъ), *Черныхъ* и *Бѣлыхъ*, но сколько мнѣ извѣстно, оно не имѣло никакого вліянія на религіозныя понятія, которыя ограничивались всегда двойственнымъ числомъ, и шѣмъ самымъ лснѣ всего опличали ученія Славянъ отъ ученія трехъ древнѣйшихъ поколѣній на Сѣверѣ. У древнихъ Финскихъ и Нѣмецкихъ

народовъ, рядъ чисель раздѣляется не на десятки, но девятерицы и дюжины, а основаніе сихъ двухъ послѣднихъ величинъ всегда составляетъ число *три*. Не лъзя отвергать, что такія числа основывались на религіозныхъ воззрѣніяхъ отношеній небесныхъ и земныхъ; но весьма трудно опредѣлить: *какія именно воззрѣнія сокрыты были въ сихъ тислахъ, и содержимѣ-ли Мифологія Финская* (которая и прежде была и теперь еще остается съ ними смѣшанною) *единственный источникъ знатенія оныхъ?* Три высшіе бога Лапландцовъ: *Тіермесъ, Сторбюнкаре и Бай* имѣютъ, каждый, по ихъ мнѣнію, происшвенное значеніе. *Тіермесъ*, какъ мужъ, молнія и властитель надъ душами; *Байсе*, какъ жена, солнечная теплота, и покровительница нерожденныхъ; *Сторбюнкаре* естъ среднее существо: податель благословенія на водѣ, въ лѣсахъ и на горахъ, служитель верховныхъ боговъ и домашній духъ на землѣ; онъ многообразіемъ своимъ представляеть переселеніе душъ. Все это ученіе гораздо яснѣе оказывается въ собственно - Финской Мифологіи. *Каве* древнѣйшій, первый богъ, родившійся изъ лона природы (*Кундтаррисъ*), раздѣляется на двѣнадцать сыновей, которые распадаются на два большихъ порядка: *Гіизи*, злое начало, съ одной стороны, и *Вэйнемэйны*, доброе начало, съ другой стороны. И такъ, *Каве, Вэйнемэйны и Гіизи*

оставляютъ основаніе Финской вѣры и заключають въ себѣ идеи. Общности, Единства и Противоположности, примененныя къ жизни. Человѣкъ, по мнѣнію Финновъ, *великое твореніе Каве*, и попому называется *великій Каве*; прочія-же созданія вообще называются *твореніями Каве*. Человѣкъ, говорятъ они, подверженъ противоположностямъ великихъ боговъ, ибо онъ есть малый міръ; но другія твари дѣлятся на безчисленныя единицы и чѣмъ болѣе дѣлимость ихъ, тѣмъ далѣе онъ отъ Творца; человѣкъ-же, въ маломъ есть цѣлое и части; неимѣющее противоположности все и противорѣчащая ему особенность (*Besonderheit*); онъ есть соединенность и раздѣльность. Дѣленіе въ природѣ безконечно, отъ того Финны вѣрятъ многобожію; однакожь необозримые ряды боговъ имѣють направленіе по извѣстнымъ порядкамъ, коими начальствуютъ боги раздѣленій. Таковыхъ боговъ у Финновъ считалось двѣнадцать и по спольку-же было у Пруссавъ и Скандинавовъ. Дѣленіе проявлялось у нихъ временемъ; боги раздѣленія почитались богами времени и мѣсяцовъ, ибо по послѣдовавшемъ перемѣнѣ солнечнаго свѣта на небѣ, располагалось и земное. Изъ ученія Венгерской Миеологіи о числахъ, кажется вѣроятнымъ, что каждый изъ двѣнадцати боговъ раздѣленія подраздѣлялся опять на три существа, и посему важность, при-

даваемая сею вѣрою числу 36, дѣлается для насъ понятною. Толикая-же важность, и еще болѣе въ удвоеніи оной (72), воспрѣчаются въ Нѣмецкой вѣрѣ, и весьма замѣтно, что оное у Нѣмцовъ, равно какъ и у Финновъ, означало десяпую часть годоваго счисленія.

И въ Прусской Мифологіи ученіе о числахъ было вездѣ упопрѣбительно. Также были при порядка боговъ; въ первомъ, при главные бога: *Перкуносъ*, *Пиколлосъ* и *Потримпосъ*; при во второмъ порядкѣ: *Курхо*, *Вурскайтъ*, *Швейбратъ*; двѣнадцатъ въ прешѣмъ, гдѣ являлись боги опять перваго порядка. Боги втораго порядка были собственно только упроененіе существа Потримпоса; но поелику Сага возводитъ ихъ на степень первоначальныхъ героевъ народа, то они образуютъ опредѣльный порядокъ. Имъ не только равны по мѣстамъ своимъ при первоначальные героя Липовскихъ: *Боркъ*, *Кунасъ* и *Спера*, при Нѣмецкихъ: *Инево*, *Герміо* и *Иство*, и при Скиѣскихъ: *Лейпоксаисъ*, *Арпоксаисъ* и *Колаксаисъ*, но имѣютъ съ ними и величайшее соединеніе (*). Въ другомъ отношеніи Потримпосъ изображается символами въ прои-

(*) Вспомнимъ и нашихъ Синава и Трувора, *баснъ*, въ которую облеченъ былъ приходъ Норманновъ въ Россію. *Изд.*

спивенномъ видѣ; снопь, горшокъ и змѣя должны были предсавлять подашеля благословенія; но число символовъ опрожденій (Emanationen) и единства Попримпоса составляютъ число седмичное или *бога недѣли*. Если не захопимъ разбираться очень спрого, то замѣшимъ только, что симъ поняшїе года дано было во времени. Пиколлось, подземный мїръ, съ шремя мершвыми головами: человѣческой, лошадиною и коровьею, раздѣленъ былъ также на шройспвенное число; онъ и его символы, съ седмерицею Попримпоса, составляютъ число одиннадцать, а съ Перкуномъ двѣнадцать: число боговъ шрешьяго порядка, въ которомъ появляются опять шри верховныхъ бога съ ихъ опрожденіями. Кажется, донынѣ еще не возможно совершенно объяснить основанія и насшоящаго значенія сихъ чиселъ, хотя впрочемъ довольно уже видно, что въ ученіи о вѣрѣ, они спояли собственно не для себя, но почитались факторами и корнями большихъ и значительнѣйшихъ чиселъ, и что онъ служатъ неопровергаемьмъ доказательствомъ жреческаго ученія.

Въ Мїеологіи Славянской основныя мысли оказываются совершенно опличными опъ основаній вѣры Финновъ. Служеніе свѣшу, образной дуализмъ и чрезвычайное многобожіе, опличаютъ Славянъ опъ другихъ поколѣній. Служеніе свѣшу шощасъ оказывается по всеобщее-

му раздѣленію Славянскихъ боговъ на Бѣлыхъ и Черныхъ, и сія противоположность служитъ основаніемъ ко всеобщему, даже до самыхъ малѣйшихъ раздѣленій, дуализму. Отъ сего нѣкоторымъ образомъ зависѣла необходимость многобожія, кошорая, впрочемъ можетъ имѣть и свои постороннія историческія причины, какъ уже выше о семъ было упомянуто. У Славянъ было много различныхъ сектъ, даже въ отдѣльныхъ народахъ, и это зависѣло отъ сущности служенія свѣту. Красные (черные) и Черные Руссы составляли (вѣроятно?) двѣ различныя секты; въ Кіевскомъ капищѣ молніеносный *Перунъ* былъ начальникомъ Бѣлыхъ боговъ; въ Новгородѣ *Змигъ* почитался богомъ жизненной теплоты, и потому сіе божество свѣта понимаемо было болѣе духовно, нежели Кіевское; да и вообще въ Кіевѣ всѣ идолы были боги естества, и созданы только для человѣческихъ потребностей; а потому, въ преданіяхъ Славянъ не находимъ никакого вѣрнаго слѣда служенія планетамъ, изъ котораго однакожь должно было первоначально состоять служеніе свѣту. Кіевскія преданія указываютъ, правда, на Мифологію солнечнаго обращенія, что сходно съ Нѣмецкою Мифологією; однакожь, образъ соединенія соответствующихъ одинъ другому боговъ и героев, не довольно ясенъ, и совершенно неизвѣстно, какъ предста-

влялись герои въ богослуженіи, хотя мы и знаемъ, что Руссы имѣли годовые праздники. Въ семь отношеніи, почти ничего не извѣстно о Новгородѣ, гдѣ въ послѣдствіи были при великія перемѣны вѣры, что самое придаетъ великій вѣсъ соединенію съ Финскимъ духовенствомъ. У Поляковъ ясно находимъ семь древнихъ планетныхъ боговъ, равно какъ и у Богемцовъ, которые, кромѣ того, имѣли еще древнія, первообразныя наименованія планетъ. При всемъ томъ и въ Польшѣ является различіе сектъ: въ Гнѣзно чтили подземнаго *Ніама*; Краковъ возвышался существомъ Свѣта, побѣдителемъ дракона, *Кроколѣ*. Гнѣзно, городъ смерти, мѣсто тмы, долженъ былъ покориться городу солнца и жизни, Кракову, мѣсту свѣта, и уступить ему первенство. По преданію видно, что городъ сей пришелъ въ цвѣтущее состояніе по вліянію на него Богеміи, именно, что онъ посредствомъ Крока имѣлъ соединеніе съ Богемскимъ служеніемъ Свѣту, слѣдов. здѣсь происходили перемѣны вѣры, коими подавлена была древняя секта. Замѣчательнѣе всего, не только у Западныхъ, но вообще у всѣхъ Славянъ, іерархическое жречество, и религія у Вендовъ въ Арконѣ, на островѣ Рюгенѣ и въ Ретрѣ, на твердой землѣ. Какъ Восточные Славяне имѣли свой храмъ въ Кіевѣ, такъ Западные въ Ретрѣ, и какъ Новгородъ и Кіевъ, различ-

ными пунктами своей вѣры, были прошиво-
положны одинъ другому, также Аркона и
Ретра: въ одномъ почитаемъ былъ свѣшъ
въ *Свантевитѣ* (Свѣтовидѣ?), солнцъ; въ
другомъ *Радегастѣ*, какъ духовность,
какъ Разумъ (*Vernunft*), и въ обоихъ мѣстахъ
поклоненіе было выше и духовнѣе, нежели
у Рускихъ, хотя Сваншевитѣ соотвѣш-
ствовалъ Перуну, а Радегастѣ Зичу.
Жречество Арконское было Финскаго про-
исхожденія, а Ретрское, хотя и не того-
же происхожденія, однакожь во многомъ
отъ него зависѣло; посему дуализмъ въ
Ретрѣ является въ Финскомъ видѣ, чего
не встрѣчается у прочихъ Славянъ. Хотя
здѣсь Бѣлое и Черное служатъ причинами
раздѣленія степеней боговъ, но каждый
изъ Бѣлыхъ и Черныхъ боговъ подраздѣляет-
ся опять на два качества, на добрую и
злую магію, на предсказаніе и чародѣй-
ство. Въ семъ состоиптъ Финское основа-
ніе, преобразовавшее дуализмъ на свой
образецъ, и пѣмъ самымъ соединившее
все Финское ученіе о бѣлой и черной наукѣ
съ религіею свѣша, коей основанія хотя
первообразно и принадлежали также къ
магіи, но Славянами понимаемы были не
въ томъ видѣ. Въ срединѣ, между плодскою
и духовною вѣрами Восточныхъ и Запад-
ныхъ Славянъ, находились планетныя вѣры
Поляковъ и Богемцовъ, какъ-бы средніе
или посредствующіе члены. Между собою
имѣютъ онѣ также прошивоположности,

о Польская вѣра основаніемъ приняла бѣ спорону ночи (шмы), а Богемская торона свѣша въ планетномъ мірѣ, и по-ому, первая присоединилась къ болѣ юшской вѣрѣ Рускихъ, а послѣдняя къ рѣ, болѣ духовной, Вендовъ.

За неимѣніемъ испочниковъ не лѣзл спорически доказашъ, какимъ образомъ дуализмъ между Славянскими народами образовался въ разнообразныхъ видахъ своихъ, да и вообще о Сѣверныхъ народахъ не вѣзъ сказашъ ушвердительно, *потому* одинъ народъ принялъ одну секшу, а другой другую. Впрочемъ, доказашъ можно, какъ въ религіяхъ свѣща дуализмъ самъ по себѣ происходилъ и измѣнялся до безконечности. къ религіи свѣща, встрѣчаемая на Сѣверѣ, имѣющъ основаніемъ дуализмъ; здѣсь въ особенности замѣчательны религіи Нѣмецкія, потому что онѣ сходствомъ своимъ обнаруживаютъ сродство поколѣнія своего съ Славянами. Симъ конечно можешъ подкрѣпиться мнѣніе нѣкопрыхъ ученыхъ, что Славяне были Мидійскаго происхожденія, между шѣмъ, какъ не осталось никакого уже сомнѣнія о сродствѣ Нѣмцовъ съ Персіанами. Если въ какой-либо Миеологіи первое мѣсто занимаетъ идея свѣща, противоположность ея всегда соспавляетъ шма. Положимъ, что эша идея была первообразно планетная, но она уже въ самой себѣ заключала перемѣну и переходъ къ другому соспоянію, противоположности.

Самый дикій народъ могъ сему научиться изъ переменъ дня и ночи, лѣта и зимы. Но ни у Славянъ, ни у Нѣмцовъ противоположность не была столь ограничена, планетное двойное измѣненіе почиталось необходимымъ явленіемъ всей жизни, которая должна была имѣть движеніе во внутренности противоположностей. Поэтому, дуализмъ долженъ былъ являться въ безконечно-различныхъ образахъ, ибо объемъ его (т. е. число и видъ являющихся предметовъ), самъ по себѣ безконеченъ. Таковой планетный міръ и изображеніе его, Мифологія, смертенъ, конеченъ и носитъ въ себѣ свое уничтоженіе. Это была уже древняя увѣренность, и хотя у Славянъ не находимъ мы никакихъ вѣрныхъ слѣдовъ такой увѣренности, за тѣмъ у Нѣмцовъ находится сему основательное доказательство въ ученіи ихъ объ уничтоженіи міра и боговъ. Изъ сего видно, что Мифологія, не восходящая выше противоположностей, въ приложеніи своемъ постепенно должна была дѣлаться простымъ ученіемъ о судьбѣ, въ коемъ (такъ, какъ въ Вендской вѣрѣ) жребій, злое волшебство, и тому подобныя предметы, казались весьма важными; между тѣмъ какъ сіи предметы были болѣе соображены въ ихъ Мифологіяхъ, которыя основаніемъ имѣли болѣе духовность и свободу. Теперь понятно (приведемъ только одну отличительную чер-

У между двухъ дуалистическихъ религій), почему у Славянъ, поклонявшихся Судьбѣ, находимъ той преданности жребію и того, изъ религіозныхъ причинъ происшедшаго презрѣнія смерти, которыя оплели Нѣмцовъ, даже и въ среднихъ вѣкахъ. Испорія Сѣверныхъ народовъ яснѣе всего указываетъ, какъ рѣшительно поясненіе такихъ всеобщихъ основаній опредѣляетъ жизнь народную.

Вѣра въ Судьбу почти необходимо ведетъ къ многобожію, и къ принятію чужестранныхъ боговъ, на которыхъ надѣются и которыхъ спрашиваютъ. Къ симъ внутреннимъ причинамъ присоединилась еще и внѣшняя, именно, что жилища Славянъ, не будучи ограждены и отдѣлены дѣлами горъ и морями, подвергли жителей необходимому смѣшенію съ чужестранцами. И сами Славяне, переселясь въ жилища прежнихъ народовъ, смѣшали находившіяся тамъ Мифологіи и жречество съ своими, потому и не мудрено, что у Богемцевъ встрѣчаемъ Греческія имена боговъ. Еще разительнѣе оказывается это въ приморскомъ городѣ Репрѣ, ибо въ капищахъ онаго находились божества Славянскія, Вендскія, Нѣмецкія, Прусскія, Финскія и Греческія, и даже Греческіе художники дѣлали тамъ изваянія боговъ. Это непонятно-бы для насъ было, если-бъ чрезъ наше изъясненіе, испорія сего берега *Янтарей*, его шорговли и сношеній

не получала новаго свѣта, который, во-
обще для древней исторіи Сѣвера, или по
крайней мѣрѣ, для исторіи Славянъ и
Финновъ, довольно значительнъ, даже и
за исключеніемъ той важности, которую
придавала земля, орошаемая Вислою или
Одеромъ, древнимъ жилищамъ Нѣмецкихъ
народовъ.

Исторія Нѣмецкаго поколѣнія, со вре-
мени переселенія народовъ до половины
XIII вѣка, была средоточіемъ политиче-
скихъ отношеній, почти для всей Европы.
Въ это время Нѣмецкое язычество и ос-
ташки онаго были основаніемъ народныхъ
образованій въ большей части Европы.
Жилища народовъ Нѣмецкаго поколѣнія въ
средины Европы, собственная твердость,
глубокость и благоговѣйность народнаго
характера, свобода постановленій, несмѣ-
шанность народа, вѣчное стремленіе къ
вышнему и происшедшее отъ того же-
ланіе научаться, были такія преимуще-
ства, какихъ не находимъ ни у какого
другаго изъ сѣверныхъ поколѣній: они одни
могли произвестъ тѣ великія движенія,
отъ коихъ преобразилась Европа. Нѣм-
цы учились у Финновъ и Цельшовъ, а
Славяне у Нѣмцовъ. Изъ сего видно уже,
какъ важна была древняя Нѣмецкая Миео-
логія, и какъ въ ней средоточились,
такъ сказать, вся вѣра и все образованіе
Сѣвера. Безъ сомнѣнія, сія религіозная
важность Нѣмцовъ имѣла, какъ причина

къ сльдствію, вліяніе на послѣдующее по-
липическое дѣйствіе, что можно заклю-
чить изъ смѣшенія Нѣмецкихъ героиче-
скихъ Сагъ съ Сагами другихъ народовъ, о
чемъ выше мы уже говорили. Кромѣ Пер-
сидскихъ войнъ и Римскихъ завоеваній,
Древняя Испорія ничего не можетъ пред-
ставитъ для сравненія съ народнымъ пере-
селеніемъ Нѣмцовъ, ихъ возрожденіемъ
въ Хриспіанствѣ и крестовыми ихъ похо-
дами. Не лзя также сравнивать прибреж-
наго судоходства Финикіянъ и Карфагенянъ
съ далекими пупешествіями Нордманновъ,
которыя, начиная отъ Ледовитаго моря
Азіи, объѣзжали всю Европу до Чернаго
моря, и отшолъ обратно плавали до
Гренландіи и Сѣверной Америки. По симъ
великимъ движеніямъ Нѣмецкаго поколѣнія,
на сушѣ и водѣ, должно необходимо заклю-
чать объ отважности, твердости и глу-
бокости народнаго характера, заслужива-
ющаго всякое вниманіе и предполагающа-
го достопримѣчательную языческую ре-
лигію, ибо характеръ древнихъ народовъ
опредѣлялся всегда ихъ религіями.

Весьма трудно вкратцѣ представитъ
обстоятельное изображеніе Нѣмецкой вѣ-
ры. Въ ней находимъ приспособленную къ
понятію народа героическую пѣснь и об-
щую народную вѣру, также какъ у
Славянъ, только въ гораздо большей пол-
нотѣ и совершенствѣ; припомъ, цѣлое
небо боговъ на Сѣверѣ, кошорое не было

внесено въ героическую пѣснь въ челоѵкообразныхъ видахъ; кромѣ того, шакую глубокость магіи и шайнаго ученія, какихъ можно ожидать только отъ Финновъ и Цельшовъ. Хотя остатки магіи и шайнаго ученія еще значителнѣе у Сѣверныхъ Нѣмцовъ, нежели у Южныхъ, однако, не взирая на всѣ переворошы, потрясавшіе собственную Германію, сказки и Саги еще содержатъ въ себѣ замѣчательныя и разительныя черпы упомянушой шайной Миеологической мудрости.

Скандинавамъ предпочтительнѣе принадлежатъ Азы, а Нѣмцамъ героическія повѣсти. Въ первыхъ, *Одинъ* есть пуреводная идея единства, на все распростра-няющаяся и въ особенности принимаемая какъ *свѣтъ*, во всѣхъ отношеніяхъ; потому и двѣнадцать Азовъ означаются по сей идеѣ, какъ обитатели двѣнадцати небесныхъ знаковъ. И такъ, все небо Скандинавскихъ боговъ изображало собою *свѣтъ во времени*, потому, говорили Скандинавы, преходящій и составляющій только періодъ перехода къ *болѣе духовному существованію*, къ преображенію *земной божественности* у Единого Опца, который, послѣ всемірнаго сожженія, долженъ принять въ себя очищенное огнемъ и безъ перемѣны, соединить съ собою. Скандинавы думали, что сей Вѣчный Богъ находится внѣ планетнаго міра, никогда не былъ рожденъ и никогда не умираетъ,

между тѣмъ, какъ Одинъ, его братья и
 сыны, рожденные во времени, погибають.
 Тага творенія міра начиналась у Сканди-
 авовъ съ Ночи, коей жизненные мате-
 ріалы, по мнѣнію сихъ народовъ, лежали
 ездѣйственно въ *звѣающемъ стаканѣ*
 (Bar ginunga), до тѣхъ поръ, пока поражен-
 ые свѣтомъ Юга, они пробудились къ
 жизни, и изъ нихъ родилось исполинское
 существо, *Имеръ*, которое пипала корова
Иудубла. Сія корова вылизала изъ соля-
 наго камня первородное существо, *Буре*,
 который родилъ *Бера*, а сей послѣдній
 въ поколѣніемъ Имера родилъ трехъ сы-
 новей: *Одина*, *Виле* и *Ве*. Они умер-
 пвиди Имера, и въ крови его попо-
 нуло все исполинское его потомство, вы-
 лючая одного, размножившаго младшее
 поколѣніе исполиновъ. Изъ частей тѣла
 Имерова сотворены земля и небо, а изъ
 двухъ древесныхъ пней въ морѣ, образо-
 вали сыновья Бера первую чепу людей.
 Ють главныя черпы Саги творенія. Въ
 нихъ вплетены многія отношенія сѣвер-
 наго климата, отъ чего цѣлое получаетъ
 цвѣтъ Сѣвера; но отъ главнаго основанія
 своего, Ночи, все переходитъ въ потъ-
 ке самый дуализмъ, который главными
 своими черпами открывається и въ герой-
 кой повѣсти Южныхъ Нѣмцовъ. Въ Спа-
 ганѣ Міра возраждается посредствомъ
 вѣта твореніе, которое тотчасъ обнару-
 живається въ великой прошивоположности,
 Ч. XIV. No 8. Т

въ Имеръ: неорганической и нераздѣленной матеріи всего планетнаго міра, и въ Аудумблѣ: органической жизненности или жизненномъ побужденіи (*Lebenstrieb*). При прѣпьемъ порожденіи, органическое беретъ верхъ надъ исполинскими силами: Имеръ убивается, потому что онъ питался молокомъ Аудумблы, т. е., съ того времени органическая жизненность проникаетъ весь планетный міръ, и то, что прежде соединено было въ одну массу, смертію Имера раздѣляется на частности собственной жизненностію (на планеты). И такъ мы видимъ, что смертію Имера, Скандинавы изображали небо и землю, солнце и мѣсяць, море и сушу, и вообще весь планетный міръ, съ его особенными и отдѣльными силами. Тогда-же создается по мнѣнію ихъ и преходящее небо боговъ: Одинъ и его Азы царствуютъ надъ міромъ, а тайный высшій Богъ опять скрывается. Но преходящіе боги весьма различны между собою: Азы суть творчески дѣйствующія силы міра и природы, существа сложныя, и потому преходящія. Ваны являются на небѣ, какъ существа духовныя, отъ коихъ Азы научились предсказаніямъ, какъ Ваны, такъ и Азы, произошли отъ великаго Бога. Имъ противопоставлены силы необразованной матеріи: исполинское поколѣніе, не духовное, но по существу своему непроизвольно злое и дѣйствующее. Соединеніе Азовъ съ *Юта-*

ми (исполинами) произвело карловъ, соединеніе Азовъ съ Ванами, *Эльфовд*. Всѣ существа собственно были только проявленія великаго Бога. Въ двѣнадцати именахъ его находятся уже двѣнадцать Азовъ; въ проявленіи своемъ онъ дѣлится на матерію (Юшты), духъ (Ваны) и попеременно дѣйствующее соединеніе обѣихъ, твореніе (Азы). Отъ того, существа сии управляютъ міромъ, содержатъ цѣлое въ дѣйствіи и представляютъ собою боговъ времени въ Зодіакъ, и въ мѣсяцахъ на землѣ, которыя, въ надлежащее время, производятъ перемены года, цвѣтны и плоды. Будучи въ маломъ видѣ изображеніемъ великаго Бога, они, послѣ всемірнаго сожженія, будучь имъ опять приняты въ себя, равно какъ и почитатели Азовъ изъ людей. Вотъ все основаніе сѣверной нравственности (*Sittenlehre*).

Какъ боги временные, Азы подвержены измѣненію; исторія ихъ была соединена съ ученіемъ о противоположности. Убіеніе *Бальдера*, или смерть Солнца, составляетъ такую же основную матерію въ Сѣверной Сагѣ боговъ, какъ и въ Нѣмецкой героической пѣсни, и изъ нее выводится одинакое заключеніе: Бальдеръ умираетъ, погибаютъ боги и весь міръ, т. е., говоря прозаически: противоположность и измѣненіе, которому подвержены всѣ предметы въ планетномъ мірѣ, составляетъ въ маломъ видѣ изображеніе той противо-

положности и переменны, которая въ свое время, преобразитъ самыя планеты. Отъ того въ Нѣмецкой Мифологіи идеи макрокосма и микрокосма повсемѣстно ощутительны, отъ того находимъ глубокое воззрѣніе на природу, обнаруживающееся во всѣхъ Нѣмецкихъ Сагахъ и сказкахъ, и служащее вѣрнѣйшимъ доказательствомъ глубокой Мифологіи. Какъ солнце, восходящее и заходящее, есть великое прообразование цвѣтка, распускающагося и увядающаго, такъ и смерть Бальдера есть образъ окончанія всей жизни, не только для боговъ; но и для людей, а черезъ бога солнца, боги низходятъ къ человеку и Мифъ образуется между смертными. Солнечный дуализмъ составляетъ переходъ и условіе, какъ къ антропоморфизму, такъ и къ героической пѣснѣ.

Противоположность однакожь не есть единственное основаніе въ Скандинавской вѣрѣ, подобно какъ въ Славянской, и хотя она составляетъ условіе существованія боговъ, но не простирается на ихъ дѣйствіе. Дѣйствіе въ обоихъ рядахъ противоположности оказывается прояко. Одинъ, творецъ, дѣлится на двухъ сыновей (*Тора* и *Бальдера*): сражающееся и страдающее солнце (возвышающаяся и низпадающая жизнь). По симъ двумъ начальствующимъ раздѣляются и Азы; къ сторонѣ Бальдера принадлежатъ почти всѣ Ваны; къ сторонѣ Тора мощные, бодрые

Юги. Сія послѣдніе болѣе тѣлесныя, но оставяющъ всегда творящія идеи; пова-
 ници Бальдера болѣе преданы духовному;
 дѣсь отражающа противоположность
 тѣла и души и соединенія ихъ, жизни.
 Одинъ, какъ творецъ и источникъ жизни
 вообще, Одинъ былъ у Скандинавовъ идеєю
 философи и всего въ ея дѣйствіи. Отъ по-
 го въ немъ соединена была Скандинавами
 не только мудрость Вановъ, но волшеб-
 ная наука Ющовъ и творческая сила Азовъ.
 Онъ обнималъ все силы небожителей къ
 единству и къ дѣйствію, къ единому Духу.
 Изъ сего можно легко понять, почему
одноокій Одинъ является, иногда какъ ве-
 личайшій волшебникъ, иногда какъ глу-
 бочайшая, предвѣщающая мудрость, иног-
 да какъ герой и воинъ, и т. д. Изъ сего
 поясняются и многочисленныя имена его
 и качества, которыя вообще должны бы-
 ли изображать только двѣ главныя идеи:
вездѣбытіе и *всезнаніе*. Какъ творецъ міра,
 онъ распорядитель и сохранитель его; въ
 первомъ качествѣ, онъ является, какъ
 учитель нравственности и какъ судія;
 во второмъ, какъ владыка надъ душами и
 умершими, у коего *Валгалдъ* есть только
 прообразованіе высшаго неба, въ которое,
 послѣ скончанія міра будутъ приняты и
 самыя Азы великимъ Богомъ. Самъ Одинъ
 подверженъ противоположности, и ему
 всегда сопутствуетъ противоположеніе,
 съ которымъ ему должно всегда сражаться.

ся, безъ возможности побѣдить оное или навсегда уничтожить. Это злое начало, *Локи*, изъ исполинскаго поколѣнія, но по матери родное *Одину* и съ нимъ въ братствѣ, а потому *Одинъ* не смѣлъ сдѣлать ему никакого зла. *Локи* изображалъ природу, связанную органическою жизнью, которую организмъ не долженъ и не можетъ никогда уничтожать. Посредствомъ двухъ исполинскихъ дѣтей своихъ: *Юрмунгандура* (океана) и *Фенрира* (подземнаго огня), при концѣ міра, *Локи* преодолѣетъ связующій его организмъ, а тѣмъ самымъ разрушитъ и собственное свое существованіе. *Фенриръ* проглотитъ тогда *Одина*, *Юрмунгандуръ* умертвитъ *Тора*, *Асы* провалятся всѣ сквозь огонь *Локи*; но сіе злое поколѣніе само тогда погибнетъ, и изъ развалинъ міра, по волю великаго Бога, возродится новая земля и новое солнце, и вообще возстанетъ новая жизнь, которая будетъ проображеніемъ неба. И такъ, по Мифологіи Скандинавовъ, наслоящая жизнь была только приготовленіемъ къ очищенному и ближайшему съ Богомъ существованію, и вся цѣль земной жизни состояла въ томъ, чтобы достигнуть въ *Одиновъ Валгалъ*, а при концѣ міра соединиться съ великимъ Богомъ. Зная сію идею Скандинавской Мифологіи, довольно удовлетворительно можно видѣть причину презрѣнія *Нѣмцовъ* къ смерти, а сіе презрѣніе смерти объясняетъ всеобщее стремленіе

къ войнѣ и брани, отличающее сіе поко-
лѣніе съ самаго начала. Только умершіе
съ оружіемъ въ рукахъ, входящъ въ Оди-
новъ Валгалъ; умершіе-же безъ ранъ, оп-
ходящъ въ Гель, всепріемлющій подзем-
ный міръ, ужасную дочь Локи. Она въ сіе-
мъсто казни започаетъ также преступни-
ковъ, которымъ не служилъ къ пользѣ и то,
что они умерли съ оружіемъ. Какъ Одинъ
и Азы вообще представляются творцами
и рапоборцами прошивъ матеріальныхъ
силъ, которыя только по усмирени своемъ
дѣлаются способными къ органическому
творенію, слѣдственно, какъ Азы находят-
ся въ вѣчной борьбѣ съ исполинами, такъ
и образъ ихъ, человекъ, рожденъ къ войнѣ и
борьбѣ. Подобно богамъ, по мнѣнію Скан-
динавовъ, долженъ онъ во все печеніе жиз-
ни своей сражаться съ исполинами, дра-
конами, чудовищами, и побѣждать ихъ.
Изъ сего догмата Миеологии Сѣверной про-
испекла чрезвычайная героическая жизнь
Нѣмецкихъ народовъ, неисчерпаемая бод-
рость, неограниченная храбрость, кото-
рая только у сего поколѣнія встрѣчают-
ся на Сѣверѣ, и которыя, разрушивъ Рим-
ское владычество, ввели новый государ-
ственный порядокъ въ Европу.

Изъ практическаго направленія, при-
нятаго Скандинавскою вѣрою, видимъ, по-
чему народъ почиталъ Азовъ выше всѣхъ
боговъ. Въ различіи оныхъ находилъ и
причина раздѣленія сектъ Скандинавскихъ.

Въ Швеціи, главное мѣсто въ Мнѳологіи занимаютъ три бога: *Торъ*, *Одинъ* и *Фригго*, т. е. Одинъ въ своемъ цѣломъ, съ двумя главными своими порожденіями, *Торомъ* и *Фриссо*; сей послѣдній, явно первообразный *Бальдеръ*. Въ Норвегіи *Торъ* былъ народнымъ богомъ, слѣдственно тѣлесное порожденіе *Одина* было тамъ высочайшею идеею мифовъ, копорые по сему имѣли правильное по послѣдствіямъ вліяніе на характеръ *Нордманновъ*, такъ, что они были самымъ отважнымъ, дикимъ и грубѣйшимъ народомъ *Сѣвера*. Въ *Даніи*, по всемъ вѣроятіямъ, главною идеею мифовъ представляемъ былъ *Бальдеръ*, подъ именемъ *Фрита* или *Фрота* (у Южныхъ *Нѳмцовъ* *Зигфрита*), слѣдственно духовное порожденіе *Одина* предпочиталось. Швеція, въ трехъ королевствахъ своихъ, удерживала нѣсколько времени нѣкопорый видъ іерархіи, и потому, всѣ поколѣнные *Саги* *Сѣверныхъ* королевскихъ фамилій обращаются на *Одина*. Но по причинѣ раздѣленія земель трудно было сохранить сей іерархическій видъ. Долѣ другихъ онъ сохранился только въ *Даніи*, гдѣ еще въ началѣ *X*-го вѣка жертвоприношенія производились по обычаямъ *Шведскимъ*.

Три языческіе бога являются и въ религіяхъ Южныхъ *Нѳмцовъ*: *Тіуско*, мужъ и его трое сыновей, изображаютъ тоже самое, что *Буре*, *Беръ* и его трое сыновей на *Сѣверѣ*; потомъ три божества:

Воданъ, Тунаеръ и Сакноте, которыхъ Франки при обращеніи должны были опречать, сопоставляющъ одно съ Шведскимъ миеомъ. Воданъ, котораго почитали всѣ Южные Нѣмцы (и коего имя въослѣдствіи вообще упопрелялось вмѣсто имени бога) есть Сѣверный Одинъ, Тунаеръ, Сѣверный Торъ; а Сакноте (Саксонскій Одинъ) Бальдеръ, который, какъ сынъ Одина; въ особенности почитаемъ былъ Данчанами и Саксонцами, а Франкамъ извѣстенъ былъ по отечественному имени своему, съ коимъ онъ въ Ломбардійско-Франкской Сагѣ является, какъ спраждающій богъ солнца, *Отнитъ*: Раздѣленіе Юго-Нѣмецкихъ сектъ опредѣленіе всего является въ ихъ Героической Повѣсти. Въ ней поколѣніе Эгелинговъ означаетъ Саксонцовъ; Нибелунги Франковъ, Амалунги или Вельфинги Готтовъ. Всѣ прое жестоко ненавидѣли другъ друга (вспомните объ ихъ войнахъ) и сія ненависть видна даже и въ Героической Повѣсти. Идеи раздѣленія сущъ слѣдующія: въ Саксонской вѣрѣ при главныхъ основныя начала называются: вода (матерія), жена (Хаудрунъ или Гудрунъ), ночь; у Франковъ: свѣтъ, организмъ (рожденіе) и мужъ (Зигфрипъ); у Готтовъ, *двоесвѣтъ* (Вельфингъ), рожденіе и матерія, въ ея первобытномъ соединеніи и цѣлоспи (Имеръ = Амелунги), *безполость* (Дитерихъ). Можеть бытъ, даже Вельфинги и Амелунги были особен-

ными Готскими секшами, по крайней мѣрѣ, въ героической повѣсти они определенно различаются, и согласно съ историческими извѣстіями, Амелунгами собственно называется только царствующій королевскій домъ, такъ какъ у Франковъ *Гіукунги* или *Гибихинги*. Сія послѣдняя извѣстная всего въ позднѣйшемъ имени Императорской партіи *Гибелиновъ*. Это названіе состоитъ изъ соединенныхъ именъ: Нибелунгъ и Гибихингъ; такъ какъ Вельфинги извѣстны были подъ именемъ *Вельховъ*, которые, исключая обстоятельствъ и причинъ историческихъ, вѣроятно по своему языческому основанію (*Heuschlechtlosigkeit*), образовали Пацскую (*ehelosen*) партію.

Сколько языческія секты сохранили для насъ первобытныя причины ихъ раздѣленія, столько оказывается намъ связь Героической Повѣсти. Она начинается съ Саксонцовъ; важнѣе всего становится съ Франками, а съ Готами оканчивается. Саксонскій повѣздъ за *Гудруною*, при чемъ *Зигфридъ* сватается, но не побѣждаетъ, и является какъ языческій король черныхъ (не опечесвленный, иностраннѣй Нибелунгъ), заключающій въ себѣ свое совершеніе. Жена служитъ всегда добычею поклѣннѣю драконовъ и исполиновъ; наконецъ достается жениху человѣческаго рода, и тѣмъ оканчивается вся брань за нее. Причина брани состоитъ въ происхожденіи ея

отъ исполиновъ, матеріальномъ и словъ; но также и привлекательномъ, прекрасномъ, въ ней сокрытомъ. Мизъ Франковъ идеть далѣе. Герой свѣта, Зигфритъ, освободившій жену изъ неприязельской власти; умираеть отъ нее; онъ погибаетъ; потому что соединился съ матеріальностію; потому что сдѣлался шлвомъ. Такое соединеніе основывается на обольщеніи и обманѣ, и потому Зигфритъ не можеть дать яснаго о самомъ себѣ опчеша: онъ не знаетъ, кто онъ. Но смерть его столь же хорошо условливаетъ паденіе геройскаго поколѣнія, какъ на Свверѣ смерть Бальдера разрушеніе міра. Въ Нибелунгскомъ бѣдствіи, съ обѣихъ сторонъ погибають Нибелунги и Вельфинги, и въ живыхъ остаються только: одинъ Амелунгъ, Дитерихъ, одинъ Вельфингъ, Гильтебрантъ и Король Гунновъ, Этцель. Это другими словами значить: безполое и цѣлое остається, а имѣющее полъ и опдѣльное погибаетъ. Этцель, по всему характеру своему, есть уже *отеловѣщенный*, который приказываетъ потомъ похоронить падшихъ, собственно: принимаетъ ихъ въ себя. Далѣе за симъ разрушеніемъ, Геройская Повѣсть знаетъ отоль же мало, какъ Эдда о своихъ Азахъ; но чрезъ сіе самое Готская вѣра является между Нѣмецкими религіями, какъ совершеннѣйшая. Франкская вѣра, кажется, создана со всѣмъ возможнымъ *теловѣскимъ* глубокымъ смлѣ-

емъ и своею всеобщою противоположностью любви и спрдаанія находишь себя купя въ сердцу каждого; Гопеская въразвышася надъ благомъ и спрдааніями: она оспримила въ цѣлости, въ соединенію, какъ говорили Гопеы, съ тѣмъ Богомъ, въ которомъ нѣтъ болѣе никакой противоположности и прекращилась любовь и спрдааніе.

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.*)

II. КРИТИКА.

Замѣчаніе на статью, помѣщенную въ No 6-мъ Указателя открытій. 1826 г.

Предлагаю нѣсколько замѣчаній на ботаническую статью, въ No 6-мъ *Указателя открытій* (издаваемого Николаемъ Щегловымъ) помѣщенную, подъ названіемъ: *Новѣйшее распредѣленіе семействъ растений по классамъ естественной системы Г-на Жюсье и измѣненія въ сей системѣ, сдѣланныя Г-мъ Декан-домъ*. Списокъ семействъ растений, принимаемыхъ Г-мъ Жюсье, который былъ приложенъ къ *Мирбеловой Физіологіи растений*, содержалъ въ себѣ 141 семейство; но изъ сего послѣдняго списка, заимствованнаго Г-мъ Щегловымъ изъ *Ботаники Ахилла Ришара*, видно, что число семействъ растений

Жюзе размножилъ до 164. Такъ, какъ помѣщены одинъ только наименованія семействъ, съ названіемъ одного рода для образца, но замѣчанія наши собственнo относятся къ языку. Осмѣливаемся думать, что термины, переведенные Г-нъ Щегловымъ, не всегда свойственны языку Русскому и даже самому предмету, равно какъ и выборъ изъ терминовъ прежнихъ не совсѣмъ удаченъ. Долго Естественная Исторія медлила въ своемъ ходѣ по причинѣ неудобства въ языкѣ; даже причина, можетъ быть, препятствуетъ не мало распространенно Естественныхъ наукъ и у насъ. Жюзе въ своей славной книгѣ: *Genera plantarum*, не обозначилъ своихъ классовъ особенными существительными именами. Сіе сдѣлалъ онъ послѣ, и должно признаться, что названія оныя составлены неправильно и не свойственно предмету. Въ Французскомъ языкѣ, гдѣ только одни окончанія Греческія измѣняются, звуки ихъ стерпимы; но никакъ нестерпимъ буквальный переводъ оныхъ Русскими словами, когда припомъ не выражаетъ онъ въ точности предмета, противень натурѣ языка, труденъ для выговора и непріятенъ для слуха. Могутъ-ли на прим. быть введены въ употребленіе такія слова, какими переводилъ буквально Г-нъ Щегловъ названія классовъ?

2-й Одноподженность.

3-й Однооколоженность.

4-й Однонаженность.

5-й Натыгинковость.

6-й Околотыгинковость.

7-й Подтыгинковость.

8-й Подвѣнзиковость.

- 9-й: *Окололепестковость.*
 10-й: *Навѣтничковость сростнопыльниковая.*
 11-й: *Навѣтничковость раздѣльнопыльниковая.*
 12-й: *Надлепестковость.*
 13-й: *Подлепестковость.*
 14-й: *Околотытничковость.*
 15-й: *Духложность.*

Не шѣ же-ли это, какъ называлъ Герацій, полтора-футовца (*Sequipedalia*), слова, изгнанные изъ Ботаники, какъ на прим. *Euphorhyllocarpodendron*, *Cototragematogendron*, *Titanoceratophyton*, *Stachyarrogophora*, *Leucoragcissocigion*; не шѣ же-ли это, никѣмъ не принятыя названія классовъ, которыя нѣкогда составилъ Шмидель: *Scheseostemopetaleae*, *Pentaplostemonae*?...

Да и можно-ли по однимъ этимъ названіямъ узнать свойство предмета? Кто изъ слова: *одноподженность*, отгадаетъ, что этимъ означаются растенія *однолопастныя* (*monocotyledones*), т. е. у коихъ сѣмена съ одною *лопастью* (*cotyledon*), а цвѣтныя оболочки сидятъ ниже песника? Теперь, если *надженность*, *подженность*, *околоженность*, означаютъ, что цвѣтныя оболочки сидятъ ниже, выше и около песника, и слова сіи относятся слѣдовательно къ песнику: то слова *навѣтничковости* (*сростнопыльниковая* и *раздѣльнопыльниковая*) *налепестковость*, *натытничковость* должны-бы относиться къ верхушкѣ вѣтчика: *лепестковъ* и *тытчинокъ*; *подвѣтничковость*, *подлепестковость*, *подтытничковость*, должны относиться къ ихъ основанію; *околотытничковость* и проч. должны показывать отношеніе другихъ частей къ срединѣ тычинокъ и проч., между тѣмъ, какъ сіи слова показываютъ все таки от-

ношеніе къ песпику. *Двуложность*: подумаетъ иной, что это значить *двойная ложь*; ибо слово: *Ложность* (Словарь Росс. Академіи, 1792. Ч. 3, стр. 1147) значить «свойство того, что ложно, несправедливо или то, что представляетъ какую-либо вещь ложною. *Ложность доводовъ, ложность мнѣній.*» Между шѣвъ, *двуложность* у Г-на Щеглова означаетъ растенія, у коихъ тычинки и пестики сидятъ раздѣльно въ особыхъ цвѣпикахъ, и попому на разныхъ *ложахъ* (receptaculum).

Можно иногда, и по развѣ по крайней необходимости, употребить слово несвойственное языку; но въ такомъ случаѣ оно должно совершенно выражать понятіе; если-жь слово прояснено языку, невыражаетъ понятія, тогда оно вовсе не годится. Если названій классовъ, *выбранныхъ* Г-мъ Щегловымъ, не лзя понять безъ предварительныхъ поясненій, и если уже въ самомъ дѣлѣ не лзя сдѣлать лучшихъ, то лучше обойтись безъ нихъ и для означенія классовъ оставить одни числа, какъ поступилъ сначала и самъ Жюсье, коего классы были долго безъ особенныхъ названій, и гораздо въ большемъ употребленіи чѣмъ теперь.

Многія названія семействъ также у Г-на Щеглова, кажется, выбраны неудачно. *Кипрейными* растеніями Г-нъ Щегловъ назвалъ *Сурегасеае*, переводя словомъ *кипрей* — *Сурегус*. Но симъ словомъ и въ Россіи и въ Малороссіи называютъ *Ерилобіумъ*; а поелику оно благозвучно, то и должно быть удержано при семъ родѣ. Такъ и принято оно въ Словарѣ Академическомъ, у Севергина, у Амбодика, у Соболевскаго, у Давгубскаго, Мартынова. *Сурегусъ* же по Русски называется *Ситовникъ*; какъ видно

изъ Словаря Амбодика; введено въ употребленіе Г-мъ Двигубскимъ, причаща Г-мъ Маршиновымъ и другими. *Четверце-пузырчатый* есть неправильный переводъ *Lenticulariae*. Название *Мышехлебный* расщепленія — очень смѣшно. *Мыловковыя* — Г-нъ Щегловъ производитъ отъ слова *Sapo* — мылока; но у насъ уже давно мыловкою въ минеральномъ царствѣ называется шалькъ. *Каплевосный* ненужный переводъ *Guttiferae*; ихъ должно назвать гуммигумными. *Шишконосный* — переводъ *Copiferae*, лучше замѣнишь Русскимъ словомъ: *хвойный*. Замѣнимъ также, что Г-нъ Щегловъ напрасно вводилъ свои термины, вмѣсто давноупотребительныхъ и гораздо лучшихъ, на прим. *cellulosus* уже лѣтъ пятьдесятъ переводился *клетчатый*, ошшуда *клетчатка*, и это слово почти вездѣ принято, а Г-нъ Щегловъ употребилъ слово: *легестый*, которое и въ анапомическомъ смыслѣ менѣе свойственно. *Заболель* онъ перемѣнилъ на *болель* и проч.

Наконецъ осмѣливаемся замѣнить невѣрность мнѣній и показаній ботаническихъ:

1) Декандолева система вовсе не есть въ которое измѣненіе системы Жюсье; но его собственная и совсѣмъ отличная система. 2) Г-нъ Щегловъ (стр. 878) говоритъ: „присущіе и „отсутствіе сосудовъ связано весьма тѣсно и не „премѣннымъ образомъ, съ присутствіемъ и отсутствіемъ лопастинокъ зародыща и въ которыхъ „орудій питанія, такъ что выходитъ все равно, „назовутъ-ли извѣстныя (?) растенія *безлопастными* или *легестыми*, *лопастными* или *сосудистыми*, слѣд. отъ сего измѣненія, система ни „въ существѣ, ни въ основательности своей ни

„сколько не измѣняется.“ Хорошо, если-бы такъ а по бѣда, что очень много измѣняется! Если скажутъ: шайнобрачныя или безопасныя, явнобрачныя или лопасныя, по это будетъ правда; если-жь кто скажетъ, что *сосудистыя=лопастнымъ*, *ятектыя=безопаснымъ*, тому и Ливней, и Жюсье, и Робертъ Бровнъ, и Фрисъ, и Швейгеръ, и Кассель, и еще многіе, скажутъ совсѣмъ нѣтъ! 3) Г-нь Щегловъ въ сію погрѣшность впалъ, потому, что заимствовала слова свои изъ одного Декандоля, не сообразилъ оныхъ даже съ системою Жюсье, которою онъ занялъ 3 книжки Указателя; Декандоль-же сказалъ сіе въ подтвержденіе своей собственной системы. Такимъ-же образомъ погрѣшаетъ Г. Щегловъ, когда говоритъ (стр. 879) что „противъ Декандолева раздѣленія сосудистыхъ растений по образу питанія, не встрѣчается никакихъ отступленій или исключеній.“ Изрѣченіе: *nulla regula sine exserptione*, и здѣсь найдешь доказательство.

М.

Friedrichs von Schiller sämtliche Werke. Полное собраніе сочиненій Ф. Шиллера). 18 т. in 16.

(Продолженіе.)

Драматическія сочиненія Шиллера принадлежатъ къ *Поэзій Романтической*. Это наименованіе, не чуждое всѣмъ просвѣщеннымъ литераторамъ, къ величайшему удивленію нашему, у насъ встрѣчаютъ непонимающихъ или, можешь быть, невѣрующихъ.

Не станемъ жалѣть, если не понимаютъ его люди

Ч. XIV. No 8.

У

закоснѣлые въ предразсудкахъ школы; но не мы равнодушно видѣшь, когда авторы, сами принадлежашіе къ числу поэтовъ и писателей романтическихъ (ибо не возможно противиться стремленію въка), не улыбаясь говорятъ, что поэзія романтическая существуетъ только въ названіи, что въ ней есть отдѣльныя красоты, но что въ цѣломъ представляетъ она нескладное смѣшеніе несообразностей, ибо для нея нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ законовъ, то есть опысканныхъ, объясненныхъ, и потому она отличается только своеволіемъ и дерзкимъ сверженіемъ опредѣленныхъ, ясныхъ, утвержденныхъ законовъ *Поэзіи Классической*. Я думаю совершенно иначе. Назвавъ Шиллера романтическимъ Поэтомъ, прежде всего постараюсь доказать, что онъ не безразсудно послѣдовалъ новому направленію, въ коемъ скрывающася истинные законы *Изящнаго*.

Мнѣ кажется напротивъ, что не романтическая, но классическая *Поэзія* неимѣетъ основныхъ, невыблемыхъ законовъ; что въ ней-то видимъ мы несообразное смѣшеніе недостатковъ съ отдѣльными красотами и преданій о правилахъ, въ самомъ дѣлѣ не существующихъ, неоправданныхъ исполненіемъ и только по какому-то непостижимому ослѣпленію почитаемыхъ законами. Мысль сія, вѣроятно многимъ изъ соотечественниковъ нашихъ покажется слишкомъ дерзкою. Почитаю себя въ обязанности объяснить нѣсколько подробнѣе (*).

(*) Само собою разумѣется, что говоря о классической *Поэзіи*, я возстаю не противъ пластической *Поэзіи* древнихъ Грековъ и Римлянъ, а противъ *Поэзіи* тѣхъ народовъ, которыхъ мы считаемъ бытъ Греками и Римлянами заднимъ числомъ

Источники, всекъ послѣдовавшихъ Платоникъ и основаніе законовъ такъ называемой Классической Поэзіи, Платоника Аристотелева дошла до насъ въ полномъ, въ сомнительныхъ спискахъ. Но изъ остатковъ шагося видимъ, что Аристотель смотрѣлъ на Поэзію глазами не философа. Онъ вездѣ видитъ въ ней средство, находишь постаренную цѣль: и распространяется только о внѣшнихъ формахъ. Не въ наше время доказывать ложность сего положенія; ибо кому неизвѣстно, что Поэзія есть свободное изліаніе духа, цѣль сама себѣ; внѣшнія формы ея образуются по внушенней идее, а не идея по формамъ. Такимъ образомъ, принимая формы, описанныя Аристотелемъ, за самую вину, прекраснаго, плѣняющаго насъ въ твореніяхъ древнихъ Грековъ, теоретиками сдѣлали величайшую ошибку. Они не думали, что въ Поэзіи плѣняетъ насъ преимущественно не механическое, правильное спривіе частей, а божественная идея красоты, разлитая въ цѣломъ. Она является въ безчисленно-разнообразныхъ формахъ. Можно ли требовать отъ красоты, нашему вкусу свойственной, формъ красоты Греческой? Предположимъ, что древній теоретикъ описалъ намъ невыразимую словами красоту какой нибудь своей Аспазіи; но не уже-ли Аспазія нашего вѣка должна быть создана по образцу Греческой, чтобы и для насъ быть прекрасною? Такое требованіе назовутъ безразсуднымъ, и справедливо, ибо высочайшая идея нашей красоты, выраженная въ картинахъ Рафаэля, не по-

(выраженіе чужое). Впрочемъ трагедія у Римлянъ почти не существовала; по крайней мѣрѣ кромѣ приписываемыхъ Сенека трагедій, мы ни по чему не можемъ судить о ней.

ходить на красоту Греческой Венеры. Такъ и должно быть, потому, что насъ одушевляють совѣсть въ тѣ страсти, не толь образъ возрѣнія на предметъ, не тѣ чувства, если выраженіе это пошло.

Можетъ быть, скажутъ, что Поэзія наша раздѣляется на тѣже роды какъ и Греческая: на Лирическую, Эпическую и Драматическую; что болѣе ничего не мзя ни выдумать, ни изобрѣсти; и такъ, почему-бы не подражать Грекамъ, оставивши намъ изящнѣйшіе образцы во всѣхъ сихъ родахъ? Я согласенъ что Поэзія всегда будетъ состоять только изъ трехъ родовъ: эпопеи, лирики и драмы, потому что всегда будетъ только прошедшее, будущее и настоящее; потому что всегда человекъ будетъ человекомъ и основныя силы его духа не перемѣнятся; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы прошедшее, будущее и настоящее Грековъ, было таково-же какъ наше, и на оборотъ.

Кто не согласится, что Древніе оставили намъ превосходныя образцы во всѣхъ почти родахъ Словесности; но ихъ Поэзія невозможна для насъ: мы никакъ не можемъ, да и не должны извлекать изъ нее правилъ для внѣшней формы нашей лиры, поэмы и драмы. Между тѣмъ, весь споръ, всѣ недоразумѣнія относятся къ формѣ, которая должна быть сообразна оживляющему ея духу. Разсужденіе вообще о Поэзіи увлекло-бы насъ далеко отъ настоящаго предмета нашего и потому мы должны ограничиться только нѣкоторыми мыслями о *Драматической Поэзіи*. И въ ней Греки представляютъ намъ превосходныя примѣры. Эсхиль, Софокль и Эврипидъ, составляютъ триумвирашъ,

приводящій въ изумленіе своимъ величествомъ. Но Французы односторонно поняли изящное; они приняли внѣшніи формы за внутреннее достоинство, а встрѣтивъ у Аристотеля нѣсколько словъ о трехъ единствахъ, на нѣсколькихъ сомнительныхъ строкахъ основали свою теорію Драмы! Дѣло едва постижимое, шѣмъ болѣе, что почти всѣ просвѣщенные народы пошли по слѣдамъ Французовъ и только въ новѣйшее время Нѣмцы объяснили истинную теорію Изыскаго. Особенно отрасль онаго, Драмматическую Поэзію, раскрылъ теоретически и критически А. Шлегель, въ своемъ превосходномъ Курсѣ Драмматической Литтературы (*), составляющемъ непремѣнный кодексъ для каждаго писателя занимающагося Драмматургією. Шлегель показалъ всю несообразность, всю неосновательность драмматической поэтики Французовъ и какъ Философъ и Поэтъ разобралъ ея теорію и исполненіе (практику), доказалъ, что Корнель, Расинъ, Вольтеръ и даже Девиле, на которыхъ всегда ссылаются защитники классицизма, дѣлняютъ насъ не вслѣдствіе нѣсколькихъ правилъ Поэтики Аристотелевой. Предположимъ, что Аристотель и подробно-бы изложилъ Поэтику, несообразную ни съ основною идеєю драмы, ни съ исполненіемъ ея, не уже-ли мы на зло природѣ вещей должны были-бы покоряться ей безотчетно? Но, повторяемъ еще разъ: трехъ единствъ, на которыхъ вершится вся теорія Французской драмы, у Аристотеля нѣтъ; несообразность сей теоріи доказывающа философіческимъ разсмотрѣ-

(*) Vorlesungen über Dramatische Kunst und Literatur. 8. Heidelberg. 1817 г. 2-е изданіе.

и даже самою Французскою Драматическою Литтературою, которая въ наше время клонится къ совершенному упадку, а знаменитые писатели, прославившие ее, Корнель, Вольтеръ и даже Расинъ и Мольеръ уже недостаточны удовлетворяють новымъ соображеніямъ и требованіямъ самихъ Французовъ. Дарованія сихъ писателей поражаютъ насъ и въ смѣшенномъ, насильственномъ кругѣ дѣйствія, но теорія, которой слѣдовали они, угрожающая имъ колеблющемуся владычеству, можетъ въ самомъ исполненіи своемъ служить вѣрнѣйшимъ и неопровержимымъ доказательствомъ, каковы основанія такъ называемой *классической драмы*.

Спрашиваю: гдѣ-же опредѣленные, ясные, непрѣмняемые законы классической Поэзіи? У Аристотели? Но онъ снялъ мѣрку съ нѣсколькихъ человекъ, по которой не лзя для всѣхъ шить платья, также какъ Французовъ и Рускихъ не лзя судить по Спартанскимъ законамъ. Въ платье надобно соображаться съ климатомъ и понятіями народа, въ законахъ съ мѣстными и современными обстоятельствами. У Горация? У Дебрео? Они только распространяли то, что говорилъ Аристотель: ихъ *стихотворныя* теоріи опровергаются всѣми твореніями Французскихъ поэтовъ и всѣхъ слѣдовавшихъ Французской пѣснѣ. Гдѣ же эта ясность и опредѣленность законовъ, о которой намъ твердили столько вѣковъ?

Романтическая Поэзія напротивъ, имѣетъ ясные, опредѣленные законы въ твореніяхъ Шекспира, Кальдерона, Сервантеса и нѣкоторыхъ Итальянцовъ и Нѣмцовъ, не говоря о писателяхъ

современныхъ. Она оправдывается философическимъ разсмотрѣніемъ, когда взираемъ на сущность, а не на образы; она правильна, ибо формы ея сообразны съ духомъ. Мнимое безобразіе романтиковъ, которое старались найти въ томъ, что они смѣшиваютъ различные роды, есть слѣдствіе духа времени. Греки предавались одному чувству; для насъ это не возможно, и отъ того - то въ трагическомъ нашемъ всегда долженъ быть примѣсъ комическаго.

Конечно не будутъ требовать, чтобы здѣсь я указала на какую нибудь Пинтику, гдѣ были-бы изложены и доказаны необходимость и преимущества Романтической Поэзіи: когда одержана побѣда, тогда можно доказать, въ слѣдствіе какихъ правилъ она одержана. Имя Шекспира, Кальдерона, Гёте, Шиллера, мы съ гордостью можемъ выставить ихъ защитниками нашими и сославшись на Шлегеля въ *Драматической Литтературѣ*, готовы указать на тѣ источники, изъ коихъ можно почерпнуть настоящія понятія о Поэзіи вообще. Но, прибавимъ для любопытныхъ, что какъ для дѣйствій челоуѣчества не возможно предписать непремѣнныхъ, неизмѣняемыхъ законовъ, особенно на многія столѣтія, такъ точно и еще болѣе не лзя писать частныхъ законовъ для Поэзіи, которая есть самое свободное, неуповимое изъ всего проявляющагося въ челоуѣчествѣ.

Къ счастью искусства, Шиллеръ былъ одаренъ высочайшею свободою духа, которая составляетъ главный характеръ всѣхъ его твореній и въ которой заключается шайна Поэзіи *Драматической*.

Въ краткомъ изложеніи я старался показать, что дѣйствительно можно почесть счастьемъ для

деуства отступничество отъ насильственныхъ, несообразныхъ формъ, предписываемыхъ Французскою Писшикою. Въ Германіи Шиллеръ уже имѣлъ предшественникомъ на сѣмъ поприщѣ Гёте, который въ Гёцъ фонъ Берлихингенъ хотѣлъ явить силу своего праваго генія своего и успѣлъ въ томъ, какъ геній могущественный. Отбросивъ всѣ несущественныя украшенія, всѣ оковы и даже стихотворный размѣръ, онъ оживилъ свою пьесу *поэзіей дѣйствія*. Но, кажется, на Шиллера еще болѣе имѣлъ вліянія великій Шекспиръ, въ которомъ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, отражаются всѣ движенія человеческого духа, всѣ стремленія, всѣ страсти. Гёте справедливо говоришь о немъ, что нѣтъ ощущенія въ душѣ челоуѣка, котораго не предугадалъ-бы Шекспиръ: читая его, находите выраженнымъ то, что въ неясныхъ образахъ шло въ душѣ вашей.

Шиллеръ изучалъ его и не могъ не повторить во многомъ, особенно въ то время, когда высокое чувство, оживляющее всѣ произведенія Германскаго Поэта, еще не достигло зрѣлости и до нѣкотораго времени не было въ немъ чувствомъ полнымъ, всеобъемлющимъ. Вотъ отъ чего въ *Разбойникахъ* слишкомъ замѣтенъ *Ритардъ III*, и въ то же время не льзя сравнивать героя Шекспирова съ Францомъ Мооромъ. Оставляя всякое дальнѣйшее сближеніе сихъ двухъ лицъ, разсмотримъ первое драматическое произведеніе Шиллера, замѣчательное по многимъ отношеніямъ.

Въ первой статьѣ, начершывая абрисъ жизни Шиллера, я даль замѣнить, что высоко предпочитаю *Разбойниковъ* послѣдующимъ трагедіямъ его: *Фиаску* и *Коварству и любви*. И дѣйствительно:

Разбойники показывают Пюшпа пламеннаго, глубоко чувствующаго и понимающаго свое искусство. Кто не достигнувъ двадцати лѣтъ, понялъ, что не въ Греческой Мифологіи искашь намъ вдохновенія, что не Эврипидовыхъ и Сенегиныхъ созданій (conceptions) должно намъ выражать, а противоположности нашего романтическаго міра, тошъ достоинъ вѣнка удивленія и хвалы. Замѣнимъ здѣсь вообще, что дѣйствіе во всѣхъ трагедіяхъ Шиллера происходитъ въ тѣхъ вѣкахъ и странахъ, которыя принадлежатъ къ романтическому міру. Это показываетъ истинно-поэтическое чувство, которому Шиллеръ всегда остался вѣренъ. Замѣшимъ также, что высочайшая нравственная свобода, убѣжище которой для насъ есть наша святая Религія, всегда и во всѣхъ сочиненіяхъ одушевляла его. Шиллеръ былъ, по выраженію одного писателя, Поэтъ *втрующій*, въ обширномъ смыслѣ сего слова, и всякій согласится по размысленіи здравомъ, что воэпы нашего времени должны быть таковы: только тогда постигнешъ ихъ истинное вдохновеніе, только тогда произведенія ихъ будутъ сіять красотою вѣчными, не замѣстившими.

Судьба бросила Шиллера въ состояніе зависимое, составлявшее рѣзкую противоположность съ нравственнымъ его расположеніемъ. Пусть вспомнятъ Шиллера, возвышеннаго, пламеннаго, исполненнаго всеми богатствами ума и воображенія, но заброшеннаго среди людей, непонимавшихъ его. Въ душѣ Поэта отражался цѣлый міръ, а его почитали простымъ школьникомъ! Эта противоположность нравственнаго расположенія съ обстоятельствами, служивъ главною основною мыслію *Разбой-*

ликобъ, трагедіи ; которію Шиллеръ написалъ , по собственному его признанію , не зная ни одного человека. Вѣримъ : потому что вся нѣса имѣетъ основаніе чудовищное; она могла родиться только въ головѣ юноши, не видавшаго людей. Шиллеру хотѣлось высказать все, что шайлось у него въ душѣ: и онъ исполнилъ это прекрасно. Драматическій поэтъ имѣетъ право заставлятъ свои лица говорить много такого, за что самъ не отвѣчаетъ: Шиллеръ воспользовался этимъ правомъ. Онъ отъ себя говоритъ тѣ сильныя, пламенныя шпиряды, которыя придають колоритъ привлекательный его трагедіи; но тамъ, гдѣ для противоположности онъ заставляетъ говорить лица, извѣстныя ему по слуху, тамъ часто рѣчи лицъ его сбиваются на дѣтское лепетанье. Отъ того пѣкоторыя мѣста въ Разбойникахъ удивляютъ истиною и высокостью чувства, другія совершенною ничтожностью. Самый узелъ трагедіи завязанъ слишкомъ слабо. Карлъ Мооръ бѣжитъ въ Богемскіе лѣса не отъ людей, а отъ самого себя; добродѣтель его только испаряется въ словахъ: онъ самъ виною всѣхъ своихъ несчастій, хотя и жалуется на людей. Дѣянія людей такъ часто подають причину къ ненависти, что конечно одинъ только юноша не могъ сильнѣе изобразить состоянія души Карла Моора. Отъ этого характеръ Карла перяетъ свою занимательность. Францъ Мооръ молодѣй отвратительный, но также, можетъ быть, только заблуждшій, подобно Карлу, ибо не безъ причины и онъ клевететъ на своего брата, преслѣдуетъ Амалію и наконецъ запираетъ въ лѣсную пещицу своего отца. Онъ безобразенъ, неловокъ, не любимъ, и въ этомъ не его вина; напротивъ Карлъ всему самъ ви-

ю; Францъ не могъ превратиться въ красавца и
 ипавишь полюбить себя Амалію, а Карль, даже
 слѣ письма Францова, могъ обратиться на путь
 бродятели. Мы не видимъ шутъ силы непреодо-
 мой, невзбѣжимой судьбы; видимъ только, что
 чинитель на сторонѣ Карла, а не Франца Моора.
 Положите въ уста Франца *добродѣтельныя* рѣчи
 вровы и послѣ того судите: который изъ двухъ
 разшьевъ болѣе преступень?

Вообще замѣтна большая скудость дѣйствій въ
разбойникахъ. Исключая превосходную сцену Па-
 ера, свиданіе Карла съ Амалією и послѣднее явленіе,
 въ цѣлой трагедіи только *говорятъ*; но разго-
 ворная пьеса, не есть еще пьеса драматическая. На-
 расно Авторъ оправдывается въ предисловіи, гово-
 я, что онъ выбралъ только форму драматическую
 для выраженія главной своей мысли. Ту же мысль,
 нѣтъ кажется, онъ еще лучше выразилъ въ повѣсти
 своей: *Преступникъ отъ потери добраго имени*;
 тамъ видимъ точку зрѣнія высшую, болѣе поэтиче-
 скую; но гдѣ подъ драматическою формою не ви-
 димъ Драмы — шутъ еснѣ недоспашокъ, уничто-
 жающій все твореніе?

Отъ чего-же Карль Мооръ до такой степени
 вскружилъ головы молодымъ современникамъ Шиллера,
 что они пускались въ лѣса разбойничать, по-
 вворяя великолѣпныя фразы своего образца? Это
 новое доказательство, что Авторъ не достигъ сво-
 ей цѣли: не судьба, а воля заставила Карла от-
 правиться на дорогу и въ томъ-то состоитъ вели-
 чайшая ошибка Автора; ибо послѣ Карла Моора,
 исторія всякаго славнаго разбойника есть трагедія.
 Недоспашокъ дѣйствія произвелъ невѣрность харак-

шеровъ. Амалія есть любимое женское лицо Шидлера, существо мечтательное, едва-ли возможное и потому о немъ не лѣзя составишь себѣ идеи. О другихъ дѣйствующихъ лицахъ, какъ о неглавныхъ, говоришь нѣчего. Впрочемъ, Швейцеръ мнѣ кажется выше самаго Карла: таковъ долженъ бытъ заблудшій, но по природному назначенію благородный молодой человекъ. Старый Мооръ есть самый жалкій изъ всѣхъ дѣйствующихъ въ Разбойникахъ: Сочинитель дѣлаетъ съ нимъ что хочешь, потому что у этого лица нѣтъ никакого характера.

Но при такой бѣдности дѣйствія, несообразности характеровъ и многихъ промахахъ противъ правдоподобія, Сочинитель умѣлъ сдѣлать свою пьесу занимательною. Не лѣзя не пльнясь основною поэтическою мыслию, нѣкоторыми явленіями и во многихъ мѣстахъ силою рѣчей, вложенныхъ Авторомъ въ уста лицъ дѣйствующихъ. Соображая это съ возрастомъ и средствами Автора, можно было поздравить Германію съ отличнымъ Трагикомъ, а Сочинителя съ необыкновеннымъ усвѣхомъ. Посмотримъ, какъ продолжалъ онъ свое драматическое поприще.

Онъ явился съ *Заговоромъ Фіэско*. Эта пьеса такъ далека отъ истинной трагедіи, какъ самъ Фіэско отъ прямого героя. Плана въ ней нѣтъ почти никакого; дѣйствующія лица уходятъ и приходятъ безъ причины, скажутъ нѣсколько пышныхъ фразъ и уйдутъ. Спрашиваю: для чего выведена на сцену несчастная Берта? Бургоньино и безъ него могъ бытъ такимъ же героемъ. Развѣ для того является это ничтожное существо, чтобы съ самаго начала трагедіи поселить въ зрителяхъ неприят-

е чувство — да и путь сколько неправдоподобія! Иогъ-ли Веррина оставитъ ее совершенно одну, да е безъ какой нибудь старухи, которая-бы могла кричать: караулъ! Далѣе, возможное-ли дѣло, чтобы Мавръ, этотъ презрѣнный злодѣй, обходился въ первыхъ людяхъ въ государствѣ такъ свободно, и также легко имѣлъ къ нимъ доступъ, какъ къ тѣмъ особамъ, отъ которыхъ онъ узнаетъ свои дѣла? И надобно признаться, что на немъ держится весь узелъ трагедіи: отъ одного его слова зависитъ все. Самый Фіэско, человекъ, котораго одинъ взглядъ увлекаетъ души смѣлыхъ заговорщиковъ, Фіэско во многихъ мѣстахъ похожъ на Сумароковскаго Димитрія Самозванца: тотъ-же характеръ ложный, напльнушый. Великій Шиллеръ видѣнъ во многихъ мѣстахъ и этой трагедіи, но, я думаю, что авторъ никогда не долженъ выказываться изъ за своихъ дѣйствующихъ лицъ: онъ ихъ провидѣніе, а оно не вмѣшивается видимо въ наши дѣла. Любимое стремленіе Шиллера и здѣсь господствуетъ; но повторимъ: ему надобно было высказать многое, многое — и онъ увлекся общимъ недостаткомъ всѣхъ неопытныхъ писателей, воображающихъ, что имъ въ одномъ твореніи надобно выразить все, что таится въ глубинѣ души. Не въ одномъ этомъ отношеніи видѣнъ гений Шиллера и въ Фіэско: объявленіе себя главою заговорщиковъ, послѣднее явленіе Андрея Доріа, и почти весь четвертый актъ, прекрасны.

Коварство и любовь принадлежитъ къ роду трагедій средняго класса или собственно такъ называемыхъ драмъ. Мы не станемъ разбирать ее, а скажемъ вообще, можетъ-ли достигашь своей

цѣли трагедіи сего рода. Нѣкоторыя замѣчанія на Коварство и любовь будутъ повѣркою нашихъ мыслей.

Не лзя согласишься съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ теоретиковъ, поставляющихъ цѣлю трагедіи возбужденіе ужаса и жалости, и вмѣстѣ съ Аристотелемъ полагающихъ, что трагедія должна *огнищать страсти*. Первое изъ сихъ положеній шакъ явно несправедливо, что не требуетъ даже опроверженія; ибо жалость и ужасъ скорѣе могутъ возбудишь неприятные ощущенія, а не то дѣйствіе должна производить одна изъ совершеннѣйшихъ частей Изящныхъ Искусствъ. Также не возможно и то, чтобы *полница души* могла быть цѣлю трагедіи. Жалки были-бы мы, если-бъ нзмъ нужны были театральные уроки для утвержденія въ добродѣтели! Да и самые тѣ, кои называютъ театръ школою нравственности, заглянувъ въ сердце свое, могутъ увѣришься, что они повсюряютъ это по давнему, безопчетному преданію. Лѣность души и умственныхъ способностей часто заставляетъ насъ говорить то, чему сами не вѣримъ, но рассказываемъ по слуху. Опъ того такъ скучны ходячія фразы, особенно когда дѣло идетъ о предметахъ, требующихъ всей умственной дѣятельности для разсужденія объ оныхъ. Шиллеръ былъ увлеченъ несправедливымъ понятіемъ о сущности трагедіи, и на ужасъ и жалости основалъ весь интересъ *Коварства и любви*, даже поставилъ себѣ непремѣнною обязанностію въ концѣ трагедіи казать Президента: таковъ планъ всѣхъ трагедій средняго класса! Но ужасныя чувства, возбуждаемая, на примѣръ, насиліемъ Президента въ

домъ скрипача (послѣд. явл. 2 го д.) и отправленіемъ Луизы и Фердинанда, мучашъ зрителя и чисташеля, а не оставляющъ въ душѣ никакого сильнаго, сладостнаго чувства. Можешъ бышь, спросяшь: что же составляешъ тайну прагического искусства, что плѣняешъ насъ въ явныхъ образахъ древней прагедии и въ разнообразіи новѣйшей? Что должно господствовать въ нашей прагедии, если ни ужась, ни жалость, ни наказаніе порока не составляютъ ея сущности? Эпи вопросы могутъ бышь предметомъ многихъ помовъ и слѣдовательно не лзя намъ здѣсь, въ бѣглыхъ замѣчаніяхъ на заданную тему, взяшся за рѣшеніе ихъ. Не возможно однакожъ и не указать на тошъ свѣшъ, безъ котораго всѣ сужденія наши о прагедии будутъ шашки и неосновательны. Ограничимся немногими словами. Шекспиръ постигъ или, какъ ясновидящій, угадалъ эту тайну, и въ его безсмертныхъ прагедіяхъ разрѣшены сіи вопросы. У него все оживлено одною силою очарованія; всѣ движенія, всѣ спрашши направлены къ одной цѣли; въ наружномъ безпорядкѣ соблюдена стройность вѣрная, стройность природы. Въ природѣ, въ этомъ безконечномъ, неисчислимомъ разнообразіи, есть могущество, направляющее всѣ силы и ведущее насъ къ вѣрной цѣли: это, въ понятіи древнихъ, судьба, съ которою мы соединяемъ понятіе болѣе возвышенное, болѣе свѣтое. Ея пуши намъ неисповѣдимы: наружно кажущееся намъ зломъ, есть благо; видимое несовершенство и безпорядокъ составляютъ зѣно совершенства и правильности; но зло и бѣдствія существуютъ въ мѣрѣ для нашихъ слѣпыхъ очей: совершаются преступленія, есть пороки, страшши, несчастія,

спраданія: За то въ чловѣкѣ есть высшій отблескъ Божества: это его нравственная воля: и какія преступленія, какіе пороки, страсти, несчастья и спраданія могутъ устрашить его, если въ сердцѣ у него твердо и непоколебимо воспоминаніе о небесномъ происхожденіи? Здѣсь зародышь всѣхъ геройскихъ дѣяній: въ борьбѣ съ судьбою, съ испытаніями рока являюся тѣ герои, которыхъ однимъ превозмимъ душу, способную къ наслажденію изящными Искусствами: вѣшь нужды, взяты-ли они изъ Исторіи, изъ преданій, или созданы воображеніемъ поэта. Трагедія переселяетъ сихъ героевъ на сцену — и здѣсь-то тайна наслажденія зрѣлищемъ трагическимъ! Оно возвышаетъ собственное достоинство наше при созерцаніи геройскихъ подвиговъ, къ какимъ способенъ чловѣкъ; оно показываетъ, какою непобѣдимую нравственную силою одаренъ онъ свыше, и возноситъ духъ его при созерцаніи невидимо-видимаго порядка, въ ходѣ къ одной цѣли.

Вопь въ краткихъ словахъ сущность трагедій! Но можно-ли возбудить сіи высокія ощущенія, представляя обыкновенныя картины домашней жизни? Тутъ все однообразно, мѣлочно, все относится къ тому, что составляетъ самую матеріальную сторону чловѣка. Мирные граждане не имѣютъ непосредственныхъ расирей съ судьбою: они противоборствуютъ подобнымъ себѣ или сражаются съ случаемъ: это область комедіи, ибо не лзя считать героемъ того, кто только не склоняется передъ гоненіемъ и порокомъ, или падаетъ отъ случая. Приводя къ одной цѣли всѣ дѣйствія обыкновенныхъ

гражданъ, чѣмъ ограничимъ ихъ? Холоднымъ благо-
 хоспояніемъ. Согласіе мужа съ женой и дѣтьми, не-
 зависимость въ званіи и вѣрное пропитаніе — вопль
 дѣлъ всѣхъ простыхъ гражданъ; слѣдовательно и
 геройскіе поступки ихъ могутъ ограничиваться
 жорами и шербаніемъ съ женой и дѣтьми, утѣсне-
 ніемъ знатныхъ и борьбою съ ними, наконецъ не-
 достаткомъ въ деньгахъ, въ которомъ конечно мно-
 го неприятнаго, но ничего нѣтъ героическаго,
 высокаго. *Коварство и Любовь* основана именно
 на второмъ разрядѣ сихъ геройскихъ дѣлъ: Ферди-
 нандъ влюбленъ въ дочь скрипача; отецъ Фердинанда,
 знатный злодѣй, при помощи одного мѣлкаго злодѣя
 и одного глупца, доводитъ своего сына до того,
 что онъ оправляетъ свою любовницу и самого себя.
 Въ чемъ-же состоитъ здѣсь героизмъ? Гдѣ борьба
 нравственной свободы человѣка? Злодѣяніе въ лицахъ
 не есть еще трагедія. Не говоря о ходѣ разсматри-
 ваемой трагедіи, неправдоподобномъ и невѣроят-
 номъ, спрашиваю: могутъ-ли вообще произведе-
 нія, подобныя *Коварству и Любви*, достигать цѣли
 трагедіи? Ошвѣтъ не можешь быть сомнительнымъ
 потому же, почему самая запальчивая ссора журна-
 листовъ или перебранка безпокойныхъ соседокъ не
 можешь быть предметомъ эпической поэмы. Изъ
 всего сказаннаго конечно не заключаешь, что я не
 вижу никакихъ красотъ въ *Коварствѣ и Любви*;
 но отдѣльные порывы высокихъ чувствъ и даже нѣ-
 которыя прекрасныя явленія теряютъ свою цѣну,
 когда они не у мѣста. Впрочемъ, характеръ *Леди*
Мильфорсъ представленъ и выдержанъ съ большимъ
 искусствомъ.

Ч. XIV. No 8.

Ф

Великій писатель не страшится первых своих опытовъ, хотя-бы они были и неудачны; не страшится, особенно если чувствуетъ свое назначеніе къ цѣли высокой и если его неудачные опыты подобны Шиллеровымъ, предзнаменовавшимъ необыкновеннаго писателя. Онъ оправдалъ ожиданія своимъ *Донъ Карлосомъ*.

Донъ Карлосъ есть произведеніе истинно поэтическое; завязка, характеры, изложеніе сей трагедіи, превосходны. Здѣсь въ первый разъ Шиллеръ явился мужемъ силы, хотя все еще подражателемъ Шекспира. Онъ не побоялся распространить свою Трагедію до невозможности, такъ что ея не льзя играть на театрѣ, и прямо отъ того что она слишкомъ продолжительна. Онъ и самъ называлъ ее *Драматическимъ стихотвореніемъ*, а не трагедію, но это не оправдываетъ Автора: онъ слишкомъ заговорился и тѣмъ повредилъ своему прекрасному созданію. Будь планъ его не такъ многосложенъ, не заговаривайся онъ такъ много, хотя и въ прекрасныхъ сценахъ — трагедія много-бы выиграла. Предѣлами сей статьи я принужденъ и здѣсь ограничиться одними главными мыслями, хотя и желалъ-бы распространиться для подтвержденія словъ моихъ, желалъ-бы указать на предѣлы нѣкоторыхъ характеровъ и на нѣкоторыя невѣрности въ изображеніи оныхъ и въ самомъ планѣ трагедіи. Скажемъ что можно.

Я говорилъ уже о несообразности семейственныхъ картинъ въ невозможной трагедіи средняго класса. Но сіи картины не могутъ быть удачны и въ тѣхъ трагедіяхъ, гдѣ дѣйствуютъ цари. Авторъ

трагическій не долженъ забывать, что не его дѣло изображеніе тѣхъ подробностей, гдѣ великіе міра являюцца не въ отношеніи къ главной мысли его творенія. Входя въ подробности домашнія, семейственныя и даже въ мѣлкія интриги двора, онъ необходимо займешь насъ лицами побочными. Вотъ отъ чего Донъ Карлосъ совершенно затерянъ въ толпѣ другихъ лицъ и въ продолженіе всей трагедіи вниманіе наше привлекають болѣе Маркизь Поза, Королева, Принцесса Эболи, а не Донъ Карлосъ. Надобно замѣтить, что вообщѣ Авторъ явно старался поразить зрителя величіемъ характера Позы; но въ этомъ сдѣлалъ онъ большую ошибку. Поза не можетъ быть главнымъ лицомъ ни въ какомъ случаѣ, потому что его судьба чужда основанію трагедіи: не онъ душа ея! Шиллеръ создалъ много превосходныхъ явленій, гдѣ главное лицо Поза, вложилъ въ уста его много безсмертныхъ, свѣтлыхъ истинъ — но все Поза остается лицомъ постороннимъ. Этому доказательствомъ служитъ и то, что не взирая на всю преданность и старанія своего друга, Донъ Карлосъ погибаетъ. Отъ чего? Отъ того, что Авторъ унижилъ его нравственный характеръ, не вложилъ въ него воли, склоняющейся только передъ властію судьбы. Донъ-Карлосъ не долженъ быть сантиментальнымъ любовникомъ, котораго любовь испаряется въ словахъ и вздохахъ, а геройскія дѣянія ограничиваюцца ропотомъ на судьбу и слезами: нѣтъ! Вложи въ него душу безстрашную передъ ударами рока, покажи ее въ борьбѣ, а не въ стенаніяхъ. Шиллеръ не исполнилъ сихъ необходимыхъ условій и его Донъ Карлосъ часто сбивается на семейственную картину. Это шѣмъ.

страннѣе, что Карлосъ, какъ центръ всей трагедіи, долженъ-бы быть настоящимъ героемъ, но въ его характеръ Авторъ собралъ всю сантиментальность, въ то же время одаривъ почти всѣ лица характерами истинными, достойными Шекспира. Королева, Принцесса Эболи, Король, Лерма, Великій Инквизиторъ, Доминго, изображены смѣлою кистию великаго художника и блестящъ всею яркостью истины. Маркизь Поза представленъ по мнѣнію многихъ критиковъ слишкомъ идеальнымъ; но, признаюсь, я не совсѣмъ раздѣляю это мнѣніе. Мнѣ кажется, роль Позы слишкомъ увеличена, и я почитаю это ошибкою, во характеръ, подобный Позѣ, не невозможенъ, особенно при столь великихъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ находился. Шиллеръ, написалъ почти цѣлую книгу, подъ названіемъ: *Письма о Донъ Карлосѣ*; мы будемъ имѣть случай упомянуть о ней, но теперь скажемъ, что изъ этой книги видимъ излишнюю любовь Автора къ Позѣ и много несправедливыхъ понятій о Трагедіи вообще. Замѣшимъ мимоходомъ, что это новое доказательство старой истины: вдохновенные исполнители рѣдко бывають хорошими судьями даже собственныхъ своихъ произведеній.

Бросивъ взглядъ на четыре первыя трагедіи Шиллера, нужнымъ почитаю оговориться, что разсматривая сущность сихъ трагедій, я не могу излагать ихъ плана и отдѣльно разбирать каждое явленіе. Причинъ этому много и важнѣйшая есть краткость предѣловъ сей драмы. Не упоминаю о слогѣ и не выписываю замѣчательныхъ мѣстъ, по тому, что для иностранца было-бы слишкомъ дерзко и подозрительно хвалить или осуждать слогъ од-

юго изъ величайшихъ Германскихъ писателей. Да
ны и должны заниматься не слогомъ, составляю-
щимъ не главное условіе изящнаго сочиненія, особен-
но для Русскаго, судящаго о Нѣмцѣ.

(*Продолж. въ слѣд. книжкахъ.*)

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

1826 года.

192. *Мѣсяцословъ* съ росписью чиновныхъ
особь или общій Штатъ Россійской Имперіи на
мѣсяцъ октябрь Р. Х. 1826. Спб. in 8, *два части*.
1-я XL, 920 и XVII; 2-я 502 и XV стр.

Сей Мѣсяцословъ (или такъ называемый *Ад-
рессъ - Календарь*) издается при С. Пбургской
Академіи Наукъ каждый годъ, содержишь крапкія
святцы, роспись праздниковъ, росписаніе почтъ въ
сѣверо-западныхъ, а за тѣмъ списокъ всѣмъ судебнымъ и
административнымъ мѣстамъ Россійской Имперіи,
съ именами всѣхъ состоящихъ въ сихъ мѣстахъ,
или по чему-либо прикосновенныхъ къ нимъ, чинов-
никовъ и людей. Такимъ образомъ составляешь онъ
не только необходимую во многихъ гражданскихъ
отношеніяхъ книгу, но можетъ быть помѣщенъ въ
число фактовъ для Статистики. Желая замѣчать
въ послѣдующее время различныя статистическія
перемѣны въ администраціи государства, и полагая,
что сіи замѣчания могутъ быть пригодны не только
статистикамъ и юристамъ нашимъ и иностран-
нымъ, но и каждому любящему отечество Россія-

нину, для котораго познаніе отечества есть долгъ важный и необходимый, мы выписываемъ здѣсь важнѣйшія статьи за 1826 годъ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ вся администрація Россійской Имперіи, по установленному порядку, излагается въ Адрессъ-Календарь. *Первую* часть его составляютъ государственные и частно къ общимъ государственнымъ управленіямъ принадлежащія мѣста; *вторая* заключаетъ собственно - губернскія и мѣстныя, по частямъ имперіи, управленія. Вотъ исчисленіе ихъ, при которомъ мы выпускаемъ подробности:

Глава I. *Придворный Штатъ. Присутственные мѣста и вѣднія къ Придворн. Штату принадлежащія.* Придворный Штатъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЪ, Наслѣдника Престола и Великихъ Князей, Великихъ Князей и Княгинь, — Капитулъ орденовъ; Департаментъ удѣловъ; Кабинетъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА или управленіе горными заводами, ИМПЕРАТОРСКИМИ гранильными, бумажными, обойною и фаянсовою фабриками, мраморнымъ, стекляннымъ и фарфоровымъ заводомъ, шпалерною мануфактурою; Строительная Комиссія; далѣе, управленіе дворцами, мызами, коронными сокровищами и принадлежностями придворными; Придворная, Гофъ-Интендантская, Егермейстерская, Конюшенная Канцлеры, Дворцовыя Управленія, Мастерская Оружейная Палата, Экспедиція Кремлевскаго строенія; Дирекція театровъ; Пажескій корпусъ.

Глава II. *Государственный Совѣтъ*, раздѣляясь на четыре Департамента: *Законовъ, Дѣлъ Военныхъ, Гражданскихъ (и Духовныхъ), Государственной Экономіи*; Члены Совѣта; Министры;

Коммисія прошеній; Государственная Канцелярія; Комитетъ Г-дъ Министровъ. — *Главный Штабъ*; Генераль - Инспекторъ, Генераль - Фельдцейхмейстеръ, Военный Министръ, Инспекторъ Инженернаго корпуса, Генераль - Квартирмейстеръ (топографы), Дежурный Генераль, Генераль и Флигель-Адютанты, Генераль - Провіантмейстеръ, Генераль - Кригсъ - Коммисаръ, Генераль - Вагенмейстеръ, Инспекторъ Медицинской части по арміи. — Мѣста, подчиненныя Главному Штабу: Квартирмейстерская часть, Военный Ученый и о конскихъ заводахъ Комитетъ, Военно - Конно - Заводское Управленіе. — Мѣста, подвѣдомственныя Военному Министерству: Совѣтъ Министерства; Департаменты: Артиллерійскій (пороховые и оружейныя заводы), Инженерный, Медицинскій, Коммисаріатскій (фабрики, госпитали и лазареты), Провіантскій. — Гвардейскій отдѣльный Корпусъ: Преображенскій, Московскій, Семеновскій, Гренадерскій полки, Гвардейскій Экипажъ; Измайловскій, Павловскій, Егерскій, Финляндскій полки, Саперный баталіонъ; Драгунскій, Уланскій, Гусарскій Конно - Егерскій, Казачій полки; Кавалергардскій, Конный, Кирасирскій полки и Артиллерія; Подольскій Кирасирскій, Уланскій, Гродненскій Гусарскій, Литовскій, Волынскій полки и Артиллерія конныя пѣшая. — *Правительствующій Сенатъ*, съ *восьмью* Департаментами и Межевымъ Департаментомъ; Общее Собраніе Сената; Министръ Юстиціи, Герольдія, Архивы, Кастильянская часть. — *Святѣйшій Правительствующій Синодъ*, съ Коммисією Духовныхъ Училищъ и Конпорами: Московскою и Грузино-Имеретинскою; Цензура духовн.

книгъ; Епархіи (1-го класса 4, 2-го класса 33);
 Экзархатъ въ Грузіи и Осетинская Коммисія; ар-
 міи и флота Оберъ-Священникъ; монастыри (раздѣ-
 ляясь на три класса, заштатные и опдѣльные). —
Министерство Иностранныхъ дѣлъ, раздѣляясь
 на Коллегію иностранныхъ дѣлъ и Азіяцкій Депар-
 таментъ; Послы въ чужихъ краяхъ (числомъ 2),
 Посланники и Министры (числомъ 14), Министръ-
 Резидентъ (въ Гамбургѣ), Резидентъ (въ Краковѣ),
 Повѣренные (числомъ 5), Генеральн. Консулы, Вице-
 консулы, Агенцы. — *Министерство морское*, съ
 Адмиралтействъ-Коллегіею, двумя Департаментами,
 опдѣльными начальствами и Морскимъ Ка-
 детскимъ корпусомъ. — *Министерство внутрен-
 нихъ дѣлъ*, съ 4-мя Департаментами: *Государ-
 ственнаго хозяйства и публичныхъ зданій*, *Хозяй-
 ственнымъ*, *Исполнительной Полиціи*, *Медицин-
 скимъ*, Особенною Канцеляріею и Медицинскимъ Со-
 вѣщомъ. — *Министерство Народнаго Просвѣще-
 нія и Главное Управление духовныхъ дѣлъ ино-
 странныхъ исповѣданій*, раздѣляясь на Департа-
 ментъ Народнаго Просвѣщенія и Главное Правленіе
 Училищъ (съ шестью Университетскими Округами);
 сюда относятся три Академіи, Публичная С.Петербург-
 ская Библіотека и Ученія Общества. Управление
 иностранныхъ исповѣданій заключается въ Римско-
 Католической Духовной Коллегіи, раздѣленной на
 Департаментъ Римско-Католич. дѣлъ (7 Епархіи) и
 Греко-Уніятскихъ дѣлъ (4 Епархіи). Сверхъ того,
 Армянская Консисторія, Управление и Консисторія
 Евангелическаго исповѣданія, Липовскій Синодъ и
 управление Мугаммеданскаго закона. — *Главное
 начальство надъ Почтовымъ Департаментомъ*

отдѣльно) съ 7-ю Почтъ-амтами. — *Министерство финансовъ*, раздѣляясь на шесть Департаментовъ: *Государственныхъ имуществъ*, *Горныхъ и соляныхъ дѣлъ* (съ Горнымъ Кадетскимъ Корпусомъ, Монетными Дворами и Горными Правленіями), *внѣшней торговли* (шаможни), *разныхъ податей и сборовъ*, *мануфактуръ и внутренней торговли* и *Каммеръ-Коллегіи*; Государственные Банки (Ассигнаціонн., Заемный, Коммерческій); Департаменты Государственнаго Казначейства и Главное Казначейство. — *Главное управленіе ревизіи государственныхъ счетовъ*: Государственный Контроль съ четырьмя Экспедиціями и Временною Коммисією. — *Главное Управленіе путей сообщенія*: Совѣтъ и Департаментъ; Дежурство Корпуса Инженеровъ путей сообщенія, Резервные Инженеры; учебныя заведенія Цвстишущъ, Военностроительное училище и Кондукторская школа; Коммисія Шлиссельбургскихъ цлюзовъ, Экономическій Комитетъ, Управленіе объ устройствѣ большихъ дорогъ въ государствѣ, отдѣльныя работы (Царскосельское и Нарвское шоссе, Видавское водяное сообщеніе, соединеніе Дона съ Волгой, Москвы съ Волгой, Кирилловскій каналъ); *девять* Округовъ Управленія путей сообщенія; Судоходныя Расправы; Цвинская Депутація. — *Министерство Юстиціи*: Департаментъ Министерства; Юстиць-Коллегія Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ, съ тремя Магистратами; Московскій Архивъ; Вошчинный Департаментъ; Межевая Канцелярія, съ шестью Конторами.

Глава III. Особенности Правленія. *Совѣтъ о Военныхъ Училищахъ* и мѣста ему подвѣдомственные: 1-й и 2-й Кадетскіе Корпусы, пожь

Московскій - Военно - Сиротскій Домъ , Тамбовскій
 Училищный Корпусъ, Тульское Александровское дво-
 рянское Училище , Царскосельскій Лицей, Оренбург-
 ское Неплюевское Училище. — *Комитетъ угро-
 женный въ 18 д. Августа 1814 г.* — *Воспита-
 тельныя и богоугодныя заведенія*, подь **ВЫСО-
 ЧАЙШИМЪ** управленіемъ **ГОСУДАРНИ ИМПЕ-
 РАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ** состоящія: Вос-
 питательное Общество благородныхъ дѣвиць , С.
 Пбургское и Московское Училища Орд. Св. Екате-
 рины, С. Пбургскій Воспитательный Домъ, съ Опе-
 кунскимъ Совѣтомъ, Экспедиціями Сохранной и Ссу-
 дной казны, Гатчинскимъ Воспитательнымъ Домомъ,
 Деревенскую Экспедицію , Экспедицію карточного
 сбора , Больницу для бѣдныхъ, Вдовьимъ Домомъ и
 Училищемъ глухо-нѣмыхъ; Коммерческое училище въ
 С. Пбургъ и Александровская мануфактура; Москов-
 скій Воспитательный Домъ , съ Опекунскимъ Совѣ-
 томъ , Сохранною и Ссудною казною, Повивальнымъ
 Институтомъ , Больницею для бѣдныхъ и Вдовьимъ
 Домомъ; Павловская и Екатерининская больницы;
 Повивальный Институтъ; Маріинскій Институтъ;
 Московское Коммерческое Училище, Дѣвичье Училище
 Военно - сиротскаго Дома; Харьковский Институтъ
 благородныхъ дѣвиць. — *Богоугодныя заведенія, осо-
 бенному управленію взвренныя*: Комитетъ Опеку-
 нства Израильскихъ христіанъ; Человѣколюбивое Обще-
 ство, съ С. Пбургскимъ Попечительнымъ о бѣдныхъ,
 Медико - Филантропическимъ по ученой части и
 призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ ремесленниковъ
 Комитетами, Институтомъ слѣпыхъ, Домомъ при-
 зрѣнія убогихъ и пашью , въ Москвѣ , Казани , Во-
 ронежѣ , Уфѣ и Слуцкѣ, Комитетами о бѣдныхъ;

Попечительное Общество о шюрмахъ, съ С. Пбургскимъ и Орловскимъ Дамскими о шюрмахъ и другими Попечительными Комитетами; Голицынская въ Москвѣ больница; Справнопримный Графа Шеремешева домъ; Вольное Экономическое Общество; Московское Общество Сельскаго Хозяйства; Московская Практич. Коммерч. Академія; Россійско - Американская Компанія, съ конторами въ Россіи, Сибири, Америкѣ. — Временныя учрежденія: Комиссія о сооруженіи въ Москвѣ храма во Имя Христа Спасителя; Государственн. Комиссія погашенія долговъ; Комиссія строеній въ Москвѣ; Комитетъ строеній и гидравлическихъ работъ въ С. Пбургѣ; Комиссія построенія Исакиевского Собора; Сибирскій Комитетъ; Бобруйскій Строительный Комитетъ.

Вторая часть Адрессъ-Календаря заключаетъ, какъ мы упомянули выше, исчисленіе мѣстныхъ начальствъ. Въ ней не находится описанія Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, о которыхъ издаются отдѣльныя описанія. Сначала описаны начальства 37-ми, по учрежденію образованныхъ, губерній. Здѣсь *четыре* Сибирскихъ губерній, съ Омскою областью, представляютъ нѣкоторую разницу съ учрежденіями Россійскихъ губерній; изъ числа сихъ послѣднихъ видимъ разницу въ Рязанской, и кромѣ того разницу въ столичныхъ губерніяхъ, отъ другихъ губерній, и также различныя по разнымъ мѣстамъ временныя и частныя учрежденія (наприм. въ С. Пбургѣ: Комитетъ городскихъ строеній, въ Москвѣ Комиссія для составленія свода запретительныхъ и разрѣшительныхъ книгъ; въ обзихъ столицахъ Надворные суды

и проч.). Спашистыку слѣдуетъ замѣтить также Генераль - Губернаторства , соединеніе разныхъ частей въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. За симъ слѣдуютъ 13 губерній Малороссійскихъ , Польскихъ и Остзейскихъ , на особенныхъ правахъ состоящихъ. Замѣтимъ , что Витебская названа *Бѣлорусско - Витебскою* , а Виленская *Литовско - Виленскою*. Книга оканчивается Грузіею , Имеретіею , Бѣлостокскою и Бессарабскою областями и Землею Донскихъ Казаковъ.

Краткая выписка и нѣсколько замѣчаній нашихъ могутъ показатъ вообще спашистикамъ и юристамъ , издающимъ отъ времени до времени сочиненія учебныя и систематическія , въ какихъ отношеніяхъ нужно прслѣдовать свой предметъ въ его измѣненіяхъ. Касательно вообще свѣдѣнія объ устройствѣ администраціи Россійской Имперіи , пошъ оказалъ-бы заслугу отечественной Спашистики , кто съ царствованія Петра Великаго , п. е. со времени Европейскаго устройства Россіи , сообразилъ всѣ бывшія перемены администраціи , съ объясненіями главнѣйшихъ отношеній , измѣнявшихся учрежденій , и пошомъ представилъ изображеніе насноящаго времени администраціи , вполнѣ и со всѣми подробностями: этого удовлетворительво не было еще изложено у насъ ни въ одной Спашистикѣ , ни въ одномъ юридическомъ сочиненіи , не смотря на громкія названія *новѣйшихъ* , *всеобщихъ* , *подробныхъ* , и проч. и проч.

193. *Fontanna w Wakszyserain* , поема Alexandra Puszkina. Przekład z Rossyyskiego (*Бахтисарайскій Фонтанъ* , поэма А. Пушкина. Переводъ съ Русскаго). Вильна , 1826 г. in 8, XVIII и 27 стр.

Извѣстивъ читателямъ Телеграфа о Нѣмецкомъ Французскомъ переводахъ Поэмы Пушкина, увѣдо-
 яемъ ихъ о переводѣ Польскомъ. Литтераторъ
 льскій, скрывшій имя, рѣшился передать своимъ
 отечественникамъ одинъ изъ самыхъ яркихъ цвѣ-
 овъ новѣйшей Русской Литтературы. Не довѣ-
 я себя, мы просили людей болѣе насъ свѣдущихъ
 Польскомъ языкѣ сказать намъ: успешно-
 исполнено это предпріятіе? Мнѣніе ихъ,
 къ о переводѣ Поэмы Пушкина, такъ и о пере-
 дѣ *Апологовъ* Дмитриева, читатели увидятъ
 мѣщеннымъ ниже сего (см. стр. 317). Оно не
 всѣмъ выгодно для Польскихъ переводовъ: жалѣемъ,
 не можемъ при всемъ томъ не поблагодарить
 ереводчиковъ за ихъ стараніе: знакомить Польшу
 нашею Словесностію. Радуется, видя, что
 наша Словесность, наша Литтература поне-
 ногу выдвигаются за границы. Къ славу великаго
 народнаго Поэта, Пушкинъ прибавляетъ для отече-
 ства новую, блестящую славу: его творенія за-
 шавляютъ иностранныхъ литтераторовъ обращать
 ниманіе къ нашей Сѣверной сторонѣ; они знако-
 ятъ ихъ съ нами. И какихъ успѣховъ въ семъ оп-
 ошеніи можешь еще надѣяться томъ, кто видитъ
 исполинскій талантъ Пушкина быстро развивающимся
 въ каждомъ новомъ его твореніи! Пушкину назначено
 въ Исторіи Литтературы нашей блестящее мѣсто.

Польскій Переводчикъ приложилъ къ своему
 переводу довольно большое предисловіе, гдѣ гово-
 ритъ о Пушкинѣ и о романтической Поэзіи.
 въ первомъ замѣтимъ ошибку: мать Пушкина не
Африканка, какъ сказано у него на стр. X, а
 польско предокъ Пушкина со стороны матери былъ

Африканецъ, извѣстный при Петрѣ Великомъ, Генералъ *Ганнибаль*. Что касается до сужденій Переводчика о Романшизмѣ, признаемъ, что они слишкомъ поверхностны: Переводчикъ, или не совѣмъ еще опсталъ отъ ошибокъ *старожитной* школы классиковъ, или не опдалъ еще самъ себя настоящаго опчета о духѣ и сущности новѣйшей Поэзіи. Притомъ, что ему за мысль была, какъ будто на литературный кодексъ какой, ссылались на слова Г-на Булгарина, который года три назадъ, къ весьма поверхностной рецензіи, присланной къ нему къмъ-то, приложилъ отъ себя мимоходомъ нѣсколько словъ? Прочитавъ недавно въ *Варшавской Газетѣ* рецензію на *Сонеты Мицкевича* и сообразивъ ее съ предисловіемъ къ Польскому переводу Бахчисарайскаго фонтана, видимъ, что въ Польшѣ *нѣкоторые* литератураторы глядя на Романшизмъ (такъ какъ и у насъ грѣхъ эпошъ водится) совѣмъ съ ошибочной точки зрѣнія. Оставляя другихъ народовъ, скажемъ о своемъ отечествѣ, что читая и слушая сужденія нѣкоторыхъ изъ нашихъ теоретиковъ, нельзя не улыбаться съ сожалѣніемъ. Не упоминаемъ уже о тѣхъ, которые и знать не хотятъ Романшизма. Недавно одинъ изъ такихъ, говоря о новой Поэзіи, утверждалъ, что красота Романшизма *»поискавши, найдемъ въ каждомъ романѣ; вотъ же вамъ сущность Романшизма: своевольство, да и только. Ну! что тутъ говорить? Въ статьѣ, которую перевелъ я лѣтъ за восемь, уже доказано, что Романшизмъ есть сумасбродство.* Въкъ, величественною рѣкою, капишься между цвѣтущими берегами и оставляешь такихъ людей, какъ пшчу, въ зашишьяхъ своихъ береговъ.

194. *Описание древней Новгородской серебряной гривны и ея рублей, съ нѣкоторыми понятіями о древности, величинѣ и богатствѣ Новгорода. Николая Назар. Муравьева, Почетнаго Члена Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. М. 1826 г. in 4, 18 стр., съ планомъ Новгорода и двумя рисунками рублей.*

Разборъ сей книги будетъ помѣщенъ въ Телеграфѣ. Любопытный предметъ, о кошоромъ говоритъ въ ней Авторъ, достоинъ особеннаго замѣчанія.

195. *Considérations sur quelques principes fondamentaux de l'économie politique et privée (Разсужденія о нѣкоторыхъ основныхъ правилахъ Экономіи Политической и частной). Соч. Н. Демидова, преждебывшаго артиллерійскаго офицера. С.Пб. 1826 г. in 8, 20 стр., съ таблицей.*

1827 года.

36. *Une nation doit-elle être exclusivement agricole? (Должно-ли быть какое-либо государство исключительно земледѣльнымъ?) Сочин. Н. Демидова, Дѣйств. Слѣдств. Совѣтника, и проч. и проч. С.Пб. 1827 г. въ Тип. Дец. Нар. Пров., in 8, 5 и 34 стр.*

Разборъ сихъ новыхъ и весьма замѣчательныхъ сочиненій Г-на Демидова, помѣщенъ будетъ въ одной изъ слѣдующ. книжекъ Телеграфа.

Н. П.

37. *Пятиколосный колосъ. Сочиненіе Тайнаго Совѣтника, Сенатора и Кавалера Графа Димитрія Ивановича Хвостова, Члена Вольнаго Экономическа-*

го Общества и Предсѣдателя Хозяйственнаго Отдѣленія онаго. Читанное въ годичномъ собраніи Общества, 22 Января 1827 года, и по особенному желанію онаго напечатанное. Съ рисункомъ самаго колоса. Спб. 1827 г. въ шип. Акад. Наукъ, in 4, 8 стр.

Сѣверная Пчела (№ 42) пожелала, чтобы за каждый прекрасный стихъ Графа Хвостова вырасталъ у него на поляхъ пшениколосный колосъ. Любопытно знать: какъ великъ будетъ сборъ такихъ колосьевъ въ помѣстьяхъ Графа Хвостова? Просимъ Издашелей Сѣверной Пчелы въ послѣдствіи сообщить публикѣ статистическое объ этомъ извѣстіе.

38. *Опытъ нагертанія Исторіи Царства Армянскаго.* Сочиненный Я. и Д. Арзановыми. Древняя Исторія, украшенная 26-ю гравированными картинами. Издивеніемъ Сочинителей. М. 1827 г. въ шип. С. Селивановскаго, in 4, XXII и 182 стр.

Желая сколько можно большаго распространенія усиливающимся въ наше время сношеніямъ съ Восточными Литтературами, мы порадовались появленію сей книги, которая есть плодъ трудовъ двухъ молодыхъ Армянскихъ Литтераторовъ. Обладая равно своимъ природнымъ и Русскимъ языкомъ, они посвятили нѣсколько лѣтъ на выборъ изъ Армянскихъ историческихъ сочиненій важнѣйшихъ фактовъ и представляютъ теперь сей выборъ на судъ публики. Хотя въ концѣ книги не сказано будетъ ли она продолжаема, но мы заключаемъ изъ предисловія, что все сочиненіе составитъ три части. Въ изданной первой находится *Древняя Исторія* отъ с. м. до 428 г. по Р. Х.

Армянская Литтература, судя по тому что намъ извѣстно донинѣ, кажется, не представишь

Европейцамъ такихъ сокровищъ, какія нашли они, и могутъ еще надѣяться найдти въ литературѣхъ Арабской, Китайской, Персидской, Индійской. Но огласимся, что изъ Армянской намъ еще весьма многого и извѣстно. Увѣряюмъ, что библиотеки Армянскихъ монастырей и многихъ богатыхъ Армянъ содержатъ огромныя собранія книгъ и рукописей, что въ нихъ сыщутся превосходныя творенія Армянскихъ историковъ, поэтовъ, философовъ и проч. проч. Въ такомъ случаѣ остается желать, чтобы просвѣщеніе проникло въ сей многочисленный народъ и родило въ немъ побужденіе подѣлиться своими сокровищами съ Европою. Ему же болѣе чести будетъ, когда мы узнаемъ, что кромѣ общественной дѣятельности, онъ отличаетъ и личную дѣятельностію, а наша выгода вся въ томъ, что мы прибавимъ еще нѣчто къ сокровищницѣ познаній челоуѣка.

Если спросятъ нашего мнѣнія о трудѣ Г-да Арзановыхъ, мы повторимъ сказанное выше, что почитаемъ трудъ ихъ весьма полезнымъ, просимъ ихъ продолжать занятія, просимъ болѣе и болѣе накопить насъ съ Армянскою литературою и даже надѣемся отъ примѣра ихъ хорошихъ слѣдствій для ихъ соплеменниковъ.

Что касается до самой книги, это выборъ изъ сочиненій Армянскихъ писателей: *Египте, Лавра Парпеци, Агаангелла, Моисея Хоренскаго* новаго Армянскаго писателя *Михаила Чамгіана*, жившаго въ концѣ XVIII вѣка (выписываемъ сія, кромѣ Моисея Хоренскаго, совсѣмъ неизвѣстныя намъ имена изъ Предисловія книги), выборъ, сдѣланный совершенно въ духъ сихъ писателей, совсѣмъ

незнавшихъ , что такое Исторія и Кришика. Мы и благодаримъ Гг. Арзановыхъ , что они передають намъ все точно такъ , какъ что они нашли въ своихъ источникахъ. Не предлагая никакихъ размыслий и кришическихъ изслѣдованій , они говорятъ намъ языкомъ своихъ лѣтописей , своихъ историковъ , со всеми странностями ихъ повѣствованія; прибавляютъ отъ себя только географическія (весьма любопытныя) замѣчанія. Европейскій историкъ можетъ сказать здѣсь для себя матеріялы. Разумѣется , что онъ долженъ смотрѣть на факты совсѣмъ не тѣми глазами , какими смотрѣли Армянскіе историки. Превышнемъ совершенствѣ историческихъ знаній и самый Моисей Хоренскій , слывущій за одного изъ величайшихъ историковъ Армянскихъ , долженъ быть почитаемъ болѣе за сказочника , нежели за историка.

Разсматривая извлеченіе Г-дъ Арзановыхъ , мы нашли , что Армянскіе историки начинаютъ свою исторію за 21 вѣкъ до Р. Х.; полагають первымъ царемъ Арменіи Гайка , праправнука Афетова , бывшаго вторымъ старшиною послѣ Нимврода , при столпотвореніи ; говорятъ , что Гайкъ побѣдилъ и убилъ Нимврода , что Арай царь Армянскій , плѣнилъ Семирамиду , а Зармаиръ сражался подъ Троею , что Адамъ говорилъ по-Армянски и проч. и проч. Таки сказки опроверженія не стоятъ и давно извѣстны намъ изъ исторій другихъ народовъ , но показывають духъ народа и Литшерауры его , онъ весьма любопытны.

Читая нѣкоторыя изъ замѣчаній самихъ Г-дъ Арзановыхъ , признаемся , мы иногда оспананивались и думали : не уже-ли они вѣрашь всѣмъ рассказамъ

своихъ предковъ? Это казалось намъ пошому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они не отдѣляютъ собственныхъ мнѣній отъ мнѣній найденныхъ ими въ источникахъ Армянской Исторіи. Советуемъ имъ яснѣе обозначать свои собственные мнѣнія въ продолженіи Исторіи Армянской, особливо съ того времени, гдѣ она должна уже принимать настоящій свой характеръ, а не быть собраніемъ сказокъ и правды.

Нужно-ли прибавлять, что приложенныя 26 картинокъ, съ изображеніями баснословныхъ и историческихъ лицъ Арменіи, суть выдумки позднѣйшія? Стоитъ взглянуть на портретъ Гайка, на кошоромъ эшотъ праправнукъ Афетовъ изображенъ въ рыцарской одеждѣ новѣйшихъ временъ и на Аршаша, въ порфирѣ съ горностаевыми хвостиками.

30. *Apologi cztero-wierszowe z tdzit J. J. Dmitriewa, z Rossyiskiego na Polskij ezuk przetłómaczone przez Bogusława Reutta (Апологи въ четверостишіяхъ, соч. И. И. Дмитріева, переведенные на Польскій языкъ Богуславомъ Реутомъ). Спб. 1827 г. въ шпц. К. Края, in 16, 123 и IV стр.*

Съ нѣсколькихъ лѣтъ число переводовъ съ Россійскаго на Польскій языкъ умножается; до сихъ поръ однакожь не произошло отъ этого столько пользы, сколько можно-бы ожидать отъ сближенія литературы двухъ соплеменныхъ народовъ. Сначала, не всегда хорошій вкусъ руководствовалъ выборомъ сочиненій для переводовъ, а потомъ, когда уже узнавъ лучше Россійскую Литературу, Польскіе Писатели умѣли избирать творенія истинно достойныя перенесенія на чужеземные языки, усилія переводчиковъ не всегда оказывались счастливыми. Последнее, кажется, происходитъ отъ ложнаго

поняшія , что какъ языкъ Россійскій легко въ изученіи для Поляковъ , также должно быть легко и переводить съ сего языка. Пошому , вѣроятно , молодые Польскіе писатели испытываютъ въ переводахъ съ Россійскаго языка незрѣлые свои таланты и прямо принимаются за самыя шрудныя сочиненія.

Къ числу тѣхъ сочиненій , въ коихъ молодой писатель долженъ встрѣпить большія затрудненія , принадлежатъ четверостишные Апологи Дмитріева. Въ другихъ родахъ Поэзіи , сильный эпическій или драматическій интересъ или лирической восторгъ могутъ вдохнуть писателя энтузіазмъ , который переходя къ чисташелямъ , покроепъ нѣсколько погрѣшности поэтическаго слога. Нацрошивъ , все достоинство краткихъ Апологовъ , сохраняющихъ какую-то средину между Баснею и Эпиграммою , состоитъ въ величайшей чистотѣ языка , простотѣ выраженія и совершенствѣ механической части стихосложенія. О хорошихъ твореніяхъ сего рода можно сказать то , что Французы нѣкогда полагали признакомъ совершенства всѣхъ поэтическихъ твореній: *C'est beau comme de la prose*. И въ самомъ дѣлѣ стихи сего рода сочиненій составляютъ прекрасная , къ поэтическимъ мѣрамъ подведенная проза. Они остаются въ памяти , переходятъ изъ устъ въ уста , дѣлаются какъ-бы пословицами и дѣйствуютъ на мншошу и благородство языка разговорнаго. Желающій сочинять или переводить такія творенія долженъ имѣть способность легко писать , также глубокое познаніе разговорнаго языка , со всѣми его отпѣнками ; но то и другое требуютъ долгаго упражненія.

Вошъ мысли наши при чтеніи Польскаго перевода Апологовъ Дмитріева, изданнаго Г-мъ Реушомъ. Пріятно намъ сказать, что Переводчикъ, до сего въ Польской Литпературѣ неизвѣстный и вѣроятно являющийся съ первымъ литпературнымъ трудомъ, отчаспи превзошелъ наше ожиданіе. Нѣсколько Апологовъ переданы имъ кратко, плавно и иногда даже почти слово въ слово, на примѣръ: *Мягикъ, Челнокъ безъ весла, Двѣ молитвы, Разбитая скрипка, Ежъ и Мышь*. Нѣсколько другихъ требовали-бы немногихъ измѣненій, хотя почти во всѣхъ попадаются счастливые, отдѣльные стихи; особенно окончанія пословицами Переводчикъ успѣвалъ искусно замѣнять Польскими. Вторая часть вообще лучше первой, но чтобы весь переводъ его могъ имѣть право на полную похвалу, надобно съизнова передѣлать большую часть Апологовъ. Надѣясь, что Переводчикъ не оставитъ труда своего, мы напомнимъ ему, что —

Не должно отступать слишкомъ далеко отъ подлинника; на примѣръ, въ XIV Апологѣ, вмѣсто

Нескромное и вздорное желанье, *и прот.*
żądzy człowieka, coś wiecznie brakuje

вовсе иная мысль и безъ всякой связи со слѣдующими стихами.

Должно избѣгать лишннихъ эпитетовъ, или другихъ, ничего незначащихъ прибавленій; на прим. въ *Піснѣ лебедя*, въ подлинникѣ: *taś śmierci nastąpił*, «

Въ переводѣ:

... ja się cieszę . . . rzecł mi — przeznaczeniem
Swoim, mnie moment śmierci, czas przyspiesza rączy...

Подобное растягиваніе мы находимъ и въ другихъ Апологахъ. Сверхъ того, переходы изъ стиха въ стихъ посредствомъ одного слова (какъ здѣсь *zwoim*, и какъ еще многократно видимъ въ Апологахъ) уже давно изгнаны изъ Польской версификаціи.

Надобно также больше стараться о гармоніи...

Bóg tak rzekł: że chleś . . .

несносно для уха. Тоже

Ani się potknij, krzyknał, etc.

Мы встрѣтили еще слова и выраженія не Польскія (на прим. *głusza, dosazać sławy*) и погрѣшности Грамматическія (*garście ziemi, etc.*).

Все сказанное о переводѣ Апологовъ можно примѣнить къ переводу Бахчисарайскаго Фонтана. Хотя Переводчикъ скрылъ свое имя, видно однакожъ, что симъ произведеніемъ Литтература Польская одолжена молодому, но смѣлому писателю. Сочиненіе Пушкина, прекраснѣйшее твореніе въ новой Россійской Словесности, представляетъ трудности другаго рода, нежели Апологи Дмишріева. Поэма Пушкина требуетъ отъ Переводчика болѣе таланта и восторга. Сила слога, богатство выраженій, гармонія стиховъ подлинника, исчезли въ переводѣ, слабомъ и часто невѣрномъ. Доказательствомъ тому пусть послужатъ нѣсколько стиховъ.

Wyrażniej szoto z oszuta,

Nierokóu zerga maluei.

И въ описаніи прелестей Заремы

Uymiające twoie oszu

W lubém sprouzzeniu figlarne

Въ первомъ примѣрѣ, слоѳо з оскута портить всю картину; въ другомъ слово *figlarne* шакую-же дѣлаешь услугу читателямъ: оно годится только для смѣшнаго слога низшей комедіи.

Зарема идетъ тайно ночью къ Маріи: спрашивая переписывать стихи, изображающіе сію сцену.

Przed nią eunuch rozciagniony,
W drzemaniu swém boiaźliwy;
Ach, on iest nie poruszony;
Pokoby snu jego zdradliwy! . . .
Lecz sie iak duch lekka ona
Przemknęła niepostrzeżona.

Кромѣ невѣрностей перевода механизмъ стиховъ очень небреженъ, рѣмы слишкомъ вольны и весьма часто падають на прилагательныя, чего хорошіе Польскіе стихотворцы стараются избѣгать.

Встрѣчаются однакожь въ семъ переводѣ стихи иногда хорошіе, по пяти и по шести въ одномъ мѣстѣ, но ими не спасется Переводчикъ отъ негодованія читателя, даже незнакомаго съ красошамъ подлинника.

Библиографическій вопросъ.

До сихъ поръ Библиографы наши не означили еще съ историческою достовѣрностію и точностію, въ кошоромъ году прошедшаго столѣтія начались издаваться *С. П. бургскія Вѣдомости*. Приводимъ здѣсь различныя объ этомъ указанія, прося занимающихся отечественною Библиографіею доставить намъ разрѣшеніе сего библиографическаго не-

доумѣнія и согласишь прошиворѣчія. 1) *Соликовъ*, въ *Опытѣ Р. Библиографіи* (1814, часть 2, стран. 234) говоритъ, что *С. П. бургскія Вѣдомости* начались съ 1728 года. 2) *П. И. Кеппенъ*, извѣстный своими библиографическими трудами, упоминаетъ о сихъ *Вѣдомостяхъ* въ 1 й части своихъ *Матеріаловъ для Исторіи Просвѣщенія въ Россіи*, (1819. in 8°) на стран. 16-й, и говоритъ, что онѣ начали издаваться 13-го Апрѣля 1728 года. Во 2-й части своихъ *Матеріаловъ*, ш. е. въ *Библиографическихъ Листахъ* No 2, стран. 21, онъ подтверждаетъ свое мнѣніе, что *С. П. бургскія Вѣдомости* издаются съ 13 Апрѣля 1728 года. — 3) *П. П. Свиньинъ* полагаетъ начало изданія ихъ около 1703 года, и приводитъ тому доказательствъ въ *Отвѣтственныхъ Запискахъ*, (1822, часть 9. стран. 141, 143, и 1823, часть 13, стран. 305—308), гдѣ сообщены выписки изъ *С. П. б. Вѣдомостей* 1703, 1711, 1719 и 1724 годовъ. Тутъ не понятно, почему при первой выпискѣ изъ *С. П. бургскихъ Вѣдомостей* означено: *»Петатамы на Москвѣ* и что значитъ: *С. П. бургскія Вѣдомости*, печатанныя — въ Москвѣ? При семъ рождается новое библиографическое сомнѣніе: не начались-ли *Русскія Вѣдомости* издаваться прежде въ Москвѣ, нежели въ Пешербургѣ? — Имѣя передъ глазами выписки изъ *Вѣдомостей* 1703 года, не льзя не почестъ ошибочными показанія Гг. *Соликова* и *Кеппена*. По крайней мѣрѣ имъ, кажется, надлежало замѣтить, что на *Русскомъ языкѣ* издавались *Вѣдомости* прежде 1728 года. — 4) Въ *Сынѣ Отечества* 1814 года (No 1 й. часть XI. стран. 22 — 23) напечатано о *С. П. б. Вѣдомостяхъ*

слѣдующее библиографическое извѣстіе, совершенно съ выше приведенными прѣмя несогласное: «Сія »Вѣдомости воспріяли начало въ 1708 году, а съ »1728 года издаются Академією Наукъ.» Въ томъ же *Сынѣ Отечества* 1820 года (№ 1. Часть 59. спран. 37 — 38) сказано, что сіи Вѣдомости суть *первыя въ Россіи по времени ихъ изданія*, чего никакъ не лзя согласить съ извѣстіемъ, находящимся въ *Опытѣ Краткой Исторіи Русской Литтературы* (1822, in 8°), гдѣ на страницѣ 92, Г. Грегъ, Издашель *Сына Отечества*, прошиворѣчьишь собственному своему показанію, говоря, что въ 1705 мѣ году въ Московской Духовной типографіи тиснуть листъ *первыхъ въ Россіи Вѣдомостей*. По *Сыну Отечества* Г. Грега, С. II. 6. Вѣдомости суть *первыя въ Россіи по времени ихъ изданія*, а по *Опыту Краткой Исторіи Русской Литтературы*, того же Г. Грега, *первыя въ Россіи Вѣдомости на пегатаны были въ Москвѣ*. Спранно слышатъ такія прошиворѣчія ошъ одного и того же писателя. Въ томъ же *Опытѣ* Г. Грега, ниже, на спран. 93, сказано: «Въ 1714 году появились *первыя* Санктпетербургскія Вѣдомости.» 5) Въ *Русскомъ Инвалидѣ* 1827 года № 91, въ Дневникѣ отечественныхъ воспоминаній, напечатано извѣстіе, заимствованное изъ книги П. И. Кеплена, что »13 го Апрѣля 1728 года вышла первый № Санктпетербургскихъ Академическихъ Вѣдомостей.» — Изъ выше приведеннаго явствуешь, что у насъ существуетъ *пять* различныхъ библиографическихъ показаній о времени выхода перваго нумера *Русскихъ Вѣдомостей*. Одинъ Г. Грегъ сдѣлалъ при различныхъ показанія.

Показаніе различныхъ годовъ, въ которые возмѣняютъ начало *Русскихъ Вѣдомостей*.

1) Г. Свиньинъ (1822-1823)	полагаетъ около 1703 год.
2) Г. Грегъ (1814, 1820, 1822)	— 1705, 1708, 1714.
3) Г. Сопиковъ (1814)	— 1728.
4) Г. Кеппенъ (1819 - 1825)	— 13 Апрѣля 1728.
5) Г. Воейковъ по Кеппену (1827)	— поже.

Весьма желательна-бы имѣть, для пользы Русской Библиографіи, достовѣрное свидѣніе о времени напечатанія *перваго* нумера *Русскихъ Вѣдомостей*. Не удаляемъ отъ себя надежды, что трудолюбивый П. И. Кеппенъ, приготовавшій уже часть 3-ю своихъ *Матеріаловъ для Исторіи просвѣщенія въ Россіи* (смотри *Москов. Телегр.* 1827, No 7, часть 14, стран. 230—232), не откажется содѣйствовать рѣшенію вышеприведенныхъ библиографическихъ недоумѣній.

С. П — ѣ.

30 го Апрѣля

1827.

Москва.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛЪТОПИСИ.

Рѣчь прѣизнесенная Англійскимъ Министромъ Каннингомъ въ засѣданіи Нижняго Парламента, 1 Марта, н. с. 1827 г. ()*. Не приступая еще къ предложенію, которое мнѣ должно подвергнуть сужденію вашему, да позволено будетъ изъявить мою справедливую благодарность за снисхожденіе, мнѣ оказываемое. Смѣло утверждаю, что никакое личное уваженіе не могло-бы побудить меня требовать сего снисхожденія или гордиться имъ, и я совершенно увѣренъ, что изъ числа со товарищей, съ коими имѣю честь служить, найдутся такіе люди, ко которымъ гораздо съ большимъ успѣхомъ можно-бы поручить предложеніе такого рода, съ большимъ, говорю, нежели съ какимъ оно выйдетъ отъ меня. Я не стану однакожь входить въ дальнѣйшія подробности о причинахъ, побудившихъ меня взяться за дѣло, и надѣюсь, что по особеннымъ обстоятельствамъ, коими сопровождается предлагаемый вопросъ, меня удостоитъ снисхожденіемъ.

Вопросъ, о которомъ я намѣренъ говорить, былъ уже споль часто разсматриваемъ, какъ въ вашемъ собраніи, такъ и внѣ онаго, и воспламенилъ всѣ умы до такой степени, что произвелъ желаніе: совокупность предложеній правительства по сему предмету предсдѣлать Законодательному Корпусу,

(*) Мы почитаемъ достопамятнымъ историческимъ актомъ сію Рѣчь Каннинга, нынѣ перваго Министра Англійскаго. Она касается важнаго предмета Государственнаго Хозяйства, который издавна возбуждалъ споры политическихъ экономовъ. *Изд.*

и въ такомъ припомъ видѣ, кошорый ясно показаль-бы, что предложенія идушь отъ всего Минисперства, а не отъ того или другаго отдѣленія онаго въ особенноти. Опсуствіе почшеннаго моего друга, Президента Департаментна торговли, шѣмъ болѣе обязываешъ меня сдѣлать такое объявленіе, чѣмъ болѣе оно отъ него независимо, и что съ другой стороны, гораздо-бы лучше могло оно бышь сдѣлано имъ самимъ, если-бы причины, о кошорыхъ я упомянулъ, не побуждали меня имъ заняться. Если съ самаго начала нынѣшнихъ засѣданій, когда первая отсрочка сего вопроса была предложена и свободно принята вами, причины сіи были уже очень ошущительны, то безъ сомнѣнія, онѣ приобрѣтушь еще гораздо болѣе силы и важности отъ недавняго и горестнаго происшествія, ниспосланнаго Провидѣніемъ, и коего окончанія мы ожидаемъ съ мучительною шоскою (*слушайте!*), происшествія, кошорое не допускаешъ моего почшеннаго друга, начальника Миниспротъ Е. В., явиться въ другой Палатѣ Парламентна, для представленія совокупно всѣхъ шѣхъ рѣшеній, кошорыя буду я имѣть честь предложить вамъ на размошрѣніе, прося справедливаго ея участія въ такомъ распоряженіи, кошорое (что желалъ онъ доказать) было имъ придумано, и для успѣха коего (чего, сколько я могу припомнить, ни одинъ Миниспръ не сдѣлалъ) онъ отважилъ свою славу, столь важную и столь почшенную для челошѣка, занимающаго высокую с ш е п е н ь. И шакъ, нынѣ являюсь я здѣсь не только въ видѣ представителя моего благороднаго друга, перваго Лорда Государственнаго Казначейства, но не менѣе шого, какъ ор-

гана. Совѣта Е. В. (*рукоплеканія*). Я надѣюсь сообщить вамъ изъясненія о свойствахъ и основаніяхъ предложеній, равно какъ о духѣ, въ которомъ мы ихъ составили, и сообщить въ такомъ видѣ, что не покажу себя недостойнымъ излагать мѣру, заимствованную отъ моего благороднаго друга, которому онъ поручилъ мнѣ раскрыть вамъ.

Признавая причины, побуждавшія меня почитать себя неспособнымъ къ изъясненію сей мѣры, я долженъ сознаться, что также есть нѣкоторыя, менѣе важныя и случайныя, которыя позволяютъ мнѣ требовать правъ къ исполненію подобной обязанности. Между прочими обстоятельствами я упомяну о томъ, что я никогда не былъ поставленъ въ состояніе принимать участіе въ какомъ-либо изъ продолжительныхъ разсужденій, въ разныя времена занимавшихъ Парламентъ, въ отношеніи сего важнаго предмета. Въ 1815 году, когда, въ первый, такъ сказать, разъ разсуждали объ немъ, я находился внѣ Англии. Когда въ 1822 году стали снова разсуждать, будучи опредѣленъ къ управленію областей отдаленныхъ, я не могъ съ точностію являться во всѣ засѣданія Парламента и слѣдовать за всеми частными фактами и подробностями, коихъ глубокое познаніе необходимо, дабы прилично оцѣнить предметъ разсужденія. Кромѣ одной статьи, извѣстной подъ именемъ *grinding clause*, которую тогда я предложилъ вамъ, въ качествѣ Ливерпульскаго представителя, статьи, какъ опасуюсь, причинившей вамъ много затрудненій и о которой спорили съ различными успѣхами, въ теченіе преній я представлялъ вамъ только три раза предложенія, относящіяся къ предмету, ко-

спорымы должны нынѣ заняться, и въ сихъ трехъ случаяхъ не было разсуждаемо объ основаніи вопроса. И іпакъ, я увѣренъ, хотя впрочемъ въ семь нѣтъ никакой заслуги съ моей стороны, что безъ всякаго вліянія мнѣній и предрасудковъ, въ которыхъ - бы могъ участвовать, приступаю я нынѣ къ вопросу, о которомъ были столь частыя и столь живыя пренія, могу предасться оному безъ всякой старой мысли, происходящей отъ прошедшихъ обязательствъ, или какихъ-либо плановъ и предложеній, внушенныхъ прежде, равно какъ безъ приспастія, безъ привязанности и отвращенія къ какой-либо партіи или мнѣніямъ, кои дѣйствовали въ предыдущихъ разсужденіяхъ.

Признаюсь, мнѣ удивительно, что столько непріязненности вкрадывалось иногда въ разсужденія, ибо во первыхъ, я увѣренъ, что различіе мнѣній, существующее между партіями, въ дѣйствительности гораздо малозначущее, нежели какъ его представляютъ, и во вторыхъ, какъ-бы различны ни были мнѣнія, представленные съ разныхъ сторонъ, во всемъ что я читалъ и слышалъ въ отношеніи къ предмету, не встрѣтилъ я еще что-бы та или другая партія открыто защищала совсѣмъ противоположное мнѣніе (*слушайте!*). Главный вопросъ *о ввозѣ иностраннаго хлѣба въ наше государство*. Очевидно, что мнѣніе одной стороны должно бы стремиться ко введенію *неограниченнаго запрещенія*, безъ исключеній и безъ срока; между тѣмъ какъ цѣлью настоянія другой стороны могло быть *разрѣшеніе ввоза*, равномерно *неограниченное, безпрерывное* и безъ всякаго изъятія. Говоря

вообще, даже принимая совершенно виды обѣихъ партій, я не нашель еще никого, кто-бы, въ своихъ сочиненіяхъ или рѣчахъ, защищаль совершенно и безъ всякаго исключенія ту или другую изъ сихъ крайностей. Всѣ мнѣнія колеблются между ними и какое-бы впрочемъ ни было между ними различіе, имѣють предметомъ только вопросы, относящіеся къ *мѣрѣ и степени*, вопросы, рассуждая о коихъ, какъ и о многихъ другихъ, стараются употреблять доказательства, только удаляющія отъ цѣли. Но по крайней мѣрѣ, можно сказать, что есть возможность сблизить оба мнѣнія, въ чемъ никто, справедливо и по совѣсти, не можетъ отказатьсѣ содѣйствовать.

Я не нашель ни одного приверженца свободной торговли хлѣбомъ, который не согласился-бы, что выгоды внутренняго земледѣлія требуютъ покровительства; съ другой стороны, я не нашель ни одного приверженца опечиственнаго земледѣлія, сколь-бы впрочемъ онъ ревностенъ ни былъ, который согласился-бы отважиться на всѣ послѣдствія системы запрещенія непреклоннаго и неограниченнаго. Съ одной стороны, какъ я уже сказалъ, тѣ, которые громко требуютъ допущенія ввоза иностраннаго хлѣба, признають, что должно оказывать покровительство нашему земледѣлію (*живѣйшія восклицанія*); что-жь касается до образа, мѣры и степени сего покровительства, то мнѣнія о семъ предметѣ весьма раздѣлены, хотя никто прямо не отрицаетъ основанія оныхъ. Съ другой стороны, защитники земледѣльческихъ выгодъ, поддерживающіе сильнѣйшимъ образомъ мнѣніе о запрещеніяхъ, умѣряють систему предпочтенія, котораго пре-

буешь земледѣліе Англіи, признавая, или лучше сказать, ушверждая, что какъ-бы ни былъ рѣшительный законъ по сему предмету, Парламентъ, а въ промежутки его засѣданій, Правительство, можешь допустить ввозъ иностраннаго хлѣба во всякомъ необходимомъ случаѣ.

И пакъ, съ одной стороны мы находимъ сознаніе, что наше земледѣліе необходимо должно быть покровительствуемо, а съ другой, что неограниченное запрещеніе ввоза иностраннаго хлѣба не есть та мѣра, которою можно привести въ дѣйствіе сіе покровительство. Коль скоро согласяшъ намъ условія о главномъ началѣ спора, то весь вопросъ будетъ состоять въ томъ, чтобы разрѣшить: *какимъ образомъ и до какой степени должно быть распространено покровительство, на которое выгоды земледѣлія нашего государства имѣютъ право?* Два или три прошекшіе года произвели два или три плана, коихъ цѣль состоятъ въ достиженіи до такого результата. Въ первыхъ, я могу назвать планъ, къ которому присоединяется авторитетъ имени покойнаго Рикардо; другой, кажется, внесенъ былъ въ Верхній Парламентъ однимъ благороднымъ Лордомъ; третій планъ означу я только тѣмъ, что онъ заключаетъ въ себѣ ученія самыя спрогія и самыя теоретическія нашихъ экономистовъ: онъ долженъ быть извѣстенъ всякому читающему журналы. Палата замѣтитъ, что сіи три плана представлены были людьми наиболее приверженными къ свободной торговлѣ хлѣбомъ, и при всемъ томъ, они не только допускаютъ необходимости покровительства земледѣльческихъ выгодъ, но еще подробно и ясно

излагають віру и образъ, которыя, по мнѣнію ихъ, должно дать сѣму покровительству. Въ первомъ изъ сихъ плановъ предлагается пошлина по 20 шиллинговъ съ квартера (*) (здѣсь, разумѣется, я говорю о пшеницѣ; въ послѣдствіи разсужденія видны будутъ отношенія къ другимъ родамъ хлѣба). Сія пошлина должна быть наложена, не взирая на цѣну хлѣба, и ежегодно уменьшается еще 5 до 10 шиллинговъ, пока цѣна хлѣба достигнетъ до извѣстной постоянной высокой степени (*maximum*); наконецъ она должна остановиться на одной изъ сихъ уменьшенныхъ пошлинъ. Планъ предложенный однимъ благороднымъ Лордомъ, какъ я уже сказалъ выше сего, различается отъ плана Г-ни Рикардо въ томъ, что его покровительная для нашего земледѣлія пошлина начинается 16 шилл. и уменьшается до 10 шилл. и на сей планъ дѣлается постоянною. Третьей провктъ, также изъ самыхъ новѣйшихъ, состоялъ въ томъ, чтобы установить, однажды навсегда, неизмѣнную и постоянную пошлину отъ 5 до 6 шилл. съ квартера, какова бы ни была цѣна хлѣба; но, прибавлено въ немъ, при случаѣ крайней необходимости, произведенной недостаткомъ на нашихъ торжищахъ, сомнительно, чтобы сія пошлина не должна была бытъ уменьшеною (*слушайте!*):

Теперь, возраженіе, которое я противопоставлю каждому изъ сихъ трехъ провктовъ, именно будетъ зависть отъ условнаго случая крайней необходимости, что есть, я скажу, что когда окажется-бы яшомъ

(*) Квартеръ содержитъ 28 Англійскихъ фунтовъ; Англійскій фунтъ 1-мъ лотомъ менше Берлинскаго; 4 квартера составляютъ центнеръ Англійскій. Пер.

случай, что каждый изъ проектовъ, если-бы который изъ нихъ былъ принятъ, обмануль-бы ожиданіе земледѣльца. Я утверждаю, невозможность предположенія, чтобы въ положеніи чрезвычайной крайности, когда голодъ будетъ на вашихъ улицахъ, въ вашихъ лавкахъ, въ вашихъ магазинахъ, Правительство могло согласиться брать пошлину, по 5 или 10 шилл. за ввозъ иностраннаго хлѣба (*рукомясканія*). Въ случаѣ крайности такого рода, Парламентъ почелъ-бы себя обязанностію вступить въ сіе дѣло и временно уничтожить пошлину или, если-бы сіе случилось въ промежутокъ его засѣданій, Министерствомъ употребило-бы свою власть, которою оно такъ счастливо облечено, и остановило-бы такіе распоряженія. И такъ, противъ сей мѣры покровительства можно сдѣлать возраженіе, что она не достигаетъ своей цѣли и (принимая основаніемъ, что покровительство необходимо) она не приводитъ его въ дѣйствіе.

Съ другой стороны, какое средство предполагать тѣ, которые хотятъ всегдашняго запрещенія? Они ограничиваются только желаніемъ, чтобы въ случаѣ нужды смягченъ былъ запретъ, посредствомъ распоряженій законодательства или правительства. Но какой родъ безопасности придаютъ они окончательному измѣненію своего предложенія? Никакого, совершенно никакого! Они поручаютъ законодательству исполненіе произвольной власти, они отказываются сдѣлать теперь то рѣшеніе, котораго возможную необходимость въ послѣдствіи ясно видятъ, ибо они соглашаются, что его можно допустить въ случаѣ крайней необходимости. Они призываютъ Парламентъ къ составленію закона

подъ вліяніемъ жестокой крайности, а не по доброй воле, или Правительство къ произвольному исполненію власти остановить сіе запрещеніе, власти, которой, какъ они утверждаютъ, не долженъ имѣть Парламентъ (*слушайте!*). Но я не склоненъ къ такимъ мѣрамъ, которыя можно иногда принимать, въ случаѣ крайней необходимости, возможность коей очевидна. Я желалъ-бы на Парламентъ возложить обязанность, которую они хотяшъ возложить на Правительство, то есть, остановленіе въ практикѣ запрещенія, которое по ихъ теоріи никогда не должно быть прекращаемо (*рукоплесканія*). Слѣдуя въ точности сему основанію, разсмотримъ, до какой степени можно простирать покровительство земледѣльцу.

Нынѣшніе законы даютъ-ли ему надлежащую степень желаемого покровительства? Распоряжались-ли сіе покровительство сколько можно лучшимъ образомъ? Достаточно-ли оно, или не переходить-ли границу, которая должно имѣть?

Закономъ 1815 года, въ первый разъ, введено въ законодательство наше совершенное запрещеніе торговли хлѣбомъ и ввоза онаго изъ иностранныхъ государствъ. Я говорю *въ первый разъ* и сколько мнѣ извѣстно было только одно исключеніе, ибо, кажешся по нѣкоторымъ историческимъ изысканіямъ, что весьма задолго до акта 1815 года, во времена Эдуарда IV (т. е. около трехъ столѣтій назадъ) распоряженіе, относящееся къ тому-же предмету, представлено было Парламенту. Въ семь законѣ, сколько я могъ узнать, сказано, что когда пшеница будетъ въ извѣстной цѣнѣ въ государствѣ, то не только ввозъ иностранной пшеницы совершенно запрещается, но что даже

собранный. по близости того или другаго города Англіи хлѣбъ не можешь быть перевозимъ въ другой городъ, гдѣ цѣна сему произведенію не будетъ равная съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ оный собранъ (*слушайте!*). Я не имѣю надобности прибавлять, что дѣлая ссылку на старый законъ, единственнаго дѣлю имѣлъ я то, чтобы предупредить возраженія, исторія могли-бы мнѣ сдѣлать, если-бы я положительно смѣлъ утверждать, что *запрещеніе свведено въ первый разъ въ 1815 мѣ году*. Но я не думаю, чтобы по поводу сего древняго закона нужно было входить въ какія-либо подробности. Безъ сомнѣнія, всѣ согласятся со мною, что въ наше время онъ не можешь подаваться никакого повода къ продолжительному разсужденію (*денженте радости*). И такъ, я скажу, что въ 1815 г. совершенное запрещеніе принято было до извѣстной степени закономъ; но обращая взоръ нашъ на прошедшее и разсматривая его безъ недоброжелательства, а только съ свободою Исторіи, мы скажемъ, что сія мѣра была тогда измѣнена самымъ необыкновеннымъ образомъ, мѣрою совершенно противоположною: свободнымъ и безпрепятственнымъ ввозамъ (*слушайте!*). Разсматривая хладнокровно сей актъ (не предполагая однакожъ, что, если-бы и я былъ въ числѣ разсуждавшихъ, я не былъ-бы тогда умнѣ другихъ), мнѣ кажется, что всеми распоряженіями старались найти средство соединить въ одномъ и томъ-же законѣ совершенныя противорѣчія (*амьются*). Въ актѣ 1815 г. устанавлено совершенное запрещеніе до тѣхъ поръ, пока цѣна хлѣба возвысится до 80 шилл., но коль скоро достигла она до сей цѣны, тогда

дюзъ дѣлающа неограниченнымъ. Какое-жъ было слѣдствіе споль противорѣчащей мѣры? вмѣстѣ со- того, чтобы чрезвычайныя провинности дѣйстви- тельно своимъ произвели среднее и шли спокойно вмѣ- стѣ, каждая въ свою очередь брала верхъ; ведя за собою зло ей свойственное; а попому, въ слѣдо- вавшія за шѣмъ семь лѣтъ, начиная съ 1815 г., вы видѣли всѣ слѣдствія, способныя удалить каждаго человѣка разсудительнаго, опытнаго и привыкшаго замѣчать, отъ того, чтобы никогда не прибѣгать къ совершенному запрещенію или неограниченному ввозу, и вѣроятно также, не имѣть никакого по- кушенія соединять сіи обѣ крайности.

Разсмотримъ теперь, какое было дѣйствіе се- го закона; я не говорю еще о цѣнѣ хлѣба, но скоро присущую и къ сей снатьѣ. . . .

(*Окантаніе въ слѣд. книжкѣ.*)

Отечественныя извѣстія. Въ *Коммерческой Газетѣ* (1827. No 34) напечатано, между про- чимъ, слѣдующее любопытное *Статистическое* извѣ- стіе о фабрикахъ въ Виленской и Гродненской гу- берніяхъ: »Въ сихъ губерніяхъ только двѣ суконныя фабрики. Одна въ Слонимѣ, Сенатора Новосильцо- ва, другая въ Кобринѣ, помѣщика Пуславскаго. Первая отличаетъ производствомъ суконъ высокой доброты, хорошею красильнею и совершенствомъ аппаратовъ; на другой выдѣлываются сукна низша- го разбора, и сія послѣдняя вообще, по устрой- ству своему, не имѣетъ ничего отличнаго. Фабри- ка Г - на Новосильцова доставляетъ ежегодно до

1200 половинокъ, Г-на Пуславскаго до 2500. Каждая изъ сихъ фабрикъ имѣеть по большому магазейну въ Вильнѣ, и сбытъ суконъ съ фабрики Г-на Новосильцова можеть проспираться на сумму до двадцати тысячъ рублей серебромъ ежегодно; Г-на Пуславскаго до двадцати пяти тысячъ рублей серебромъ. Замѣчательно, что въ сихъ губерніяхъ не находится льняныхъ и бумажныхъ фабрикъ; холсты-же шкутся хорошей доброты, но шкачи не умѣють ихъ бѣлить, ни лощить оные. Были случаи, что холсты сіи, будучи вывезены сырцомъ за границу, ввозились обратно выбѣленными и наложенными, съ иностранными клеймами. Не бесполезно-бы было завести сахарный заводъ въ сихъ губерніяхъ, гдѣ нужны для сего матеріалы весьма умѣренной цѣны.» Желательно, для пользы отечественной Статистики, чтобы сообщаемы были такія извѣстія о фабрикахъ и мануфактурахъ всѣхъ Русскихъ губерній и тѣмъ умножены матеріалы для Статистики, науки, совершенно у насъ новой и доселѣ мало обращавшей на себя вниманія, не смотря на ея важность.

С. П — й.

НЕКРОЛОГІЯ. *Василій Павловичъ Рязенко*, Докторъ Медицины, Коллежскій Совѣтникъ, Профессоръ Повивальнаго искусства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ, Начальникъ Аккушерской учебной больницы при Университетѣ, Общества Испытателей Природы и Общества Врачебныхъ и Физическихъ Наукъ Ординарный Членъ, Московской больницы для бѣдныхъ Консульшаншъ и Орд. Св. Анны 2-й и Св. Владиміра 4-й степени

Кавалеръ, скончался сего 1827 года, Января 12 дня. Онъ родился въ Кіевѣ; первоначально обучался въ Кіевской Духовной Академіи; въ 1802 г. поступилъ Студентомъ въ Медицинскій факультетъ Московскаго Университета; въ 1805 г. отправленъ былъ для усовершенствованія въ С.Пбургскую Медико-Хирургическую Академію, гдѣ упражнялся въ наукахъ подъ руководствомъ знаменитаго І. П. Франка. По возвращеніи въ Москву, въ 1811 г. на степень Доктора Медицины напечатана и защищена была имъ диссертація: *De statu uteri humani dynamico, normali et abnormi, incitabilitatis theoriae principiiis fundata* (М. 1811 г. in 4). Получивъ степень Доктора, въ томъ-же году онъ произведенъ былъ въ Адъюнкты Университета, въ 1814 г. утверждень въ Экстраординарные, а въ послѣдствіи въ Ordinary Профессоры, заступивъ мѣсто своего наставника, знаменитаго Рихтера (*). Кромѣ вышеупомянутой диссертаціи, извѣстны его сочиненія: *Рѣчь въ память Профессора Политковского*, члн. въ Физ. Мед. Обществѣ; двѣ другія диссертаціи: *De usu herbae digitalis purpureae in Haemoptoe* (1811 г.) и *Объ изнурительномъ потѣ умирающихъ людей* (1816 г.). Въ 1811 г. говорена имъ на торжественномъ актѣ Университета Рѣчь: *De praecipuis poxis pro oeconomia animali corporis humani ex perversa vivendi ratione oriundis.* — Изъ переводовъ его извѣстно: *О золотушной болѣзни*, Гуфеланда, съ Нѣмецк. (М. 1808 г. in 4). — Занятый не столько постороннею практикою, сколько своею службою

(*) Мѣсто Г-на Ризенки заступилъ сынъ Г. Рихтера, достоинствомъ напоминающій своего почтеннаго родителя.

по Университету и должностію по Больницъ бѣд-
ныхъ, Ризенко не имѣлъ времени на ошдѣлку мно-
гихъ пригошовленныхъ имъ сочиненій и переводовъ,
которыя, по чрезвычайной скромности своей, не хо-
тѣлъ представить свѣту несовершенными; они
оснались послѣ него въ рукописи. Обширныя свидѣ-
нія, благочестіе, крошкій, тихій нравъ заставляли
всѣхъ знавшихъ любить и уважать Ризенку. Онъ не
былъ женатъ и все свое время посвящалъ должно-
сти, практикѣ и ученымъ занятіямъ, хотя веселый
характеръ дѣлалъ его любезнымъ въ кругу друже-
скомъ, изрѣдка имъ посѣщаемомъ. Уже съ нѣсколь-
кихъ лѣтъ онъ спрадалъ жестокою, медленною бо-
лѣзнію, которая наконецъ довела его до гроба. Сту-
денты любили Ризенку, какъ друга и благодѣтеля;
на рукахъ своихъ несли они гробъ его, не смотря
на жестокой морозъ, до самаго Ваганьковского
кладбища, что за Мюсскою заставою, гдѣ преданіе
шло земля.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Е. А. К.

(в ъ А л ь б о м ъ.)

Всѣ челобитчики Сатурну
И всѣ невольны , съ каждымъ днемъ ,
Сѣдому лихоимцу въ урну
Мы дани грустныя несемъ.
Въ его Шемякиномъ совѣщѣ
Ужъ нѣшь повинной головы :
Берепѣ съ невѣсты въ юномъ цвѣтѣ ,
И лепшу бѣдную съ вдовы.
Но почему слѣпой на лица ,
Неизбѣжимый лиходѣй ,
Тебя , среди подругъ царица ,
Сестра , средѣ юныхъ дочерей !
Скажи мнѣ , почему съ любовью ,
Твой постоянный доброхотъ ,
На зло подлунному условью ,
Тебя онъ свято бережеть ?
Влюбленнымъ въ твой разсвѣтъ прекрасный
Отцамъ кружила ты умы ;
На твой любуясь полдень ясный ,
Не образумимся и мы.

Кн. Вяземскій.

Хоры Перуну.

Жрецъ, юноши и дѣвы.

Хоръ юношей.

Владыка сидитъ на престолѣ громовъ;
 Въ рукъ его вихрь одичалый.
 Онъ молнію бросилъ въ пучины валовъ
 И море ударило въ скалы,
 И волнь его пѣснь ошъ начала вѣковъ
 Великому — не умолкала!

Хоръ дѣвъ.

Вокругъ громовержца глубокая ночь,
 Свѣпиль угашенныхъ могила;
 Луна, небосклона вечерняя дочь,
 Чело облаками затмила
 И рушатся звѣзды сквозь черную ночь,
 Когда бытіе имъ постыло.

Хоръ юношей.

Владыка всходитъ на землю въ громахъ
 И дрогнуло сердце природы;
 Завыли пещеры въ бездонныхъ горахъ,
 Зеира обрушились своды,
 Вселенную обвилъ клубящійся прахъ
 И ужасомъ смолкли народы!

Жрецъ.

Хоръ юношей и дѣвъ! владыка бурный міра
 Не хочетъ защитить священнаго кумира;
 Ему паденіемъ грозилъ надменный Князь!
 Съ мольбами къ небесамъ вашъ вознесише гласъ.

Хоръ дѣвъ.

Перуну отраднo печенье Днѣпра
 И Кіева древнія стѣны!
 Въ рѣкѣ отражался ликъ бурный царя,
 Громами помѣченъ стѣнямъ;
 Перунъ не разлюбитъ печенья Днѣпра;
 Забудеть-ли Кіева стѣны!

Жрецъ.

Увы! настанетъ день, и близко день жестокой!
 Когда заглухнетъ холмъ, надъ бездною широкой,
 И зарастетъ къ нему давно пробитый слѣдъ;
 Но прежде я склонюсь подъ игомъ шажкихъ дѣтъ.

Хоръ юношей.

Кто дерзкій коснется преступной рукой
 Владыки, карателя міра?
 Какъ бурныя тучи багровой грядой
 На край возлегаютъ зеира,
 Мы ляжемъ костями, могильной стѣной
 Къ подножью кумира!

Жрецъ.

Широкаго Днѣпра заплещиваютъ волны,
 Ихъ вѣщій стихнетъ вой; благоговѣнья полный,
 Придетъ-ли Славянинъ мольбою встрѣтитъ день,
 Промчнется въ ужасъ за нимъ Перуна стѣнь!

Хоръ дѣвъ.

Къ кому обратимся съ горячей слезой,
 Бездомныя нашери, жены?

Мы въспры насытимъ ничтожной мольбой,
 Развѣются щещные стоны,
 Когда онъ заснетъ надъ угасшей грозой,
 И вихри сорвуть его съ прона!

Ж р е ц ъ.

Падеть великій градъ и заустѣюшь стѣны,
 Ихъ населятъ толпы полночныхъ привидѣній,
 Умолкнеть навсегда народовъ мощный гласъ —
 И смертный казнь сію одинъ навлекъ на насъ!

Х о р ъ ю н о ш е й.

Проснись громовержецъ! въ хранилищѣ тучъ
 Есть стрѣлы на казнь преступленья!
 Змѣю пусти свой убійственнѣйшій лучъ,
 И смертныхъ смири дерзновенья!
 Въ громадѣ-ль огнями упитанныхъ тучъ
 Одной не найдешь для отмщенья?

Ж р е ц ъ.

Хоръ юношей и дѣвъ! моленье прекратише,
 Отчаянье толпы народной укротите;
 Къ намъ милосливъ Перунъ: онъ вашимъ внявъ моль-
 бамъ,
 Спасеніе пошлетъ отчаяннымъ сынамъ!

О б а х о р а.

Содвинь твои тучи въ одинъ океанъ,
 Клокочущій, бурный, гремящій;
 Сбери съ твоихъ бурь молньеносную дань
 И въ свитокъ влѣпи ихъ палящій;
 И вътрамъ въ добычу отдай океанъ
 И мѣрь предъ погибелью спящій!

Андрей Муравьевъ.

На кончину ***.

Природа вновь цвѣтетъ и роза вѣгой дышетъ
 Гдѣ юный нашъ пѣвецъ? Увы, подъ сей доской!
 А старость дряхлая, дрожащею рукой,
 Ему надгробье пишешь!

Крюцнеръ.

(Окончаніе.)

Конрадъ разсказалъ своему' отцу много подробностей, неутѣшительныхъ. Венгерца не могли найдти нигдѣ. Иденштейнъ и управитель слабо спарались открыть убійцу; мѣстное судилище не заботилось и показало большое равнодушіе къ жребію одинокаго иностранца; никому не было надобности преслѣдовать злодѣяніе. Тѣло несчастнаго Шпраменгейма похоронили безъ всякой пышности и, казалось, все дѣло скоро должно ствовало придти въ забвеніе. Конрадъ не могъ утаить отъ своего отца, что подозрѣнія естественнo обратились на тайнственнаго иностранца, скрывшагося въ самую ночь убійства. Это жестоко опечалило Зигендорфа. Онъ не могъ подуматъ безъ горести, что въ здѣшнемъ мірѣ есть мѣсто, гдѣ почищаютъ его гнуснымъ убійцею, хоша и подъ

такимъ именемъ, котораго никто не смѣлъ примѣнять къ нему собственно. Онъ уговорился съ Конрадомъ, не сказывать объ этомъ ужасномъ происшествіи Жозефинѣ, чтобы не мучить ее напраснымъ страхомъ и безпокойствомъ о будущемъ.

Но это принужденное молчаніе о предметѣ, горестно занимавшемъ воображеніе Зигендорфа, похитило у него всегдашнюю его опраду во всѣхъ жесточайшихъ испытаніяхъ, опраду раздѣлять, ввѣряя свои горести. Онъ замѣтилъ также, что сынъ его, всегда задумчивый, совсѣмъ не оказывалъ своей матери тѣхъ чувствъ, какихъ она могла ожидать отъ него. Тихая Жозефина не жаловалась, не показывала никакого удивленія, но Графъ отъ того не менѣе былъ несчастливъ. Онъ не могъ освободиться отъ тайнаго предчувствія какихъ-то новыхъ несчастій и эта темная горестъ о будущемъ, одна могла-бы оправить для него всѣ выгоды его новаго состоянія.

Фамилія Зигендорфовъ занимала почетное мѣсто среди Богемскихъ помѣщиковъ; Императоръ оказывалъ къ ней благоволеніе: это могло льстить честолюбію Графа и оживляло его надеждой на перво-классное возвышеніе. Онъ не зналъ, какими правилами въ политическомъ отношеніи руководствовался отецъ его: желая узнать это, онъ рѣшился перебрать его письма

и разныя бумаги. Тутъ-шо онъ ближе по-
 знакомился съ достоинствомъ своего оп-
 ца и увидѣлъ, сколько долженъ былъ пер-
 нѣть онъ отъ шалостей своего сына. Раз-
 бирая письма и слѣдуя за ними по числамъ,
 онъ дошелъ до того времени, когда Кон-
 радъ оспавилъ замокъ своего дѣда. Тутъ
 слѣдовалъ перерывъ. Журналъ старика такъ
 же прекратился, но по нѣкоторымъ отмѣн-
 камъ легко было догадаться, что здѣсь
 скрывалась какая-то тайна и что это отъ
 отъѣзда причинилъ ему много заботъ и
 печалей. Видно было, что послѣ нѣкто-
 раго времени прискорбія и горести, онъ
 рѣшился возобновить переписку съ Зиген-
 дорфомъ и перевести къ нему въ Гамбургъ
 денегъ. Но все это должно было приди-
 туду уже послѣ его отъѣзда, если не
 было перехвачено недоброжелателями.
 Послѣднія, благодарственыя распоряженія
 опца сильно расстрогали Зигендорфа, но
 вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ ужасомъ увидѣлъ,
 что Конрадъ оказывался виновнымъ и нѣ-
 когда могъ опплатить своему опцу за
 все, чѣмъ сей послѣдній укорялъ себя въ
 отношеніи къ своему родителю.

Эти печальныя размышленія преслѣдо-
 вали Зигендорфа даже ночью: въ первый разъ,
 мученія совѣсти не давали ему покоя. Онъ
 обыскалъ въ бумагахъ своего опца новыя
 свѣдѣнія и увидѣлъ, что не за себя, но за про-
 ступки Конрада лишенъ былъ всякой помо-
 щи (послѣ самъ старый Графъ отмѣнилъ

это); впрочемъ онъ увѣрялъ себя, что сынъ его бѣжалъ отъ дѣда опшыскивать родителей. Онъ вспоминалъ о его поведеніи и видѣлъ въ немъ доказательствъ преданности Конрада къ своему опцу. Въ самомъ дѣлѣ Конрадъ принудилъ себя униженнымъ двуязычiemъ прикрыть поступокъ опца. Но Графъ также помнилъ и то, что одно его присутствіе могло утвердить права Конрада, доказавъ, что онъ законный наследникъ. И пакъ, съ этимъ поведеніемъ была связана его польза и следовательно не за что было слишкомъ благодарить его, если онъ спарался о самомъ себѣ.

У нихъ назначено было съѣхаться въ Карлсбадъ и въ Прагу они должны были привхашъ вмѣстѣ. Обспоупельства принудили Графа одного въѣхашъ шуда и сынъ нашель его уже водворившимся въ помѣстяхъ. Изъявиль-ли онъ радость, увидя своего опца, снова пользующагося богатствомъ предковъ? Напрошивъ, посреди всеобщей радости онъ явился молчаливымъ, холоднымъ. Служипели замка и поземные вассалы совсѣмъ не радовались его прибытію. Эпопъ молодой человекъ, важный, прекрасный собою, казалось, ни въ комъ не возбуждалъ вниманія. Онъ самъ былъ ко всѣмъ невнимашелень, да и ему не оказывали участія: его какъ будто не любили за то, что онъ самъ никого не любилъ.

Обстоятельствва, въ какихъ Конрадъ нашель своихъ родителей, чрезвычайно ослабили нѣжность родительскую. Это важное и гордое выраженіе, сродное ихъ сыну, показалось имъ доказательствомъ тонкаго знанія приличій. Онъ съ живосцію участвовалъ въ ихъ печаляхъ и заботахъ, онъ глубоко понималъ ихъ и улыбка не являлась на его лицѣ. Все это, что прежде Графъ объяснялъ себѣ обстоятельствомами, теперь приходило ему на память съ ужасными сомнѣніями. Если въ самомъ дѣлѣ сынъ искалъ его, то опть чего встрѣшилъ онъ его въ споронѣ опть той дороги, по которой долженъ былъ слѣдовать Зигендорфъ? По какой судьбѣ повариществовалъ онъ съ этимъ ужаснымъ Венгерцомъ? Для чего скрывалъ онъ свое имя и званіе? Все это не было объяснено во время крапкихъ разговоровъ ихъ въ М***, гдѣ сполько важныхъ обстоятельствъ, сполько тяжкихъ ощущеній, сполько безпокойствъ снѣдали ихъ умъ и время. Объясненія опкладывали до того времени, когда кончался опасности. Минута желаннаго соединенія настала, а объясненія никакого не было. Конрадъ сполько показывался Зигендорфу. Онъ являлся холоденъ, разсѣянъ, и въ немногіе часы, проводимые имъ вмѣстѣ съ родителями, въ немъ не видно было никакого расположенія къ довѣрчивости. Наконецъ, сквозь завѣсу разсѣянности и невнимательности,

взглядъ опытный, или сдѣлавшійся ясно-видящимъ по важности обстоятельство, могъ-бы разглядѣть что-то жестокое и мрачное, пѣвъ болѣе устрашающее, чѣмъ непоспѣжимъе оно было. И что сдѣлалось съ Конрадомъ, нѣкогда шакъ сильно занимавшимъ воображеніе отца своего? Гдѣ эпошъ Конрадъ, милый сынъ, для котораго онъ шакъ неперпѣливо желалъ богатства и почестей?

Жозефина скоро увидѣла, что она со-всѣмъ не можетъ имѣть на него вліянія. Это печалило ее, но не удивляло. Съ вѣрнымъ чувствомъ своимъ о характерахъ и расположеніяхъ людей, она скоро поняла Конрада, и, прикрывая своимъ снисхожденіемъ явные его недостатки, старалась видѣть хорошія его стороны, которыя всегда могли найдшиться въ подобномъ ему человекѣ. Она привыкла скрывать въ глубинѣ сердца тѣ горести, для которыхъ не лзя было сыскать прошиводія. Характеръ мужа часто давалъ ей случай размышлять о спрасяхъ и заблужденіяхъ. Она узнала, что внѣшнія обстоятельства, богатство, званіе мало значатъ для счастья. Для себя она всегда желала одного душевнаго спокойствія и была достойна его, но, казалось, удѣломъ ея было не оно, особливо съ тѣхъ поръ, какъ она соединила судьбу свою съ существомъ совершенно прошивоположннхъ ей свойствъ. Впрочемъ, она покорялась своему жребію,

переставала любить своего мужа, жила только имъ и для него; всѣ ощущенія ея обращались къ нему. Она наслаждалась, если могла доставить ему наслажденіе. Мелкѣ и великолѣпіе не приносили ей удовольствія; принужденная важности полью упомняла ее; но она думала, что мужъ и имѣлъ нужду въ эшихъ суешныхъ блавахъ, и старалась сообразоваться съ его расположеніемъ. Вопль оцъ чего съ горестію увидѣла она, что Зигендорфъ не только не спалъ счастливѣе, обладая богатствомъ, но, казалось, сморщилъ съ прервнїемъ и отвращеніемъ на доставляемые имъ удовольствія.

Въ самомъ дѣлѣ, мїръ потерялъ всю прелесть свою для этого челоука, проведшаго молодость въ ложныхъ поискахъ счастья и наслажденій. Онъ все испыталъ и все употребилъ во зло. Теперь, отношенія его съ сыномъ были нѣже, въ какихъ нѣкогда онъ находился съ опцомъ своимъ. Печальная опытность показала ему шщепу жизни необузданной и онъ сердечно желалъ, чтобы Конрадъ дѣлами своими и характеромъ явилъ себя достойнымъ опечесства и фамиліи. Нѣкогда онъ мечталъ, что можетъ внушить своему сыну почтеніе, уваженіе, преданность, но съ первой встрѣчи сынъ принужденъ былъ его презрѣть. Въ прошедшемъ, все заставляло его жалѣть и раскаяваться; въ будущемъ, безпокоиться и спрашиваться.

Всегда [занятый горестными размышлениями, Зигендорфъ впалъ въ глубокую, постоянную печаль. Друзья его дома, сосѣди, сначала наперерывъ спаравшіеся изъяснять ему свою радость о его возвращеніи, мало помалу удалились и спали поспѣшась его рѣдко и неохотно. Явились новые друзья и услужники. Старые слуги дома исполняли свою должность не весело: они не изъясляли ни радости, ни преданности, ни даже привязанности.

Хотѣлъ-ли Графъ не видашь общаго удаленія отъ него? Не былъ-ли онъ въ войнѣ съ клеветою? Не согласились-ли всѣ помрачить его добрую славу? Воображеніе его дополняло существенность какъ-бы нарочно для того, чтобы помрачить его разсудокъ. Всѣ предметы казались ему не въ настоящемъ видѣ; умъ его былъ близокъ къ заблужденію; жизнь сдѣлалась для него продолжительнымъ мученіемъ.

Иногда онъ воображалъ, что Иденштейнъ и управитель Князя Т. узнали его имя и послали слѣдомъ за нимъ тайныхъ обвинителей. Въ другое время онъ думалъ, что Венгерецъ не выпустилъ его изъ виду и готовитъ какую нибудь кровавую сцену. Наконецъ онъ спрашивался призрака Шпраденгеймова и вѣрилъ что проклятіе отца шаготвѣтъ на несчастномъ сынѣ.

Онъ не могъ долѣе жить въ наследственныхъ помѣстьяхъ и рѣшился воз-

грашиться въ Прагу. Тамъ приняли его съ опличіемъ, льстивымъ для самолюбія: это нѣсколько облегчило его мрачныя мысли. Онъ согласился вступитъ въ государственную службу. Дѣятельное занятіе имѣло на него дѣйствіе счастливое; природныя способности его развернулись и онъ скоро спалъ уважаемъ какъ человѣкъ государственный.

Между тѣмъ, продолжительныя военныя смятенія прекратились. Богемія наслаждалась миромъ и одна эта надежда возродила въ жителяхъ бодрость и силы. Для возблагодаренія Бога за избавленіе отъ военныхъ ужасовъ, назначено было духовное шоржешво.

Когда настала день этого шоржешва, Графъ, по своему званію, обязанъ былъ принять близкое въ немъ участіе, хотя разстроенное здоровье и меланхолія заставляли-бы его желать уволить себя отъ участія въ этой церемоніи.

Съ утренней зарей народъ былъ уже въ движеніи. Торжественныя арки, символы мира, щипы и флаги украшали улицы и площади. Вездѣ слышна была музыка. Поздравляли, обнимали другъ друга; радость была общая. Монахи различныхъ орденовъ и разныя сословія торжественно шли въ соборную церковь. Наконецъ дворянство и государственныя инны Богеміи, въ парадныхъ нарядахъ,

предшесвуемые гвардією, также шли въ храмъ, при восклицаніяхъ многочисленнаго народа.

Воздали благодареніе Всевышнему за дарованіе мира послѣ столь продолжительныхъ испытаній. Зигендорфъ почувствовалъ въ себѣ какое-то священное волненіе, дополъ ему неизвѣстное. Думая о самомъ себѣ, онъ видѣлъ что недостижнъ благодѣяній Провидѣнія и въ порывѣ раскаянія хотѣлъ впередъ быть лучшимъ нежели каковъ былъ доселѣ. Онъ пробылъ нѣскольکو времени въ эпой задумчивости и потомъ окинулъ глазами народъ, напѣлнявшій церковь; вдругъ смертная блѣдность явилась на лицѣ его; онъ готовъ былъ упасть въ обморокъ. Ему показалось, что въ толпѣ народа онъ замѣнилъ Венгерца. На нѣскольکو секундъ въ глазахъ его стало темно и онъ не могъ ничего различить; когда-же опамятовался и спалъ искапъ глазами ужаснувшій его призракъ, толпа хлынула къ дверямъ храма, и путь опять ничего не лзя было разсмотрѣть. Онъ опдалъ-бы все на свѣтъ, чтобы только избавишься отъ церемонія, и хотѣлъ-бы позвать Конрада, который споялъ не близко отъ него; но должно было повиноваться приличію званія. Между тѣмъ вышли изъ церкви.

Молдава усѣяна была изукрашенными лодками, а мостъ, испещренный аллегорическими изображеніями и эмблеммами,

усыпанъ народомъ. Зигендорфъ видѣлъ вдалекѣ блестящій султанъ Конрада, замѣшнаго среди толпы своимъ высокимъ ростомъ. Какъ желалъ онъ сообщить ему свои мысли и какъ перзаяся, что не могъ передать ему своихъ новыхъ впечатлѣній!

Въ то время, какъ онъ глядѣлъ на Конрада, кто-то, очень близко подлѣ него, произнесъ имя Крюйцнера. Зигендорфъ не сохранилъ присутствія духа и оборотился назадъ: Венгерецъ былъ въ прежъ шагахъ за нимъ и съ грознымъ видомъ устремилъ на него глаза. Зигендорфъ невольно спалъ въ оборонительное положеніе и видя, что Венгерецъ спарался ускользнуть, просянулъ руку, желая схватить его, но былъ такъ смущенъ, что почти лишился силъ и гошовъ былъ упасть въ обморокъ. Пришедши въ себя, онъ увидѣлъ, что увлеченъ былъ шолпою съ прежняго мѣста и Венгерца уже не лзя было отыскать.

Въ этомъ приключеніи Графъ видѣлъ предвѣстіе гибельныхъ происшествій, въ темныхъ образахъ представлявшихся его воображенію.

Онъ не могъ опкрыть своего безпокойства Жозефинѣ, потому что убійство Штраленгейма было ей неизвѣстно. Въ этомъ случаѣ онъ могъ совѣшовапья только съ однимъ Конрадомъ; но давно уже замѣнилъ онъ, что онѣ рѣдко бывали согласны въ мнѣніяхъ и чувствахъ. Много

разъ онъ спрашивалъ о Конрадѣ, и все напрасно. Что съ нимъ сдѣлалось? Не рѣшился-ли онъ самъ преслѣдовать Венгерца?

Одному надежному слугѣ своему поручилъ онъ опыскать иностранца и далъ ему всѣ нужныя свѣдѣнія для вѣрныхъ поисковъ. Это было щедро. Наконецъ Конрадъ пришелъ; однакожь онъ не хотѣлъ понять своего отца, который послѣ краткаго разговора, принужденъ былъ сознаться, что сынъ его единственно для личной пользы осматривался долѣе въ М. и тѣмъ опвелъ всякое подозрѣніе ошъ себя, тогда какъ Зигендорфъ робко далъ поводъ къ подозрѣнію, тотчасъ скрывшись послѣ убійства. Онъ съ гореспью увидѣлъ также, что сынъ не могъ уважать его и что между ними не существовало никакого сочувствія.

Вечеромъ Зигендорфу доложили, что какой-то иностранецъ хочетъ его видѣть. Онъ тотчасъ подумалъ, что кто нибудь пришелъ съ извѣстіемъ объ опыскиваемомъ непріятелѣ, и велѣлъ впустить иностранца. Дверь залы отворилась и — явился Венгерецъ. Физіогномія его выражала расположение чловѣка, желающаго безъ свидѣтелей сказать нѣчто важное. Конрадъ сидѣлъ съ отцомъ своимъ: они оба были еще въ парадныхъ плащяхъ; платье Венгерца отличалось чрезвычайною простотою. Безъ всякаго привѣтствія онъ усстре-

жилъ глаза на Графа и вскричалъ: «Эше Крюйцнеръ!» Графъ, не привыкшій раздумывать, сдѣлалъ знакъ головою, какъ бы желая сказать: да, это точно онъ. Конрадъ, сложивши руки, съ удивленіемъ глядѣлъ на Венгерца, который, съ видомъ челоуѣка наконецъ увѣрившагося въ помъ, что желалъ онъ объяснить себѣ, подошелъ ближе къ Графу и сказалъ: «Ваши люди искали меня; теперь я передъ вами: что вамъ угодно?»

Хладнокровіе, съ какимъ онъ выговорилъ сія слова, поразило Зигендорфа, но онъ самъ сдѣлалъ усиліе оспашься хладнокровнымъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, я искалъ васъ, отвѣчалъ Графъ. Ваша совѣсть должна вамъ сказать для чего. Васъ подозрѣваютъ въ ужаснѣйшемъ пресупуцленіи; оправдайтесь или приготовьтесь къ послѣдствіямъ своего поступка.

«Кто мой обвинитель?» возразилъ Венгерецъ.

Графъ медлилъ отвѣтомъ. — Общій голосъ, сказалъ онъ наконецъ, и я самъ. Я узналъ всѣ обстоятельство и почитаю васъ виновнымъ.

«Не подозрѣваете-ли вы еще кого нибудь, кромѣ меня?» холодно спросилъ Венгерецъ. «Не отвѣчая мнѣ, подумайте объ этомъ хорошенько.»

— Несчастный! вскричалъ Графъ. Въ глубинѣ души своей вы увѣрены въ невин-

подсти того, да кого; копие обративъ
подозрѣннѣ. Обычайше мнѣ безъ ош-
говорокъ.

— Я отвергаю обвиненіе.

— Чѣмъ оправдаетесь вы?

— Я знаю убійцу.

— Кто же онъ?

«Вотъ кто и осканда Венгерецъ и ука-
далъ на Конрада. Обнаживъ свою саблю,
Конрадъ готовъ былъ усремитися на
своего обвинителя, но Зигендорфъ броса-
лъ между ихъ. — Гнусный клеветникъ!
вскричалъ Графъ, какое правдоподобіе мо-
жешь ты дать своему обвиненію?»

Конрадъ молчалъ. Губы его были блѣд-
ны и трепетали; глаза обращались съ
тѣмъ свирѣпымъ и мрачнымъ выраже-
ніемъ, которое ужаснуло Зигендорфа въ
то раннее утро, когда онъ встрѣтилъ
своего сына въ невыразимомъ смущеніи,
подлѣ стѣны замка.

«Графъ!» сказалъ Венгерецъ твердымъ го-
лосомъ и удерживая свое внутреннее волне-
ніе: «я пришелъ сюда послѣ зрѣлаго размыш-
ленія. Случайно открылъ я въ одномъ изъ
Богемскихъ сановниковъ несчастнаго Крюйц-
нера. Я едва вѣрилъ глазамъ моимъ, вида-
васъ въ соборной церкви. Но я не менѣе
удивился, когда узналъ, что вы желаете
меня видѣть. Теперь мы вмѣстѣ и я про-
шу васъ оповѣчать мнѣ: кто воспользова-
лся убійствомъ Шпраленгейма? Убійца не
обокралъ его; ему, надобна была только

жизнь, препятствовавшая обладанію богатѣйшимъ наслѣдствомъ.»

— Къ чему эти разысканія? возразилъ Графъ съ досадою. Они сполько же относятся ко мнѣ, какъ къ моему сыну.

«И очень хорошо! Кто чувствуетъ себя виновнымъ, то пусть и обвиняетъ себя. Я обращаюсь къ вамъ, Графъ Зигендорфъ. Вы мой обвинитель, но берегитесь, чтобы я не доказалъ и вашего участія. Я требую, чтобы вы были ко мнѣ справедливы, если надвешесъ того же отъ Бога. Мнѣ надобно пересказать вамъ много и много такого, что возмушитъ вашу жизнь болѣе, нежели все, что вы уже знаете. Осмыслитесь-ли вы сказать мнѣ, чтобы я продолжалъ?»

Графъ былъ внѣ себя, блѣденъ, безгласенъ. Онъ не отвѣчалъ, но сдѣлалъ знакъ Венгерцу, что готовъ его выслушать. Въ физиогноміи и въ выраженіи этого иностранца было что-то дикое, жестокое, невольно заснавливавшее Графа спрашивать. Конрадъ припворялся равнодушнымъ, споялъ прислонясь къ колоннѣ, хмурилъ брови, взглядывалъ грозно, и до половины обнаживъ свою саблю, казалось, разсмащивалъ клинокъ ея.

«Я безоруженъ,» сказалъ Венгерецъ. «Прикажете сыну вашему положить саблю.»

Конрадъ съ презрѣніемъ усмѣхнулся и бросилъ свою саблю на нѣсколько шаговъ отъ себя, сказавъ: — Не беспокойтесь! Го-

верите, если отцу моему угодно васъ выслушать. —

Зигендорфъ оправился опть перваго впечатлѣнія. Онъ укорялъ себя за минувшее сомнѣніе о добродѣтели сына и въ знакъ полной довѣренности пропаянулъ къ нему руку. Венгерець увидѣлъ, что мысли Зигендорфа перемѣнились и что теперь пруднѣ исполнишь начатое. Онъ, казалось, колебался; но, черезъ нѣсколько минутъ, собравшись съ духомъ, началъ говорить :

«Я не войду ни въ какія подробности, не до меня касающіяся. Зимой, послѣ которой вы привхали въ М., я провелъ во Франкфуртѣ. Тамъ я бывалъ въ кофейныхъ домахъ, въ публичныхъ собраніяхъ и зналъ все главное, что дѣлалось и говорилось въ городѣ. Въ Февралѣ мѣсяцѣ случилось одно происшествіе, сильно занявшее вниманіе публики. Разыскной отрядъ поймалъ на границахъ Лузаціи нѣсколькихъ разбойниковъ. Сначала думали, что они были Австрійскіе мародѣры; но въ самомъ дѣлѣ открылось, что это разбойники, изъ числа скрывавшихся въ Богемскихъ лѣсахъ, но прошивъ обычая, удалившіеся съ обыкновеннаго театра своихъ грабительствъ. Видно, что между ними были люди значительные. Опть почты до почты пересылали ихъ до Франкфурта и тамъ предали гражданскому суду. Не знаю, что съ ними сдѣлалось; но вышшая власнѣ пошушила

дѣло. Говорили, что въ числѣ ихъ нашелся молодой человекъ знатнаго рода. Любопытство и воображеніе дѣлали свое дѣло и поэтому-то вѣрили, что съ знатнымъ саномъ онъ соединялъ необычайную силу и привлекательную наружность. Къ этому прибавляли, что онъ приобрѣлъ надъ своими товарищами непобѣдимую власть и что сами судьи не могли защититься отъ вліянія, которому народъ давалъ имя волшебства. Я не вѣрилъ слухамъ и полагаю, что этотъ человекъ ускользнулъ отъ наказанія посредствомъ денегъ. Увѣрили, что онъ былъ еще во Франкфуртѣ и принялъ въ кругу высшаго дворянства, но полиція такъ сильно ему покровительствовала, что никто не смѣлъ на него даже указать.

Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ народнаго возмущенія. Я вмѣшался въ шутку изъ любопытства, желая посмотреть на дѣйствующія лица. Вниманіе мое обратилъ на себя одинъ человекъ, не изъ числа дѣйствующихъ, но принимавшій живое участіе въ этомъ безпорядкѣ. Ростъ его былъ атлетическій, фізіогномія сильная и прекрасная, видомъ походилъ онъ на гладиатора, взглядомъ на разбойника: этотъ человекъ былъ вашъ сынъ, кошорый теперь здѣсь, съ нами.»

При этихъ словахъ Зигендорфъ внѣ себя вскричалъ и взглянулъ на Конрада, но тотъ старался быть спокойнымъ, не

говоришь ничего, давая знать своему отцу, чтобы он позволялъ иностранцу продолжать, и какъ-бы твердо надвѣясь, что обвинитель сей часъ смѣшается и будетъ самъ себя проповѣчивать.

«Я не сомнѣвался, началъ опять Венгерецъ, что передо мною находится главный виновный человекъ, такъ много занимавшій публику и рѣшился въ томъ хорошенько удостовѣриться; заговорилъ о томъ, что происходило передъ нашими глазами; пошелъ подлѣ него, когда спали всѣ расходиться, и познакомился съ нимъ, наизрекорь ему самому, часомъ говоря о томъ, къ чему видѣлъ въ немъ склонность и расположеніе. Я не пропускалъ случаевъ подходить къ нему, какъ скоро встрѣчалъ его въ публичныхъ мѣстахъ и на прогулкахъ, гдѣ онъ всегда бывалъ одинъ. Наконецъ онъ повѣрилъ, что нашелъ во мнѣ человека, гоповаго съ радостью принять участіе въ его намѣреніяхъ и предпріятіяхъ и сталъ мнѣ оказывать нѣкоторую довѣренность. Я зналъ, что онъ скоро долженъ оставить Франкфуртъ, и съ навязчивостью, неслишкомъ для него пріятною, получилъ согласіе вмѣстѣ объѣхать Силезію. Вамъ извѣстно, какииъ образомъ мы спасли жизнь Барону Штрагенгейму, а происшествія, случившіяся въ замкѣ Князя Т., должны были очень близки къ вашему сердцу.»

Венгерецъ остановился. Положеніе Ан-
дореа было ужасно. Все что случилось
ему прочесть въ бумагахъ отца, постепен-
но съ рассказомъ Венгерца приходило
ему на память и опасенія его быстро
увеличивались. Конрадъ, между тѣмъ, гроз-
но взглядывалъ на иностранца и съ пре-
зрительною улыбкой сказалъ ему: — Что-
же вы остановились? Продолжайте; мы
послушаемъ, какъ выпутаеиесь вы. —

«Несчастный молодой человекъ! вы не
подозрѣваете, какой невидимый взоръ
проникъ и преслѣдовалъ ваши поступки.
Въ замкѣ Князя вамъ не удалось обмануть
меня. Когда вы представили меня вашему
отцу, бѣдное положеніе его не закры-
ло отъ меня того, что онъ былъ знаме-
нитаго рода, и хотя по видимому у васъ
не было никакихъ отношеній, но обра-
зъ разныхъ обстоятельствъ, я понялъ,
что между вами есть какая-то тайная
связь. Когда покража была сдѣлана и вы
стали защищать меня отъ Штрагентей-
ма и прокурора, я подумалъ, что въ
этомъ скрывается какое нибудь спраш-
ное намѣреніе и ушелъ, оставивъ васъ двѣ-
стновать на свободѣ. После я вмѣстѣ съ
вами явился къ вашему отцу и узналъ изъ
приснодушныхъ рассказовъ цинци, что
однажды папаяка его прятался въ той
самой комнатѣ, гдѣ я спалъ. Не было ли
изъ нея какого нибудь тайнаго выхода?
Разшеніе этого вопроса стало для меня

важно Что-же въ блѣднѣше? Конрадъ въ самомъ дѣлѣ измѣнился въ лицѣ, но не выговорилъ ни одного слова.

»Ясно видѣлъ я, что отецъ вашъ принялъ меня по неволѣ и съ замѣшательствомъ. Истинная причина этого была мнѣ еще не извѣстна. На другой день, вспрышавшись со мною, вы, казалось, вошли въ мое положеніе, проводили къ своему опцу и поручили меня его гостепрїимству: на минушу я дался въ обманъ. Послѣ долженъ я былъ узнать всю вашу злость. Я не понималъ, что вы для того только оправдывали меня въ воровствѣ, чтобы послѣ обвинить въ убійствѣ.

»Удаюсь въ ту комнату, гдѣ наканунѣ напрасно искалъ я предполагаемаго выхода, я возобновилъ свои поиски съ такимъ тщаніемъ, что наконецъ нашелъ пружину, подавилъ ее и въ перегородкѣ отворилъ дверцы въ таинственную галлерей. Для меня важно было не подать подозрѣнія: я потушилъ свѣчу. Въ полночь, когда все спало, какъ я думалъ, я вошелъ въ галлерей. Ощупью дошелъ я до конца ея и вдругъ услышалъ задушаемыя стенанія. Въ безпокойствѣ я старался найдти рукою дверцы, прошивъ противоположныя тѣмъ, въ которыхъ вошелъ. Подавивъ пружинку, шакою-же какъ и первая, я отворилъ и эти дверцы. Тупь-по я увидѣлъ, къ невыразимому ужасу моему, шрупъ Штрален-

гейма, завязанного въ постель: кровью его былъ захитъ весь полъ!»

— Но вы не видали убійцы! вскричалъ Графъ поспѣшно.

«Его не было въ комнату: но онъ вѣрно отворилъ дверь поддѣльнымъ ключомъ; потому что стараніемъ вашего сына дверной замокъ наканунѣ былъ переменянъ. Дверь въ переднюю была отворена, и въ этой комнатѣ, передъ зеркаломъ, подлѣ мраморнаго столѣика, на которомъ стояла лаханка, человекъ умывалъ свои руки, замаранныя въ крови и безпокойно взглядывалъ въ ту сторону, гдѣ стояла кровать Шпраленгейма: лампа освѣщала черныя лица человека: это былъ вашъ сынъ.»

Ужасъ и смущеніе опяли языкъ у слушающихъ эпошъ ужасный разсказъ.

«Какъ могу описатьъ вамъ мои чувства? Я видѣлъ, что былъ жертвою ужаснаго заговора. Два человека, два ожесточенныхъ злодѣя завлекли меня въ свои сѣти. Вѣсто спальни дали мнѣ тайную комнату; я нечаянно дошелъ до спальни Шпраленгейма, но безоружный, могъ быть увѣренъ, что Конрадъ убьетъ меня, если я вздумаю сквапншь его. Я возвратился въ свою комнату: смущеніе мое было неопи- санно, и если-бы Крюйцнеръ, какъ я думалъ сначала, скрылся, чпобы довершить мою погибель, то я не знаю, чего не сдѣ- лалъ-бы я, для опущенія, его женѣ и ди-

пять. Но вы всё шрое спали глубокимъ сномъ, когда я, заботясь о сохраненіи своей жизни, выходилъ пыхонько, желая избѣгнутьъ опять преслѣдованій. Я скрылся въ Богемскихъ лѣсахъ и потомъ узналъ, что убійца собралъ плодъ съ своего злодѣянія, а Крюйцнеръ ускользнулъ опять вѣхъ разысканій. Я совсѣмъ не желалъ опять когда-либо увидѣться съ убійцею; но что касается до васъ, Графъ Зигендорфъ, я былъ увѣренъ, что вы не участвовали въ злодѣяніи: убійцы не снятъ такъ крѣпко, какъ спали вы въ эту роковую ночь, когда совершенно было преступленіе. Но судите о моемъ изумленіи, когда бѣдный и несчастный Крюйцнеръ явился мнѣ въ видѣ знаменишаго Богемскаго помѣщика, и поймите мои сомнѣнія, когда я узналъ, что смерть Шпраменгейма открыла вамъ путь къ богатству и почестямъ. Теперь вы знаете всю важность навѣспной мнѣ тайны: прежде нежели рѣшитесь отпустить меня, зрѣло обдумайте, какъ дорога эта тайна и не забудьте, что она въ моей власпи.»

Зигендорфъ едва слышалъ окончаніе ужасной повѣсти Венгерца. Его занималъ одинъ образъ Конрада, вонзающаго кинжалъ въ сердце спящаго Шпраменгейма. Подозрѣнія, доказательства, мученіе, богатство, почести, все смѣшалось въ одномъ ужасномъ открытіи, что сынъ его есть чудовище злодѣйства. Графъ оспавался въ

какомъ - нѣо нѣомъ оцѣпенѣннн. Но послѣднїя слова Венгерца, произнесеныя выразительно и гордо, возратили ему нѣскольکو надежды. Эпозъ Венгерецъ могъ бытъ купленъ; смѣловательно онъ пороченъ, способенъ ко всякой лжи. Онъ могъ выдумать всю эту повѣсть для того, чтобы ему подороже заплапили за молчаніе. Фицовское сердце сильно говорило въ пользу Конрада, и увѣряло, что разсказъ Венгерца есть выдумка. Словомъ, Зигендорфъ вдругъ перешелъ отъ оцѣпенѣннн къ надеждѣ; но умъ его былъ спѣненъ множествомъ тревожныхъ мыслей. Онъ имѣлъ дѣло съ непрїателемъ спрашннмъ, съ которымъ надобно было обходиться очень ошорожно. Графъ обратилъ глаза на Конрада, какъ-бы спрашивая его совѣта; но Конрадъ, въ гордомъ молчаннн своемъ, казалось, не понялъ взгляда своего отца.

Венгерецъ опять началъ говорить. «О мщеннн или справедливоспн думаете вы, Графъ?»

— Нѣтъ, я думаю о сущесствѣ вашего разсказа и о томъ, что онъ заслуживаетъ.

«Для перваго не нужны объясненнн; о другомъ, я буду говорить съ вами также откровенно, какъ говорилъ до сихъ цоръ. Я въ спѣсненномъ положеннн и отъ васъ зависитъ перемѣнить это на лучшее. Вы богаты и сильны.»

— Понимаю.

«Но не совсѣмъ, судя по вашему выраженію. Вы думаете, что меня можно купить и не полагаетесь на мою вѣрность. Но я готовъ на то и на другое. Подумайте хорошенько и потомъ оповѣчайте мнѣ.»

— Но будете-ли вы довольны шѣмъ, на что я рѣшусь подумавши?

Венгерецъ колебался и недовѣрчиво взглянулъ на Конрада, который прохаживался по комнатѣ, какъ-бы задумавшись.

Графъ понялъ этошъ взглядъ и сказалъ: — Клянусь моею честію, жизнию и душою, что подъ кровлею моего дома вы совершенно безопасны.

«Кромѣ вашей клятвы, я васъ не боюсь еще и по другимъ причинамъ. Я привѣхалъ въ Прагу съ такими людьми, которые опмѣшаютъ за меня, если я подвергнусь участи Штраленгейма.»

Зигендорфъ отворилъ дверь: она вела черезъ переходъ въ башню, изъ которой былъ одинъ только этошъ выходъ; Графъ сдѣлалъ Венгерцу знакъ идти туда, но тошъ былъ въ недоумѣніи и довольно долго не могъ сказать своихъ мыслей. Глаза его устремлены были на саблю, брошенную Конрадомъ. Зигендорфъ далъ ему знать, что онъ можетъ взять ее съ собою. Съ этимъ оружіемъ Венгерецъ ушелъ въ башню, а Зигендорфъ заперъ за нимъ дверь и подошелъ къ своему сыну, который сползалъ сложивъ на груди руки и глядѣлъ внизъ. «Это хорошо, что

онъ разскажалъ вамъ свою исторію,» сказалъ Конрадъ отцу; «но теперь, надобно положить на него вѣчное молчаніе, единожды навсегда. Все что онъ разсказывалъ, правда.» Видя какое ужасное дѣйствіе произвели на отца эти слова, Конрадъ прибавилъ: «Можно-ли было вамъ не понять этого съ самаго начала и быть такъ слабымъ, что даже не стараться узнать истины. Всякой, кромѣ васъ, ясно понялъ-бы ее при упренней встрѣчѣ нашей въ саду.»

— Чудовище! вскричалъ Зигендорфъ внѣ себя. «Отецъ!» прервалъ его Конрадъ съ дикимъ, угрожающимъ выраженіемъ: «теперь не время намъ ссориться. Во всемъ, что я сдѣлалъ, я слѣдовалъ вашимъ правиламъ и вашему примѣру. Вы научили меня, что случай оправдываетъ пресшупленіе, что золото можетъ быть положено на однѣ вѣсы съ честью. Вы погубили меня, бросивъ въ міръ съ пятномъ незаконности, и вы причиною, что я не могъ открыто проповѣдаться Штраленгейму. Я только довершилъ то, что вы начали. Одному изъ трехъ должно было пасть въ бездну: я бросилъ туда Штраленгейма, но вы приготовили мнѣ путь и теперь я покажу вамъ, какимъ образомъ можемъ мы спастиъ оба.»

Зигендорфъ не могъ произнести ни одного слова. Знаками приказывалъ онъ своему сыну удалиться, но тотъ сказалъ: «Намъ нѣчего разсказывать другъ другу, да

ничего и скрываются. Надобно какъ нибудь освободиться изъ этого омутъ. Въ моей власти есть надежные люди: они даже въ нашемъ домѣ. Только храните свою спайну: прибавилъ онъ выразительно взглянувъ на дверь, въ которую вышелъ Венгерецъ; — а ужь мое дѣло избавить васъ отъ него безъ всякой вашей помощи. Сказавъ сіи слова, Конрадъ удалился.

Зигендорфъ понялъ, что жизнь Венгерца теперь въ рукахъ Конрада, имѣвшаго у себя ключъ отъ башни. Зигендорфъ навсегда лишился благополучія въ здѣшнемъ мѣрѣ, но чувство чести не спало ему чуждо. Венгерецъ вверился его покровительству и онъ рѣшился избавить его, во что бы то ни стало. Для этого, надобно было дать ему средства уйдти немедленно. Съ великодушнымъ желаніемъ его, спасти Венгерца, соединялась, въ темныхъ ощущеніяхъ, и надежда купить его молчаніе.

Рѣшившись, онъ потчасъ содралъ съ своей шляпы брилліаншовую пеплицу и пошелъ въ башню.

Венгерецъ былъ запертъ въ башнѣ очень немного времени, но безпокойство его объ окончаніи этого дѣла увеличилось. Онъ видѣлъ опцовское чувство, побуждающее всякую увѣренность; онъ начиналъ бояться, что слабостъ Зигендорфа послужитъ орудіемъ для его сына и что оба они соединяясь на его погибель.

Графъ могъ-бы договориться съ Венгерцомъ, на какихъ условіяхъ: избавить его, но смущеніе и лоспѣшность мѣшали этому: онъ славкомъ боялся, чѣобы въ домѣ его не совершилось убійство челоузка, отдавагося подъ его защиту, и не хотѣлъ терять ни одной минуты въ переговорахъ.

Зигендорфа нашли въ башнѣ; безъ чувствъ: брилліанты, украшавшія платье его, были сняты и все заключили, что они украдены. Во все стороны посланы были погони за Венгерцомъ, но его нигдѣ не могли найти. Зигендорфъ лишился чувствъ отъ ужасныхъ, душевныхъ движеній и пришедши въ себя, не огорчался, что не понимали причины его обморока. Одинъ Конрадъ угадалъ все и немедленно осматривалъ замокъ своего родителя.

Несчастливая Жозефина скоро спала догадывавшаяся о настоящемъ ходѣ происшествій, когда увидѣла, что мужъ ея не могъ объяснить ей отсутствія Конрада и самъ чахъ подъ игомъ горести, не открывая ей причины своего сраданія. Скоро здоровье Зигендорфа, казалось, разрушено было въ основаніи. Онъ явно шаялъ. Угрызенія совѣсти не давали ему покоя. Все любимыя предметы и удовольствія потеряли для него свою прелесть. Разстроенное здоровье не позволяло ему болѣе наслаждаться самыми пріятными развлеченіями. Голосъ Жозефины, прежній утѣшитель его,

не заспавляла уже его забыванье спрэдана и скуки. Върная, преданная подруга не могла болѣе утѣшить его надеждами на будущее. Ни одна усладительная мысль не могла проникнуть въ это сердце, исполненное горести, и даже маленькій Марцеллинь, роскошное, разцвѣщающее дитя, представляла его больному воображенію одни испытанія несчастія и новыя свѣдѣнія необузданности.

Среди такого глубокаго несчастія, Жозефина въ самой себѣ находила утѣшеніе и причины къ надеждѣ. Совершенная чистота ея намѣреній, ея прекрасное сердце и счастливое расположеніе, еще представляли ей усладительную будущность въ развивавшемся младшемъ ея сынѣ; особенно-же утѣшалась она за него и за себя тѣмъ, что небесныя награды ожидаютъ исполнившихъ свои земныя обязанности. Она находилась въ состояніи благочестивой покорности, имѣвшемъ свои наслажденія.

Прошло много времени и Зигендорфъ не имѣлъ никакихъ извѣстій о своемъ сынѣ. Онъ соображалъ свѣдѣнія, собранныя изъ бумагъ отца, съ показаніями Венгерца и болѣе и болѣе увѣрялся въ печальной истинѣ, что сынъ его, предметъ столькихъ спараній и сожалѣній, былъ чудовище, безчестившее человѣчество; но между тѣмъ онъ не могъ удержаться себя отъ изысканій о его участи.

На границахъ Богеміи появилось множество разбойниковъ: Сенапъ послалъ опрѣдъ войскъ преслѣдовать ихъ: они были истреблены врасплохъ, окружены, дрались опчаянно и — Конрадъ найденъ въ иждѣ убитымъ. Его можно было узнать по высокому росту и гордому виду, попорымъ онъ отличался отъ другихъ; женить, командовавшій опрѣдомъ, упомянулъ о немъ въ своемъ донесеніи Сенапу. Это извѣстіе было смертельнымъ ударомъ для Зигендорфа.

Онъ быстрами шагами приближался къ смерти; злая чихотка скоро угасила въ немъ послѣднюю искру жизни. Нежная, милая Жозефина улаждала послѣдніе, болѣзненные минуты его некренного привязанностью и преданностью. Онъ умеръ вѣрока восьми лѣтъ, обладая немалыми познаніями и богатымъ умомъ, некогда емошь болѣзавшими, его; но удрызевія совѣсти обратили ихъ для него въ ядъ: онъ не могъ наслаждаться ими. Печальный, но благодѣтельный примѣръ людямъ, еще колеблющимся между личною пользою и обязанностию, между надеждами и страстями и долсомъ совѣсти.

И. С М Ъ С Б.

Извѣстіе для любителей Музыки.

Исполняемъ сдѣланное намъ препорученіе, уведомляя о появленіи весьма полезнаго сочиненія. Г-нъ Козловскій, Польскій музыкантъ и ученикъ Филарда, на время приѣзжавшій въ Москву, сообщилъ намъ печатную программу книги, которую въ непродолжительномъ времени онъ выдаспъ въ свѣтъ, на Французскомъ языкѣ, подъ названіемъ: *Méthode pratique pour le piano-forte, conduisant progressivement des premiers élémens, aux plus grandes difficultés; avec un dictionnaire des termes techniques les plus usités, et des différentes inventions musicales, arrangées d'après les ouvrages des plus célèbres compositeurs* (*Практическая метода для фортепiano, руководствующая постепенно отъ первыхъ основаній до самыяшнихъ трудностей, съ присовокупленіемъ Словаря техническихъ употребительнѣйшихъ словъ и проч., составленная по сочиненіямъ самыяшнихъ композитёровъ*). Все сочиненіе Г-на К. будетъ состоять изъ *шестя* тетрадей, которыя будутъ выходить каждый мѣсяцъ, со времени изданія первой тетради. Въ Россіи, какъ говоритъ Г-нъ К., въ это время, когда поспешенный ходъ наукъ и искусствъ такъ увеличивается, вкусъ къ музыкѣ сдѣлался также всеобщимъ, и уже въ ошечествѣ нашемъ мы видимъ ошличныхъ музыкантовъ и композитёровъ. Но для развитія рождающихся дарованій ювошества, у насъ недостаетъ еще *элементарнаго* руководства къ изученію музыки, способныхъ

искорять и облегчить успѣхи учащихъ. Говоря объ исполненіи музыкальномъ, Г-нь К. прибавляетъ: Новѣйшимъ, и особенно современникамъ нашимъ, предостановлено было возвести сію часть музык. искусства до высочайшей степени совершенства. Но съ величеніемъ совершенства спала чувствительнѣе потребность методъ для школъ, посредствомъ коихъ можно бы было приобрести ловкость въ исполненіи и вкусъ. Изъ всѣхъ сочиненій, касательно его предмета, болѣе другихъ заслуживаетъ похвалы изд. Маркизою Моншжеру. Въ немъ шолько тѣ неудобства, что оно слишкомъ огромно и многоможно для учениковъ. Рѣшаясь издать мою методу, я бралъ матеріалы, какъ изъ книги Г-жи Моншжеру, такъ и изъ сочиненій Г-дѣ Фльда, Гуммера, Миллера и К. Черни, воспользовался также уроками Г-на Фльда. Извѣстно, что сей знаменитый музыкантъ, столь-же великій композиторъ, такъ и виртуозъ, составлялъ удивительно-легкую систему расположенія пальцевъ (*système de doigts*) и ввелъ въ употребленіе совершенно оригинальный и неизвѣстный до него образъ исполненія.

Посвящая свое сочиненіе *aux dames de Moscou, protectrices éclairées des beaux arts*, Г. Козловскій раздѣляетъ его на 12 главъ. По расположенію ихъ программъ можно замѣтить вѣрную и строгую заботу его и надѣяться, что исполненіе труда этого будетъ Авшоромъ произведено хорошо и оптимистично (*).

*) Подписка принимается въ магазинѣ Ленгольда, на Ильинкѣ; въ С. Пбургѣ у Пеца; въ Варшавѣ у Гликсберга и въ Вильнѣ у Юсифа Завадскаго. Цѣна на подписку 25 руб. асс.

Всего лучше за искусство Г-на Козовскаго въ обученіи музыкѣ можетъ быть речательствомъ юный его ученикъ, призжавшій съ нимъ въ Москву, *Францискъ Лопата*. Нѣсколько разъ слышали мы игру Лопаты на фортепіано, и кажется смѣло можемъ выставить нашего соотечественника противъ Апуля и Листа, дѣшей - виртуозовъ, удивлявшихъ Парижскую и Лондонскую публику. Лопата десять лѣтъ; но слушая игру его не вѣрится, чтобы такіе очаровательные, прекрасные звуки, рождались подъ руками дитяши. Отъ него многого можно ожидать. Не принимая на себя вида знапоковъ въ музыкѣ, мы скажемъ чинапелямъ нашимъ, что говоримъ съ общаго голоса многихъ знапоковъ, слушавшихъ Лопату съ удивленіемъ и удовольствіемъ. Физиогномикъ, посмотрѣвъ на него, сказаль-бы, что самое лицо его доказываетъ сильный талантъ. Большіе, исполненные огня глаза и умный видъ его говорятъ убѣдительно. Онъ самъ пишетъ уже небольшія пьесы музыкальныя. *Вальсъ*, имъ составленный и посвященный Графинѣ Полюцкой, ошличается какою-то милою веселостію. Пожелаемъ, чтобы въ свое время Лопата былъ такимъ-же великимъ художникомъ, каковъ въ наше время неподражаемый Фильдъ.

Журналистика

Съ нѣкотораго времени издается въ Одессѣ Журналъ, на Французскомъ языкѣ, подъ названіемъ *Journal d'Odessa*. Съ нынѣшняго 1827 года Издателя сдѣлали въ сей газетѣ преобразование, чрезъ которое она стала гораздо занимательнѣе и любопытнѣе, чѣмъ въ прежніе годы. Газета сія выходитъ, какъ и прежде, по середамъ и субботамъ, но не въ 4-ку, а въ поллиста, и печатается на хорошей бумагѣ, четкими буквами. Каждый номеръ (состоящій изъ 4-хъ страницъ) раздѣляется на два столбца; изъ которыхъ въ первомъ печатающіяся извѣстія на Французскомъ языкѣ, а во второмъ на Русскомъ. Иногда статьи на Французскомъ языкѣ печатается въ томъ-же номерѣ въ переводѣ на Русскомъ, но большею частію статьи помѣщаются разныя. Со времени преобразованія сей газеты, въ ней находимъ, кромѣ политическихъ, коммерческихъ и археологическихъ извѣстій, статьи объ Одесскомъ театрѣ, о Литтературѣ, и проч. Въ 27 и 28 No Одесскаго Вѣстника напечатана, на Французскомъ языкѣ, критическая статья, написанная Французомъ, о переводѣ нѣкоторыхъ Русскихъ стихотвореній, вышедшихъ въ Парижѣ, подъ названіемъ: *Veillées Russes, par Héguin de Guerle*. Критикъ, подписавшійся буквами L—R—у, весьма недоволенъ, какъ посредственнымъ переводомъ, такъ и неумѣстными похвалами, воспѣтыми переводчику нѣкоторыми Парижскими журналами. Попомъ сравниваетъ Золу Арфу, Жуковского, съ переводомъ Парижанина, и рѣшишельно утверждаетъ, что Пе-

реводчикъ не только не передалъ красоты и выра-
 жений Русскаго Поэта, но совершенно ихъ обезо-
 бразилъ. «Похвально-ли,» прибавляетъ критикъ,
 «употребляшь во зло доверіе читателей, до такой
 степени, чтобы свои стихи выдавать за произве-
 деніе переводимаго Автора? Видно, что перевод-
 чикъ не понимаетъ Русскаго языка, или не хочешь
 него понимать. Во всей Балладѣ не нашелъ я ни
 одной строфы, которая бы имѣла малѣйшее сход-
 ство съ Русскимъ подлинникомъ.» *Светлана* пере-
 ведена также весьма неудачно. По мнѣнію Критика,
 Г-ну Переводчику приличнѣе было-бы назвать свою
 книгу: *Mes rêveries sur la Littérature Russe*. Станетъ
 кончатся упреками одному изъ Парижскихъ журна-
 довъ за то, что онъ превозноситъ весьма посред-
 ственный переподъ *Оды Державина, На смерть*
Мещерскаго, и утверждетъ, что Г. Héguin de Guéle
 въ переводѣ своемъ отличился смѣлымъ стихотво-
 рствомъ и далъ новый блескъ *Музѣ Русскаго Поэта*.
 Видишь-ли Г. Редакторъ Парижскаго журнала (го-
 воритъ Критикъ) «что за Ода Державина? Знаешь-
 ли онъ, что подобно вдохновеннымъ произведеніямъ
 нашего Дриика, Клопштока, Попе, эта Ода есть
 одна изъ основъ, на которыхъ утверждено зданіе
 Литературной славы народа? *Ода на смерть*
Мещерскаго можешь выдержать сравненіе со всѣмъ
 эпикомъ, что только Музы древности и новѣйшихъ
 временъ произвели изящнѣйшаго.» По дѣломъ
 Французскій Критикъ *Одесскаго Вѣстника* не
 доволенъ эпикомъ Французскимъ переводомъ Русскихъ
 стихотвореній! Видно, что Г. Héguin de Guéle,
 въ подражаніе Г-ну Сень-Мору, не зная, какъ и
 сей послѣдній, Русскаго языка, переводилъ на обумъ

на пропало. Непонятно, какъ Парижскіе Журналы могутъ хвалить такіе переводы, особливо те нѣтъ возможности цѣнить достоинство подлинника. Въ *Journal de St. Pétersbourg* (1827 г. № 22) напечатана похвала книгѣ Г. Héguin-de-Guerle, замѣшанная изъ того-же самаго Парижскаго Журнала, коего сужденія опровергнулъ Рецензентъ *Одесскаго Вѣстника*. Въ С.Петербургскомъ Журналѣ прибавлено еще слѣдующее: «Книга, изданная недавно въ Парижѣ подъ названіемъ: *Veillées Russes par Héguin de Guerle*, есть дань уваженія отъ лестная (un hommage trop flatteur) для Новскихъ Музъ, что намъ не лзя не поспѣшить извѣщеніемъ о ней нашихъ читателей.» — Не думаемъ чтобы Русскимъ познать очень было лестно имѣть такихъ переводчиковъ, каковъ Г. Héguin de Guerle! Въ № 37 Сѣверной Пчелы находится бѣглая статья объ *Одесскомъ Вѣстникѣ*. Издатели, называя его новымъ изданіемъ, не знаютъ, кажется, значенія сего слова, не смотря на то, что сами безпрестанно укоряютъ другихъ журналистовъ въ незнаніи того-сего. Когда книга, разъ уже напечатанная, печатается во второй, третій или четвертый разъ, тогда изданіе это называется новымъ изданіемъ. Такъ на примѣръ, когда въ 1818 году вышло второе изданіе *Исторіи Карамзина*, то это было новое изданіе *Исторіи*. Если когда нибудь напечатается опять *Опытъ краткой Исторіи Русской Литтературы*, то можно будетъ сказать, что это новое изданіе, и если въ семъ новомъ изданіи исправлены будутъ ошибки и несообразности, дополнены пропуски, согласено вродиворѣчіе въ сужденіяхъ, тогда на заглавномъ листкѣ,

къ словамъ; новое изданіе, можно будетъ прибавить: исправленное и дополненное. *Одесскій Вѣстникъ* не печатается новымъ изданіемъ. Изданіе этого Журнала продолжается, какъ и прежде, только съ переменною формаца и въкороткими другими. Иначе, и про *Пчелу* 1827. года можно будетъ сказать: новое изданіе. Но кажется, что и старого подписчикамъ довольно. Издатели *С. Пчелы* уверяють еще, что *Одесскій Вѣстникъ* выходитъ въ листъ: несправедливо! Форматъ *Одесскаго Вѣстника*, также какъ и форматъ *Сѣверной Пчелы*, *Звѣзды* (Егоце, паучей звѣзды, на которую мало смотряць въ Парижѣ, Сѣверная Пчела глядишь какъ на свое пушеводильное свѣшло) и прочихъ газетъ, есть подлиста. Сложите подлиста вдвое, выйдеть 4-ка; сложите 4-ку, выйдеть 8-ка, и шакъ далѣе. А форматъ въ листъ ровно вдвое болѣе формата *Одесскаго Вѣстника* и *Сѣверной Пчелы*. Издатели *Пчелы* хваляшь сужденія о театръ, помѣщаемыя въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*, и перепечатають ихъ въ свою Газету. Не видяся-ли теперь случай напомнить имъ, что, они въ объявленіи своемъ обѣщали помѣщать изрѣстія о Петербургскомъ театръ, и что ничего подобнаго не найдешь въ ихъ Газетѣ. Издателямъ нравится также, что *Одесскій Вѣстникъ* печатается прекрасными буквами: не художимъ, продолжать этому примѣру. Многіе нумера *Пчелы* печатаются очень небрежно, дурными чернилами, и избитыми буквами. Библиографическая статья *Пчелы* объ *Одесскомъ Вѣстникѣ* весьма коротка и недоспашочна. Въ *Книжномъ Репертѣ*, печатаемомъ въ концѣ каждой книжки *Сына Отечества* подъ важнымъ и

замышленным заглавием **СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ БИБЛИОГРАФИИ**, конечно будетъ упоминаемо и объ *Одесскомъ Вѣстникѣ*, съ отсылкою читателя къ *Сѣверной Пчелѣ*. Не думаемъ, чтобы прилично было дѣлать подобныя ссылки. Во первыхъ, потому, что не всякій подписчикъ *Сына Отечества* получаетъ *Сѣверную Пчелу*; во вторыхъ, что библиографическія статьи *С. Пчелы* не суть критическія, подробные разборы, къ которымъ можно бы прибѣгнуть съ пользою, а просто, наскоро сочиненныя газетныя объявленія, изъ которыхъ невозможно получить истиннаго, удовлетворительнаго понятія о книгѣ. Лучше бы Издавателямъ сдѣлать о тщательномъ обработываніи критическихъ своихъ статей, чѣмъ терять время на сочиненіе тяжелыхъ и бесполезныхъ Антикристикъ. Читателямъ *Телеграфа* извѣстно, сколько мѣста занимаетъ *Журналистика*: напрошивъ, въ одномъ 6-мъ номерѣ *Сына Отечества*, 1827 года, посвящено подшора листа, т. е. двадцать четыре страницы *Анти-Журналистикѣ*, въ которой досталось и *Телеграфу*, и *Геро*, и *Revue Encyclopédique*, словомъ: никому не было пощады (*).

* * *

Благонамѣренный, явившійся въ 1818 году на литературномъ горизонтѣ, исчезъ въ концѣ 1826 года. Кажется, что въ нынѣшнемъ 1827 году не выдашь намъ болѣе сего необыкновеннаго литературнаго явленія. За 1824 годъ недодано подписчикамъ двѣ книжки (№ 23 и 24). За 1825 годъ не

(*) Статья присланная. Ж. С.

додано двѣнадцать книжекъ (№ 41—52). За 1826 годъ не додано также двѣнадцать книжекъ (№ 13—24). Всего въ долгу за Издашелемъ двадцать шесть книжекъ. Не известно, скоро-ли онъ поквишается. Последняя изъ вышедшихъ книжекъ *Благонамѣреннаго* была за *Іюнь* мѣсяць 1826 года и вышла 19-го *Октября*. Прекращеніе сего журнала есть до сихъ поръ одно только *намѣреніе*, но столь *благое*, что не льзя не пожелать ему исполненія.

Конечно, немногимъ читателямъ журналовъ известно, что значить, по Словарю Издашелей *Сына Отечества*, *Сѣвернаго Архива* и *Сѣверной Пчелы*, вновь обратить вниманіе публки. Вотъ объясненіе: въ *Литтературныхъ Листкахъ* 1823 и 1824 годовъ, обращено было вниманіе публки на *Отечественныя Записки*, конхъ Издашелемъ училичаи въ незнаніи Исторіи, Географіи и Правописанія (*Лит. Листки* 1824 № 21 и 22, стр. 106). Въ *Сѣверной Пчелѣ* 1825 года (№ 133) вновь обращено вниманіе публки на Издашелемъ *Отечественныхъ Записокъ*, который названъ *Измаскателемъ Отечественныхъ древностей*, и коего стапшы, пенравившіися прежде Издашелемъ *трехъ* уомянушыхъ выше журналовъ, стали печататься въ *Сѣверной Пчелѣ* (1825 № 110 и слѣд.). Въ *Сынѣ Отечества* 1817 года (№ 4, стр. 159) объявлено было о *наблюдательномъ духѣ* и *простомъ, пріятномъ слога* Г. Свинына; а въ 1825 году, въ *Журналѣ*, издаваемомъ тѣмъ-же самымъ Издашелемъ *Сына Отечества*, Гг. Издашелемъ *обратили* вновь *вниманіе* публки на труды Г. Свинына, говоря,

но Г. Свильяпу стыдно не знать Грамматики Св. Архивъ 1825 No 5, стр. 286). Подобныхъ метеорологическихъ наблюдений можно составить очень много изъ мнѣвій Гг. Булгарина и Грегга.

»Иной такъ пишешь, какъ подумаешь.»

Ограничимся теперь наблюдениемъ, сдѣланнымъ недавно; въ Январѣ мѣсяцѣ сего года. Чтобы читатели могли удобнѣе сравнить измѣненія температуры, выписки приложены одна воздѣ другой: онѣ объясняютъ, что значить у Г. Г. Издашелей: *снова обратитъ вниманіе публики.*

Северный Архивъ, издаваемый О. Булгаринъ.

1823, No 5, Часть V. стран. 414.

Дѣтскій Музеумъ Естественной Исторіи, съ картинками. Мудрено выгугиться Естественной Исторіи изъ отрывистыхъ описаній и отдѣльныхъ изображеній козявокъ и пшичекъ. Сочиненіе сіе не представляетъ никакого систематическаго изложенія, ниже связи; оно можетъ только быть полезнымъ своими рисунками при истолкованіи дѣтямъ естественныхъ произведеній по другому систематическому сочиненію.

Сынъ Отечества, издаваемый Николаемъ Греггомъ и Фаддеемъ Булгаринъ.

1827. No, 2 Часть CXI, стран. 212:

Дѣтскій Музеумъ, или Собраніе (и проч.) С. П. б. 1827, въ тип. Ив. Глазунова, въ 4. л. — Считаемъ обязанностию снова обратитъ вниманіе публики отечественной на сіе общепольное изданіе, которое подъ скромнымъ заглавіемъ дѣтской книги, заключаетъ въ себѣ изображенія и описанія предметовъ Естественной Исторіи, достойныя вниманія и взрослыхъ любителей сей науки.

По Русской пословицѣ ашо — на недѣль семь пятницъ : подѣ снмъ заглавіемъ напечатано въ *Северныхъ Цвѣтахъ*, на 1826 годѣ, стихотвореніе, въ котораго шеперь (да и всегда) късцаша напоминать слѣдующую шпрофу :

Устроишь флюгеръ изъ пера,
 Иной такъ пишешь, какъ подуетъ ;
 У шѣкъ, на конхъ вралъ вчера,
 Сегодня ножки онъ цѣлуешь.
 Флюгаринъ, иль Фигляринъ, шощь
 Набилъ ужь руку въ эшомъ дѣль :
 Онъ и семь совѣшей сочѣшь,
 Да и семь пятницъ на недѣль.

И такъ, по Словарю, въ началѣ упомянутому, вновь обратить вниманіе публики, значить : похвалить во второмъ объявленіи то, что порицаемо было въ первомъ объявленіи, и на оборотъ. Понимаемъ (*) !

(*) Смаша присланная. Ж. С.

Драйденъ давно сказалъ :

Errors, like straws, upon the surface flow ;

Но есть-же люди, которые ловятъ такіа соломенки въ Литтературѣ; ради опечатки, находящей въ книгѣ и готовы шарубить, когда поймутъ словечко не въ смыу кодекса кавыкъ и препинаній. Какъ ни малы труды подобныхъ ловителей, но они могли-бъ быть полезны, если-бы ловцы сомонокъ не слишкомъ дорожили своими потмиками.

Когда-то въ Телеграфѣ (еще въ 1825 году) нашелъ Г-нъ Булгаринъ или Г-нъ Гречъ (право не помнимъ) ошибочно напечатанное слово: gris-poussière. Сколько было радости! Это слово сдѣлалось девизомъ Сына Опечества, и всегда при нападеніяхъ на Телеграфъ, въ рядахъ нападающихъ громко раздавалось: *Грипусье! Грипусье!* Потомъ это слово олицетворили, заставили писать нисѣма въ Северную Пчелу; потомъ перешло оно въ Вѣстникъ Европы, и наконецъ, по закону шягошѣнія, явилось въ *Дамскомъ Журналь*. Въ 9-й книжкѣ Дамскаго Журнала, сего 1827 г., Издатель поржешвенно объявляетъ о *новой опечаткѣ*, опыскацной цмъ въ Телеграфѣ. Въ № 6 Телеграфа, на стр. 101, въ строкѣ 18, вмѣсто *a*, должно бытъ *as*. Телеграфъ виноватъ: ошибка, опечатка!!—И издатель Дамскаго Журнала съ поржешствомъ повтораещъ извѣстичный уже клякъ нападенія: *Грипусье! Грипусье!* Какъ жестоко поразилъ онъ чувствительное сердце Издацелъ Телеграфа.

Будьте снисходительнѣе, Ваше Сіятельство!
Вы, еще въ 1817 г., сказавшіи намъ, что даже не-

учтиво въ большомъ свѣтѣ говорить по-Русски (*); вы, у котораго Аглия *развила чувства души* (**); вы, плакавшій надъ строгою рецензiею (***)! знаете ли, что при всемъ глубокомъ знанiи Французскаго языка, вы въ двѣнадцать разъ болѣе проглядываете ошибку противъ него въ вашемъ *Дамскомъ Журналѣ* . . . «Какъ, даже и въ *Дамскомъ Журналѣ*?» — *Даже!!* Развертываю вашу 9-ю книжку. Вотъ ошибка, которая въ одной книжкѣ сдѣлала вы противъ Французскаго языка, *спускала* только въ Французскаго Журнала, читайте:

Дамск. Жур. 1827. No 9.

Стр. 176.

1) qui y avait	вмѣсто:	<i>qu' y avait</i>
2) indroduits	_____	<i>introduits</i>
3) sansibilité	_____	<i>sensibilité</i>
4) a fait	_____	<i>a faits</i>
5) Châteaubrian	_____	<i>Châteaubriand</i>
6) épouques	_____	<i>époques</i>
7) de puis	_____	<i>depuis</i>

Стр. 177.

8) plusieurs	_____	<i>plusieurs</i>
9) d' analiser	_____	<i>d' analyses</i>
10) 54 livraison	_____	<i>54 livraisons</i>
11) poesies	_____	<i>poésies</i>
12) vingt-quatre	_____	<i>vingt-quatre</i>

(*) Соч. К. П. Я. Шапкова, т. 1, стр. 9.

(**) Соч. Кн. Шапкова, т. 1, стр. 132.

(***) Соч. Кн. Шапкова. „Скажу только слово два о Общерномъ Вѣстникѣ, на который упала слеза моя . . . Слезы? Такъ точно — и самодѣлательствуюсь небомъ, что не минимал, но величественная, пламенная, сердечная . . . „Т. 1, стр. 31.

Смотря на эти ошибки сделанные вами, знающимъ Французскаго языка, *грудь моя смѣсилась грустію, не смотря, что мартевскій Май стѣлъ въ рас- творенное окошко* — СЛЕЗЫ были въ глазахъ моихъ, но не выкашывались; СЕРДЦЕ чувствовало еще тягость свою; надлежало произвести *желаемое дѣйствіе*, и горестная любовь Аделаиды и Монвида произвела его; СЛЕЗЫ полились рѣкою, СЕРДЦЕ облегчилось и я ощутилъ шихое пріятное движеніе въ чувствахъ моихъ (*). . . .

Съ вѣкотораго времени замѣчаютъ большое сходство въ духѣ, образѣ мыслей и изложеніи Сѣверной Пчелы, съ произведеніями Князя П. И. Шаликова. Мы не знаемъ, кто занимается редакціей С. Пчелы: въ объявленіяхъ видимъ имена Гг. Греча и Булгарина, но не узнаемъ ихъ, *прежнихъ* Издавателей Сына Отечества и Сѣвернаго Архива. Нынѣшняя Газета ихъ есть *воспроизведенное* (reproduit) твореніе Князя Шаликова, разумѣется, говоря не объ оффиціальной части сей Газеты: заглявши въ иностранную, литературную и *нравственную* часть (des mœurs) сей Газеты: точное судилище подь предѣдательствомъ и вліяніемъ Автора *Кофе!* Приведемъ въ доказательство вѣкоторыя черты сходства, оправдывающія это мнѣніе.

Князь Шаликовъ прославился своими *восхитительными* сцѣнками въ описаніи народныхъ увеселеній, балансеровъ, фокусниковъ и прочаго, идущаго въ сей разрядъ.

Съ Пчела также *восхищается*, когда Турниерь предсказываетъ пьянаго мужика, а Демазь из-

(*) Соч. Кн. Шаликова, т. 1. стр. 69.

дипть на деревянной старухъ, и съ равнымъ восхищеніемъ описываетъ всякаго новаго фокусника и приѣзжаго *обморозивателя*. Вездѣ въ Св. Пч. при сихъ описаніяхъ: *огарованіе*, *красивоеть*, *общее удовольствіе*, *общій восторгъ*, *общій рукоплесканіа*.

Князь Ш. описываетъ *Московскіе концерты*, какъ *зритель*; Св. Пч. тоже *слушаетъ* концерты *глазами*, какъ видно изъ описаній ея. Кн. Ш. написалъ преумную и преостроумную *Анпшжурналистику*; Издатели Св. Пч. потѣхъ за нѣмъ поспѣдовали и свое дѣло исполнили съ такимъ-же умомъ и остроуміемъ. Ихъ *Анпшжурналистика* — младшая сестра *Анпшжурналистики* Князя Шаликова.

Наконецъ, въжливый выходки противъ *Москов. Телеграфа*, не одинаковы-ли въ сущихъ Издателяхъ *Северной Пчелы* и Аптора *Последней жарты Музамъ*? Это признаки явные, такъ сказать, осязаемые; но разсмотримъ, какъ мы сказали въ началѣ сихъ замѣчаній, духъ, образъ изложенія, умоначертаніе, почву зрѣнія, съ какой глядяшъ на предметы, единомыслящіе Издатели чепырехъ журналовъ и 5-го *Дамскаго*, вы вполне увѣрились, что общее замѣчаніе справедливо. Конечно, Издатели *Пчелы* не дошли еще до той степени совершенства, какъ Князь Шаликовъ; но, надобно вспомнить, что онъ уже *лѣтъ сорокъ* трудился для Русской Литтературы, что все, совершенствоваша временемъ и — какъ знать — придетъ можетъ быть время, что изъ коммендованныхъ нами журналистовъ, *Петербургскіе* и *перенегодлютъ* *Московского*! Намъ даже сказывали нѣкоторые журнальные лазушники, что многое изъ *печатаемаго*

ь Дамскомъ Журналѣ есть сочиненіе Издателей
 Зына Ош., Сѣвер. Пчелы, Архива и Собесѣдника и
 на оборотъ, что многое изъ помѣщаемого въ семъ
 періодическомъ Конкордатѣ сообщается бываешь Со-
 директоромъ *Плодовъ свободныхъ чувствованій* и
Цветовъ Грацій, что нынѣ Издатель Дамскаго
 Журнала. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ заклю-
 ченъ тайно сей оборонительный и наступатель-
 ный союзъ. Счастливо попомство! Отъ него не
 ускользнешь разрѣшеніе загадки, которая таится
 еще нынѣ подъ мракомъ современной журнальной
 дипломатики (*).

Журнальный сыщикъ.

(*) Статья прислонная, Ж. С.

Парижскія моды (*).

Au concert donné par les frères Bohrer, quelques robes écossaises à fond rose, à fond bleu, à fond jaune, en soie, avaient des manches courtes bien bouffantes, pareilles à la robe, puis des manches longues claires, très-volumineuses, bâties autour de l'entournure même, en tulle, en crêpe, en gaze; mais au lieu d'être blanches, ces manches étaient de la couleur du fond des carreaux.

Il y avait des mantilles, des demi-mantilles et de doubles tours de gorge en blonde.

Toutes les nouvelles redingotes d'homme sont à une seule rangée de boutons et ne descendent qu'aux genoux. On voit quelques chapeaux gris: le cuir qui borde leur coiffe est violet clair.

La couleur à la mode pour les parapluies est le brun, sans liseré: le manche est en bambou chinois, et le bout de chaque baleine en coco.

Il est rare qu'un jeune homme en entrant aujourd'hui dans un salon, salue le maître; ce n'est qu'à la maîtresse qu'il rend ses devoirs, encore souvent va-t-il tout droit à l'écarté, sans s'inquiéter de ces formes usées qu'on nomme politesse.

(*) 25 Апрель 1827 года.

Въ концертѣ, данномъ братьями Борерами, замѣтили плашья изъ Шотландскихъ шелковыхъ матерій, у которыхъ клѣпки расположены по полю цвѣта розоваго, или голубаго, или желтаго. Верхніе рукавчики у сихъ платьевъ короткіе, съ множествомъ буфвъ, изъ той-же матеріи. Отъ нихъ идутъ длинныя рукава, прозрачныя, весьма широкіе и цвѣта такого, какого поле матеріи плашья (т. е. розоваго, голубаго, желтаго и проч.); они бывають шюлевые, креповые и газовые.

На нѣкоторыхъ дамахъ были блондовыя маншильи, полу-маншильи и двойныя шейныя воротники.

Модныя мужскіе сюршучки дѣлаются съ однимъ рядомъ пуговиць и короткіе до колѣна. Замѣтили сѣрыя шляпы; кожаная подкладка, внутри ихъ, цвѣта свѣтло-фіолетоваго.

Модный цвѣтъ для зонтиковъ темный; они дѣлаются безъ бахромки по краямъ. Рукоятка изъ Кишайскаго бамбука.

Входя въ залу, нынѣ, молодой человекъ рѣдко здороваеця съ хозяиномъ, а только дѣлаеть привѣтствіе хозяйкѣ, и всего чаще, идетъ прямо къ экарте, не заботясь объ изношенныхъ приличіяхъ, которыя называють вѣжливостью.

На приложенныхъ каршинкахъ :

1. Уборка волосовъ съ газовыми лентами и серебрянымъ овсомъ. Платье изъ гладкаго крепа съ тюлевыми рюшами и апласными баншиками и руладками.

2. Костюмъ Лоншанскаго гулянья. Суконный фракъ, цвѣта сженаго хлѣба, съ матовыми золотыми пуговицами. Казмировый жилетъ съ золотыми пуговицами. Брюки казмировыя, свѣтло-голубаго цвѣта. — Дѣлають и сюртуки такога цвѣта; при нихъ надѣвають сѣрыя брюки, у которыхъ широкіе чернаго бархата лампасы.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Стр.

Путешествія.

Прогулка за Днѣпромъ (окончаніе). - - - 5 ✓

Отрывокъ письма о Саксоніи (В. А. Жуковскаго). - - - - - 114 ✓

Исторія.

Завоеваніе Азова въ 1637 году (окончаніе). 20 ✓

Историческое обозрѣніе Мифологіи Сѣверныхъ народовъ Европы (соч. Ф. И. Мюле). 167 и 251 ✓

Философія.

Философія Исторія (съ Франц.). - - - 105

II. КРИТИКА.

Разборъ книгъ: *Второе дополненіе къ книгѣ о заемныхъ актахъ—Конспектъ занятій Уѣзднаго Суда—Обозрѣніе правъ и обязанностей Россійскаго Кулечества—Россійское Уголовное Право—Нов. руководство къ познанію Россійскихъ законовъ—Собраніе законовъ о наградахъ—Историч. обозрѣніе Россійск. законоположеній—Новый, Памятникъ законовъ—Полный всеобщій стрелтій* (окончаніе). 62

Dictionnaire complet Russe - Français - Allemand. *Полный Россійско-Французско-Нѣмецкій Словарь.* Изд. 2. М. 1826 г. 4 тома. 125

Sonety Adama Mickiewicza (*Сонеты Адама Мицкевича*). М. 1826 г. - - - 191 ✓

Замѣчанія на статью, помѣщенную въ № 6	
<i>Указателю открытій</i> , 1826 г.	278
✓ <i>Friedrichs von Schiller sämtliche Werke</i> (<i>Полное собраніе Сочиненій Ф. Шиллера</i>) —	
(продолженіе).	283

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская Литтература 1825, 1826 и 1827 годовъ.	85, 133, 222 и 303
Библіографическій вопросъ.	321

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

✓ Біографіи знаменитыхъ современниковъ. П. <i>Иоганнъ Волфгангъ Гёте</i> .	92
Иностранная переписка. <i>Письмо изъ Дрездена</i> .	150
Отрывки изъ Записокъ Г-на Вилльнёва.	155
<i>Рѣчь произнесенная Англійскимъ Министромъ Каннингомъ, въ засѣданіи Нижняго Парламента, 1 Марта н. с., 1827 г.</i>	325
<i>Отечественныя извѣстія</i> .	236 и 335
<i>Литтературное извѣстіе</i> .	236
<i>Иностранныя извѣстія</i> .	97 и 240
Некрологія: <i>Арманда, Августина, Людовика Коленкуръ, Герцога Витенцскій — Графа А. И. Марковъ — Н. Я. Озерецковскій — Францискъ Александръ Фридерикъ, Герцогъ де-Ла-Рошфуко-Ліанкуръ — Василій Павловичъ Рязенко</i> .	102, 158, 244 и 336

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Стр.

Стихотворенія.

<u>Вяземскаго Князя П. А.</u> —	Теперьмнѣ недосугъ. 6
	Е. А. К. (II) въ Аль- божь. - - 153
Глинки <i>Θ. Н.</i> —	Вечерь ранней вес- ны. - - - 109
Лебедской <i>Е.</i> ... —	Дамскій зонтикъ. —
Муравьева <i>А.</i> ... —	Хоры Перуну. - 154
Пшки. <i>В. Л.</i> —	На кончину **. - 8
Ранга <i>С. Е.</i> —	Пѣснь Мирзы (съ Ишал.). - - - 50
	Лалла - Рукъ. - 3
	Къ Н. Н. (при по- сылкѣ портрета). 49
	Посланіе къ... 105
	Ошибка врача (изъ Ж. Б. Руссо). - 51
	На кончину ***. 157

Проза.

Очки (соч. Графа Сегюра). - - -	9
Крюцнеръ (повѣсть Генріэтты Ли). 51, 110 и 157	✓

II. С М Ъ С Ъ.

Журнал истика. - - -	39, 76, 143 и 189
Выдержки изъ записной книжки (Кн. П. А. Вяземскаго). - - -	70
Извѣстіе для любительей музыки. - -	186
Парижскія моды (на Французскомъ и Рус- скомъ языкахъ). - -	46, 82, 150 и 202

Къ сей части принадлежать: *шесть* каршинокъ
Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ и *портретъ*
Гёте

gal
2

APR 21 1931

Digitized by Google

